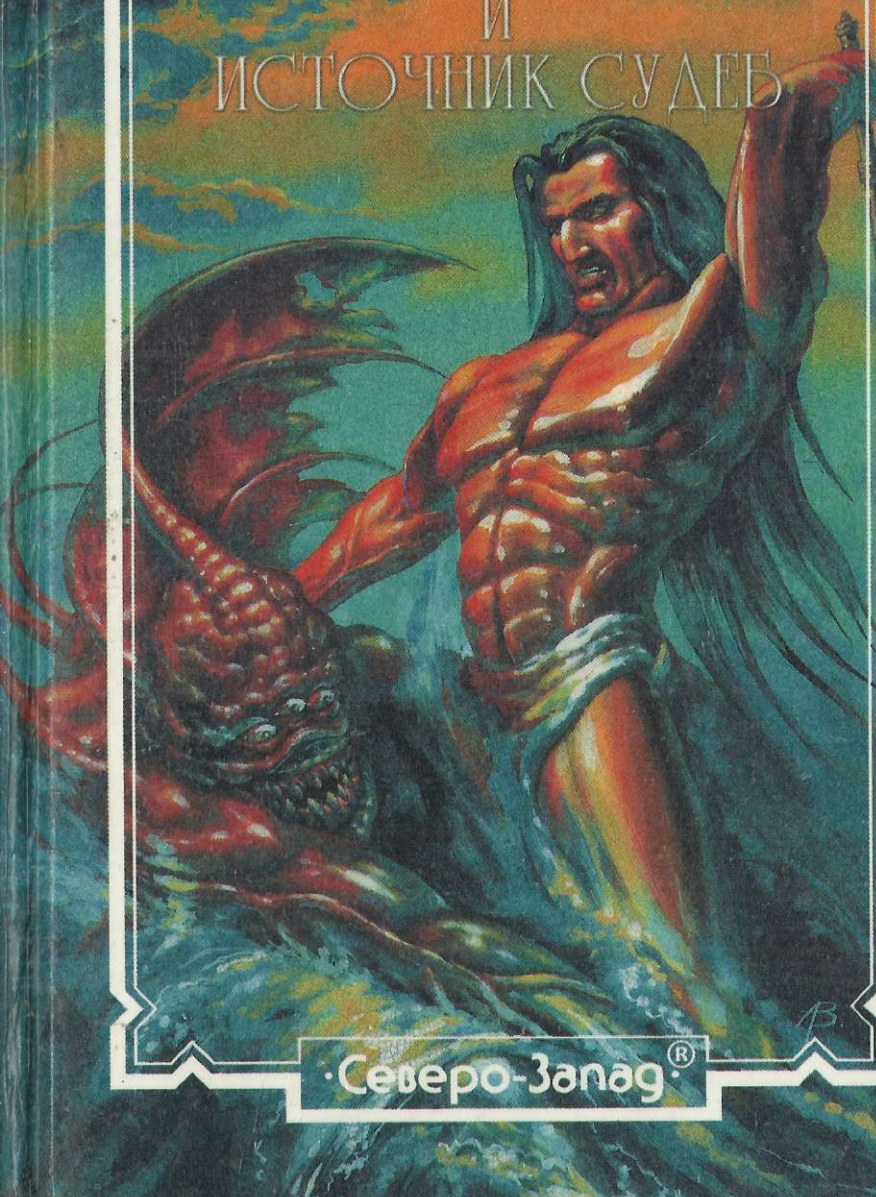

КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ

Северо-Занэг®

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ТОМЕ

"КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА"

**УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ,
РЕЛИГИЙ И ОБЫЧАЕВ
МИРА КОНАНА-ВАРВАРА**

„ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ„

**АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ВСЕХ БОГОВ И ГЕРОЕВ**

„САГИ О КОНАНЕ„

**ПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ КИММЕРИЙЦА,
ПОДРОБНЫЕ КАРТЫ
ХАЙБОРИЙСКОГО МИРА
И МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА
РОБЕРТА ГОВАРДА**

ВОЙДИ В МИР КОНАНА!

РЕМНИК

КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ

Санкт - Петербург
"ТРОЛЬ"
1996

Конан и Источник Судеб: Роман. — СПб.: «Троль»,
1996. — 480 с.

ISBN 5—87365—029—2

- © К. Леннард, 1996.
- © М. Мэнсон, 1996.
- © Н. Баулина, перевод, 1996.
- © А. Аriskин, обложка, 1996.
- © А. Ширкин, шмуцы, 1996.
- © «Троль», составление и подготовка текста, 1996.
- © «Северо-Запад», Серийное оформление обложки
и форзаца, 1996.

КАПИЩЕ ТРЕГЛАВА

Кульрик держал свои племена,
Кульрик — великий вождь!
Семитха держал свои племена,
Семитха — великий вождь!
А их молодая сестра Баннута
В ясное небо ушла.
Кульрик пожертвовал чресла свои,
Кульрик — великий вождь!
Семитха пожертвовал кровь свою,
Семитха — великий вождь!
А их молодая сестра Баннута
Стала вечерней звездой.
Кульрик остался в песнях племен,
Кульрик — великий вождь!
Семитха остался в песнях племен,
Семитха — великий вождь!
А их молодая сестра Баннута
Смотрит на нас с небес.

Песня племени Баннута

Глава 1. ЗОВ ПЕРАКРАСА

За ним гнались всю ночь.
Гибкое полуобнаженное тело мальчика, Потерявшего Имя, несло между колючих ветвей, босые ноги уверенно отыскивали просветы среди коряг, кочки болотин, выступавшие над водой окатыши ручьев и нешироких речек. Темнота ночи не была ему помехой: сколько он себя помнил, малейшего отблеска лунного света хватало, чтобы безошибочно угадывать предметы. Если луны не было — выручал бледный свет далеких звезд. Даже сейчас, когда небо скрывали облака и мелкий холодный дождь обволакивал тело скользкой водяной пленкой, он ни разу не наколот ногу, прыгая, словно заяц, среди подлеска или пробираясь по каменистым осыпям, не ушибся, хотя и падал не раз, не распорол кожу об острые сучья. Он не боялся Ночи, хотя и мечтал о пристанище и отдыхе, о конце этой затянувшейся погони, о свете дня.

Несколько раз он слышал поблизости звериный рык и тогда застывал с грацией лесного зверька, оглядываясь и быстро соображая: стоит ли нырнуть под куст и затаиться, или вскарабкаться на дерево, доверившись спасительной гуще ветвей, либо, что бывало чаще всего, свернуть по ветру, чтобы неведомый хищник лишился возможности выследить его по запаху.

Лишь однажды он ошибся, и какая-то летучая тварь неожиданно бросилась на него из тьмы кустов. Если бы он хуже знал повадки ночных летунов, то погиб бы через минуту, ибо то был беззубый нетопырь-пискун, смертельный яд которого таился в небольшом шипе на кончике хвоста. Яд лишал жертву возможности двигаться, и нетопырь спокойно мог наслаждаться теплой кровью, неторопливо высасывая ее своим длинным беззубым клювом, похожим на чудовищно увеличенный хоботок обыкновенного комара.

Упав на четвереньки, мальчик застыл неподвижно, хотя животный страх так и подмывал вскочить и броситься наутек от мерзко пищавшей гадины. Неосторожное бегство часто губило маленьких детей, которым не могли втолковать, что пискун почти слеп и различает лишь то, что движется.

Промажнувшись при первой атаке, нетопырь обиженно запищал и закружил среди ветвей, выделявая замысловатые круги и петли. Несмотря на свою подслеповатость, он отлично чувствовал препятствия и ни разу не натолкнулся на сучья.

Получив вынужденную передышку, мальчик постарался расслабить мускулы и застыл, опираясь на колени и локти. Сейчас для летучего гада он ничем не отличался от обычной коряги, которую стоит огибать во избежание неприятностей. И все же летучий хищник несколько раз пролетел так близко, что почти задел крыльями плечо беглеца.

Сердце Потерявшего Имя билось все спокойнее, дыхание выравнивалось, усталость, накопившаяся в конечностях, отступала. Он отдыхал в двух пядях от пищавшей смерти. Он был почти уверен, что спасительная цель близка, и к утру ему удастся ее достигнуть. Погоня шла по пятам, несколько раз среди деревьев даже начинали

мелькать бледные огни, но каждый раз они оставались позади — совершив маневр, беглец уходил оврагом или козьей тропой, возникавшими как раз в тот момент, когда его уже готовы были схватить.

Шестеро его товарищей, бежавших из Мужского Дома с восходом первой звезды, были уже пойманы и уведены на поляну Глотающей Пасти. Дольше всех держался Скол, его двоюродный брат. Впрочем, оказавшись за тыном Мужского Дома, он перестал быть Сколом, как и все беглецы лишился Имени и став неприкаянной тенью, несущейся среди просторов Ночи.

Его схватили в Камышовой Заводи Безымянной реки. Братья переплыли ее неторопливые, парившие туманом воды под мелким дождем, держась рядом, — так слаженно, словно один из них был пловцом, а другой его отражением. Плыли в полной тишине, лишь негромкий плеск сопровождал тела, скользящие в мерцающих струях, смывавших грязь и налипшие листья. Не сговариваясь, они направились к Камышовой Заводи, сулящей убежище более надежное, чем открытый песчаный берег. И ошиблись.

Лодка, пришедшая с севера, очевидно воспользовалась неизвестной им протокой, соединявшей заводь с излучиной Безымянной. Если бы преследователи появились из-за поворота реки и попытались настичь пловцов, двигаясь им наперерез, мальчики успели бы добраться до противоположного берега и скрыться в зарослях. Но загонщики поступили умнее: пройдя протокой, они затаились в зарослях камыша, верно рассчитав, что Потерявшие Имя попытаются скрыться в плавнях.

Когда черная тень почти бесшумно выскользнула из-за высоких стеблей и стремительно понеслась к плывущим, подгоняемая толчками шестов, братья инстинктивно бросились в разные стороны, стремясь нырнуть поглубже, в спасительный донный ил. Скол не рассчитал, и брошенная с лодки сеть накрыла его, словно пойманную рыбу. Однако он уже шел вниз, и сеть потянула за добычей и незадачливых рыбарей, не сумевших удержать равновесие в узкой лодке-однодеревке. Как обычно это делалось при плавании по узким протокам, преследовали отцепили от своего суденышка балансир, придававший однодеревкам

остойчивость на стремнинах, и последнее, что слышал Потерявший Имя, уходя глубоко под воду, был громкий плеск и невнятные ругательства посыпавшихся в воду людей.

Ожидая, пока нетопырь-пискун уберется в свои ночные дебри, мальчик мысленно благодарил своих невидимых хранителей за то, что двоюродный брат, хоть и не ушел от погони, все же задержал ее на некоторое время и позволил ему благополучно выбраться из плавней и оторваться от преследователей. Красная Звезда успела заметить опуститься к пределам земного круга, прежде чем другой отряд загонщиков обнаружил его след.

Сейчас Скол вместе с другими пойманными уже на поляне Глотающей Пасти. Ничего тут не поделаешь. Честь уйти от Ночного Гона всегда выпадает лишь одному. И то далеко не всегда.

Когда мерзкая тварь наконец улетела, жалобно оплакивая свой упущенный ужин, он проворно вскочил на ноги и продолжил бег, повинаясь неслышному зову, который все отчетливее звучал в глубине его существа.

Налетевший с севера ветер разорвал облака, обнажая небесные прогалины, на которых, словно далекие светляки, показались успевшие побледнеть звезды. Дождь перестал, среди поредевшего подлеска за клубился холодный предутренний туман. Исчезли большие деревья, и вскоре беглец оказался на пустоши, поросшей вереском и колючей травой. Босые подошвы его ног заскользили по этой живой щетине, как бы приглаживая колючую щеку великана — только так можно было здесь передвигаться, почти не снижая стремительности бега. Местность повышалась, значит, он был на верном пути, почти что у цели.

И все же коварная полуслепая тварь задержала Потерявшего Имя чуть дольше, чем нужно. Когда на фоне светлеющей полосы неба уже отчетливо затемнел высокий холм с огромным деревом на вершине, обернувшись, мальчик заметил у себя за спиной на опушке леса неяркие огни.

Теперь, когда ничто не скрывало его от преследователей, загонщики имели солидное преимущество: их легкая лыковая обувь позволяла передвигаться по пустоши быстрее босоногого беглеца. Хотя мальчик старался не за-

медлять бег, подошвы ног уже начали гореть, он все чаще ощущал болезненные уколы травы и мелких камней, и раз, поскользнувшись, неловко упал на колени, больно их оцарапав.

У подножия холма Ночные Загонщики почти настигли Потерявшего Имя. С ловкостью ящерицы мальчик принялся взбираться по песчаному откосу, цепляясь за торчащие корни и редкие кустики, сумевшие закрепиться на осыпи. Он предпочел бы обогнуть это коварное место и подняться наверх правее, где было много валунов и редко росли сосны. Но времени не оставалось: загонщики уже растягивали сеть, готовые накинуть ее на свою добычу. Склон становился все круче, песок неумолимо сползал, готовый предательски отдать беглеца в руки погони.

И все же ему снова повезло. Посреди склона, словно гнездо гигантской ласточки, прилепился огромный ком земли, соскользнувший сюда, очевидно, с края откоса. Поверху глыбы сохранилась ровная травяная площадка, посреди которой росло небольшое деревце. Добравшись до этого «гнезда», мальчик не стал здесь задерживаться, а, оттолкнувшись от ровной твердой поверхности, подпрыгнул и ухватился за торчавший почти на краю оползня корень сосны. Толчок оказался роковым для его преследователей: глыба поползла вниз, стремительно набирая скорость, и угодила точно в середину растянутой сети. Загонщики покатались по склону, увлекая за собой целую лавину песка. Это не слишком опасное падение, тем не менее, вынудило их повторить восхождение почти от самого подножия.

Мальчик слышал их досадливые крики, когда бежал среди редких низкорослых сосен. Теперь он был уверен, что победил. Зов, приведший его на Холм через мрак Ночи, превратился в мощный рокот, словно где-то в глубинах его сознания ожили сотни кожаных бил. В этом рокоте таилась вековая мощь и победная поступь существ, почти неподвластных времени. Зов все силился, заглушая другие звуки, которые так помогали юному беглецу избежать всех ночных опасностей, но, странно, это не пугало его, а успокаивало, как успокаивает шум дубравы или рокот водопадных струй.

Он знал, с чем ему предстоит столкнуться, и все же застыл в изумлении, когда, миновав резкий излом перед вершиной, очутился на ровной круглой поляне и увидел Священный Дуб. Исполинские ветви этого древнего гиганта уходили в поднебесье, и где-то там, высоко, уже трепетали на листьях сполохи еще не вставшего из своей постели Дневного Светила. Корни, не уступавшие размерами стволам упавших деревьев, местами выползли из земли, перегородив поляну, словно крепостными валами, и, хотя до основания Отца Деревьев было не менее полета стрелы, один из них плавно вздымался прямо от ног мальчика.

Испытывая священный трепет, Потерявший Имя двинулся по этой живой лестнице, ощущая босыми ногами ласковое тепло дерева и прохладу покрывавших корень мхов. Он шел медленно, не смея продолжить своей сумасшедший бег, продолжавшийся от Вечерней до Утренней звезды, хотя и понимал, что загонщики вот-вот преодолеют склон и окажутся на поляне.

А рокот уже гремел неумолчной атакой каменной лавины, вселяя трепет, а там, где корень-лестница плавно переходил в гигантский ствол, щерил деревянный зев лик Перакраса, бога лесов, вырезанный друидами в незапамятные времена, как говорили, еще до начала времен.

Загонщики показались на краю священной поляны, когда мальчик был в пяти шагах от ствола. И тоже застыли, пораженные. Все, кроме одного. Это был седобородый, крепкий еще старик, облаченный, в отличие от своих спутников, в чистые льняные одежды. Только ему разрешалось исполнить последнее действие Ночного Гона. Там, внизу, беглецам угрожали лишь сети, здесь, на вершине Священного Холма, все было по-другому. Старик поднял оболонный лук, прицелился в спину беглецу и спустил тетиву.

Стрела запела в утреннем воздухе и впиалась в щеку древесного бога, пройдя в двух пядях от левого плеча Потерявшего Имя. Священная стрела, угодная лесу, спасающему достойных и безжалостному к слабым.

Мальчик не стал больше медлить. В два прыжка он очутился возле отверзтого зева Перакраса, скрывавшего спасительное дупло. Вторая стрела глубоко вошла в вер-

хнюю древесную губу. Потерявший Имя готовился нырнуть в сырое нутро исполина, когда злобное уханье заставило его остановиться. Его привыкшие видеть в темноте глаза различили на дне дупла птичье гнездо. Прикрывая крыльями шестерых птенцов, на него злобно таращилась белошекая лесная сова.

У беглеца было несколько мгновений, прежде чем старик спустит третью, последнюю стрелу. Потерявший Имя мог бы одним движением выкинуть из дупла гнездо и броситься в спасительное чрево. Он не стал этого делать. Он просто повернулся и пошел навстречу своим преследователям, видя, как округлились глаза старика, как медленно опустил он свое священное оружие, как переглядываются одетые в сплетенные из древесных волокон одежды загонщики, как медленно и неуверенно растягивают они сеть...

Зов Перакраса, приведший его сюда, достигнув высшего предела, оборвался.

Глава 2. ДАРАМУЛУН

Если бы кто-то, способный изумляться, смог пролететь в один присест от южных до северных пределов обширной земли, называемой Пустошами Пиктов, он был бы поражен первозданной дикостью, необъятностью и мрачным очарованием этих мест.

На юге, от самого устья реки Черной, впадающей в Западное море возле славной Кордавы, тянулись непроходимые заросли, подобные настоящим джунглям, так что граница пиктских земель и Зингары терялась в чащах этого первобытного леса. Зингарцы безжалостно рубили деревья, делали просеки и строили пограничные форты, но лес наступал, соревнуясь в коварстве с пиктскими воинами: здесь часто попадались укрепления, чьи гарнизоны были вырезаны дикарями, а постройки не только разрушены, но и утонули в молодых зарослях, перевитых лианами.

Западной границей пиктских земель служила река Черная, текущая с севера, с отрогов Киммерийских гор. Боссонские топи, лежавшие в междуречье Черной и другой не менее великой реки — Громовой, служили своеобразным буфером между цивилизованным миром и пик-

тскими племенами, все еще пользующимися каменным оружием. Места это были жуткие, населенные странными и безжалостными существами, демонами и прочей нечистью, так что лишь самые отважные колонисты из великой и богатой Аквилонии, гонимые нуждой или неуемной страстью к приключениям, строили свои поселения на берегу Черной реки, в местности, называемой Конайохара. И хотя город Велитриум, давно превратившийся из пограничного форта в столицу края, держал изрядный гарнизон и отряды следопытов, поселенцы никогда не чувствовали себя в безопасности, вынужденные вести постоянную борьбу с пиктскими кланами, на чьих исконных землях они поселились.

Летающий над Пустошами Пиктов не смог бы, пожалуй, обнаружить под пологом леса, чьи кроны сплетались столь тесно, что образовывали настоящую зеленую крышу, и признака жизни. Дикари строили свои крытые тростником и листьями глинобитные хижины в местах укромных, окружали их частоколами с нанизанными человеческими черепами и деревянными идолами, подвластными чарам местных колдунов. Здесь, в древних капищах, творились кровавые обряды человеческих жертвоприношений, а некоторые кланы, как поговаривали, до сих пор практиковали людоедство.

К северу от Велитриума, в среднем течении Черной, джунгли постепенно сменялись лиственными лесами, не менее густыми и древними, населенными северными пиктами. Народ столь же дикий и угрюмый, северяне все же несколько отличались от своих южных собратьев: имели менее смуглую кожу, предпочитали в качестве украшений не птичьи перья, а ожерелья из волчьих зубов, вместо боевой раскраски использовали татуировку и не позволяли своим женщинам ходить нагишом. Было и еще одно существенное отличие, касавшееся общественного устройства. Если южные кланы постоянно воевали друг с другом, то северные признавали (правда не всегда и не все) единого Верховного Вождя, кем в ту пору был славный и могучий Деканаватха, и Верховного Жреца — друида по имени Дивиатрикс. Относительное единство позволяло северным пиктам не только успешно отражать экспансию более цивилизованных народов, но и держать на рассто-

янии южан, погрязших, с их точки зрения, в дремучем невежестве и первобытных предрассудках.

И хотя предки нынешних пиктов, приплывшие в эти земли еще до Великого Потопа с островов, лежавших где-то в Западном океане, когда-то вместе воевали против атлантов и народов, населявших материк в доисторическую эпоху, северяне считали своим родоначальником Семитху, а праотцом южан — его брата Кульрикса, которого Семитха когда-то попросту съел, дабы продлить род и не дать племени пиктов сгинуть в коленях своих.

Далее к северу лес постепенно редел, распадаясь на перелески, появлялись ели и сосны, вересковые пустоши и холмы с огромными дубами на вершинах. Здесь часто устраивались капища, посвященные богам Леса, Неба и Луны, а в священных рощах вешали на деревьях жертвы — храбрейших из врагов, попавших в руки пиктских воинов.

Тех, кто не смог убить в сражении менее пяти сынов Семитхи и все же попал в плен, ждала участь менее почетная: их забивали камнями и бросали в проклятых бесплодных местах — на поживу волкам и мерзким демонам-катишу, тощим, трусливым и вечно голодным обитателям болот. Здесь же покоились кости трусов, предателей и нарушителей священных табу из числа самих пиктов.

Одним из таких мест считалась долина Сирандол Катрейни, лежавшая среди двух скалистых стен недалеко от побережья Западного моря. Ни деревца, ни кустика, ни травинки — только щебень да бесплодная пыль. К югу находился довольно большой участок леса, по которому протекала река Безымянная, к северу, за обширными бесплодными пустошами начиналась каменная земля пограничья с Ванахеймом — царством ледяного великана Имира.

Пуща, носившая, как и река, название Безымянной, была последним форпостом гигантских девственных лесов, тянувшихся к югу, тщетной попыткой зеленого плата противостоять ледяному дыханию Имира. Деревья здесь были низкорослые, с искривленными северными ветрами стволами, мрачные непроходимые заросли елей часто непреодолимо преграждали путь не только человеку, но и

зверю лесному, а редкие лиственные деревья даже в разгар лета несли в своих листьях желтизну осени.

На южной оконечности пуши возвышался Священный Холм, увенчанный, словно корабль, высокой мачтой с зеленым парусом, древним древесным великаном — гигантским кряжистым дубом, чья крона, несмотря на близость тундр, полыхала изумрудной зеленью: то была плоть бога лесов Перакраса.

На северной опушке, неподалеку от долины Сирандол Катрейни, лежала поляна Глотающей Пасти.

* * *

— Мы трижды теряли его след, он ушел от нас в Камышовой Заводи, его не тронул пискун-кровосос... На его теле почти нет царапин, только разбитые колени... Он сбросил на загонщиков глыбу земли и достиг вершины. Две мои стрелы не нашли цели. Он мог, он должен был, во имя Неба и Луны, отдать свое тело Перакрасу! И все же он не сделал этого...

Говоривший, седобородый старик в чистой белой одежде, сидел на деревянном помосте в некоем подобии кресла и задумчиво глядел вниз, на семерых мальчиков, стоявших посреди поляны в окружении угрюмых воинов. Нагие гибкие тела пленников были покрыты грязью и запекшейся кровью, лица исцарапаны, а один бережно придерживал сломанную руку, стараясь не морщиться от боли. Тот, о котором говорил старик, словно не принимал участия в Ночном Гоне, стоял спокойно, внимательно глядя на помост, хотя и не мог слышать произносимых слов.

— Шесть птенцов, — пробормотал старик, — и сова... Он должен был отдать свое тело Перакрасу.

— Мудрость твоя безгранична, о Поедатель Священных Желудей, — откликнулся один из окружавших его людей. Все они были одеты в сплетенные из древесных волокон балахоны, сквозь которые виднелись крепкие мускулистые тела, лица прикрыты звериными масками. Заговоривший носил маску медведя, искусно сделанную из головы настоящего зверя.

— Мудрость твоя безгранична, решай. Но если позволишь молвить, загонщики мыслят, что Перакрас не принял его...

— Сова — ночная птица, — старик словно не слышал загонщика. — Перакрас позволил ей свить гнездо в своем чреве. И все же он звал Потерявшего Имя, звал и помогал...

— Мудрость твоя безгранична, о Бывающий У Корней, — выступил вперед человек в маске оленя, — решать тебе, но мы думаем, воин, не способный убить ничтожную птицу...

Старик грозно глянул на «Оленя». Он не возвысил голоса, но ответил так, что дрожь пробежала по телу загонщика, дерзнувшего говорить о вещах, не доступных его пониманию.

— Что знаешь ты, Носитель Сети? Перакрас дал пристанище этому существу, укрыв его своей плотью, а воля богов священна. Не подвергнул ли он тем самым Потерявшего Имя ведомому лишь ему испытанию?

Загонщики молчали. Начал накрапывать дождь, и их мертвые маски покрылись сосульками слипшейся шерсти.

Старик поднялся, воздев руки к низко бегущим серым облакам.

— Он побывал у Дуба! Он прикоснулся к плоти Перакраса! Он совершил то, что не дозволено ни одному из вас, попирающих этот помост, и уж тем паче, стоящим на земле! Он достоин стать главой Клана Выпи. Но раз Перакрас не допустил его в свое чрево, он пройдет испытание Поглощением вместе со всеми.

Его слова относил ветер, и стоявшие посреди поляны их не слышали. Мальчики жались друг к другу: вынужденные пребывать в неподвижности, они замерзли под мелким дождем. Увидев, как поднялся старик, пленник со сломанной рукой вздрогнул и забормотал что-то невнятное.

Тот, кто побывал у Священного Дуба, незаметно положил ему руку на плечо и шепнул: «Не бойся. Вспомни, что я рассказывал в Мужском Доме».

Наверное, многие, ожидавшие обряда Поглощения, сейчас мысленно переносились в теплое, душное нутро этой длинной хижины, окруженной высоким частоколом.

В одном ее конце пол устилала слежавшаяся травяная подстилка, на которой семеро коротали четверть луны Ожидания, в другом — темнели кучки испражнений, окаменевших, их многочисленных предшественников, и свежие: во время Ожидания мальчикам запрещалось выходить даже на двор.

Побывавший у Дуба (тогда его звали Птахом) был старше своих товарищей: прошлым летом главу его рода задрал бурый медведь, и Птах получил отсрочку от посвящения в мужчины. Впрочем, зиму назад никакого Гона и не было: женщины Клана Выпи, обитавшей в Безымянной пуще на отшибе от остальных пиктских племен, рожали все реже, дети часто умирали до отвердения ногтей, а ради одного Птаха Гон не стали бы устраивать, даже будь старый Эльтоток жив.

На редкость сообразительный, проворный и веселый (а пикты считали весельчаком всякого, кто улыбался чаще двух раз в год) мальчик уже давно приглянулся кряжистому, немногословному Эльтотоку, знавшему, впрочем, немало занятных присказок. Даже Поедатель Священных Желудей, жрец племени, которому только и было дозволено лесными богами приближаться к святилищу Перакраса, нет-нет да удостаивал мальчика своим милостливым вниманием.

Собирая по крупицам обмолвки жреца и иносказательные присказки Эльтотока, умея сопоставлять и делать умозаключения, Птах открыл для себя тайну Поглощения и, дабы хоть как-то успокоить буквально умирающих от страха товарищей, поведал ее во время Ожидания в Мужском Доме.

Давно, когда Клан Выпи еще чтит за своего родоначальника Семитху и не удалился от остальных племен в Безымянную пущу, обряд посвящения в мужчину проводили безжалостные мрачные друиды, силами своих чар вызывавшие древнее чудовище Дарамулуна. Чудище поглощало мальчиков и носило их в своем чреве девять лун. Поглощенные испытывали ужасные муки, выживали лишь сильнейшие, которых Дарамулун изрыгал к радости матерей и чести отцов. Из них получались отличные воины — сильные и безжалостные.

Потом друиды куда-то подевались, или племя бежало на север, к самой кромке лесов — этого Птах не понял. От обряда посвящения остался Ночной Гон, правда, в старые времена в беглецов выпускали настоящие стрелы не только на Священном Холиме. Изредка (говорили — раз в десять лет) кому-нибудь из Потерявших Имя удавалось достигнуть священного дерева, и он становился наследником главы клана, даже не будучи его сыном. Тех, кого ловили, подвергали Поглощению, только теперь роль Дарамулуна выполнял длинный шалаш, вход в который делали в виде чудовищной пасти. Правда, внутри мальчиков ждали суровые и болезненные испытания, но это, конечно, не шло ни в какое сравнение с мучениями в зловонном чреве древней гадины.

«Скоро мы станем мужчинами, — успокаивал Птах своих друзей, — настоящими воинами! Нам позволят кидать в стволы боевые топоры, охотиться не только на сусликов и спать с женщинами». Он слегка кривил душой: многие мальчишки примеривали в руке настоящее оружие и стреляли крупную дичь задолго до посвящения. Не говоря уже о женщинах. Единственное, ради чего стоило терпеть испытание, была боевая тагуировка и мужское имя, которое каждый пикт получал в дар от богов, навсегда забывая детскую кличку.

И все же, стоя на поляне Глотающей Пасти под пристальными взглядами загонщиков в страшных звериных масках, в окружении мрачных воинов в волчьих плащах, словно настоящие пленники, никто из юношей, кроме побывавшего у Дуба, не мог унять дрожь и леденящее предчувствие чего-то страшного и неотвратимого.

Поедатель Священных Желудей задрал к небу длинную бороду и что-то протяжно прокричал. Воины зашевелились, принялись выстраивать мальчиков в ряд, подгоняя несильными ударами дубин. Обряд требовал некоторой грубости по отношению к пленникам: предполагалось, что не каждый из них выйдет живым из чрева Дарамулуна.

Семеро друг за другом двинулись к помосту, Птах шел последним. Первым оказался юноша со сломанной рукой. Ноги его подкашивались, лицо побелело, и все же он мужественно шагнул под помост, на котором стояли жрец и загонщики. Помост был недостаточно высок, и Поте-

рвавшему Имя пришлось опуститься на четвереньки. Он скривился от боли и пополз, прижимая больную руку к груди. Как только он скрылся под настилом, воины остановили шеренгу посвящаемых.

Жрец протянул руку, и человек в маске медведя подал ему резную деревянную чашу. Поедатель Желудей набрал в рот воду, сделал глотательное движение и тут же выплюнул воду на доски помоста. Священная влага должна была попасть на плечи и голову мальчика, ползущего под ногами жреца, причастив его таинством посвящения.

Однако это была только первая часть обряда. Когда юноша оказался с противоположной стороны возвышения, двое людей в масках схватили его и грубо поволокли к стоящему в отдалении шалашу — в пасть чудовища Дарамулуна. Видимо, его схватили за поврежденную руку, и мальчик не удержался от крика. Старик на помосте презрительно скривил тонкие губы: воин должен уметь терпеть боль, так повелевали боги испокон века.

Жрец продолжал обряд, набирая в рот воду и выплевывая ее на помост, когда очередной посвящаемый проползал у него под ногами, но мысли его были заняты не священнодействием, а размышлениями более общего порядка. Он все еще пребывал в недоумении, пытаясь истолковать событие на вершине Священного Холма, когда долгожданный претендент в вожди так и не побывал в чреве Перакраса. Сомнения обуревали Бывающего У Дуба: верно ли он поступил, все же объявив этого юношу наследником главы Клана Выпи? И не велит ли лесной бог подвергнуть его в чреве Дарамулуна испытанию древнему и жестокому, почти забытому нынешним поколением?

Тем временем тот, о ком он мыслил, оказался возле помоста, готовясь проползти под ним вслед за своими товарищами. Жрец пристально разглядывал юношу: отлично сложен, разве немного тонок в кости, кожа несколько более светлая, чем у единоплеменников, спокойное выражение лица с правильными, почти невозможными для пикта чертами, светлые, внимательные глаза... Другой бы с такой внешностью считался среди кражистых, низкорослых единоплеменников белой вороной со всеми неприятными последствиями, но, странно, этот мальчишка

пользовался уважением сверстников и симпатией старших, несмотря на то, что часто превосходил взрослых сообразительностью...

Еще раз воззвав к богам Неба и Луны и положившись на волю Перакраса, жрец подал знак. Юноша опустился на четвереньки и проворно пополз под досками. Старик выплюнул священную воду и сквозь щели увидел, как она стекла точно на макушку Потерявшего Имя...

И тут произошло то, что заставило похолодеть и закаленных в сражениях воинов, и мальчишек, сидевших в шалаше, и людей в масках, и самого служителя Перакраса. С севера, со стороны проклятой долины Сирандол Катрейни, донесся вой, от которого содрогнулась земля и посыпались сухие сучья с ближайших деревьев. Помост зашатался, и стоявшие на нем едва удержались на ногах. Все застыли, не в силах преодолеть ужас, столь же древний и всепоглощающий, как и звук, пронесшийся над поляной Глотающей Пасты.

Вслед за первым ударом земля содрогнулась вновь и уже не переставала вздрагивать под мощной поступью гиганта, идущего напролом сквозь заросли и скалы. Прошло совсем немного времени, и он показался: чудовищное существо выступило на поляну, ломая кусты задними трехпальными ногами, сметая их чешуйчатым хвостом, перебирая в воздухе передними короткими лапками с длинными когтями, разевая кривую пасть, которую, побывай кто-нибудь из замерших в ужасе людей в далеких южных землях и сохрани способность мыслить, мог бы сравнить с клювом гигантского попугая...

Из этого клацающего в жадном предвкушении жертвы клюва тянулись вверх широкие поводья, испещренные древними магическими рунами, и правила ими всадница, достойная своего скакуна. Это была великанша, голые груди которой свисали на выпуклый, прикрытый чешуйчатой броней живот, а мордагу, несоизмеримо с телом маленькую голову украшал островерхий шлем, усыпанный черными самоцветами.левой рукой она умело направляла чудовище, а правой раскручивала над головой что-то, мелькавшее так быстро, что невозможно было разглядеть.

Жрец, застывший с чашей в руках подобно деревянному идолу, узнал эти существа, хотя никогда и не видел

их. С трудом разлепив побелевшие губы, он выдохнул их имена:

— Дарамулун! Трумалур!

Он не был настоящим друидом и все же хранил где-то в глубинах памяти частичку древнего знания.

Не обращая внимания ни на помост, ни на застывших в ужасе воинов, великанша направила Дарамулуну прямо к шалашу, скрывавшему мальчиков. Чудовище было в двух шагах от своего убогого воплощения, когда наперез ему метнулась гибкая фигурка. Птах неся огромными прыжками, едва касаясь травы, стремясь оказаться между монстром и своими товарищами. Что он собирался сделать, как противостоять гигантскому противнику, осталось загадкой: Дарамулун вытянул свое полуптичье-полужверинное тело почти параллельно земле, разинул клюв и сглотнул юношу, как курица сглатывает зерно. Потом монстр проворно разметал шалаш передними короткими лапками и поглотил окаменевших от страха мальчишек.

Все это произошло так быстро, что никто не успел сделать и нескольких вдохов. Впрочем, дыхание людей было сковано ужасом, как и их тела. И все же, надо отдать должное пиктским воинам: они пришли в себя раньше, чем люди на помосте, раньше Поедающего Священные Желуди. Их тела, покрытые шрамами многочисленных схваток с врагами, хищниками, а часто и нечистью, ожили прежде, чем рассудок отдал приказ к действию. Тварь была ужасна, она двигалась прыжками с невероятной быстротой, и все же она была из плоти, от нее разило тошнотворным запахом, а великанша-погонщица брызгала целыми фонтанами слюны, изрыгая проклятья на неизвестном древнем наречии. Это была отвратительная плоть, явившаяся из Нижнего Мира, но плоти можно было противостоять дубиной, копьём и каменным топором.

Предводитель отряда поднял палицу, и воины бросились в атаку — отчаянная попытка людей, презиравших смерть. Через несколько мгновений все они были мертвы, разметанные чудовищным хвостом, словно сухие щепки.

Крутнувшись посреди поляны еще раз, чудовище застыло, поводя своей птичьей головой. Клюв блестел, пе-

реливаясь всеми цветами радуги. Клюв был великолепен — тем страшнее он выглядел по сравнению со всем остальным.

Заплывшие сероватым жиром глаза великанши установились на жреца и людей в масках.

Служитель Перакраса вытянул вперед чашу, словно она могла защитить его от восставшего из небытия Дарамулуну и его хозяйки Трумалур.

— Сгинь! — возопил жрец. — Ты должен пребывать в Нижнем Мире! Во имя Неба и Луны, рассыпся, заклинаю тебя именем Перакраса!

Громоподобный хохот чудовищной воительницы был ему ответом. Птицезверь скакнул к помосту, и Трумалур обрушила на головы загонщиков свое мелькавшее над головой оружие. Это была длинная бечева с укрепленным на конце черным камнем. Камень поразил людей в масках, так и не успевших сделать попытку защититься или бежать. Только жрец Перакраса избежал этой участи. Бичева плотно опутала его тело, и старик беспомощно повис, притороченный к седлу безжалостной наездницы.

Повернувшись, Дарамулун развалил задней лапой помост и прыжками направился в сторону долины Сирандол Катрейни. Но, прежде чем покинуть поляну, названную в честь его чудовищной пасти, монстр содрогнулся и изверг на измятую, залитую кровью траву шесть искалеченных, бездыханных тел.

Всех, потерявших и имя, и жизнь, юношей. Кроме того, кто успокаивал их в Мужском Доме, уверяя, что Дарамулун — всего лишь древняя легенда.

Глава 3. СКЛЕП

Н у что, помогли тебе желуди? Помог тебе блудный Перакрас, не пожелавший быть верным псом великого Гулла?

Слова эти произносились тихим, но властным голосом, в котором явственно звучала издевка.

— От желудей живот пучит, а если запить водичкой, то кишки может завернуть, кхе, кхе...

Второй голос был старческим, скрипучим, слова прерывались не то кашлем, не то смехом.

— Ты кем себя вообразил, червь древесный? — несколько возвысился первый голос. — Неужто мыслил, что оставили тебя без присмотра и дел твоих гнусных не ведали?

— В мире... в мире жили, по завету Прародительницы, треб кровавых не творя, богов и духов лесных почитая... в мире и довольстве, в согласии родов...

Речь с трудом давалась третьему из говоривших, слова с присвистом рвались наружу, словно человеку раздавили грудь и лишили доброй половины зубов. И все же голос его показался Потерявшему Имя знакомым.

Тьма, клубившаяся клочьями черного тумана в глубинах его существа, постепенно отступала, неясные сполохи играли под смеженными веками. Он все еще не чувствовал тела, но слух вернулся, потом волной накатились запахи: запах горевшей смолы, пряный аромат тлеющих листьев и еще — недонятный, отталкивающий, но и желанный, сулящий покой и забвение.

— Прародительница, Баннут, сестра Кульрикса и Семитхи... — В первом голосе не было гнева, только презрение. — Мне ведомы, старик, твои измышления. Тебе удалось хитростью и коварством вбить эти бредни в тупые головы старейшин клана Выпи и клана Медведя, и клана Оленя. Много листопадов назад они увели своих людей в Безымянную пушу, на край проклятой долины. Им никто не мешал: кто станет якшаться с народом, своей волей избравшим столь гиблые места? Вы думали, что уходите от врагов, но лишились и помощи, и силы тех, кто признает истинных богов. Мало того: ты заставил этих несчастных забыть о великом Гулле, подателе тепла и жизни, сделав единственным покровителем племени изгоев ничтожного Перакраса, некогда служившего своему верховному владыке в образе крылатого пса, но изгнанного с верхних ветвей Мирового Древа за гнусное коварство и навсегда заключенного в ствол безмолвного истукана на Осыпающемся Холме! Ты внушил своим соплеменникам, что этот трухлявый изнутри исполинский пенёк вечен и будет миротворить народу Безымянной пуши до скончания века, тогда как многие корни его уже сосут воздух, нутро источает сонм червей-древоедов, и не за горами время свершения страшного проклятия: осядут

пески Холма, рассыпется древесное тело, и тот, кто унизился до предательства, обращен будет в прах...

Спокойную речь вдруг прервал смех-кашель, и старческий голос глумливо провизжал:

— Желуди! Желуди! Они в твоём чреве, они там, они дадут всходы! Страшные всходы, разрывающие ничтожную плоть отступника! И взрастет дерево смрадное, и поднимется оно к тучам серым, и вороны закружат, и земля обезлюдит...

— Уймись, Кагата, — властно потребовал первый. — Не надо иносказаний. Эту птицу баснями не кормят...

— Желудями его кормят, желудями!

— ...он сам горазд сказки сказывать. Погляди на него: он стар и мудр, и бороду отпустил до пупа. На шее у него ожерелье из волчьих зубов, чтобы отгонять ничтожных катшу, которых не боятся даже отроки. Одежда у него, судя по тому, что от нее осталось, была из беленого полотна, и тело свое он поддерживал в чистоте, регулярно совершая омовения в благословенных водах Безымянной, богатой, как известно, здоровенными рыбинами величиной с кисть трехлетнего ребенка. Наевшись священных желудей...

— Аки вепрь, рылом землю роющий!

— ...он погружался в созерцание величественной трухлявой деревяшки, коя, не потеряв и в новом обличи низкого коварства, навевала ему сладостные утехы, суля умиротворение и... силу! Да, старик, сила и власть грезилась тебе на песчаной макушке холма, объявленного тобою священным! Власть, пусть ничтожная, всего лишь над обманутыми, изгоями, лишившими себя покровительства земных вождей и небесных богов, но власть безраздельная — вот что тешило тебя, гнусный обманщик!

Последние слова прозвучали почти так же негромко, как и вся обличительная речь неведомого судьи, но столь зловеще, что Потерявший Имя содрогнулся, поняв, что обращены они к тому, кого сызмальства почитал за мудрейшего и сильнейшего из людей, кому доверял безраздельно. Он ощутил боль во всем теле и с трудом приподнял веки.

Где-то высоко, словно бледная луна в багровом небе, виднелся светлый круг с неровными краями, перечеркнутый тонкими колеблющимися линиями. Приглядевшись, Потерявший Имя понял, что это вовсе не ночное светило, а отверстие, прорубленное в высоком каменном своде, на стенах которого играли багряные сполохи факелов. Трепещущие линии были, очевидно, ветвями кустов, росших на куполе странного сооружения, внутри которого он оказался.

Взгляд юноши скользнул ниже, и он тут же прикрыл глаза — столь страшное зрелище открылось в неровном свете факелов.

Поедатель Священных Желудей висел, распятый на двух бревнах, косо укрепленных крест-накрест у дальней стены. Руки и ноги старика опутывали веревки, почти нагое окровавленное тело едва прикрывали лохмотья, бывшие когда-то одеждой. По обеим сторонам распятого молча и неподвижно стояли какие-то люди, ни лиц, ни облачений которых Потерявший Имя не разглядел.

— Ты обвиняешь меня, всемудрый и всемогущий Дивиаатрикс... — раздался свистящий голос распятого. — Что ж, твое право, на то ты и верховный друид. Но в словах твоих нет справедливости. Не себялюбие вело меня, а лишь воля Прародительницы, отвратившей чад своих от кровавых кощунств, начало коим положили те, кого вы...

— Молчи, ничтожный! — Глас Дивиаатрикса на сей раз был подобен грому, раскаты которого гулко прокатились под каменными сводами. — Прародитель Семитха принес в жертву чресла свои, отдав Кульриксу на поедание собственные ноги, затем же, по воле богов, вкусил плоть единоутробного брата, дабы племя пиктов избегло участи многих, кто сгинул во тьме веков! Как смеешь ты, раздавленная гусеница, рассуждать о том, что свято для любого пикта, что признают даже наши одичавшие собратья из южных лесов, поедающие термитов? И потом, мудрый мой, объясни, как это Баннут, само существование коей окутано слишком плотным туманом иносказаний, могла быть чьей-либо прародительницей, если со времен Кульрикса и Семитхи мужчины брали женщин к своему дыму, а вовсе не наоборот?

Последний вопрос верховный друид задал уже без гнева, с издевкой.

— Она... сказала... Она сказала мне, что так было не всегда...

Голос жреца Перакраса был едва слышен.

— Она сказала тебе! Воистину, ты великий шаман, скользящий мыслью по Древу... Беннут беседовала с тобой, возлежа на Верхних Ветвях, у подножия Чертога Гулла?

— Да.

Это «да» было речено столь твердо, что на время одного вздоха под сводами склепа воцарилась тишина. Потом ее разорвал высокий, захлебывающийся кашлем вопль:

— Вырвите ему кишки! Бросьте плоть смердящую посреди Сирандол Катрейни, пусть пожрут ее голодные демоны!

Дивиаатрикс издал змеиное шипение, и вопль смолк.

— Что ж, — сказал верховный друид, — ты смел, старик, смел, но глуп. Может быть, не избери ты кривую дорожку, вышел бы из тебя проворный тучегонитель или знающий врачеватель язв и нарывов. Ты же полез вверх по стволу, не озаботившись расспросить дорогу. А если бы расспросил, то ведал бы, что блудливый Перакрас, соблазнивший твою ничтожную душонку, горазд принимать обличья лукавые, увлекающие и коварные. Он явил тебе волнующее видение мифической Беннут, и какие советы ты получил? Чтобы женщины кланов брали к своим дымам мужчин? Истинно, такой обычай существовал в незапамятные времена у нашего народа, но тогда среди нас было немало дев-воительниц, возглавлявших кланы, а жрицы хранили древнее знание. Кое-что до сих пор остается лишь их достоянием, хотя жриц осталось совсем мало и они почти ни на что не годны, кроме... Да ты видишь перед собой Кагату, вот эту полуслепую старушку с бубном, осколок бывшего величия, и тебе еще предстоит узреть ее танец...

Кагата пробормотала что-то о кипящих котлах, заперхала и смолкла.

— Ты послушал лукавого пса, а тупоголовые старейшины — тебя. Но женщины ваши слабы, и во главе родов остались мужчины. Мужчины, которые чахнут от колена

к колену, и только мощный корень Семитхи помогает племени Безымянной пущи еще рождать воинов, способных охотиться на диких зверей и отражать набеги ваниров и других редких в этих гиблых местах разбойников. Но сильных слишком мало, слабые часто погибают, и ваши девицы берут в мужья чуть ли не братьев единоутробных... Так было и во времена оны, пока Прародитель Семитха не принес искупительную жертву богам. Жертву, завещанную потомкам, и тобою отринутую. По совету того же шелудивого пса, прикинувшегося девой, возлежащей на Ветвях.

— Она не велела творить кровавые требы... Во имя мира и довольства, и согласия родов...

— И чем обернулся этот мир — вырождением? Каждый третий младенец Клана Выпи умирает до отвердения ногтей, каждый пятый мужчина Клана Оленя не способен метнуть боевой топор далее десяти шагов, а богатыри, чтящие своим тотемом медведя, спят с женами раз за четверть луны!

При этих словах Кагата захихикала.

— Чем обернулось довольство? — продолжал Дивиатрикс, и в речи его теперь не слышалось даже издевки, только глубокое сожаление. — Дурманом огненной воды, занесенной сюда нечестивыми ванирами? Ночными плясками вокруг костров? Пением гимнов твоего сочинения? Ловлей рыбной мелочи в мутных водах Безымянной? Сбором хлама, прибываемого морскими волнами к побережью? И вы еще называете себя пиктами?! Пикты, собирающие отбросы, оставшиеся от наших исконных врагов, после того, как их покарала боги пучины!

Кагата вдруг завывала. Это был тоскливый вой, разрывающий душу, полнящий сердце ледяной тоской — словно с севера, с заснеженных пустынь, долетело губящее все живое дыхание мрачного Имира. Щемящий звук заматался среди каменных сводов, устремился к отверстию в потолке и, вырвавшись наружу, растворился среди низких облаков.

Потерявший Имя окаменел. Только что он чувствовал, что лежит на некоем возвышении посреди жуткого чертога, ноги его были несколько ниже головы, и, приоткрыв снова веки, он видел в колеблющемся свете свое нагое

тело, покрытое узорами бурого вещества, тянущимися от нижней части живота к груди. Боль вернула ощущение тела, пусть мучительное, но все же желанное, наполняющее душу уверенностью в собственных силах... И снова — бесчувственность, подобная камню, снова лишь мозг пытался мыслить в черных клочьях всколыхнувшейся тьмы...

Неужели все, о чем говорит Дивиатрикс, правда? Он вспомнил своих товарищей, с которыми совершал мальчишечьи проказы, лазая по скалам, устраивая ловушки сусликам, прячась по кустам с девчонками... Как и все мальчишки, Птах привык считать свое племя самым сильным, сильным настолько, что враги обходили стороной их землю, хранимую великим Перакрасом. Да, были среди них слабаки, ни на что не годные людишки, их положено было охранять по завету Прародительницы. Но были и другие: мужи клана Оленя, ходившие на хозяина пущи — медведя, и мужи клана Медведя, приносившие к дымам племени мясо лесных красавцев — оленей. И были проворные, хитрые, смысленные отроки клана Выпи, задолго до Посвящения метавшие дротики с костяными наконечниками в крупную дичь. Эльтоток, кряжистый глава их рода, ходивший и на медведя, и на волка, и, как говорили, на существ пострашнее... Да, умирали младенцы, но так заведено испокон веку — выживает сильнейший, те же, от кого отвернулся Перакрас — что осенние листья в лесу, и сожалеть о них не след. Многие не доживали, не то что до Гона, до самостоятельного поедания морошки не доживали. А сильные... Сильным отрокам уготован был Мужской Дом, четверть луны ожидания, бегство, и...

— И что же шепнул тебе лукавый о Ночном Гоне? — услышал Потерявший Имя голос Дивиатрикса. — Только то, что юноши должны пройти обряд, призванный выявить сильнейших? Почти так, мой седобородый друг, почти так. Но бегущий должен знать, что достоин не только сети. Ты отказался вешать жертвы в священных рощах, ты отказался и от стрельбы во время Гона. Тоже по завету девы пресветлой?

Ответа не последовало.

— Что ж, — продолжил Дивиатрикс устало, — по деяниям воздается. Перакрас звал ваших юношей, дабы

насытить свою утробу. Листья его и ветви живы вашей неразумностью. Но сегодня этот пенъ не смог противиться воле истинных богов — Избранник не дал ему насытиться. Ты гадал о сове с совятами, мы — знаем. Мы знали задолго до сего дня, мы ждали, готовились, а потому вас не трогали. И без присмотра тебя не оставляли, и дела твои гнусные ведали. Червяк, ты решил, что родился вождем ничтожного клана? Так ведай, сей — может стать вождем всех пиктов и возродить былую славу нашего народа!

Даже эти слова он не выкрикнул, а скорее шепнул, словно силы оставили. И, еще тише, так что Потерявший Имя едва различил голос друида, долетающий откуда-то из-за правого плеча:

— Дарамулун... Трумалур!.. Эти являются, лишь когда воплощается Достойный...

Окаменев после страшного воя жрицы, Потерявший Имя не успел прикрыть веки. Теперь он видел росписи потолка: чудовищный полузверь-полуптица и великанша, подобные распластанным лягушкам, изображены были там. Он вспомнил, как мчался, перепрыгивая через кочки поляны, навстречу этому ужасному зверю, стремясь защитить тех, кто был в шалаше, изображавшем ужасного монстра. Он успел подумать только о том, что сделанная жрецом пасть шалаша не имеет ничего общего с прекрасным, переливающимися всеми цветами радуги кнувом Дарамулуна, успел заметить белые, ничего не выражающие глаза птице-зверя, а потом... Потом была тьма.

— Кха! — выдохнул друид. — Кха-поттам!

Лунный свет проник сквозь круглое отверстие в потолке склепа, залил возвышение, на котором лежал Избранник призрачным сиянием.

— Кха! Дерево подняло свою вершину к Ночному Светилу, и чертог великого Гулла открылся! Корни и Крона! Это знак!

— И станет верх низом, а низ верхом, — заголосила Кагата, — перевернись, перевернись, сияющее да будет мраком, а мрак сияющим пребудет, увянут листья, лопнут почки, хвоя да не падет наземь, корни в небеса, ветви в Нижний Мир, червь древесный да всползет, птица небесная да упадет, волны вверх, скалы вниз, земля к земле,

листва к листве — Гулл, Гулл, возляг с дочерью своей, породи мать свою...

И хор людей, стоявших вокруг алтаря, стал петь древнюю тягучую песню. Или не песню — жалобу? заговор? мольбу? — этого не мог понять лежащий на алтаре юноша, уготованный к жертве.

Окаменев, он не мог опустить веки. Он видел, как выступил из тьмы друид, как поднял странно искрящийся голубоватым светом нож с волнистым лезвием, как жадно вошел клинок в плоть... Дивиатрикс сделал надрез от паха к грудной клетке юноши, развалив тело, и Потерявший Имя увидел свои розовые внутренности и бьющееся в последнем усилии сердце... Он ждал боли, но боли не было. Потом он увидел, как верховный друид вонзил окровавленное лезвие себе в сердце.

И все померкло.

Глава 4. КОРАБЛЬ С СЕВЕРА

Он ждал боли, но боли не было. Потерявший Имя вдруг ощутил, что поднимается к потолку склепа, все быстрее и быстрее, и в то же время его бездыханное тело продолжало лежать на алтаре, а Дивиатрикс стоял пред ним, воздев руки, и рукоять ножа торчала в груди друида. Юноша, или его дух — разобраться в том он был не в силах — скользнул сквозь круглое отверстие в потолке и поднялся выше, к просвету в облаках, сквозь который величественно сиял Чертог Гулла. Станным, непостижимым образом он продолжал видеть все, что происходит в святилище, тем же временем оглядывая местность словно бы с птичьего полета.

Капище находилось на высоком скалистом утесе, нависшем над входом в узкий залив. Холодные волны Западного моря разбивались о его подножие, вздымая фонтаны белой пены. На противоположной стороне узкой горловины высилась скала, увенчанная трехглавым идолом. С суши святилище было огорожено высоким тыном — на длинных кольях, выступавших из него через равные промежутки, белели человеческие и звериные черепа. На вышках по сторонам резных ворот стояли пиктские воины, вооруженные палицами и луками. От центра

излучины залива вилась узкая, поросшая жухлой травой тропка, переходившая в ступени, вырубленные в прибрежных скалах.

На всем лежала печать забвения. Трехглавый идол покосился, птицы свили свои гнезда у него на плечах, неприступный некогда тын осел, заостренные поверху бревна кое-где готовы были рухнуть. Круглое отверстие, ведущее внутрь священного склепа, вырубленного в теле скалы в незапамятные времена, заросло колючим кустарником. На каменистой площадке между ограждением и святилищем виднелись каменные идолы, глубоко ушедшие в землю, часть из них была повержена временем и превратилась в обычные куски гранита, утонувшие в вереске.

Потерявший Имя узнал это место, лежавшее на закат от Безымянной Пущи. К заброшенному капищу не осмеливались приближаться даже вездесущие мальчишки. Только самые отчаянные из них, Птах и его двоюродный брат Скол, подобрались как-то на полет стрелы к страшному месту. Взобравшись на одинокую сосну, искривленную свободно гулявшими здесь ветрами, они разглядели в туманной дымке чудовищного истукана, смотревшего на три стороны света. Скол потом клялся самой Болотной Выпью, что идол повернул среднюю свою башку и глянул ему в душу. Отчего Скол и свалился с дерева, раздрав бок о корявые корни. Самым удивительным в том приключении было то, что Бывающий У Дуба откуда-то прознал об их экспедиции. Мальчишек нещадно высекали колючими ветками и на три луны посадили в яму, где они должны были поносить друг друга самыми последними словами, дабы прочувствовать всю непопозволительность нарушения одного из главнейших табу племени.

Позже Птах прознал, что в этом капище друиды творили когда-то свои страшные кровавые требы.

Сейчас, хотя его бездыханное тело покоилось в чреве древнего склепа, свободно парящий дух юноши взирает на святилище без трепета и страха. Он стал облаком, он стал ветром, а чего бояться облаку или ветру? Ветер мчит по кругу, снова и снова возвращаясь, облако проливается дождем, который снова становится облаком. Боги бросают черные и белые камешки, иногда выпадает больше белых,

иногда — черных, но общее число камешков всегда одно и то же.

Если бы он продолжал быть Птахом, юным пиктом клана Болотной Выпи, он удивился бы подобным мыслям. Но он больше не был человеком, способным удивляться, и потому, когда дух его рванулся вверх, за пределы облаков, за пределы небес и ночных светил, он не испытал ничего, кроме легкой тоски по оставленным далеко внизу знакомым долам...

Сначала он узрел гигантское кольцо, объемлющее Мир, и кольцо это пульсировало, то сжимаясь, то разжимаясь. Потерявший Имя понял, что оно живое: это был исполинский змей, проглотивший собственный хвост. Внутри кольца вспыхивали и гасли мириады искр, к которым дух юноши неслся с умопомрачительной скоростью.

С полным равнодушием он помыслил, что его вот-вот поглотит бездна, но под ним вдруг оказалась необъятная равнина, испещренная впадинами и холмами. Он пронесся над ней, и чем дольше длился полет, тем более отчетливо он понимал, что летит над огромным ликом: то, что он принимал за горы, были уста, равнины — щеки, огромное плато оказалось носом гиганта, а чистые голубые моря — очами. И понял летящий, что сам он — лишь дыхание неведомого светлого бога...

Потом лик стал удаляться и превратился в яркую звезду, сияющую на вершине огромного дерева, чьи ветви пронзали мрак мироздания, корни терялись в его глубинах, а ствол был обвит гигантским змеем. Летящий оказался на одной из верхних ветвей, столь обширной, что на ней с легкостью уместилась бы вся Пуца Пиктов. Посреди, словно побег этой огромной ветви, рос куст, пылавший ярким огнем. Дух юноши вошел в этот куст и слился с его горячей холодным пламенем кроной.

И сейчас же из окружающего полумрака выступили фигуры, столь странные, что любой смертный, находясь в брэнном теле, умер бы от поразивших его — ужаса? тоски? восторга? — кто знает! Ибо нет в человеческом языке слов, чтобы описать Их, и нет среди человеческих чувств такого, что позволило бы вынести Их присутствие...

Нельзя описать обычными словами и то состояние, в котором пребывал Потерявший Имя, освобожденный ма-

гией друида от брэнной оболочки. Он все еще находился в склепе, зря собственное разрезанное тело. Видел он и распятого жреца Священного Дуба, и людей, окружавших жертвенник, и Кагату, которая пустилась в странный танец, ударяя в огромный бубен, бывший едва ли не больше старухи. И видел он все это глазами Дивиаатрикса, в сердце которого сидело жало волшебного ножа. Склеп, капище с птичьего полета и хоровод богов на Ветвях Мирового Древа видел он одновременно, понимая, что и верховный друид видит все это его глазами.

Кагата кружилась в ритуальном древнем танце, издавая леденящие кровь возгласы: то завывая, как волк в полнолуние, то стелая, подобно раненому оленю, то испуская рык, достойный атакующего медведя. Бубен в ее руках грохотал, подобно скале, рушащейся в воды океана. Друид был недвижим, но окружавшие его соратники делали магические жесты и произносили древние заклинания: от их сухих старческих пальцев тянулись к коленющей жрице тонкие светящиеся нити.

Море покрыл плотный туман, стеной обрывающийся возле входа в бухту, над которой высилось капище. Край ночного светила тронула темная тень.

А вокруг пылающего куста, где пребывал дух Потерявшего Имя, зачиналось невиданное ристалище.

Первым в светлый круг выступило существо, столь немислимое человеческому разумению, что описание его земными жрецами и поэтами отражало лишь бледную тень того древнего ужаса, средоточием коего оно являлось. Существо протянуло к горящему мистическим огнем кусту костистые лапы, увенчанные чудовищными загнутыми когтями, каждый из которых с легкостью мог сокрушить Карпашские горы и одним росчерком прорыть русло реки, превосходящей Громовую или Стикс. На рогах, венчающих отвратительную морду, светились несколько лун, а посреди лба, прикрытого зеленоватой броней, ярко пылала красная звезда.

«Он — мой! — пронесся в предвечных пространствах рык, в котором звучали отзвуки всех бывших и будущих катастроф. — Пришел Великий разрушитель, Завоеватель мира во славу Мою! Я одарю его мощью несокрушимого воина и мудростью созидателя Мрака! Я дам ему самое

совершенное оружие, я дам ему власть, которая не снилась дотоле ни одному из смертных, он остановит Время и возродит первозданный Хаос!»

«Ну нет, Нергал, — раздался голос, звучащий, как сонм колокольчиков, как журчание всех земных ручьев, как пение всех поднебесных птиц. — Тебе не удастся вернуть Безвластие Мрака! Этот прекрасный юноша мой, ему суждено принести в несчастный мир гармонию и радость, даровать его жителям успокоение и отдых, избавить их от борьбы и страданий. Так говорю я, Пресветлая Изид!»

И в светлый круг выплыла дева, прекрасная, как взмах крыла бабочки, величественная, как заоблачная вершина на рассвете.

«Ха! — возопил третий глас. — Мрак, гармония! Тьфу! Поле брани и упоение битвы — вот удел истинного героя! Не во имя твоего идиотского Хаоса, Нергал, и не во имя твоей скучной гармонии, Изид! Настоящий воин дерется, когда ему угодно, и принимает сторону того, с кем ему не стыдно осушить заздравную чашу. Вы требуете подчинения, я же — только разгула и воли, вы не можете жить без поклонения, самая любезная мне молитва — когда воин, стоя среди поверженных или въезжая в свой град на триумфальной колеснице, бьет себя в грудь железной перчаткой и испускает победный вопль! Пришел Великий Триумфатор, который сам поймет, что ему делать, и он — мой!»

Ветвь Мирового Древа содрогнулась, когда вперед вышел витязь в тяжелой броне, измятой, обожженной огнем неведомых битв. Забрало его плеча было откинута, и под ним виднелось лицо, испещренное шрамами. В одной руке он сжимал огненный меч, в другой — неведомое оружие, оканчивающееся длинной трубкой с черным жерлом.

«Почтеннейшие, почтеннейшие, — заговорил кто-то вкрадчиво. — И ты, о великий Владыка Серых Равнин, наводящий трепет на смертных, каждый из которых рано или поздно предстает пред твоим судом, и ты, о прекраснейшая из богинь, Светлая Изид, дарующая вдохновение поэтам и радость влюбленным, и ты, великий воитель Мардук — разве вы забыли, что Предвечный установил

в этом мире Великое Равновесие? Что станет, если кто-либо из вас заполучит этого Избранника на свою сторону? Мне страшно представить, право...»

«Кто допустил?» — зарычал Нергал.

«Кто позволил *этому* вступить в чертог?» — величественно пропела Изида.

Мардук захохотал так, что все кольца его кольчуги зазвенели, как мириады упавших с неба льдинок.

«Ну, *этот* везде пролезет», — заключил бог, отсмеявшись.

«Я знаю, о великие, что вы меня недолюбливаете, — продолжал вкрадчивый голосок. — Но, будьте объективны, я — самый последовательный исполнитель воли Предвечного. Ибо, если бы одно шло к одному и не переходило к другому, это покачнуло бы чашу весов, не так ли?»

Теперь он стал видим, говоривший. Щуплый (если такое определение применительно к богу), сидел, поджав под себя ноги, облаченный в полосатый туранский халат. Одного глаза у него не было, а в другой вставлена была странная круглая стекляшка, невзрачная, мутная, с трещиной.

«Если в одном месте убудет, то в другом прибудет, — заключил этот персонаж философски. — И наоборот. Великий принцип. И, раз вы объявили этого юношу Избранником, отдайте его мне в обучение. Тогда, отвечая своим единственным глазом: на Земле вскоре наступит великое равенство».

«Что-то ты не преуспел до сих пор в своих усилиях, Бел, бог воров, — веско отчеканил появившись из мрака седоволосый старик в длинном черном одеянии. — Твои адепты вовсе не склонны отдавать то, что взяли. Так что равенство — всего лишь твои лукавые выдумки».

Бел привстал и почтительно поклонился.

«Здесь действует закон больших чисел, о справедливейший Ормазд. Чем больше моих адептов, тем равномернее распределяется общее достояние. Ибо первые берут у вторых, а третьи — у первых».

«Не может быть противоречий между нами, — провозгласил тот, кого называли Ормаздом. — Листья Мирового Древа опали и возродились вновь, с тех пор, как на Землю

приходил прежний Избранник. Мы должны договориться...»

«Он — Созидатель Хаоса!» — прорычал Нергал.

«Он — Несущий Гармонию!» — пропелестела Изида.

«Воитель! Триумфатор!» — рывкнул Мардук.

«Не ссорьтесь, почтеннейшие, — проворковал одноглазый Бел, — отдайте его мне...»

И новые голоса, — грозящие, воркующие, шипящие, утробные, величественные и гнусавящие, убеждающие и требующие, — послышались со всех сторон. Сполохи невиданного сияния поглотили фигуры богов, слив их в бешено вращающийся хоровод...

Тем временем в склепе под скалой продолжался стремительный танец Кагаты. Гремел бубен, старуха высоко подкидывала полы своей одежды, выделявая коленица, на которые не способна была бы и юная танцовщица. Магические нити тянулись к ней от пальцев друидов, образуя вокруг жрицы светящийся кокон. Круги пляски смыкались вокруг алтаря, на котором лежало безжизненное тело, — то сжимаясь, то отдаваясь от возвышения.

— Имя! — выкрикнул Дивиаатрикс. — Мне нужно его Имя! Скорее!

Тело старухи свели судороги, она уронила бубен и повалилась на спину. Ноги в меховых чулках молотили воздух, скрюченные пальцы царапали каменный пол.

— Имя!

— Ка!.. — прохрипела жрица, и хоровод богов на Верхних Ветвях ринулся к горящему кусту.

— Имя!!

Они слились в единую субстанцию, Они извергли дух Избранника из его убежища в пылающей кроне, Они приняли его...

— Цхо!.. — старуха билась в страшных судорогах посреди склепа.

И в этот миг сверху, из отверстия-входа, упала веревка. По ней скользнул вниз пиктский воин и застыл в ужасе, узрев верховного друида с торчащим в груди ножом. Воин рухнул на колени, ткнувшись окровавленным лбом в пол. Подернутые матовой пленкой глаза Дивиаатрикса приобрели осмысленное выражение.

— О мудрейший! — прохрипел воин. — Корабли! Ваниры! Они напали на нас...

— Я вижу, — глухо ответил верховный друид. — Вся наша волшба здесь, и мы не можем помочь вам...

— Они вошли в бухту, а Треглав не закрыл им вход!

— Вся наша волшба нужна здесь...

— Они поднялись по ступеням, а часть их воинов обошла святилище с суши... Они повалили подгнившие бревна и ворвались внутрь...

— Но вы для того и поставлены, чтобы отразить нападение.

— Мы сражались, не щадя живота. Но среди них есть тот, кто дерется без одежды. Он крупит наших, как взбесившийся медведь!

— Берсайк, — глухо произнес Дивитрикс. — Но я наслал на море туман, и корабль с юга должен был заблудиться в нем...

— Корабль пришел с севера, о мудрейший, — прохрипел воин и повалился на бок. Тело его мучительно изогнулось, и он испустил дух.

— Уходи, Отец, — раздался спокойный голос одного из младших друидов. — Уходи, Гулл отвернулся от нас.

— Поднимите ее, — приказал Дивитрикс, указывая на Кагату, — я должен узнать Имя! У кого-то волшба сильнее нашей: корабль должен был прийти с юга, и на нем плыл всего один ванир...

Нити, окутывавшие тело жрицы, сгустились, и ее тело, мучительно выгибаясь, всплыло над каменным полом. Из уст старухи вырывался лишь невнятный клекот.

Дивитрикс ухватился за рукоять магического ножа и извлек его из своей груди: на его одеждах не осталось ни крови, ни прорехи. Друид поднял нож над головой и возгласил:

— Кха-поттам! Войди! Да пребудет Имя в клинке, да будет Оно хранимо богами Солнца и Луны, да перейдет оно к Избраннику, когда того пожелает Гулл! Возгласи, жрица, возгласи оставшуюся часть!

Как только друид извлек магическое оружие из своего тела, дух Потерявшего Имя вырвался из объятий богов и ринулся от звездных пределов вниз, к оставленной плоти. Последнее, что он видел, была фигура женщины

в темной накидке. Женщина держала на коленях младенца, а в ее волосах играли мириады звездных вихрей и сполохи невиданного огня. Через мгновение юноша вновь обрел тело, и тело было цело, без малейших следов страшного обряда.

Кагата извивалась в двух локтях над полом склепа. Глаза старухи закатились, по подбородку текла желтая слюна.

— Имя!! — вновь возгласил верховный друид. — Во имя Корней и Кроны, закончи Имя!

— Ко!.. — вырвалось из захлебывающейся слюной глотки.

— Дальше! Говори, говори!

Но это было последнее, что успела выкрикнуть жрица. Влетевшая через верхнее отверстие стрела пробила морщинистую шею, и тело Кагаты рухнуло на пол безжизненным меховым кулем.

Нож в руках верховного друида вспыхнул голубоватым сполохом и погас. Дивитрикс отступил куда-то за алтарь и пропал с глаз лежащего на нем юноши.

Потом по брошенным из отверстия веревкам вниз скользнули тени в рогатых племах, и началась резня.

Часть вторая

СТЕНЫ ТУРНА

С поля пустого, как саранча,
Сонмы врагов налетели на город.
Ранен король. Но кровь горяча —
Вновь он встает и противника гонит!

Чары развеял прославленный вождь,
Друг-леопард поспешил на подмогу,
Падает с неба огненный дождь...
Внимай, аквилонец, победному ругу!

Великий герой подарил людям свет:
Огненный смерч —
и волшбы больше нет!

Баллада о турнском сражении

Глава 5. КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Матерый волк уходил из-под конских копыт огромными прыжками. Его жилистое тело казалось сейчас серым клубком, стремительно катящимся среди высокой травы. Он был подобен камню, выпущенному из пращи: не разбирая дороги зверь ломился сквозь кусты, перепрыгивал через валуны, разбрызгивал мутные лесные лужи. Смерть дышала за спиной, смерть готова была впиться между лопаток арбалетной стрелой.

Всадник, гнавший зверя среди соснового леса, казалось, играл со своей добычей, как кот играет с мышью. Опытная кауряя трехлетка отлично чувствовала повадки хищника, упреждая броски в стороны, так что в конце концов волку осталось положиться только на быстроту своих лап.

Отпустив поводья, наездник наслаждался этой бешеной скачкой, в любой момент могущей окончиться роковым падением. В одной руке он сжимал опущенный вниз арбалет, другой держался за гриву лошади. Одет охотник был в потертую кожаную безрукавку, простые штаны и выдавшие виды сапоги. За спиной, в ножнах, укреплен был меч, не слишком длинный, чтобы не мешать конной охоте.

Волк забирал к северу, к озерам, где в низинах, густо поросших тощими осинами, мог бы спастись. Даже днем там низко стелилась туманная дымка, а деревья росли достаточно густо, чтобы не позволить лошади охотника продолжать преследование. Среди местных жителей гулял слух, что даже звери лесные избегают этих топких гнилых мест, но сейчас для серого приозерные низины были столь же желанны, как свежее мясо зарезанного оленя.

Этот волк был одиночкой, из тех, кто не ходят в стае. Его крупное сильное тело покрывали шрамы, полученные в многочисленных схватках с сородичами, из которых он привывал выходить победителем. Случалось ему одолевать и деревенских загонщиков, опрометчиво считавших своих тощих коров и овец единоличным достоянием. Волк был хозяином обширной территории: от самых предгорий до верховий реки, которую люди называли Ширкой. Он умел считать до трех и знал, что одолел людей больше, гораздо больше. Он убивал их не из-за голода: ему всегда хватало лесной дичи, а зимой — скота в кошарах. Зверь расправлялся с двуногими в честном бою и только когда на него нападали. Если бы он умел, то удивился бы, узнай, что крестьяне прозвали его волком-убийцей.

Однако охотник, гнавший его сейчас через подлесок, был человеком, с которым матерому хищнику еще не приходилось сталкиваться. Нутром зверь чувствовал, что впервые столкнулся с противником, готовым его одолеть. Всадник был могуч, как одинокий дуб на лесной поляне, но дубы давали тень и отдохновение, а от преследователя накатывалась холодная волна безжалостной силы. Волк знал, что стрела охотника давно могла бы найти его загривок, и это туманило мозг волной кровавого ужаса.

Чутье всегда спасало его, когда людей, пытавшихся с ним покончить, было слишком много: зверь уходил в чащу или гиблые для загонщиков места, где можно было отлежаться. На этот раз он роковым образом ошибся: вместо того чтобы свернуть на тропу, ведущую к приозерным зарослям, волк выскочил на косогор, почти отвесно обрывающийся к каменистому берегу Ширки. Осознав, что спасения нет, зверь крутанулся на краю откоса и, вздыбив шерсть на загривке, приготовился принять бой.

Оскалив клыки, с которых капала слюна, припав мордой почти к земле, волк следил за всадником, поднимавшимся на косогор, натягивая поводья. Взмывленный конь неохотно подчинялся узде, норовя пойти боком, все еще не остыв от упоительной скачки. Посреди косогора он даже встал на дыбы, но, повинувшись опытной руке, застыл, фыркая и мотая головой.

Холодные голубые глаза человека и залитые туманом безнадежной ярости зрачки зверя встретились. Охотник так и держал свое оружие опущенным, он сдерживал коня, разглядывая свою добычу с непонятым выражением. Волк зарычал. Человек ответил ему странным звуком, хриплым и мощным, потом поднял арбалет и пустил стрелу вверх, в солнечное осеннее небо.

— Убирайся! — крикнул он. — Прыгай! Если не разобьешься о камни, может быть, выплывешь.

Зверь не разумел человеческой речи, но понял, что проиграл и на его вотчине появился новый хозяин: двуногий, но с душой настоящего волка, ибо волки-одиночки, одолев, никогда не добивают поверженного соперника, готового убраться восвояси.

И все же он медлил. Позади был обрыв, острые камни и, может быть, смерть. Так не лучше ли вцепиться в глотку этому двуногому, оставшемуся без своего смертоносного летающего когтя? Он снова зарычал и сделал два шага вперед.

— Кром, — пробормотал охотник, — я так и знал, ты хочешь драться. Ну что ж, давай, убийца, посмотрим, на что ты способен.

Он отбросил разряженный арбалет, соскочил с коня, коротко свистнул, и умное животное тут же умчалось в кусты. Охотник расстегнул пряжку и бросил на траву перевязь с мечом. Потом скинул безрукавку и остался по пояс голым. Солнечные блики играли на буграх его могучих мускулов, рот ощерился в зловещей ухмылке. Широко расставив ноги и слегка пригнувшись, человек ждал.

На своем веку волк-одиночка повидал всякого, но никогда двуногий не выходил против него безоружным. Колья и рогатины, луки и сети всегда были подмогой голотелых тварей, которых он презирал, как презирал своих сородичей, нападавших стаей и пожиравших ране-

ных товарищей. Этот человек с душой зверя предлагал честный поединок, и волк его принял.

В два прыжка хищник одолел разделявшее их расстояние и взвился в воздух, норовя вцепиться в горло врага. Сколько глоток довелось ему растерзать — много, очень много, гораздо больше трех! И всегда это было самым упоительным: почувствовать теплую кровь на клыках, вырвать кусок плоти... И тут же уйти, оставив недвижимое тело на растерзание поедателям падали или погребение по обычаю тех, кто не смог уберечь единоплеменника.

Но на этот раз его клыки лишь клацнули в воздухе, а тело, не встретив ожидаемой преграды, больно ударилось о землю. Зверь кувыркнулся в траве, тут же вскочив на лапы, готовый к новой атаке. Теперь его противник оказался стоящим спиной к обрыву, он все так же щерил рот, но глаза его уже не были холодны: в них закипала ярость, беспощадная ярость воина.

Они были равны — зверь и человек — и из этой схватки живым выйти должен был лишь один. Волк стал осторожней: припадая к земле, он пошел кругом, выбирая удобный момент для нового броска. Охотник следил за ним, готовый увернуться или нанести смертельный удар. Его кулаки способны были переломить хребет и более крупному хищнику, и волк это чувал.

Так кружили они посреди склона в прохладе осеннего дня, то сближаясь, то расходясь, словно танцоры в жутком танце, выжидая рокового мига. Оба были закаленными бойцами: чутье вело зверя, опыт — человека. И все же двуногий ошибся первым.

Он оказался спиной к дальним кустам, ветви которых вдруг раздвинулись и из-за них показался еще один всадник. Увидев открывшуюся картину, он громко вскрикнул, а его лошадь испуганно заржала, прыгнув в сторону. Лишь мельком полуголый охотник бросил взгляд через плечо, но этого хватило волку, чтобы ринуться в атаку. Правда, он не достиг вожаемой цели — теплого человеческого горла: противник успел выставить локоть, и мощные челюсти зверя сомкнулись на его предплечье.

Человек не устоял на ногах и, сплетясь в единый клубок, они покатались вниз по косогору, подминая траву и ломая молодые сосенки.

Зверь знал силу своей пасти: ощущая вкус крови, он ждал хруста костей и вопля боли — боли, которая делает двуногого беспомощным и лишает его способности сопротивляться. А там — удар лапой или еще один страшный укус, и он победил: за ним останутся леса, где так много дичи, и поля, среди которых стоят деревни с кошарами... Но зубы вцепились словно не в податливую человеческую плоть, а в дубленую шкуру буйвола, и капли доставшейся ему крови были последней наградой за принятый вызов. Треск костей действительно раздался, но это ломались его собственные шейные позвонки, стиснутые могучей рукой победителя-человека.

Отбросив мертвого зверя, охотник поднялся и равнодушно оглядел рану. Клыки вырвали кусок плоти, обнажив сухожилие, которое, по счастью, не было задето. Оглядевшись, человек нашел нужное растение с широкими мясистыми листьями, сорвал их и приложил к ране.

Понукая все еще упирающуюся лошадь, к нему спешил всадник, недавнее появление которого чуть было не стало роковым. Это был юноша лет пятнадцати, смуглое красивое лицо и темные кудри которого выдавали уроженца Аргоса. Одет он был щеголевато: шерстяная куртка с разрезами по бокам, сквозь которые ярко желтела нижняя льняная туника, красные шаровары с лампасами, заправленные в сапожки наборной цветной кожи, и маленькая атласная шапочка, украшенная пером. Вооружение всадника составляли арбалет и кинжал в инкрустированных серебром ножнах.

Подъехав к раненому, юноша соскочил с лошади и упал перед ним на колени. По лицу текли слезы.

— Государь! Я виноват, государь, прости!

— Виноват, виноват, — пробормотал полуголый гигант, — достоин ямы с голодными крысами... Поддай-ка нашу сумку, несносный Альфред.

Юный Альфред бросился ловить свою лошадь, которая, видимо, не веря, что страшный зверь мертв, убежала вниз к кустам.

Охотник тем временем ухватил поверженного хищника за загривок, поднял и посмотрел волку в остекленевшие глаза.

— Ну что, убийца, — хрипло сказал он вполголоса, — предпочел смерть в бою трусливому бегству? Ты был достойным бойцом. И потому я стану укрываться твоей шкурой, хотя она и изрядно трачена.

— Государь... — оруженосец стоял рядом, держа ленту чистого полотна. — Разреши, я сам перевяжу твою рану...

Он ловко обмотал предплечье своего господина, оставив под повязкой целебные листья. При этом говорил, шмыгая носом, хотя больше не плакал.

— Я не достоин быть оруженосцем короля... Я отстал, я заплутал в лесу, и если бы Ветрянка не вынесла меня сюда, совсем бы заблудился...

— Лучше бы она вынесла тебя куда-нибудь подальше, — буркнул король.

— Не надо было ее понукать, когда она заупрямилась — чуяла зверя... А когда вы покатились по земле, я не смел стрелять, опасаясь задеть тебя, государь.

— Задеть?! Клянусь задницей Нергала, ты всадишь бы стрелу мне между лопаток!

Лицо Альфреда вспыхнуло.

— Я виноват, ваше величество, но будьте же справедливы — с пятидесяти шагов не промахиваюсь в медную монету. Вы же сами меня учили, ваше...

— Ты прав, — улыбнулся король-охотник. — Хоть ты и аргосец, а стреляешь знатно. И брось бормотать «ваше величество». Мне достаточно «государя». От этих придворных церемоний просто тошнит. И говори на «ты», а то мне начинает казаться, что где-то есть еще один Конан, и сидит он, скорее всего, во дворце в Турне, слушая лживую болтовню придворных остоолопов. Не от них ли мы улизнули порезвиться на воле?

— Если мне будет позволено заметить, ваше... государь, я согласен с Пресветлым Обиусом: вам не следует покидать городских стен без сопровождения двоих-троих рыцарей. А лучше брать небольшой отряд гвардейцев: о здешних местах ходит дурная слава...

— Кром! — взревел король. — Нет, я точно брошу тебя в яму с голодными крысами! Хоть ты и попадаешь в монету с пятидесяти шагов, а готов обмочить свои щегольские панталоны, слушая болтовню тупоголовых крепстьян или байки ярмарочных пуглов. Те, кто не умеет за

себя постоять, горазды наводить страхи, им повсюду чудится нечисть или хищники-людоеды. С одним таким я покончил только что, то же ждет всякого, кто встанет поперек дороги короля Аквилонии. Кем бы он ни был гордец: зверем, человеком или нежитью. Кстати, приторочь-ка этого витязя лесов к моему седлу: я намерен сделать из него одеяло.

И он пнул мертвого хищника, еще недавно наводившего ужас на весь Озерный Край графства Гандерланд.

* * *

Однако безымянному косогору в верховьях Ширки суждено было стать ареной еще одной драмы, более кровавой, чем схватка между зверем и человеком.

Король, снова облачившийся в свою потертую кожаную безрукавку и укрепивший за спиной меч, готов был двинуться в путь в сопровождении своего юного оруженосца, когда послышался лай и из-за деревьев вылетели две огромные черные собаки. Конан сразу признал в них туранских мастафов — сильных, злобных и чутких, способных держать след даже после сильного дождя. Вслед за собаками показались всадники.

Впереди, подбоченясь, ехал горбоносый человек с хищными глазами, облаченный столь пестро, что его можно было бы принять за ярмарочного шута, не будь он вооружен до зубов. Узкую грудь прикрывала давно нечищенная кираса, поверх которой позвякивали многочисленные цепочки, которые неискушенный взгляд мог бы принять за золотые. Впрочем, ни один уважающий себя ростовщик — от Турна до Асгалуна — не принял бы их в залог, как и многочисленные, блестящие фальшивыми драгоценностями браслеты, унизывающие руки горбоносого. Голову его украшал шишак, столь древний, что, казалось, нынешний владелец отрыл его в каком-нибудь киммерийском кургане. На широком кушаке болталось по меньшей мере с десятков разномастных кинжалов, а кривая сабля, кистень и булава-шестопер, притороченная к седлу кургузой лошади, довершали картину.

Предводительствуемые горбоносым шесть-семь головорезов были одеты столь же пестро, разве что цепей и фальшивых камешков у них было поменьше. Среди них

на унылом сером муле трусил карлик в простой засаленной тунике, очевидно, слуга или раб.

Главарь свистом отозвал собак и подъехал поближе, не отводя глаз от притороченного к седлу Конана волка. Сидел он как-то странно: высоко поджимая ноги и держа руку у голенища остроносого сапога.

— Так, — сказал он гнусаво, — убили зверя. Юный господин, видать, убил.

Он глянул на Альфреда, приняв его, очевидно, за знатного вельможу. Потом перевел взгляд на Конана.

— А слуга, значит, шкуру снимет и в покоех положит, в ногах ложа.

И, гоготнув, обернулся к своим спутникам:

— К ложу — положит, а?

Те ответили дружным хохотом, словно горбоносый отпустил невесть какую удачную шутку.

— Где твои покои, южанин? — спросил предводитель глумливо. — В Мессантии? Что ж ты шкодишь в наших северных краях? Или тебя пригрели в Турне, может быть сам король-самозванец, этот грязный киммериец и пригрел?

Альфред вскинулся, схватившись за арбалет, но Конан хранил молчание, пристально разглядывая главаря банды, и юноша только презрительно пожал плечами.

— А знаешь ли ты, голубок пестрый, на чьи земли залетел?

— Он плохо понимает по-здепнему, — вдруг прервал молчание король. — Ты прав, он аргосец, гостит в Турне по приглашению своего дяди. Так на чьи же земли мы заехали, добрый человек?

При этих словах вся свора дружно загоготала.

— Добрый! — выкрикнул кто-то. — Анимар, он назвал тебя добрым!

— А что, — осклабился горбоносый Анимар, — могу. Если захочу. Ты слуга, здоровяк?

— Телохранитель.

— Так объясни своему тупому аргосцу, что он имел несчастье охотиться на землях графа Гийлома Гандерландского, почитаемого в народе безжалостным, но справедливым. А посему должен немедленно отдать нам, графским доезжачим, свою лошадь, упряжь, оружие и одежду.

Ну и все, что есть у тебя, включая незаконно убитого волка. Если ты, конечно, и впрямь намерен сохранить тело своего господина в целости и сохранности.

Снова раздался хохот.

Пальцы Альфреда, сжимавшие ложе арбалета, побелели. Он никак не мог взять в толк, почему король затеял эту опасную игру с лесными бандитами.

— Надеюсь, юный птенчик не настолько глуп, чтобы оказывать сопротивление, — надменно произнес горбоносый. — Нас вдвое больше, и у нас собаки. Кроме того, вон там, на дереве, сидят мои стрелки, держащие вас под прицелом. Пикнуть не успеете...

Конан быстро глянул на пару деревьев, росших в полете стрелы, и убедился, что главарь врет. Что касается численного перевеса, то с этим спорить не приходилось.

— Но я слышал, господин графский доезжачий, — сказал он спокойно, — что Гийлом Гандерландский признал себя вассалом аквилонского владыки, построившего в этих землях новый город Турн, дабы защитить северные границы. Граф подарил королю Конану прекрасного шемского жеребца и пару кречетов третьей линьки, а король отблагодарил графа полным щитом чистейшего золота и драгоценных камней. Они вместе пировали во дворце в Турне и охотились в окрестных лесах. А дядя этого юного вельможи — не последнее лицо при дворе.

— Что-то ты много болтаешь, — ощерился главарь, — не верю я, что ты простой телохранитель...

— А я не верю, что ты доезжачий, — вдруг рявкнул киммериец, — ты обычный бандит, место которого на виселице!

— Вперед! — завизжал горбоносый. — Вперед, ребята, во славу свободного Гандерланда!

Двое всадников, прикрывавших своего главаря с боков, дали коням шпоры и тут же покатились наземь, сраженные метательными ножами, которые Конан неуловимым движением выхватил из притороченных позади седла ножен и успел метнуть, прежде чем нападавшие испустили боевой клич. Горбоносый тоже метнул нож, появившийся из-за голенища, но сталь встретила удар стали: меч короля уже скользнул из ножен за спиной и отбил в полете смертельное жало. Еще один бандит, даже не успевший

тронуть лошадь, безвольно завалился назад: между глаз у него торчала арбалетная стрела, выпущенная Альфредом.

Мастафы с яростным лаем ринулись защищать хозяев. Оруженосец успел перезарядить арбалет и прикончил одного пса, но второй, прежде чем меч Конана развалил его надвое, вцепился в ногу королевского жеребца. Мощные челюсти перебили кость, и конь, жалобно заржав, рухнул на колени. Пущенная одним из бандитов стрела угодила ему в шею, животное завалилось набок, придавив ногу Конана.

— Убейте киммерийца! — вопил Анимар, вертясь на своей кургузой лошадке среди остатков отряда. — Прикончите варвара, — мальчишка мой! Я возьму его, и уж как мы позабавимся с прекрасным юношей, как позабавимся!

Испуская страшные проклятия, король пытался высвободиться из-под павшего скакуна. Нога запуталась в стремени, и сейчас он поносил зингарских мастеров, сработавших упряжь на совесть.

Один из бандитов попытался достать его саблей на скаку, но Конан отбил выпад: руки, хвала Митре, остались свободными.

— Чурбан! Оглобля! — завопил горбоносый. — Брюхо наел! Пристрелите киммерийского пса, да пристрелите же его кто-нибудь!

Вот от этого спасения не было. Конан мог бы попытаться отбить летящую стрелу, но только не лежа. Если они подойдут близко, то даже последний пьяница сможет всадить летящую смерть ему между глаз. Кром! Погибнуть от руки лесного разбойника!

Ярость придала киммерийцу дополнительные силы, он застонал, чувствуя, как готовы лопнуть мускулы... и все же зингарское стремя порвалось раньше.

С хриплым ревом король вскочил на ноги, вращая над головой меч, ставший сверкающим кругом. Двое пытались атаковать и были изрублены быстро и безжалостно — вместе с конями. Меч Конана был хоть и не особо длинен, но достаточно тяжел, чтобы превратиться в смертоносную мельницу. Анимар пустил свою лошадь к лесу, но та споткнулась, горбоносый покатился в траву, вскочил, выхватывая кривую саблю. Дрянь у него была сабля, как

и его фальшивые украшения: она переломилась от второго удара. Горбоносый схватился за кинжал и тут же потерял его — вместе с кистью правой руки.

Зажимая рану, главарь рухнул на колени.

— Пощади! — возопил он. — Не своей волей!.. Принудили, принудили меня!

— Кто?!

— Не могу сказать, тогда — смерть...

— Ты и так умрешь, но сначала все расскажешь... королю. Альфред, веревку!

Тишина была ему ответом.

Конан огляделся: тела коней и людей усеивали поляну. Потом он увидел Ветрянку: кобыла стояла у края обрыва, грустно понунив голову. Сердце короля дрогнуло в недобром предчувствии. Ухватив Анимара за шиворот, он поволок его наверх, туда, где косогор отвесно обрывался к берегу Ширки.

Альфред лежал у самой кромки пропасти, рядом с одним из бандитов, в груди которого торчал изящный, украшенный затейливой чеканкой кинжал оруженосца. А под сердцем юноши виднелась грубая рукоять ножа, обмотанная какой-то засаленной дрянью.

Конан провел ладонью по лицу, стирая пот. Пот, что же еще — ведь он был суровым воином и только что принял битву, из которой вышел победителем.

— Кто послал вас? — хрипло спросил он Анимара. Тот заскулил и попытался поцеловать потертый сапог короля. Кровь текла из его раны, а вместе с кровью готова была уйти жизнь.

Конан ухватил бандита за ногу, легко поднял и встал над обрывом так, чтобы главарь мог хорошо видеть острые камни внизу. Тот висел над пропастью, жалобно подвывая, и его многочисленные цепочки тонко позванивали.

— Кто? Говори, или отправишься прямиком в пасть к Нергалу!

— Я не могу, не могу...

— Ваши собаки выслеживали нас, ты назвал меня киммерийцем, ты знал, кто я. Кто приказал тебе убить короля?

— Я скажу, скажу... — голос горбоносого прерывался от животного ужаса. — Но поклянись клятвой великого владыки, что отпустишь меня! Я не убивал твоего оруженосца, это собака Клейст его убил... и сам подох. Я не велел...

— Ну да, ты хотел пленить мальчишку для своих гнусных утех. Кто послал тебя?

— Дай слово короля, что отпустишь, если скажу.

Конан немного подумал.

— Клянусь.

— Гийлом! — выкрикнул Анимар, и в голосе его прозвучало торжество обреченного. — Твой вассал, твой друг, с которым ты, варвар, пил заздравную чашу или как там у вас это зовется! Он нанял нас, он приказал убить тебя! Он знал, что ты охотишься без охраны...

— Ты лжешь, мешок с дерьмом! Я построил здесь город, чтобы защищать эти земли, и никогда не ущемлял права местных нобилей!

— Пусть мне отрубят другую руку! Тебя здесь ненавидят, и не только твой лучший собутыльник...

Лицо киммерийца застыло, он сам словно превратился в каменную статую. Потом губы его расплзлись в кривой усмешке, и он сказал:

— Ладно. Я тебе верю.

— Ты поклялся, что отпустишь меня...

— Поклялся. Я тебя больше не держу.

С этими словами варвар разжал пальцы.

Потом он вернулся к телу Альфреда. Рядом с Ветрянкой пасся унылый мул, а над телом юноши склонился карлик. «Отсиживался где-то во время боя», — решил Конан.

— Иди, раб, — сказал он устало. — Иди, ты свободен.

— Умер, умер, — забормотал карлик, — такой молодой, такой молодой...

— Все мы умрем, — Конан прикидывал, во что бы завернуть тело. — Кто раньше, кто позже...

— Конесью, конесью, — прошепелявил коротышка, — но ты, король, умрешь раньше...

С этими словами он быстрым движением извлек из-за пазухи маленький, словно игрушечный ножечек и, под-

прыгнув, ударил короля в грудь. Это было настолько неожиданно, что Конан даже не сделал попытки защититься.

Лезвие оставило лишь небольшую царапину, из которой выступила капля крови. Конан недоуменно глянул на ранку, потом смахнул каплю пальцем и лизнул его. Только вкус крови.

— Зачем ты это сделал? — недоуменно спросил он карлика.

Тот спокойно стоял рядом, не делая попытки скрыться.

— О, герцог Гийльома осень, осень коварный. Он не верил, что лесные бандиты могут одолеть такого сильного и могучего короля, как ты. Ты убил их всех. Тогда я ударил тебя ядом. Осень, осень коварный яд, действует долго, но верно. Сихаскхуа — растение. Дает сок — без цвета, вкуса и запаха. Должен был незаметно тебя поцарапать, чтобы ты умер через седмицу от неведомой болезни в своем большом красивом городе. Никто бы не узнал... Но раз эта собака тебе все разболтала... Может быть, ты успеешь убить графа Гийльома. А теперь меня убивай.

— Ты — одержимый? — хрипло спросил король.

— Воля моя убивать, чтобы быть убитым, — слова карлика были темны и непонятны.

— Ты знаешь противоядие?

— Нет противоядие. Ты будешь меня убивать?

— Нет! — рявкнул король, к которому вернулась воля. — Клянусь Кромом, не бывает отравы, от которой нет спасения! Ты откроешь мне эту тайну, гнусный маленький паук!

— Если ты не хочешь меня убивать, я буду резать тебе горло.

Коротышка взмахнул ножом и ринулся на гиганта. Конан инстинктивно отмахнулся от него, как отмахиваются от комара, но удара огромной ладони хватило, чтобы карлик взвился в воздух и, нелепо взмахнув ручками, скрылся за краем обрыва. Через несколько мгновений снизу долетел глухой удар.

Тайна сихаскхуа разбилась о прибрежные камни Ширки.

Глава 6. ЖРЕЦ И МАГИСТР

Так ты утверждаешь, что эта курильница серебряная?

Туранский купец, толстый человек в шелковом халате с пестрой вышивкой, ласково улыбнулся и кивнул. Он умел улыбаться ласково и подобострастно, даже если презирал покупателя. Люди глупы — лезть продавца поднимает в их глазах стоимость товара.

А этого покупателя купец презирал всей душой. Тощий человечек в грязной, прожженной в нескольких местах рубашке, коротких штанах и сандалиях, крутил в руках курильницу, то поднося ее к свету, то приближая к своему острому чуткому носу, словно желая по запаху определить ее подлинную природу. Этому замухрышке было не больше двадцати пяти, но темя его уже украшала лысина, а глазки были подслеповаты и часто моргали. Где-нибудь в Аграпуре или Хоарезме сей заморыш в лучшем случае таскал бы воду или служил на побегушках у богатого лавочника. И все же купец вынужден был растягивать губы и скрывать свое благородное негодование: он беседовал не с кем-нибудь, а с Великим Магистром Искусств Аквилонии, Главой Гильдии Мастеров и главным архитектором города Турна.

Болтали, что бывший школяр оказал королю Конану неоценимую услугу, когда лет пять назад владыка Аквилонии чуть было не лишился завоеванного трона. Тогда в стольной Тарантии была большая резня и смута, многие переметнулись на сторону принца Пеллийского, которого поддерживали король Офира Амальрус и король Котха Страбонус. Киммерийский узурпатор (как называли Конана его враги) был яленен с помощью какого-то мага, но сумел выбраться из заточения и разгромил заговорщиков в стенах столицы. Узнав, что школяр Афемид бесстрашно разоблачал предателей перед народом и уговаривал графа Троцера идти на помощь городу, король сделал его главой придворных стеклодувов. Однако Афемид оказался искусным не только в этом ремесле, и вскоре из простого мастера стал Великим Магистром. Когда король задумал построить в Озерном Крае новый город, он повелел Афемиду возглавить работы.

Турн возвели всего за четыре года в излучине реки Ледяной. Собственно, это была не река, а система протоков, соединявших многочисленные студёные озера, раскинувшиеся в западной части графства Гандерланд. Крепостные стены новой цитадели, призванной обезопасить северные границы Аквилонии, круто вздымались над водами реки и имели необычные пятиугольные выступы, устроенные через равные промежутки. Строители, которых полно было в городе, где все еще возводили новые и новые постройки, говорили, что придумал их все тот же Афемид, дабы удобнее было вести обстрел штурмующих. Впрочем, стены Турна не выдержали пока ни одной осады: король Конан железной рукой и щедрыми подарками навел порядок в своих землях, и вот уже несколько лет Аквилония жила в мире и процветании.

Велики были заслуги Магистра, велика была и милость короля к бывшему школяру. И все же туранский купец не мог признать его за равню: многие поколения его предков были знатными негоциантами, а родители этого выскочки, как шепотом передавали сплетники, перебивались мелким воровством в трущобах Шамары и сгинули во время очередной облавы городской стражи лет десять назад.

— Белое серебро, мой господин, — низко поклонился купец, — прекрасное белое серебро иранистанской работы. Обрати свое просвещенное внимание на поистине бесподобное искусство чеканщиков: это изделие было отковано из целого куска заготовки, и цена ему...

— Цена ему не так велика, как тебе хотелось бы, — магистр задумчиво пощелкал по металлу обкусанным ногтем. — Во-первых, это не чеканка, а литье. Сплошная отливка, сделанная в глиняной или каменной форме. Материала, конечно, пошло много, и материал этот не дешев. Но самое главное, это не серебро, а бронза.

Глаза купца вспыхнули на миг гневом, но тут же потухли. Он растерянно развел пухлыми ручками.

— Поистине, о искуснейший из искусных, занятия твои, как всем известно, неисчерпаемы и многотрудны. Я не подвергаю сомнению остроту твоих глаз, которые видят слишком много буковок в книгах и свитках, но в твоей мастерской недостаточно светло, и ты, о достой-

нейший из знатоков, ошибся: всякий отличит красноватый цвет меди, из коей, как известно мастерам, изготавливается бронза, от чистого сияния серебра!

— А это, уважаемый, зависит от того, сколько добавлено к меди вещества, называемого оловом.

Магистр поставил курильницу на широкий каменный подоконник, и металл засверкал в лучах солнца. Потом несносный знаток порывлся на полках и положил рядом с иранистанской поделкой монету, кинжал и колокольчик.

— Вот, взгляни, — жестом подозвал он купца. — В этой монете не больше одной двадцатой части олова, поэтому и зовут ее просто медной полушкой. Для клинка оружейник взял десятую часть олова, и цвет его золотистый. Кстати, ловкачи часто выдают такой сплав за настоящее золото. В колокольчике — четвертая часть олова, он желтоватый и отлично звенит. Ну а если это вещество составляет в бронзе более трети — такой металл очень похож на белое серебро. Мы можем это проверить, расплавив сию вещьцу в тигле...

Купец отлично знал цену своему товару, купленному у иранистанского поставщика по сходной цене. Знал он также, что король Конан, всячески поощрявший торговлю в Турне, сурово карал обманщиков: фальшивомонетчиков — отрубанием рук, а поставщиков сомнительных товаров — бичеванием и довольно длительным пребыванием у позорного столба на рыночной площади.

Поэтому негоциант поступил так, как подсказывал ему многолетний опыт — он рухнул на колени и, задрав к сводчатому закопченному потолку ухоженную бороду, заголосил:

— О горе мне, горе! Какой жестокий обман, какое коварство! Да источат кишечные черви нутро низкого Альтаманна, да разъест черная язва его толстую рожу, да не породят ему чад Зульфия, Омира, Лайла, Онфира, Лимия...

Купец, очевидно, собирался перечислить всех жен неведомого Альтаманна, но магистр нетерпеливо прервал его:

— Сервиз на пятьдесят персон, что ты предлагал для королевского стола, тоже брал у этого пройдохи?

— Увы, увy, где были мои глаза, какой позор на мои седины, какой позор!

И почтенный негоциант попытался поцеловать пальцы магистра с черной каймой под неровными ногтями. Афемид отдернул руку, словно опасался, что туранец его укусит, и нетерпеливо сказал:

— Верю я тебе, верю. В Иранистане много олова и много обманщиков. Но вот король... Хотя он и бывал на востоке и знает нравы тамошних торговцев, но Алтаманн — далеко, а ты — под рукой... Мой совет: пока государь занят на стрельбище, уноси-ка ты ноги вместе со своим товаром. А когда кишечные черви съедят нутро твоего поставщика, найди другого, закупи что-нибудь стоящее и приезжай снова.

Купец с горестным кряхтением поднялся и, кланяясь, задом удалился в маленькую дверку. Его слуга потащил следом короб с посудой, которой так и не суждено было стать украшением королевского стола. Афемид невольно улыбнулся, когда услышал, как на винтовой лестнице туранец заорал на носильщика:

— Осторожней ты, безрукий олух, не урони!

«Олово — материал мягкий, — подумал магистр, — а до нижней площадки башни полсотни ярдов. Прекрасно он знает, какое «серебро» привез в Турн. Стоило бы поддержать этого жулика у позорного столба...»

Он подошел к окну и полной грудью вдохнул прохладный осенний воздух. Его мастерская находилась наверху одной из крепостных башен, и отсюда хорошо были видны крыши домов и купола дворцов. Некоторые постройки окружали строительные леса, по которым, словно муравьи, сновали мастеровые. В центре города, на холме, величественно возвышался Храм Митры.

Молодой человек любил Турн как поэт — первой и чистой любовью. Он и был поэтом, только не покрывал пергамент строками красивых слов, а исчерчивал его планами и набросками, которые воплощались в камень.

Конечно, если бы не железная воля короля, эти места оставались бы столь же пустынными, как и пять лет назад. Никто не верил, что замысел киммерийца, привыкшего скорее разрушать, чем созидать, увенчается успехом. Но сомневающиеся не брали в расчет упрямство варвара: он

всегда добивался того, чего хотел. Узнав, что многие предали его во время последнего мятежа, король невзлюбил стольную Тарантию и, под предлогом укрепления северных рубежей, удалился в Озерный Край. Отсюда он разослал гонцов на все четыре стороны света — с вестью, что даст вольную и отпущение грехов всякому, кто способен таскать камни, месить глину и у кого не кружится голова от работы на строительных лесах. Таковых оказалось немало, и городские стены росли столь быстро, что окрестные жители даже стали поговаривать, что тут не обошлось без колдовства.

Граф Гандерланда Гийлом заверил своего сюзерена, что тот оказал ему великую честь, задумав построить новую цитадель в здешних землях. Он стал почти всегдашним спутником короля на охотах и лучшим сотрапезником на многочисленных пирах, которые задавались поначалу в шатрах, а затем — в отстроенном по проекту Афемиды дворце. Постепенно из Тарантии в Турн потянулись знатные искатели королевских милостей, и вскоре турнский двор уже не уступал по блеску столичному. Верховный жрец Храма Митры, Пресветлый Обиус даже уговаривал Конана перенести трон из погрязшей в пороках Тарантии поближе к Неугасимому Огню...

Подумав о Пресветлом, Афемид невольно поморщился. Он недолюбливал этого пухлого ухоженного человечка, который, облачившись в широкий шафрановый хитон и украсив голову венком из листьев лавра, любил возлежать на подушках с чашей вина и разглагольствовать о возвышенном. От таких речей магистра всегда одолевала зевота: витийству отвлеченных рассуждений он предпочитал точный расчет и зримые результаты, а лавр, по его разумению, более подходил для суповой приправы, чем для головного украшения. Этим он всегда привлекал благоволение короля, который любил послушать на досуге рассказы о свойствах камней, металлов и растений. Тем более странным было для Афемиды, что киммериец в последнее время стал прислушиваться к нудной зауми Обиуса и даже приучился выпивать, лежа на атласных подушках.

Сзади раздался какой-то шорох и, обернувшись, Афемид увидел мальчишку в шафрановом одеянии с открытым левым плечом — младшего миста из Храма Митры.

— Господин Верховный Магистр, — сказал тот, стараясь придать ломающемуся голосу должную торжественность, — Верховный жрец Храма, Хранитель Неугасимого Огня, Пресветлый и Пребывающий в Мире, Держатель Хрустального Жезла...

— Короче, — буркнул магистр.

— ...просит вас немедленно прибыть к нему в покои, называемые Средоточием Просветления, — закончил посылный несколько обиженно.

«Долго жить будет Пребывающий в Мире, — досадливо подумал магистр. — А чего не жить: ест да пьет вдовсталь, да все отменное, а о теле своем печется так, что столичные жрецы даже обвиняют его в забвении Заветов Митры...»

Идти не хотелось, но что поделаешь: Обиус не станет призывать его лишь затем, чтобы распить чашу пуантенского, разбавленного наполовину водой. Тем более, в отсутствие короля...

Отпустив мальчишку, магистр переоделся в чистое, ополоснул лицо из оловянной чаши, спустился по винтовой лестнице, и, миновав хозяйственный двор, огороженный двойным частоколом, вышел на городскую улицу. Он решил не пользоваться услугами носильщиков, а идти к Храму пешком.

Начиная от внешней стены города, земли были отданы на откуп мелким застройщикам: разномастные, но весьма добротные дома теснились вдоль извилистых улочек, в хитросплетении которых немудрено было заблудиться чужаку. Собственно, в том и состоял замысел главного архитектора: в случае, если врагам, покусившимся на северную цитадель, удалось бы одолеть внешнюю стену или проломить одни из семи ворот, они оказывались в настоящем лабиринте под градом стрел и камней из катапульт, предусмотрительно укрытых в некоторых дворах.

Сейчас здесь вовсю торговали многочисленные лавки и лавчонки, а многие продавцы устроились прямо возле стен, разложив товары на кошмах или деревянных лотках. Многие знали Верховного Магистра, он то и дело отвечал

на дружелюбные приветствия, приподнимая свою круглую войлочную шапочку. Торговали преимущественно съестным, на жаровнях румянились ломти мяса, пеклись лепешки и овощи, а в воздухе витали ароматы, способные вызвать зверский аппетит у самого стойкого пустынноика.

Главный рынок располагался по другую сторону города, за стеной, плавно выгибавшейся вдоль берега Спокойного озера, куда входили суда, приплывшие с юга, вверх по течению Ширки, а потом по Ледяной, впадавшей в нее неподалеку от Галпарана. Здраво поразмыслив — Турн лежал в неудобном для торговцев месте: ладейщикам приходилось изрядно попотеть, преодолевая течение и пороги, но аквилонский король установил столь выгодные пошлины, что купцы предпочитали плыть к новому городу, нежели сбывать свои товары в более южных землях. К Турну вели и сухопутные пути, по которым шли караваны, везущие туранские ковры и аргосское стекло, шемскую керамику и золотые стигийские украшения, доспехи и оружие из Зингары, и даже кхитайские шелковые ткани.

Уверенно пройдя кратчайшей дорогой, Афемид вскоре оказался возле внутренней стены, огораживавшей Верхний Город. Она была не столь высока, как внешняя, но осаждавшим пришлось бы пролить немало пота и крови, чтобы ее одолеть. Стражник у ворот, пропуская главного мастера, отсалютовал ему копьем.

Улицы Верхнего Города, словно спицы огромного колеса, веером расходились от Храмового Холма. Были они широки и вымощены камнем. За высокими палисадами переливались всеми красками осени сады, окружающие особняки богачей и дворцы знати. Некоторые здания еще достраивались, попадались и пустующие участки, ждущие состоятельных застройщиков. Вдоль улиц, через равные промежутки, торчали высокие медные трубки, из которых по ночам били факелы, бывшие частицей Неугасимого Огня Митры. Стуча по плитам мостовых коваными башмаками, шествовали патрули гвардейцев, скупавших в тишине и покое Верхнего Города. Они приветствовали Афемиду, ударяя мощными кулаками себя в грудь.

К Храму Митры вела широкая лестница, обрамленная фонтанчиками, из которых паломникам дозволялось уто-

лять жажду. Магистр взбежал по ступеням, отмечая, что неплохо бы подновить стертый подошвами камень. Известняк, конечно, выглядит благородно, но уж больно недолговечен.

Под высоким куполом Храма мог бы разместиться военный лагерь, а огромные витые колонны, вытесанные из цельного гранита в Немедийских горах, должны были напоминать прихожанам о малости человеческой жизни пред лицом Вечного. Посреди зала пылал огромный факел Неугасимого Огня.

Служитель провел Афемиду боковыми проходами к Покою Просветления. Верховный жрец поднялся ему навстречу, выказывая уважение любимцу короля. Впрочем, он тут же упал на подушки, жестом пригласив магистра последовать его примеру. На низком столике стояла ваза с фруктами и стеклянный сосуд голубовато-зеленого оттенка с вином.

— Господин магистр, — заговорил Обиус слабым голосом. — Я пригласил тебя, дабы поразмышлять о возможных следствиях явления, причины коего скрыты, как и все причины, в хитросплетении закономерностей, принимаемых многими за проявление слепого случая...

«Начинается», — тоскливо подумал Афемид, усаживаясь по-турански на подушки.

— Буду краток, дабы не отрывать тебя от забот, возложенных владыкой на твои хрупкие плечи, груз коих снедает твою плоть, возвеличивая душу, трепещущую, словно светлячок в ночи, как, впрочем, и все наши души, суть коих есть лишь воля Вечного и дозволение Его к воплощению на тверди, называемой землею...

Афемид взял из вазы яблоко и с хрустом надкусил.

— Отличный плод, возвращенный заботливыми руками пуантенских садоводов, в поте лица обрабатывающих свои долги перед Вечным, — заметил жрец. — Не желаешь ли отведать вина из Аргоса, где виноделы столь...

— Желаю, — сказал магистр и налил себе чашу.

— Рекомендую разбавить вино водою, — томно напутствовал жрец, — ибо в Заветах сказано: «И да не наливайся до ушей соком перебродившим...»

— Пресветлый, — Афемид решил наконец выяснить суть дела, — если ты пригласил меня, чтобы порассуждать

об отвлеченных вещах, ты знаешь, я в этом не силен. Могу сказать, что в стекло этого сосуда добавлено немного железа, поэтому оно голубовато-зеленое. Что же касается причин и следствий...

— Речь пойдет о вещах, в которых ты гораздо более сведущ, нежели я, — Обиус отхлебнул из своей чаши, поморщился и долил воды. — Дело в том, что не далее часа назад ко мне явился ванирский вождь...

— Ванир? Здесь?! — Афемид не смог скрыть удивления.

— ...назвавшийся Эйримом Высоким Шлемом, владыкой Раг... рана... — в общем какого-то ничтожного клочка мерзлой земли в его родном Ваннахейме, и объявил, что он — брат нашего короля.

Если ранее челюсть магистра готовилась к всегдашней зевоте, сопровождавшей речи Пресветлого, то сейчас она поехала вниз, являя выражение крайнего изумления. Сквозь полуприкрытые веки жрец поглядывал на молодого человека: он был доволен, что смог озадачить всегда невозмутимого магистра.

— Ну, конечно, не родной брат, ибо трудно помыслить кровное родство киммерийца и ванира, хотя, поговаривают, они не столь уж блюдут чистоту крови, как это принято среди знати цивилизованного мира. После недолгих расспросов я понял, что эти дикие люди считают братом всякого, с кем пили свое кислое пиво без особых трагических последствий. Кроме того, этот Эйрим помог нашему королю в борьбе с каким-то колдуном. Не припомнишь ли ты, уважаемый господин магистр, — рассказывал ли Конан Аквилонский что-либо об этом человеке?

Вопрос был задан неспроста: Пресветлый отлично знал, что Афемид записывал рассказы короля о его похождениях в ту пору, когда Конан, варвар из Киммерии, еще был простым искателем приключений.

Помедлив, магистр произнес:

— Я припоминаю... Эйрим Высокий Шлем помог нашему королю, когда тот, выполняя волю некой волшебницы, сразился с могущественным магом, построившим замок в землях ваниров. Кажется, тот назывался Кро-Ган-

бор, а чародея звали Гор-Небсехт...¹ Но как этот ван оказался здесь?

— О, это очень поучительная история, — тонко улыбнулся жрец. — Сей разбойник, чьи люди опустошили не одно поселение вдоль морских и речных берегов, был просветлен по воле Митры и, хотя все еще почитает своего гнуснейшего Имира, решил заняться торговлей. К тому принудила его болезнь, и он дал обет, что, если выздоровеет, бросит свои гнусные привычки и привезет в наши земли меха снежных куниц, дабы скрепить дружбу Ванайма и Аквилонии. Он со своими людьми перешел Киммерийские горы, построил в верховьях Ледяной три лодки и приплыл через озера к стенам Турна.

— Так чего же он хочет? Торговать? Это не заказано никому... Или повидать короля?

— Видишь ли, дело обстоит несколько сложнее, как нет ничего простого в этом мире, согретого дыханием Митры, сотворяющего хитросплетение дел по воле Своей. Среди команды Эйрима оказался аквилонец, который по пути сюда умер.

— И что же?

— Ванир просил совершить обряд погребения по нашему обычаю, ибо аквилонец был его другом. Или братом, как они говорят.

— Это значит, что его тело должно сгореть в Неугасимом Огне?

— Именно.

Магистр задумался. Ваниры слыли во всех землях за отъявленных разбойников, промышлявших в летнее время грабежом селений, имевших несчастье строиться у побережий. Были они искусными мореходами, и на своих длинных быстроходных дракарах доходили до Зингары, Аргоса и даже Стигии. Плавали они и по рекам, наводя ужас на местных жителей.

Но Конан действительно рассказывал ему об Эрике Высоком Шлеме. Можно ли отказать побратиму киммерийца? Решить эту задачу было посложнее, чем вычертить план дворца или рассчитать наклон трубопровода.

¹ История борьбы Конана с магом Тзота-ланти описана в новелле Р. Говарда «Алая цитадель». Эти приключения Конана описаны в романе М. Мэнсона «Конан и Небесная Секира».

— Решать надо сейчас, когда король отправился на охоту в сопровождении юного Альфреда, о чем знаем только мы с тобой, — снова зажурчал голос жреца. — Неизвестно, сколько он пробудет в лесах, а покойник и так слишком долго ожидал погребения. Ты знаешь, что, волей Конана, я полномочен принимать решения в его отсутствии, но я решил держать совет с тобой, дабы избежать нежелательного вмешательства в цепь причин и следствий. Ванирский вождь просил дозволения, чтобы вся его дружина присутствовала при обряде. Я склоняюсь удовлетворить его просьбу, ибо присутствие в Храме Митры может обратить на истинный путь не одну заблудшую душу...

— Сколько их? — спросил магистр.

— Около сотни

— Думаю, если они, по нашим законам, оставят оружие в привратных хранилищах, опасаться нечего. Король действительно поминал этого Эйрима, правда, судьба сводила их давно, очень давно. Что ж, дозволю им прийти завтра поутру.

— Погребение должно совершиться на закате, магистр, ты запомнювал. Мы совершим обряд сегодня, если ты не против.

— Но ночевать они будут в ладьях?

Обиус посмотрел на свои ухоженные ногти и раздумчиво произнес:

— Пристало ли нам выказывать недоверие к гостям, будь они даже ваниры? Не разнесут ли они весть, что король Аквилонии опасается какой-то горстки северян? Безоружных, пришедших с миром, желающих лишь пообщаться к Свету Вечного? Тем паче, что вождь их когда-то был соратником нашего владыки в его славных подвигах? Пусть проведут ночь на постоялом дворе, а еще лучше, найдут пристанище под кровом гостеприимных турнцев... В Нижнем Городе, конечно.

Афемид поднялся.

— Думаю, ты прав, Пресветлый. Быть посему. Нам не все равно, что станут говорить о Турне в других землях. А сейчас позволь мне откланяться, у меня много дел.

Обиус милостиво махнул рукой, и Афемид направился к выходу. Верховный жрец следил за ним взглядом из-под полуприкрытых век, и когда магистр покинул Покой Просветления, налил себе полную чашу вина.

На этот раз он не стал разбавлять его водой.

Глава 7. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

Когда Конан выехал на тракт, ведущий к Турну, солнце клонилось к горизонту, и тени растущих вдоль дороги деревьев перечеркивали ее подобно глубоким трещинам. Усталая Ветрянка, почуяв близость дома, перешла с шага на рысь.

Обычно многолюдная дорога была пуста: ни телег, везущих в город крестьянские товары, ни купеческих караванов, ни прохожих. В одном месте Конан приметил раскинутые вдали от тракта шатры и распряженные кибитки: кто-то собирался заночевать задолго до закрытия городских ворот. Недоброе предчувствие кольнуло сердце, но Конан не стал понукать лошадь — кобылке Альфреда и так сегодня досталось: она безропотно пронесла через лес и тело своего хозяина, завернутое в грязный разбойничий плащ, и нового всадника, которому более пристал бы кряжистый тяжеловоз, чем изящная буланка оруженосца.

После схватки на безымянном косогоре король развел костер, накалил над огнем извлеченный из горла одного из бандитов свой метательный нож, и прижег ранку, оставленную безумным карликом. Он не чувствовал никакого воздействия яда, но хорошо запомнил слова одержимого, что эта отравка призвана покончить человеческую жизнь далеко не сразу.

Унылый мул некоторое время трусил за Ветрянкой, пока не отстал в густом подлеске. Король то вполголоса бормотал проклятия, то успокаивал себя тем, что Пресветлый Обиус составил целый трактат о различных ядах; а прагматичный Афемид отлично разбирался в свойствах самых диковинных растений. И все же предчувствие беды давило сердце ледяными тисками.

Поэтому он почти не удивился, когда, поднявшись по тракту на высокий холм, с которого открывался широкий

вид на излучину Ледяной и город, взбегавший от мощных стен к Храмовому Холму, увидел сполохи пламени среди домов. Поначалу он решил было, что это светят факелы в Верхнем Городе, устроенные хитроумным Афемидом для ночного освещения, но потом заметил, что огонь пылает в нижних кварталах, и к небу, не успевшему покрыться россыпью звезд, поднимаются клубы черного дыма. Глаза киммерийца были остры, как у сокола, выслеживающего добычу, и он отчетливо различил мечущиеся по улицам Турна фигурки и блеск оружейной стали. В городе явно шел бой.

Еще не так далеки были времена, когда Конан, привычный следовать первому побуждению, дал бы шпоры лошади и, выхватив меч, устремился в гущу битвы — чтобы победить или погибнуть. Но с тех пор, как Кром, Владыка могильных курганов, бросил на новорожденного сына коваля свой первый и единственный взгляд, прошлю более сорока лет, варвар из Киммерии завоевал трон, а вместе с ним и королевскую ношу: сладостную власть и обремененную надобностью быть не только воином, но и стратегом, умеющим выжидать, приобретать союзников, распознавать интриги и наносить удар в нужное время и в нужном месте. Поэтому рука короля натянула поводья, а взгляд его голубых глаз не наполнился яростью, а, напротив, стал холоден и сосредоточен. Он отлично видел, что ворота, к которым вел тракт, открыты, но возле стен не было ни осадных башен, ни лестниц, ни штурмующей город рати. И еще король увидел всадника, мчащегося во весь опор от стен Турна.

Когда он приблизился, Конан узнал капитана превратной стражи Ольвейна. Он был без шлема, голова обмотана повязкой с запекшейся бурой кровью. В руке капитан сжимал обломок меча.

Завидев короля, Ольвейн осадил лошадь, которая после бешеной скачки не желала стоять на месте и несколько раз взбрыкнула, испугав Ветрянку. Оба всадника, впрочем, были достаточно опытны, чтобы обуздать скакунов, и капитан склонил окровавленную голову перед королем.

— Государь, ты жив, — прохрипел он, — а болтали...

— Кто взял город? — мощный глас Конана, казалось, вернул капитана на землю. — Кто — и, главное, — как?!

— Ваниры, государь, — капитан едва держался в седле. — Ваниры, чтоб им провалиться в Нижний Мир... Они захватили Храм Митры и палат дома в Нижнем Городе...

— Я сегодня уже встретился с одним одержимым... Ты тоже спятил? Как ваниры могли взять Турн?!

— Ихпустили, государь,пустили напостоя... Они разбрелись по Нижнему Городу, ища пристанищ, потом зачем-то отправились в Храм... Среди горожан оказались предатели, они надели желтые повязки на головы, перебили привратную стражу... Сейчас их люди жгут город и режут всех, кого ни попада...

— Перебили стражу! Вы что — овечки на заклании?

— Но это произошло так неожиданно, государь, никто не думал, что ваниры снюхались с некоторыми жителями.

— Ваниры ли? — пробормотал король, но капитан его не расслышал.

— Ты ранен, Ольвейн? — Вопрос прозвучал почти спокойно. — Способен ли держаться в седле?

Капитан попытался ударить себя кулаком в грудь, захрипел — кровавая пена выступила у него на губах.

— С тобой, государь... хоть в пекло...

— Но ты бежал из города?

— Бежал?! Ты знаешь, к голубятням казармы приважены почтовые голуби Храма... Я получил послание Пресветлого: искать помощи у графа Гандерландского.

Ветрянка жалобно заржала, словно чуяла смерть: своего хозяина и другую, еще неведомую. Копыта лошади взметнули прохладную вечернюю пыль.

— Ты единственный гонец, посланный к Гийлому? — спросил король.

— Нет, государь. Получив приказ Пресветлого, я отправил еще троих лазутчиков, по числу ворот, все еще удерживаемых нашими. Они обязаны дойти, добежать, доползти...

— Да поможет им Митра, — заключил Конан. — А сейчас выкинь этот огрызок стали, возьми мой меч и следуй за мной.

С этими словами он извлек оружие из заплечных ножен и передал его капитану.

Ворота, к которым вел тракт, никто не охранял: трупы стражников валялись поодаль. Створки были раздвинуты,

и за ними, на улицах Нижнего Города, кипела битва. Горожане, привыкшие полагать Турн своим неприступным домом, дорого продавали жизнь ванирам и предателям. Из окон домов летели тяжелые предметы домашней утвари: столы, складные стулья, горшки, лавки и даже бронзовые складни с изображениями Пяти Подвигов Митры. Люди в желтых повязках штурмовали дома горожан с переменным успехом: то там, то тут добротные, окованные железом двери все же уступали натиску нападавших, которые с дикими криками врывались внутрь, не щадя ни женщин, ни малолетних детей.

Конан, въехавший на залитые кровью улицы, отметил, что ни один из камнеметов не извергал на головы сражающихся свои смертоносные ядра: то ли прислуга боялась задеть своих, то ли все катапульты были обезврежены по наводке предателей. Многие дома пылали, в сполохах огня и клубах дыма металась фигуры горожан, тщетно поливавших свои жилища водой из городских колодцев.

Ольвейн ехал впереди короля, прокладывая ему путь дарованным клинком. Жажда битвы вдохнула в капитана новые силы — кровь из открывшейся раны заливала его лицо, но начальник привратников орудовал мечом короля столь успешно, что Конану, вооруженному двумя арбалетами, лишь раз пришлось выпустить стрелу в грудь человека с желтой повязкой на голове, бросившемуся к нему из гущи свалки возле дверей какого-то дома.

Вскоре они оказались у ворот внутренней стены, отделенной от последних домов Нижнего Города широкой площадью. Площадь была пуста, а ворота наглухо закрыты.

Ольвейн ударил в створки рукоятью меча. Глухое молчание было ответом.

— Именем короля! — возгласил капитан. — Клянусь шляпой Мардука, я прикажу повесить за мужскую гордость всякого, кто уснул на посту!

Стрела, пущенная сверху, была ему ответом. Она впиалась в глинобитную стену ближайшего здания, заставив капитана прикрыться шипованным наручем правой руки.

Потом сверху закричали:

— Ольвейн! Это я, Дабриус! Ты помнишь меня?

— Я помню тебя, — отвечал капитан, сопроводив свои слова замысловатым ругательством. — Ты задолжал мне тридцать тарамов, пес!

— Придется тебе подождать. Поверь, капитан, я человек чести и привык отдавать долги, но пускать в Верхний Город никого не велено. Так приказал Пресветлый, а ты сам знаешь, что значит получить его Отлучение...

Конан тронул лошадь и выехал вперед. Голос его прозвучал, как боевая труба.

— Открывай ворота, ты, вонючая клоака Нергала! Это говорю тебе я, твой король Конан!

Наверху воцарилась тишина, потом сробевший голос Дабриуса ответил:

— Не знаем никакого Конана. Отойдите от ворот, иначе будем стрелять!

— Предатели! — заревел киммериец. — Гнусная свора шакалов! Кому вы подчинились — этому толстому бурдюку с разбавленным вином, этому болтуну с суповой приправой на лысине?! Обиус изменник, если отрекся от меня, и умрет страшной смертью!

— Стреляйте! — завопил наверху Дабриус.

Еще одна стрела свистнула в воздухе, выбив искры из плит мостовой возле самых копыт Ветрянки. Потом слышался шум борьбы, приглушенный вскрик, и другой голос, молодой и звонкий, прокричал:

— Мы не предатели, государи! Ублюдок Дабриус получил свое... Но если мы откроем ворота, Пресветлый Обиус умрет. Он захвачен ванирами и действует по принуждению. Ванахеймский вождь держит его за горло. Этот Эйрим Высокий Шлем...

— Кто-о-о?! —

В голосе короля было столько изумления, словно сам Митра явился пред ним, ступив своими божественными ногами на мостовую Турна.

— Так он назвался, — молодой стражник высунулся по пояс из бойницы наверху привратной башни, чтобы удобнее было разговаривать. — Ваниры обманули Пресветлого. Они сказали, что хотят похоронить умершего товарища по нашим обрядам, и Обиус разрешил им принести гроб с телом в Храм. А в гробу было полно оружия. Теперь Пресветлый и все младшие жрецы в их

руках. Но если ваше величество все же прикажет открыть ворота...

Крайнее изумление сменилось на лице Конана глубокой задумчивостью. Поразмыслив, он спросил:

— Чего хочет этот... Эйрим?

— Пока он ничего не требует, — отвечал молодой стражник, — наши вельможи затворились в своих домах и выжидают, что будет дальше. Так открывать ворота, государь?

— Нет, — твердо сказал киммериец. — Как твое имя?

— Лука. А по прозвищу — Балагур.

— Я запомню, что ты не предал меня, Лука Балагур, и как поступил с тем, кто забыл имя своего короля.

С этими словами он сделал знак Ольвейну, они повернули коней и снова углубились в лабиринт улиц, где кипело сражение.

Впрочем, толпа сильно поредела: двери некоторых домов были взломаны, хозяева вырезаны, а внутри гудело пламя или орудовали мародеры. Большинство же городских жилищ оказались не по зубам желтоповязочникам. Строили в Турне на совесть, створки дверей делали из мореного дуба или кованого железа, так что те, кто успел за ними укрыться, успешно отражали атаки, нанося осаждавшим большой урон. Из кладовых были извлечены луки и арбалеты, и теперь их стрелы разили предателей и немногочисленных ваниров, которые ими командовали.

Конан и капитан, отлично знавшие дорогу, пустили коней в галоп. Ольвейн щедро раздавал удары мечом, разя подвернувшихся под руку, а киммериец то и дело разряжал арбалеты: теперь уже не было опасности задеть кого-нибудь из своих.

Вскоре они оказались возле угловой башни внешней стены, огороженной наклонным частоколом из заостренных кольев. К частоколу были приставлены две-три лестницы, но осаждавших что-то не виделось. Возле небольших, но крепких ворот валялось расщепленное с одного конца бревно, которым незваные гости явно пытались проложить себе дорогу.

Ольвейн ударил в створки. На этот раз им не пришлось ждать: ворота тут же распахнулись — очевидно, кто-то наблюдал за ними из башни.

За первым частоколом высился второй, вертикальный. Между этими оградами, на полоске земли шириной локтей в пять, король увидел с дюжину обгоревших трупов. В ближайшем Конан сразу признал ванира, хотя его рыжая борода и превратилась в горстку пепла, засыпавшего изуродованное лицо.

Когда король и капитан оказались внутри ограды, их встретили приветственные крики. Конан увидел несколько стражников, небольшую толпу горожан — мужчин, женщин, детей, среди которых затесался какой-то купец в богатых восточных одеждах.

— Король! Король! Наш государь жив! Слава Конану Аквилонскому!

В воздух летели шапки, стражники стучали мечами по щитам, а негоциант пал ниц, вознося молитвы во славу всех светлых богов и могучего владыки Аквилонии.

Конан нетерпеливо махнул рукой, потом обратился к капитану:

— Ольшейн! Отправляйся в город и собери мне воинов. Да смотри, чтобы явились при оружии. Я еще разберусь с трусами, отсиживающимися по углам, словно затравленные крысы — что-то мало кирас и боевых шлемов я видел среди дерущихся! Бери всех, кто кровью готов искупить малодушие. Приведешь их сюда.

Капитан ударил себя в грудь наручем, сморщился от боли и исчез за воротами. Король спешил, подхватил на руки тело Альфреда и направился к башне. Он легко взбежал со своей ношей по винтовой лестнице, протиснулся в узкую дверь и оказался в мастерской Афемиды. Магистр стоял возле стола в окружении своих подмастерьев, склонившись над листом пергамента.

— Пожалуй, можно, — пробормотал он, поднимая голову и уставившись на вошедшего невидящими глазами, — конечно, если кровь земли не залила нижний уровень...

— Кром! — рявкнул киммериец. — Сдается мне, с утра я еще был вашим королем!

Несколько подмастерьев бросились к нему, бережно подхватив безжизненное тело оруженосца, остальные поч-

тительно склонили головы. Магистр тоже поклонился и сразу же заговорил:

— Когда прокладывали трубопровод, по которому газ из Храма поступает к осветительным факелам Верхнего Города, я велел оставить довольно широкий лаз, чтобы можно было осматривать трубы...

— Постой, — перебил Конан, — ты подразумеваешь Дух Неугасимого Огня, пылающего в Храме Митры?

— Можно назвать его и духом, хотя это скорее газ, невидимый, как воздух, но горючий, словно чистейший уголь. Так вот...

— Но осветительные факелы есть лишь в Верхнем Городе, а ворота его закрыты, — снова прервал король магистра.

— Государь, ты, должно быть, обратил внимание на обугленные трупы между частоколами?

— Хорошая работа. Вы что, стреляли в них зажженными стрелами? Следует наградить лучников за подобную меткость. Но я не понимаю, почему тела сгорели столь основательно.

— Горящая стрела действительно была, но всего лишь одна. Между оградами скрыты патрубки, и стоит мне открыть вот эту задвижку, как горючий газ начинает бить из них фонтаном. Остается лишь...

— Я понял! — вскричал Конан. — О Митра! Ты хитроумен, как... как... — Он запнулся, подбирая сравнение, потом выругался и продолжил: — Значит, трубы тянутся от Храма сюда?

— Да. И подземный лаз тоже. Эту часть мы проложили не так давно, и за твоими делами я не успел доложить о завершении работ.

— Так мы можем... Но что ты болтал насчет крови земли?

— Это некая вязкая горючая субстанция, выступающая из ее пор. Если газ, питающий Неугасимый Огонь в Храме можно назвать духом земли, то сие вещество я называю ее кровью. При последнем осмотре в нижней части подземного хода ее скопилось так много, что мастерам не смогли пройти. Пришлось открывать люки в Верхнем Городе.

Конан помрачнел. Надежда, вспыхнувшая было, подобно яркой небесной звезде, оказалась всего лишь тлеющим в тумане болотным огоньком. И, вместе с тем, в его душе разгоралась другая искра, готовая превратиться в яркий, всепожирающий пламень — пламень ярости.

— Мы пойдем, — сказал он твердо, — пойдем, даже если придется погрузиться в это негалье дерьмо по самые уши. Я готов уподобиться земляному червю, но доползти до ванахейских ублюдков и вырезать им печень...

— Хуже всего, — печально молвил магистр, — что в подземелье темно, хоть глаз выколи. Если же малейшая искра от факела попадет в это вещество, оно превратится в огненную реку, и тогда участь тех, кто валяется между частоколами, покажется нам просто завидной.

Конан так треснул могучим кулаком по столу, что с него полетели какие-то склянки и инструменты.

— Кром! Неужели в твоих мастерских не найдется какого-нибудь магического кристалла, светящегося посоха или холодного огня? Клянусь, я немало повидал подобного добра, шатаюсь по свету...

— Я не волшебник, государь, — отвечал магистр, и в голосе его послышалась гордость, — ты знаешь мое отношение к магии...

— Знаю. Сам никогда не доверял чародеям — все они коварны и блюдут только свою выгоду. Но сейчас я дал бы мешок изумрудов, если бы кто-нибудь из них предложил свою помощь...

Робкое покашливание донеслось из дальнего угла комнаты. К столу, потупя взор, приблизился один из подмастерьев.

— Ты что-то хочешь сказать, Вилинд? — спросил магистр.

— Если мне будет дозволено... Кажется, я знаю, где раздобыть холодный свет.

Конан недоверчиво фыркнул, но жестом приказал юноше продолжать.

— В сырых погребах я видел на стенах такие грибы... Афемид хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Как я сам не догадался! Гнилушки! Друг мой, считай себя отныне старшим подмастерьем.

— И готовь мешок, — добавил киммериец.

— Мешок?..

— Да, для драгоценных камней. Или ты думаешь, короли бросают слова на ветер?

Когда капитан Ольвейн привел к башне магистра человек тридцать стражников, все было готово. Тело Альфреда отнесли на ледник, с тем чтобы придать его Неугасимому Огню, когда Храм Митры будет освобожден от ванирской скверны. Отряд во главе с Конаном спустился в подвал, Афемид отодвинул тяжелую плиту и первым ступил на скользкие ступени, ведущие в чрево земли.

* * *

Поначалу подземный ход был достаточно просторен, и они быстро продвигались вперед. Потом свод стал ниже, и людям пришлось пригнуть головы. Они шли, придерживаясь руками за оловянную трубу, укрепленную на железных держателях, глубоко вбитых в левую стену. Бледный свет гнилушек странно освещал напряженные лица. Казалось, сонм неприкаянных душ в нимбах бледного огня совершает свое последнее путешествие на Серые Равнины. Однако ничего мистического в этих тусклых окружьях на головах не было: хитроумный магистр велел подмастерьям изготовить обручи из медной проволоки, нанизать на них грибы и водрузить эти диковинные венки на головы всех, кто отправился в опасную вылазку.

Ход плавно понижался. Вскоре под ногами что-то захлопало, и, нагнувшись, Конан увидел, что его сапоги перемазаны темным, жирным, словно густая сметана, веществом. Резкий, неведомый дотоле запах ударил в ноздри. Киммериец тронул за плечо идущего впереди Афемиду и указал себе под ноги. Тот кивнул, сделал шаг вперед и вдруг увяз по колено.

— Мы еще не достигли нижнего уровня, — пояснил магистр спокойно, обернувшись к королю, — и я не знаю, насколько глубока эта лужа.

— Лужа? — Конан хрипло рассмеялся. — Да тут целое озеро!

— Государь, — раздался из-за его плеча голос Ольвейна, — дозвожь мне пойти вперед. Я выше всех, за исключением тебя, и, думаю, смогу миновать впадину.

— В Вендии, когда ищут брода, вперед пускают самого низкорослого слона: если пройдет он, пройдут и остальные, — заметил Афемид. — Но в нашем случае, если я захлебнусь, вы можете заблудиться в подземных лабиринтах Храма. Так что предложение капитана не лишено логики.

Ольвейн двинулся вперед, с усилием передвигая ноги. Вязкая жидкость дошла ему до пояса, потом до груди, и вскоре лишь голова в тускло светящемся венке из гнилушек виднелась над матово поблескивающей поверхностью.

— А нельзя ли по ней плыть? — спросил Конан магистра.

— Увы! Кровь земли слишком вязка и поглотит любого самого умелого пловца.

Крик ужаса вырвался из глоток людей, наблюдавших за переправой Ольвейна. Тот, очевидно, оступился, и его голова скрылась под темной гладью — лишь светящийся веночек остался на поверхности.

Конан бросился вперед и тут же понял, что не успеет помочь смельчаку: вещество было настолько вязким, что, погружаясь в него, можно было только брести, но никак не бежать. Но, не успев он сделать и нескольких шагов, как над поверхностью вновь появилась голова капитана. Лицо его было черным, словно из мрачных глубин явился невесть откуда взявшийся зембабвиец.

Изрыгая проклятия и отплеываясь, Ольвейн снова двинулся вперед, успев подхватить обруч с гнилушками и водрузить на голову. Кровь земли волновалась, неохотно отпуская свою жертву, однако капитан уже миновал самое низкое место: вскоре показались его плечи и спина, прикрытая броней кирасы.

Когда обнажились его наколенники, капитан обернулся и прокричал:

— Порядок, дальше коридор повышается! Ну и наглотался же я... Должно быть, это и в самом деле дерьмо Нергала, и по вкусу, и по запаху!

Однако радоваться было нечему: среди отряда лишь двое-трое приближались по росту к Ольвейну и могли миновать озеро, погрузившись в него по шею. Для остальных стражников предприятие казалось безнадежным, не говоря уже о низкорослом Афемиде.

Конан размышлял недолго.

— Я перенесу тебя, — бросил он магистру и, обратившись к воинам, приказал: — вы, двое жердей, пойдете со мной, остальные поворачивайте назад.

Стражники зашумели, одни искренне, другие лукаво выражая преданность государю и желание идти за ним хоть в пекло.

— Свою храбрость будете являть наверху, — отрезал король. — Рассылайте лазутчиков, собирайте во дворе магистра все силы и готовьтесь к вылазке. Поставьте дозорных на башне, и когда увидите, что на Холме началась заварушка, открывайте ворота и атакуйте этих ублюдков. Даю вам возможность искупить малодушие. Те, кто умрет, будут прощены, кто выживет — получит награду.

С этими словами он легко подхватил Афемиду и, легко подняв его над головой, побрел через вязкое озеро. Двое вояк следовали за ним, подбадривая себя жуткими богохульствами.

Переправа прошла удачно, если не считать расцарапанного носа магистра, которым он пару раз пробороzdил низкий свод коридора. Подземный ход плавно уходил вверх, правда становясь все уже, так что в конце концов людям пришлось ползти, а в некоторых местах разгребать земляные оползни. Афемид беспрерывно бормотал, что деревянные крепления ненадежны и их следует заменить железными: накладно для казны, но уж на века. Ольвейн хрипел, плевался кровью, поминал шляпу Мардука, задницу Нергала и чьи-то детородные органы. А Конана, к его собственному несказанному удивлению, душил смех: он и впрямь чувствовал себя земляным червем! Конан-червяк, надо же!

Потом они вывалились из узкого лаза в небольшую пещеру, добротнo укрепленную деревянными сводами, подпорками и дощатыми стенами. Отсюда наверх вел колодец.

— Мы уже в Верхнем Городе, — пояснил Афеми́д. — Сюда через люк спускаются мастеровые, когда осматривают трубы. Дальше мы сможем идти, правда, согнувшись в три погибели.

Оставшийся до Храма путь проделали без приключений. Подземный ход оканчивался еще одним колодцем, на этот раз каменным. Магистр ловко вскарабкался по укрепленным в стене скобам, повозился с задвижкой, и тяжелая плита, прикрывавшая выход, отъехала в сторону.

Они оказались в просторном коридоре, освещенном небольшими факелами-патрубками: Дух Неугасимого Огня давал свет и подземельям Храма. Афеми́д уверенно двинулся вперед, но Конан придержал его за руку.

— Скажи-ка, куда выведет нас коридор?

— Под Храмом расположен довольно запутанный лабиринт, через него можно попасть и в главный зал, и в некоторые покои...

— Насколько я помню твои хитроумные чертежи, в подземелье ведет потайная дверь из резиденции Обиуса...

— Под Храмом устроено сокровенное убежище на крайний случай, и в Покоях Просветления есть скрытый вход. Очевидно, Обиус не успел им воспользоваться...

— Или не захотел, — пробормотал Конан себе под нос, — хотя отлично знаком с планами лабиринта. А вот знает ли он о подземном ходе?

— Ну, я не стал посвящать Пресветлого во все подробности. В конце концов, это всего лишь техническое приспособление для осмотра трубопровода.

Конан хмыкнул и расхохотался. Казалось, главный архитектор не смог бы больше угодить королю, даже построй ему дворец на облаке.

— Веди же, хитроумный мой, веди нас к Средоточию Просветления, к этой обители мудреных помыслов! — воскликнул киммериец. — Сдается мне, что, постояв за створками, мы услышим немало интересного...

Глава 8. ПЛЕННЫХ НЕ БРАТЫ!

Ваш Имир — всего лишь кусок мерзлой воды, готовый истаять под мимолетным взглядом Митры, бога Вечного и Неизменного, Сотворяющего и Несотворенного, Дарующего и Забирающего, Всеблагого и...

Рыжебородый ванир с изуродованным глубоким шрамом лицом рыгнул и отхлебнул из горлышка хрустального графина добрую половину содержимого. Сморщился, обильно сплюнул на атласные подушки, глотнул еще и пророкотал:

— Что ж не помогает тебе твой бог? Тем паче в собственном святилище. Мысляю я, в нем столько ж силы, сколько хмеля в этом пойле, называемом у вас вином!

Он сидел на изящном складном табурете, и сидалище жалобно потрескивало под грузным кряжистым телом. Пресветлый Обиус по своему обыкновению возлежал на подушках, потягивая разбавленное пуантенское. Вид у него был томный и умиротворенный, хотя за спиной жреца примостились еще двое вооруженных ваннахеймца.

— Видишь ли, темный человек, замыслы Всеблагого столь же сложны для нашего понимания, как, скажем, туранские письмена для вана. Впрочем, уверен, и самые обычные буквы, коими пользуются в западных странах, для тебя подобны темному лесу...

— Ха! — презрительно выдохнул рыжебородый, и Верховный Жрец невольно сморщился от сильного запаха перегара, наполнившего Покои Просветления. — Я знаю несколько рун, которые ковальщики царапают на клинках, и этого мне пока хватало! И не называй меня ваном, эту кличку придумали южные ублюдки. Я — ванир, запомни, толстяк!

— Ванир, ванахеймец — какая разница? Все это слова, не отражающие сути. Наши истинные имена знает лишь Митра, и скрыты они в глубинах, доступных только просветленным умам. Задумывался ли, несчастный, кто ты есть на самом деле, всматривался ли в свою темную душу?

— Чего-о-о? — зарычал северянин, свирепея. — Ты что несешь? Я — Эйрим Высокий Шлем, повелитель Рагнаради, и этого вполне...

Шум, раздавшийся за спиной Пресветлого, прервал эту грозную речь. Заскрипели створки невидимых дверей, и из-за прикрывавшей их портьеры явились существа столь страшные, что породить их могла только преисподня. Были они черны, перепачканы землей, в разорванных одеждах и помятых бронях, а на темных ликах гневно горели глаза — страшные глаза демонов. Двое ваниров, охранявших Пресветлого, в ужасе бросились было бежать, но тотчас были зарублены. Самый высокий из демонов, в изодранной кожаной безрукавке на голом теле, шагнул к рыжебородому и проревел:

— Эйрим?! Ты смеешь называть себя Эйримом Высоким Шлемом, сыном Сеймура Одноглазого?! Уж не тебя ли я проткнул, словно кашуна, в усадьбе Рагнаради? Как ты не сдох тогда, Фингаст, или колдун из Кро Ганбора успел помочь своему слуге чародейством, прежде чем я разделался с ним самим?

Ванир вскочил, судорожно сжимая рукоять меча, но словно не в силах извлечь оружие из ножен.

— Ты! — выдохнул он изумленно. — Но как... Ты умрешь, киммерийский пес!

С этими словами он потянул меч, но не успел клинок обнажиться и на треть, как что-то прожужжало над ухом Конана, и рыжая борода Фингаста налилась алым, потом голова ванира неестественно запрокинулась, и из глубокой раны на шее ручьем хлынула кровь. Метательный диск с острыми, как бритва, краями, бесшумно упал на ковер.

Конан резко обернулся. Глаза жреца как всегда были полуприкрыты.

— Зачем?! — яростно прохрипел киммериец. — Зачем ты убил его? Дело короля вершить справедливый суд! Я желал слышать, кто надоумил этого ублюдка...

— Он хотел напасть на вас, повелитель, — отвечал жрец спокойно. — Митра направил мою руку, дабы отвести угрозу...

— Кром! Неужто ты думаешь, что я не способен совладать с каким-то ваном?!

— Лишь Несотворенному ведомы все причины и следствия, и не случилось ли опытным бойцам пасть, поскользнувшись на арбузной корке? Но я вижу, ваше королевское величество знали этого человека...

Ругательство, вырвавшееся из уст королевского величества было столь чудовищным, что, казалось, гнев Митры должен был бы испепелить его на месте. Однако гром не грянул, стены храма не рухнули, а Верховный Жрец лишь слегка поморщился и пробормотал краткую покаянную молитву. В его обязанности входило отвращать разящие стрелы Дарующего и Забирающего: что подлаешь, повелитель Аквилонии в душе оставался все тем же варваром из Киммерии, каким был до возложения короны, и это обстоятельство требовало некоторого снисхождения.

Случалось, король, чей буйный нрав так и не смогли обуздать годы пребывания на троне одного из самых могущественных и цивилизованных государств, под горячую руку крушил что ни попадя: дорогую мебель, изящную посуду, статуи, ширмы, витражи, а однажды умудрился прошибить кулаком стелу, на которой придворный камнерез изобразил его самого в облике древнего героя, попирающего копьём дракона. Однако на этот раз варвар сумел обуздать свой гнев и, усевшись на табурет, потребовал вина.

— Все, что было на столах и полках, исчезло в ненасытных глотках подданных Имира, — опечалился Обиус. — Им что брага, что тонкие вина — все едино. Воистину, желудки их из дубленой кожи... Но для вас, повелитель, у меня кое-что найдется.

С этими словами жрец поднялся и направился к барельефу, изображавшему светлый лик в короне из солнечных лучей. Не слишком почтительно нажал на божественный нос, и плита поднялась, открыв обширное углубление, сплошь уставленное разнообразными сосудами.

Чего тут только не было! Зеленоватые, голубоватые и золотистые бутылки с аквилонскими, аргосскими и зингарскими винами, кушитские керамические амфоры, наполненные игристым напитком из пальмовых листьев, изящные туранские кувшины с приторными сладкими винами, настоянными на лепестках роз, кхитайский фарфор, содержащий крепчайший «Пламень дракона», и даже грубые глиняные горшки с кожаными крышками — доставленный из пиктских земель вересковый мед. Среди этого великолепия попадались и вовсе невиданные вещи-

цы: хрустальными гранями сияла большая бутылка, внутри которой была другая, поменьше, наполненная прозрачной жидкостью, а в ней плавала зеленоватая змейка с красными, как лалы, глазками...

— Подарок камбуйского посла, — объяснил Пресветлый, заметив изумленный взгляд короля. — Сия тварь отлично чувствует себя в зелье, словно рыба в водах речных. Ей двести лет и...

— Кром! — рявкнул Конан. — Не устаю поражаться хитроумности желтолицых: выпивка и закуска в одной бутылке!

Сделав такое глубокомысленное заключение, он принялся хватать из ниши все без разбору: большая часть коллекции Пресветлого тут же была поглощена им и его людьми. Пили жадно, только магистр едва приложился к горлышку, заметив, что прежде, чем утолять жажду, не худо было бы ополоснуться.

— Увы! — воскликнул Обиус, с философским спокойствием наблюдая за стремительным исчезновением заморских даров и отмечая про себя, что желудками из дубленой кожи обладают далеко не одни ваннахеймцы. — Ни умыться, ни разбавить вино: вода в соседнем помещении, а если я позову прислужника, с ним может явиться кто-нибудь из разбойников...

— Сколько их в Храме? — спросил Конан.

— Думаю, с полсотни, остальные орудуют в Нижнем Городе.

— И те и другие уже мертвы, — зловеще прорычал король. — Но негоже идти в битву грязным, даже если собираешься прикончить всего лишь ванирских собак. Найдется у тебя чаша для ополаскивания?

Чаша нашлась, и киммериец, поотбивав горлышки рукоятью кинжала, наполнил ее вином, прикончив остатки запасов Пресветлого. В нише осталась лишь хрустальная бутылка с красноглазой змейкой. Скинув безрукавку, король ополоснулся до пояса в необычной купели. Его примеру последовали остальные, причем стражники старались не столько вымыть чумазные лица, сколько хлебнуть из сложенных лодочкой ладоней побольше пьянящей смеси. За что и получили от короля по звонкой оплеухе и напоминание, что им еще предстоит помахать мечами,

прежде чем отправиться развлекаться с девками. Если, конечно, живы останутся.

Убедившись, что киммериец горит желанием поскорее схватиться с ванирами, мудрый Обиус счел за благо дать ему несколько советов. Все они сводились к одному: на рожон лезть не стоит. Во-первых, ванов в Храме было раз в десять больше, чем людей Конана, во-вторых, Пресветлый не мог испросить помощи Митры, не совершив обряда возле Неугасимого Огня, в-третьих, среди вельмож, по его сведениям, тоже оказались предатели, и их люди могли прийти на помощь ванирам...

— Кто?! — взревел король и сжал полоскательницу так, что та треснула.

— Граф Монконтор, барон Агизан, почтенный Офар из Кутхемеса — их имена поминал этот Эймир...

— Не смей называть его Эймиром! Фингаст — пособник темных сил и презренный изгой. Я действительно знал этого ублюдка и думал, что уже прикончил его однажды. Высокий Шлем был его заклятым врагом и моим побратимом, Фингаст знал, что делал, когда выдавал себя за сына Сеймура Одноглазого. Но как мог ты, столь мудрый, купиться на эту ложь?

— Не мне, ничтожному, трактовать замыслы Всеблагого, плетущего искусную сеть, именуемую событиями жизни, — смиренно отвечал Пресветлый. — Я вопрошал Митру и не услышал ответа. Тогда я решил посоветоваться с искушенным в житейских делах Афемидом... Припомня, что записывал рассказы о ваших, о мой король, героических похождениях в Ваннахсйме, где поминался этот ван, он посоветовал мне впустить варваров под кров Храма и оставить их на постой в городе, дабы те разнесли весть о нашем гостеприимстве, что весьма полезно для привлечения и купцов, и паломников.

Магистр повинно склонил голову. Пресветлый говорил правду, и это ранило большее всего.

— Коварные разбойники пронесли к Неугасимому Огню закрытый оловянный гроб, — продолжал жрец. — По их словам покойный аквилонец слишком долго ожидал обряда очищения от земной скверны, и вид его мог оскорбить взор жрецов. Только гроб поставили на алтарь, нечестивцы взломали крышку и извлекли оружие...

Все ожидали новой вспышки ярости, но Конан лишь молча сжал огромные кулаки.

— Впрочем, — глубокомысленно заключил Пребывающий в Мире, — они не причинили вреда ни младшим жрецам, ни мистам, ни прислужникам, а их главарь даже согласился послушать мои речи здесь, в Покоях Просветления. От моего имени он приказал закрыть ворота Верхнего Города, вельможам — затвориться в их домах, а своим людям велел оставаться в Главном Зале, не желая, очевидно, чтобы нам помешали. После чего жадно внимал благому слову. Ибо сказано в Заветах: «Семя Митры подобно частице пламени, и, даже брошенное в мерзлую почву, способно дать всходы...»

— По-моему Фингаст лишь лакал вино да харкал на твои подушки, — мрачно сказал киммериец. — Похоже, он чего-то ждал... Вот уж не думал, что какой-то тупой ван сможет провести умудренного жреца и многоопытного магистра... И что же вы мне посоветуете?

— Ждать помощи графа Гийлома. Капитан, вы получили мое послание?

Ольвейн кивнул.

— Голубь прилетел, и я отправил лазутчиков. Первая застава графа всего в трех лигах, а там его разъезды быстро передадут весть по эстафете до самого замка.

— Пустая трата времени, — пробормотал Конан, — думаю, гандерландский волк выступил еще вчера...

— Вы что-то сказали, ваше величество? — живо переспросил Обиус.

— Я сказал — ждать мы не будем! Как ты умудрился послать весть Ольвейну?

— Отсюда есть тайный ход на голубятню, я успел шепнуть прислужнику, что надо делать.

— Здесь имеется еще одна потайная дверь...

Жрец гордо выпрямился, разглаживая пухлыми ручками складки своего чистейшего, расшитого золотой нитью шафранового хитона.

— Не пристало слуге Митры покидать Храм, чтобы ему ни грозило. Даже успею я скрыться от ваниров, не стал бы отсиживаться в подземном убежище, хотя ковры там не уступают здешним, а запаса вин и яств хватит не

на одну седмицу. Не пристало также Верховному Жрецу, подобно землеройке, глотать песок, спасая свою жизнь, над коей властен лишь Неизменный... Кстати, если уж на то пошло, я ждал, что через подземный ход, ведущий сюда из угловой башни, может пройти гораздо больше воинов!

Еще один удар, нанесенный магистру! Вторично за сегодняшний день Пресветлый наслаждался изумлением Афемиды.

— Лучше бы ваши шпионы выявляли предателей, — смущенно пробормотал мастер.

Эта пикировка между сановниками вызвала у короля приступ громового хохота. О Митра! А он-то надеялся проникнуть в Храм незамеченным и подслушать у потайной двери, как Пресветлый сговаривается с ванирами! Что ж, даже если Обиус и вел двойную игру, он просчитал ее на несколько ходов вперед.

— Афемид прав, — сказал Конан, отсмеявшись. — Как случилось, что в городе оказалось столько ублюдков, платящих за кров и хлеб огнем и мечом?

— Многоуважаемый магистр ошибается, — отвечал Обиус, снисходительно улыбаясь. — У меня нет никаких шпионов: слуги Митры не вмешиваются в дела мирские. О подземном ходе я узнал случайно... Что же касается предателей: видите ли, государь, всякая политика, подобно монете, имеет две стороны — светлую и темную. Ради процветания Турна вы открыли ворота всякому, кто готов строить, торговать или просто жить в его стенах. Это мудро, но и опасно. Среди сброда, устремившегося сюда со всех концов света, легко найдутся низкие, коварные души, для которых благочестивая жизнь хуже постной пищи. Или сребролюбцы, готовые продаться кому угодно за мешок дутого золота. Либо поклонники темных богов, ненавидящие Митру, а то и просто буйные дураки, готовые ввязаться в любую драчку... Не я ли советовал издать капитулярий, обязывающий жителей под страхом отлучения посещать Храм для покаяния хотя бы раз в седмицу? Ибо сказано в Заветах: «Очисти дом свой и да не убоишься коварства челяди своей...»

— Может быть, ты и прав, — задумчиво произнес король, — а может быть, и нет... Сдается мне, твои речи тоже имеют две стороны, как у монеты. Так где, говоришь, вход на голубятню?

* * *

Главный зал Храма Митры, посреди которого пылал огромный факел Неугасимого Огня, представлял зрелище странное и пугающее. На каменных плитах, подстелив грубые меховые плащи, лежали и сидели косматые рыжебородые воины в разномастных бронях: от кожаных лат и кольчужных рубашек до кирас и рыцарских нагрудников, взятых с бою в неведомых землях. Рогатые шлемы, шишаки, тяжелые щиты, топоры и копья валялись рядом. Громкие голоса, хохот и сытое рыгание эхом отдавались под священным куполом. Среди этого сброда снова прислужники и младшие мисты, разнося кубки с вином и подносы со снедью.

С десятков ваниров сгрудились возле коренастого лучника, держа заклад, долетит ли его стрела до отверстия в куполе, через которое ровно в полдень пылающее Око Митры в дни мира взирало на прихожан. Уже шестой выстрел не достигал цели, и лучник, ругаясь и сплевывая на узорный пол, сетовал на какого-то косорукого Авира, подсунувшего ему худое оружие.

Молодой ван пытался выскоблить кинжалом на витой колонне храма магическую руну — во славу Имира. Камень не поддавался, и лезвие вскоре сломалось, вызвав хохот одних и бурное негодование других разбойников.

И лишь один человек не принимал участия в общем веселье — могучий воин, сидевший, поджав ноги, поодаль, прямо на каменном полу. На нем была только набедренная повязка, а бесстрастное лицо украшали лишь небольшие усы. Прикрыв глаза, он мерно покачивался, словно мысленно пребывая далеко отсюда — может быть, среди ледяных равнин в царстве Имира.

— Плохой лук, — сказал стрелок, так и не сумевший пустить стрелу в отверстие купола. — Чтоб медведь задрал этого Авира...

— А ты пукни, — посоветовал один из зрителей. — Сказывают, помогает...

— Может, сам хочешь попробовать?

— Не хочу. А вот чего хочу — так это доброго прожаренного мяса. Здешнее то ли в воде варят, то ли под зад подкладывают — ни вкуса, ни жира. Хрящей нет, жил нет, не говоря уже о костях...

— Зато костер есть, — сказал, подходя, молодой ван, пытавшийся выскоблить на колонне руну. — Насадим мясо на копья и обжарим его на этом факеле, чего ему зря гореть!

Ванниры одобрительно зашумели, лишь один, седоусый и одноглазый, выразил опасение:

— Ну... Может быть, здешнему богу это не слишком понравится?

Но ему резонно заметили, что если здешний бог не смог уберечь своих жрецов в собственном святилище, то это никакой не бог, а так, сказка, и не сынам грозного Имира опасаться какого-то там Митры, который, может быть, и вовсе не существует, а если и существует, то в подметки не годится Повелителю Ледяных Равнин...

— Имир сильнее, — заключил молодой ван. — Сколько бы солнце не растапливало лед, он все равно снова возникает, а дождь всегда сменяется снегом.

Седоусый не стал больше возражать, и ваниры, шумя и толкаясь, принялись нанизывать на копья куски мяса. Однако, приблизившись к Неугасимому Огню, все остановились в нерешительности, переглядываясь и подталкивая друг друга.

— Сробели? — молодой грамотей протиснулся вперед. — Гляди!

И, вытянув копье, он решительно сунул ломоть в белое пламя.

В тот же миг яркий сполох метнулся в его сторону, и ванир в ужасе отскочил: кусок мяса исчез вместе с железным наконечником, а древко копья обуглилось до середины.

Не успели варвары опомниться, как за их спинами прозвучал голос, гулко отразившийся от стен зала:

— Проклятие осквернившему Пламя Митры! Проклятие посягнувшему на чистоту Его Храма! Нет им пощады, как нет пощады детям их и детям их детей!

Обернувшись, разбойники выставили вперед копьа, на которых все еще болтались ломти вареного мяса. Пред ними стоял Верховный Жрец. Величественно воздев руки, он выкрикивал грозные слова, сонные обычно глаза пылали гневом. Рядом с ним стояли три воина в кирасах и черноволосый полуголый великан с обнаженным мечом.

Кое-кто из ваниров бросился было к выходу, но их одноглазый предводитель, опомнившись, рывкнул:

— Стоять! Их всего пятеро! Мы убьем их, и никакой Митра не поможет аквилонским ублюдкам!

Черноволосый шагнул вперед и высоко поднял левую руку, которую до сих пор держал за спиной: сильные пальцы цепко держали за волосы отрубленную рыжебородую голову.

— Фингаст! Он убил Фингаста!

Горестный вопль пронесся над рядами ваниров.

— Да, я убил его, — пророкотал великан, — я, Конан, король аквилонский. Та же участь ждет всех вас, если вы не сложите оружие и не сдадитесь на мой суд.

И он швырнул под ноги седоусого свой жуткий трофей. Старшина ваниров молчал, склонив голову и что-то обдумывая. Потом отбросил копье и бесстрашно приблизился к королю. Тот опустил меч, приготовившись слушать.

— Фингаст рассказывал, что ты бывал в наших землях, — начал одноглазый, — а потому должен знать, что нет худшего бесчестия для ванира, чем сдаться на милость победителя. Тем более, что ты еще не победил. Мыслию, немало твоих людей прячется за дверью, хотя не могу понять, как тебе удалось провести их сюда... Ну да ладно. Предлагаю решить дело старым дедовским способом. Мы выставим своего бойца, вы — своего. Если победит аквилонец — мы сдаемся, если ванир — дружина уходит, сохранив честь и оружие...

— Честь? — усмехнулся Конан. — Вы проникли сюда при помощи низкого коварства, осквернили храм... Да вашего вожака проклинают даже в Ваннахейме! Он подло назвался именем моего побратима...

— Это дело Фингаста, — нетерпеливо прервал одноглазый. — Он не посвящал нас в свои планы, обещая лишь

богатую добычу. А хитрость — одно из главных достоинств воина! Так ты согласен на поединок?

— Да, хвост Нергала тебе в глотку! Кто из вас хочет потягаться с самим королем?!

— Ваше величество, — зашелестел сзади голос Пресветлого, — это опасно! Пусть Ольвейн...

— Капитан ранен, — отрубил Конан. — Так кто будет со мной драться?

— Он!

Седоусый указал на сидевшего поодаль безбородого здоровяка, который все так же безучастно продолжал раскачиваться, пребывая в каком-то странном забытии.

— Харлад! Харлад! — завопили ваниры.

Тот, кого называли Харладом, медленно открыл глаза — мутные, бессмысленные, как у человека после долгой болезни. Губы его дрогнули, из уголка рта побежала тонкая струйка слюны.

Ваниры бесновались, потрясая копьями. Они приплясывали на месте, указывая наконечниками на Конана.

— Этот человек говорит, что вырвал сердце твоему отцу! — выкрикнул одноглазый.

— Этот человек говорит, что спал с твоей матерью! — подхватил неудачливый стрелок.

— Этот человек говорит, что мочился в твой кубок! — заорал молодой ванир, ведавший руны.

Чего угодно ожидал Конан, только не потока этой чудовищной клеветы. Случалось, перед битвой враждующие стороны обменивались взаимными оскорблениями и насмешками, но сейчас его противника натравливали, словно бешеного пса. Зачем? Парень и так был здоровый, и схватка с ним вовсе не казалась киммерийцу пустой забавой...

Харлад вскочил. Лицо его исказилось, на губах выступила пена, а могучее тело свела короткая судорога. В глазах зажегся безумный огонь, и огромными прыжками ванир бросился к королю...

— Берегись, государь, — раздался крик появившегося в зале Афемиды, — это берсайк, берегись!

Поздно: Харлад был уже рядом с Конаном. Тот попытался нанести удар мечом, но пальцы берсайка схватили клинок и вырвали его из руки короля, словно это была

безобидная тростинка. Затем Харлад схватил киммерийца, поднял и швырнул об пол так, что, казалось, задрожали стены храма. Ваниры торжествующе завопили.

Наверное, любому другому подобный бросок переломал бы все кости и навсегда погасил разум. Но Конан, чье сильное тело испытало удары и пострашнее, лишь на миг лишился сознания. Открыв глаза, он увидел Харлада, кружившегося в двух шагах от него: берсайк бил себя в грудь и жутко выл, распаяясь, чтобы прикончить противника.

— Скажите мне, что он спал с моей Белит, — пробормотал киммериец. Он ясно представил, как этот безумец, страшный и потный, насилует единственную женщину, которую он когда-то по-настоящему любил¹. Слепая ярость затуманила мозг: исчез король, исчез опытный воин — на ноги вскочил дикий варвар из северной страны, лежащей в долине посреди суровых гор, варвар, готовый вырвать печень врага и упить ее теплой кровью...

Они спшиблись, и на этот раз безумие противостояло безумию, слепая мощь — слепой мощи. Это была битва животных, повинующихся инстинкту убивать, беспощадных зверей, терзающих плоть друг друга.

Несколько раз тело Конана ударялось о каменные плиты пола и витые колонны. Несколько раз с диким воем Харлад отлетал в сторону от удара могучего кулака киммерийца. Казалось, противники равны в своей ярости, и лишь когда оба, истощив силы, упадут бездыханными, окончится эта дикая схватка. Аквилонцы наблюдали за ней молча, пораженные невиданным зрелищем, ваниры потрясали копьями и что-то вопили.

Может быть, это и помогло Конану победить. Крики товарищей все более распаяли берсайка, лишая его остатков разума и чутья. Он кидался на противника, словно слепой, и уже несколько раз промахнулся, оскальзываясь босыми ногами на воощеном полу. Король же мало-помалу приходил в себя, вновь обретая накопленный опыт и боевое искусство. Ему не раз приходилось не только

¹ Историю любви Конана и Белит можно узнать из новеллы Р. Говарда «Королева Черного Побережья».

орудовать мечом, булавой или секирой, но и вступать в рукопашную, когда иного выхода не было. А в таких схватках нужно полагаться не только на силу кулаков.

Киммериец вдруг отскочил в сторону и, ударив себя в грудь, выпалил в лицо Харлада:

— Эй ты, недоделанный! Я не только спал с твоей матерью, но и оторвал мужской корень твоему дедушке!

С диким воплем берсайк ринулся вперед, но на этот раз Конан был начеку: он ловко увернулся, ухватил ванира за ногу и шею, поднял и швырнул в центр зала, туда, где пылал Неугасимый Огонь. Описав широкую дугу, тело безумца исчезло в пламени — метнулись белые сполохи, и Митра принял жертву.

На миг воцарилась тишина, потом ваниры, издав боевой клич, ринулись на аквилонцев. Кто-то метнул копьё в грудь Конана, но верный Ольвейн успел прикрыть короля подхваченным с пола щитом. Двое стражников отважно вступили в битву, а жрец и магистр предпочли укрыться за дверью.

— Меч! — ревел Конан. — Меч мне!!!

Ольвейн вложил в ладонь короля рукоять меча, успев отбить еще одно копьё. Оружие киммерийца обрушилось на нападавших: рогатый шлем ближайшего разбойника раскололся пополам вместе с головой.

Однако силы были слишком неравны: полсотни ваниров на четверых аквилонцев. Вскоре их осталось трое — копьё пробило грудь одного из стражников. Конан крушил врагов направо и налево, но силы его после схватки с берсайком иссякали. Рана Ольвейна снова открылась, кровь заливала капитану глаза, и он рубился почти вслепую, поминая по своему обыкновению шляпу Мардука и прелести Изида...

Ваннахеймцы, казалось, готовы были торжествовать победу, когда откуда-то из-под купола раздался крик Афемида:

— К стенам, прижимайтесь к стенам!

Впрочем, он мог бы и не давать столь дельного совета: король и его люди и так были оттеснены вплотную к мраморной кладке. Разбойники старались держаться подалеже от острых мечей, пытаясь достать противников

выпадами и бросками копий. К счастью, окованные железом щиты, прикрывавшие обычно борта ванирских дракаров, служили надежной защитой успевшим завладеть ими аквилонцам, а единственный лук, из которого искусный стрелок, улучшив момент, мог бы попасть в зазор между щитами, в пылу сражения был сломан чьим-то тяжелым башмаком.

— Нужно прорываться к выходу из зала, — прохрипел Ольвейн, — иначе нам конец...

И тут на головы ваниров полетели камни.

Конан успел заметить, как по окрестности основания купола открылись задвижки, и из черных дыр посыпался смертоносный град булыжников. С десятков разбойников, не ожидавших ничего подобного, рухнули с размозженными черепами: падая с такой высоты, камни легко плющили и кололи шлемы. Оставшиеся в живых с криками ужаса устремились к выходу на главную лестницу. Впереди неся седоусый старшина, бросивший оружие и напроць позабывший о ванирской чести...

Разгром дружины ваннахеймцев не занял много времени. Люди графа Монконтора и барона Агизана попытались было помочь бегущим, но были атакованы с тыла отрядом Луки Балагура. Последний, получив через почтового голубя приказ короля, хорошо знал, что ему делать. Часть предателей полегла под стрелами и мечами, другие затворились в особняках патронов, с ужасом ожидая своей участи. Почтенный Офар из Кутхемеса предпочел выпить яд: большой любитель скачек, негоциант понял, что на этот раз поставил не на ту лошадку.

В Нижнем Городе отряд стражников, собравшийся на подворье магистра, с боевыми криками выплеснулся на улицы, посеяв панику среди желтоповязочников, уже праздновавших победу. Многие, напавшие на радость, были изрублены, некоторым удалось вовремя сорвать повязки и затеряться в толпе. Их долго еще вылавливали, узнавая по гнусным лицам, и вешали на чем ни попадя: на балках сгоревших домов, перекаладинах ворот, строительных лесах и даже на вывесках торговых лавок.

Лишь десятку ваниров удалось прорваться через северные ворота прочь из города. Они бежали через пустынную рыночную площадь к своим ладьям, а следом огромными прыжками неся черноволосый гигант с окровавленным мечом в руке — словно демон мщения, жестокий и неотвратимый. Никому из ванов или предателей, даже моливших о пощаде, не удалось избежать его карающего клинка.

— Пленных не брать! — неся трубный глас короля, забывшего, что еще недавно он желал чинить допрос и вершить справедливый суд.

Несколько окровавленных тел остались корчиться посреди торгового двора, остальные полегли уже среди скамей так и не успевшей отплыть ладьи. Последним остался одноглазый старшина. Пятясь, он отступал на корму.

— Я безоружен, — хрипел он, — неужто ты убьешь беззащитного человека? Где твоя честь, витязь?

— А где была твоя, когда ты напал на нас, нарушив уговор о поединке? Ты потерял честь вместе с оружием, а теперь лишишься головы!

Меч свистнул, и разрубленное тело разбойника бесславно кануло в воды Спокойного озера. В тот же миг кто-то тоненько вскрикнул, и Конан заметил возле рулевого весла скорчившуюся, закутанную в плащ фигуру.

«Кормчий? — мелькнула мысль. — Конечно, они должны были оберегать кормчего и не взяли его в город...»

В два прыжка он очутился рядом, занес меч...

И застыл, не в силах нанести удар.

Из-под капюшона на него смотрели ясные глаза юноши, почти мальчика. словно теплая волна накатилась на варвара, разом погасив ярость, уступившую место странному после столь ожесточенной схватки покою.

— Кто ты? — спросил киммериец негромко.

— Я — ванир, — гордо отвечал юноша, — и если ты убийца — делай свое дело!

— Ты не похож на ванира, — промолвил король. — Впрочем...

И, обратившись к подоспевшим воинам, приказал:

— Возьмите его, свяжите и отведите в клеть. Позже я допрошу его.

Это был единственный пленный, взятый Конаном при освобождении Турна.

С стражники скрутили ему за спиной руки, один ухватился за конец веревки и, окружив пленника, они повели его в город.

На улицах шла расправа. Юноша с ужасом смотрел на безжалостный самосуд, чинимый жителями Турна, вздрагивая от воплей и стонов казнимых. Возле одного из полусгоревших домов путь им преградила толпа. На обугленной стене чудом сохранилась жестяная вывеска: «Артузо. Самая свежая зелень и фрукты». Возле входа в лавку кого-то били: из-за плотно сомкнутых спин горожан долетали глухие удары, хрипы и мольбы о пощаде. Напротив дома выросло недостроенное здание, окруженное лесами, чьи стропила были превращены в рели импровизированной виселицы: несколько полураздетых тел раскачивались в пыльном мареве. На лесах устроились многочисленные зрители, они яростно вопили, подбадривая экзекуторов.

— Дорогу! Дорогу стражникам короля! — Сержанта конвоя безуспешно попытался растолкать горожан древком алебарды.

— Артузо! Пропустите Артузо! — закричали сзади несколько голосов, и конвой счел за благо посторониться, пропуская высокого бледного старика в разорванном платье. Толпа раздалась, открыв сидящего на корточках возле стены зеленой лавки человека. Он глухо стонал, закрывая руками лицо. Из-под пальцев обильно сочилась кровь.

Все затихли. Бледный старик приблизился к сидящему.

— Посмотри мне в глаза, — негромко сказал старик.

Человек отнял ладони от лица и с трудом разлепил запавшие веки. Лицо его — один сплошной жуткий синяк — оказалось ужасом.

— Узнал?

— Не-е-ет! — завыл человек, — не-е на-а-адо!

— Ты был среди тех, кто жег мою лавку, — голос зеленщика звучал безучастно, словно он говорил о вещах, ему посторонних. — Ты убил мою жену, изнасиловал дочь... А потом тоже убил.

— Не-е-ет! Ее убил Патрик, Патрик...

— Какая разница. Патрик мертв. Но если ты не убивал мою дочь, я сохраню тебе жизнь.

Глаза насильника лихорадочно блеснули. Он бессмысленно глядел на старика, не в силах понять его слов. Потом прошептал:

— Благодетель... Искуплю... Рабом тебе буду...

— Да-да, — проговорил Артузо все так же безразлично, — по деяниям да воздастся...

С этими словами он достал из-за пояса кухонный нож и шагнул к человеку у стены. Толпа сомкнулась, скрыв на миг жертву и палача, потом раздался душераздирающий вопль, народ отхлынул, вытолкнув насильника, получившего заслуженное возмездие: тонко подвывая и выставив вперед окровавленные руки, он, шатаясь, побрел вниз по улице. На сведенном гримасой неживом лице зияли две кровавые раны — там, где еще недавно были глаза...

— Великий Митра, — пробормотал сержанта, — воистину, зеленщик наказал своего обидчика хуже самой смерти...

И, обратившись к пленнику, добавил:

— Ладно, шагай...

Однако конвой так и не смог двинуться с места. Потеряв интерес к Артузо и ослепленному им предателю, толпа обратилась к стражникам. Вперед протиснулся эдированный дитина в кожаном фартуке с окровавленным мясницким топором в могучих лапах.

— Это кого ж словили? — поинтересовался он злоеце. — Что за птичка такая божья, невинная?

— Будет, будет, — отвечал сержанта незлобливо, — нам приказано доставить этого вана в клеть, туда и ведем.

— Вана? Да он такой же ван, как я кхитаец! Гляньте, люди, не признает ли кто ублюдка? Не чинил ли сей вьюнош кому обиды?

— Уймись, Бангамир, — уже строже сказал начальник конвоя. — Сам государь пленил его на ладье, значит — ванир. Приказано в темницу, и все тут. Дорогу!

— А ты потише, — насутился мясник. — Развоевался! Ты был воевал, когда надо. Когда мы свою кровь проливали и всяких-разных здесь метелили. Правильно я говорю?

Толпа одобрительно зашумела.

— А то чего-то я тебя только сейчас заприметил, — продолжал ободренный дегина. — Ты где раньше тихорился — в казарме блох считал?

— Ну ты! — взъярился воин. — Бабе своей допросчинить будешь! Уйди добром, лытка говаяжя, не то...

Окружавшие пленника стражники угрожающе наклонили алебарды.

— Братья! — гаркнул мясник, поудобнее перехватывая топор. — Да они предателя защищают!

— Выслужиться хотят! — закричал кто-то с лесов. — Сам слышал: король велел пленных не брать! Все врут, не иначе мзду с предателя получили...

В стражников полетели камни и палки, толпа заволновалась, придвинулась к воинам, готовясь раскидать их и добраться до пленника. Сила была явно на стороне горожан, а жажда мести заставляла еще столь недавно законопослушных турнцев забыть о том, что они собираются напасть на представителей королевской власти.

— Смерть предателю! — неслись крики. — Вздернуть его! Месть! Месть!

Сержант, вовсе не собиравшийся защищать какого-то ванира ценой собственной жизни, опустил оружие, поднял руку и прокричал, перекрывая общий шум:

— Ладно! Ваше право! Вы свободные люди. Только ты, Бангамир, и еще кто-нибудь отправитесь со мной к королю, чтобы свидетельствовать, что я подчинился воле народа.

Он сделал знак, и конвой расступился, оставив пленника лицом к лицу с разгневанной толпой.

— С превеликим удовольствием, — отвечал мясник, — наш государь справедлив... Справедлив и суров к предателям. А этого мы предадим в руки тех, кого он обидел...

Бангамир приблизился к юноше и навис над ним, словно бык над цыпленком. Он оперся на свой страшный топор и, подбоченясь, принялся сверлить жертву яростным взглядом. Впрочем, заговорил не слишком громко, даже ласково.

— Ты ведь был в городе, сынок? Не заставляй нас тебя бить, скажи, в чьем доме пошкодноичал? Не упрямышся...

Так, наверное, он понукал скотину, гоня ее на бойню.

Пленник стоял спокойно, прямо глядя в налитые кровью глаза мясника.

— Я ванир... — отвечал он медленно, словно подбирая слова. — Я был с теми, кто пошел в храм... Да, наш вождь обманул жрецов и захватил святилище. Хитрость — достоинство воина. Я... я хотел вырезать руну во славу Имира, но нож сломался... Потом камни... Много камней, они летели сверху, сея смерть, словно чудовищный град. Мы бежали. Бежали к ладьям, и там черноволосый великан настиг нас, свершив возмездие. Меня он пленил. Это все.

— Врешь, — странно, но взгляд Бангамира больше не пылал ненавистью, а в голосе не было прежней неумолимости. — По облику ты совсем не похож на ванира, да и по-нашему говоришь чисто...

И мясник неуверенно обернулся к горожанам, ища поддержки. В толпе негромко переговаривались, гневные выкрики смолкли, непонятным образом люди приходили в себя, вновь обретая способность рассуждать здраво.

— Может, и ванир, — задумчиво сказал человек в одежде булочника. — Хоть и не похож. Но бывают же белые вороны...

— Ой, гляньте, люди, — вдруг запричитала какая-то женщина, — да ведь он совсем мальчонка... И лицом пригож, у тех-то, с желтыми лентами, хари все сплошь мерзостные!

К мяснику из толпы вышел зеленщик Артузо. В руке он все еще сжимал нож. Блуждающий взгляд старика остановился на пленнике.

— Поклянись, — сказал он, — поклянись, что не чинил разбоя в Нижнем Городе.

— Клянусь Корнями и Кроной, — отвечал юноша.

— Чем-чем? — вскинулся было мясник. — Какими такими корнями?

Но Артузо отбросил нож и мягко тронул Бангамира за рукав засаленной куртки.

— Хватит, — сказал он веско, — всякий клянется тем, во что верит. Довольно крови. Мы забыли, что для злодея есть суд: простолюдину — суд равных, вельможе — королевский. А есть Божий Суд и, кто знает, не ждет ли он вскоре каждого из нас?

Сказав так, старик вдруг заплакал и, ни на кого не глядя, зашаркал прочь — туда, где недавно исчез его лишенный глаз обидчик.

— О Митра, — пробормотал булочник, — я вспомнил проповедь Пресветлого: «Отмерь семь раз по семь, дабы не поддаться ни гневу, ни опрометчивой поспешности...»

— Митра не запрещает мстить обидчикам, — возразил мясник. — «За отрубленный член воздай отрубанием члена врагу своему». Впрочем, Артузо прав: мы не дикие звери. Пусть отныне пойманных предателей судит Городской Совет. А вана этого, или кто он там, раз король пленил, так пусть и чинит расправу. Не держи зла, сержант, погорячились...

Сержант снисходительно махнул рукой и дал команду двигаться. Бравому вояке ничего не оставалось, как сделать вид, что никто не выказывал оскорбительного неповиновения королевской страже. И все же, когда за конвоем закрылись ворота Верхнего Города, бывалый воин вздохнул облегченно.

— Крутой, однако, у нас народец, — проворчал он с оттенком уважения. — Не я ль гонял этого Бангамира на сборах ополчения, а тут надо же: топором грозит! И Артузо, старичок, туда же. Мухи, бывало, не обидит, а как ублюдка-то порезал... Ну да турнцам есть с кого пример брать: наш король как осерчает, так только держись... Правильно сказывал мясник: справедлив, но суров. Слышь, ван, моли своего Имира, чтобы государь просто отрубил тебе голову!

Пленник, шедший до этого спокойно и уверенно, вдруг зашатался, ноги его подкосились и, если бы стражник не натянул веревку, юноша упал бы на колени.

— Эй, что с тобой? — удивился сержант. — В штаны наложил? Хлипковат ты что-то для ванира...

— Я не ванир, я пикт... вспомнил сейчас...

— Пикт?! Час от часу не легче! Совсем спятил со страху. Ну да мне наплевать, из каких ты земель, скажи лучше, как тебя звать, чтобы надзиратель знал, кого выкликать на расправу.

— У меня нет имени, — пробормотал юноша, — я потерял его... потерял...

И он побрел дальше на подгибающихся ногах, окруженный стражниками, которые лишь переглядывались да усмехались, окончательно уверившись, что их пленник лишился рассудка от выпавших на его долю потрясений.

* * *

— ...И тогда Эйрим разделался с Торколом, отцеубийцей, — вырезал ему «ворона». А я сразил Фингаста, вернее, думал, что сразил. Сей живучий червь, видно, отполз во время схватки, затаился и заллизал раны. Не думаю, что колдун из Кро-Ганбора тратил чары на своего лизоблюда. Плевать он хотел на своих слуг: и на Торкола, и на Фингаста, и на Сигворда, который был столь глуп, что даже в бою не надевал шлема. Для чародея все людишки одинаковы — пыль, прах... Маги сражаются между собой, используя низших, как они мыслят, существ, подобно фигурам в той замысловатой игре, что пришла к нам из Вендии. Ну да Гор-Небсехт поплатился за свою самонадеянность: вот эта рука из плоти и крови навсегда отняла у него жизнь!

И Конан простер свою могучую длань, в которой крепко сжимал кубок с отличным зингарским хайресом.

Они сидели по груди в пузырящейся теплой воде дворцового бассейна, развалились в удобных мраморных седалищах: повелитель Аквилонии, Верховный Жрец, Главный Магистр Искусств, генерал гвардии Ольвейн и королевский постельничий, он же оруженосец государя, он же начальник сотни Юных Орлов, а вчера еще — рядовой боец привратной стражи Лука по прозвищу Балагур. Миновала ночь и добрая половина дня с тех пор, как в Турне вновь воцарился мир.

После разгрома ваниров и наведения порядка в Нижнем городе лишь граф Монконтор, затворившийся в своем особняке, оказал отчаянное сопротивление. Барон Агизан сдался, лично отдав свой меч Ольвейну. Будучи достаточно богат, он лелеял надежду откупиться, приберегая, впрочем, еще кое-что про запас. Монконтор же, рубака отчаянный, но недалекий, положил большую часть своих людей и скрылся в подземный ход, который вскоре был обнаружен стражниками. К несчастью, по своему тщеславию и глупости, граф велел копать этот путь к отступле-

нию с размахом, в полтора человеческих роста, надеясь в случае надобности вынести через него ценную мебель, и потому его слуги, работавшие в тайне от городских властей по ночам, успели прорыть лишь отрезок длиной шагов в пятьдесят. Граф оказался загнан, словно хорек в своей норе. Страшно ругаясь, он отбивался факелом и мечом, пока метко пущенный из пращи камень не угодил в забрало его шлема, несколько остудив воинственный пыл Монконтора и позволив стражникам переправить бесчувственное тело в надлежащее место: на солому в дворцовой темнице.

Конан, валившийся с ног от усталости, добрался до своей опочивальни и, пока с него стягивали покрытые грязью и кровью сапоги и штаны, перевязывали и омывали раны, успел в промежутках между добрыми глотками не менее доброго вина разжаловать в рядовые начальника гвардии, трусливо отсиживавшегося в своем особняке, назначить на его место Ольвейна, пожаловать Луке Ба-лагуру титул виконта и приказать выставить на стены две трети гарнизона, наглухо заперев все ворота тройными засовами. После чего забылся тяжелым, беспокойным сном.

Утром он первым делом поднялся на Дозорную Башню, выстроенную на Храмовом Холме, несколько поодаль от святилища Митры. С верхней площадки открывался вид на все стороны. Под лучами холодного осеннего солнца спокойно поблескивали воды Ледяной и многочисленных озер, цепь которых тянулась до самого горизонта. Среди полей темнели деревеньки, крестьяне уже вовсю трудились на своих наделах, орудуя серпами и распевая куплеты во славу «доброго короля, чудного государя», берущего с них лишь необременительную десятину. Их голоса долетали даже сюда, на вершину башни — там, где много воды, слышно далеко.

Эта мирная картина, впрочем, не разогнала мрачных дум Конана. На юге, всего в нескольких лигах, темнела рваная кромка леса, и за его стену не мог проникнуть даже зоркий взгляд киммерийца. Ругнувшись, он приник к окуляру зрительной трубы, установленной на высокой треноге. Очередное изобретение хитроумного Афемиды: внутри трубы были вставлены отшлифованные стеклыш-

ки, позволявшие словно приблизиться к дальним предметам. Полоса леса распалась на отдельные деревья, и Конан отчетливо увидел пегую корову и босоногую девушку с прутиком в руке. Поведя трубой направо-налево, он не обнаружил ничего подозрительного: ни «гуляющих» кустов, ни взлетающих внезапно птичьих стай. Южный тракт тоже был пуст. В том месте, где Конан их вчера видел, все еще стояли распряженные возы, среди которых, пощипывая траву, бродили мулы и верблюды. Караванщики терпеливо ждали, когда откроют городские ворота.

Ворота к их досаде не открыли ни в обычный час, ни в полдень, а присланный от купцов мальчишка получил ответ стражи, что сегодня торговли не будет. В городе, дескать, траур, сами, дескать, понимать должны... Купцы промеж себя повздыхали, сочувственно цокая языками: как же, как же, такое несчастье, эти ваниры — суицие бестии. И решили, что конные разъезды, высланные из города, отправились проверить, нет ли поблизости еще затаившихся разбойников.

Покончив с необходимыми распоряжениями, король смог наконец отправиться в купальню, чтобы дать отдых измученному телу. Дворцовый бассейн, наполненный пузырящейся целебной водой, поступавшей из подземных источников и согретой все тем же Огнем Митры, был весьма обширен, и часто компанию королю составляли с полсотни его приближенных, дам и мужей, причем все омывались нагими, а затем, сядя в специальных углублениях вдоль стенок, вкушали напитки и фрукты, занимая друг друга приятной беседой. Поначалу предложение Пресветлого входить в купель без всяческой одежды повергло многих в смущение, а король даже впал в ярость, заявив, что не позволит устраивать в его дворце гнусные оргии, которыми славились лишь некоторые пресыщенные удовольствиями восточные деспоты. На что Обиус спокойно заметил, что речь не идет ни о чем подобном: Великий Митра, сотворив человека нагим, заветал относиться к обнаженному телу спокойно, не впадая в грех сластолюбия, благоговейно любуясь совершенством своего божественного промысла.

«Как в политике важно не поддаваться первому побуждению, чтобы не проиграть, — сказал жрец королю, —

так, глядя на женские прелести, ничем не скрытые, полезно сдерживать порывы, чтобы впоследствии насладиться сполна. Умеющий властвовать собой — властвует над миром». Киммериец счел эти слова весьма разумными, а многие придворные дамы вскоре по достоинству оценили нововведение: все они в тайне мечтали очутиться в опочивальне короля, и теперь, после совместных омовений, эта задача сильно облегчалась. Недовольны были лишь те придворные, кто привык скрывать изъяны фигуры под пышными оборками и франтоватыми костюмами. Впрочем, Конан никого не неволил, так что вскоре мог наслаждаться обществом лишь прекрасных женщин и отлично сложенных мужчин, способных, к тому же, потешить короля забавными байками.

На сей раз король пригласил в купель лишь четверых приближенных, трое из которых отнюдь не могли похвастаться совершенством сложения. Сдобное тело Обиуса колыбалось в водах, готовое, казалось, всплыть на поверхность из пузырящихся глубин. Тщедушный Афемид утонул по самый нос и в конце концов вынужден был сесть в своем углублении на корточки. Магистр был мрачен: он не одобрял заведения Обиуса и редко посещал бассейн. Генерал Ольвейн, хоть и имел могучий торс, оказался кривоногим и косолапым. Лишь новоиспеченный виконт был ладно скроен, но чувствовал себя столь стесненно, что напоминал деревянную статуэтку с размалеванными пунцовой краской щеками.

— А что значит «вырезать ворона»? — спросил Ольвейн. Он уже выпил пару кубков и несколько освоился, хотя и старался не смотреть на обнаженного Пресветлого, которого привык лицезреть лишь в шафрановом одеянии и голубой, расшитой звездами накидке, во время богослужений в Храме.

— Человеку подсекают ребра, — объяснил Конан, отхлебнув хайреса. — На боках и спине. Потом разводят в стороны, наподобие птичьих крыльев. Высокий Шлем оглушил Торкола, а потом все это с ним проделал. Прежде чем душа ублюдка отлетела на Серые Равнины, Эйрим успел осушить два рога с вином.

Пресветлый поморщился, лицо Ольвейна окаменело, а юный Лука из пунцового стал белым.

— Воистину, невежество порождает жестокость, — печально молвил жрец. — Лишь свет Митры способен рассеять мрак в душах людских, как рассеивает Его Пламенное Око, всходя на небосвод, тьму ночную...

— Думаю, вчера в Нижнем Городе чинилось немало такого, что не слишком понравится Митре, — заговорил генерал. — Те, кого вздернули, могут считать, что дешево отделались. Мне донесли, что одному предателю вспероли живот и набили его солью, другого заставили съесть собственные детородные органы...

— Они покаются, — едва слышно проговорил жрец, — я буду молить Митру о прощении ослепленных злобой...

— ...а какой-то зеленщик, — продолжал Ольвейн, — выколол своему обидчику глаза и пустил на все четыре стороны. Конечно, месть священна, но нельзя допустить, чтобы чернь забывала, что существует власть. Распалась, толпа даже напала на королевскую стражу, желая расправиться с пленным ваниром...

Глаза короля яростно блеснули.

— Тот молодой ван? Что с ним?

— К счастью, народ образумился и пропустил конвой. Пленный в темнице. Он невредим, хотя, думаю, лишился рассудка.

— Почему это?

— Теперь он называет себя пиктом и утверждает, что... потерял имя.

— Потерял имя? Что это значит?

— Не знаю, мой король. Так он говорит. Он много чего говорит, и все непонятное. Про какие-то корни и ветви, нож какой-то поминает, не оставляющий ран... Я был в клетке, слушал. Бред, клянусь пляпой Мардука! То нож ран не оставляет, а то вдруг выходит, что пропитан ядом и держит его какой-то карлик... Что с вами, государь?

Всегда смуглое лицо Конана побледнело так, что даже Обиус вздрогнул и отшатнулся.

— Что ты несешь? — закричал жрец, утратив разом всю свою выдержку и важность служителя высших сил. — Какой карлик?

Конан быстро глянул на Пресветлого; румянец вновь заливал щеки короля, и вскоре ничто не напоминало о неожиданном приступе странной бледности.

— Схватка с берсайком дает себя знать, должно быть, — сказал киммериец спокойно и сделал большой глоток вина. — Так, говоришь, карлик с ножичком? А подать-ка сюда этого пикта-вана, хочу послушать, что он еще забавного расскажет...

— Ваше величество, — попытался возразить Обиус, — одержимые часто впадают в буйство, а демоны придают им сверхъестественные силы...

Но король так глянул на Пресветлого, что тот умолк на полуслове.

Все, за исключением магистра, успели осушить по кубку, когда в зал ввели пленника. Вчера еще свежее юное лицо стало за ночь землистым, глаза блуждали. Двое стражников подвели его к краю бассейна.

— Развяжите, — приказал король.

Когда распоряжение было исполнено, он обратился к молодому человеку:

— Вчера ты утверждал, что ты ванир. Сегодня называешься пиктом. Кто ты на самом деле?

— Я был ваниром, — неуверенно заговорил пленник. — Или мне казалось, что был... Но я вспомнил... Безымянная пуща, Мужской Дом... бегство... Я — пикт, Потерявший Имя.

— Что ты делал на ладье ваниров?

— Они пленили меня. Там, в заброшенном капище...

— Ты лжешь, — строго молвил жрец, — ваннахеймские разбойники не берут с собой рабов, когда идут в набег.

— Я приносил им удачу. Был их оберегом, живым оберегом.

— Он и впрямь сумасшедший...

— Помолчи, — велел король жрецу. — А что ты болтал насчет карлика?.. И яда?

Глаза пленника расширились и словно остекленели.

— Сихаскхуа, — сказал он отчетливо. — Без цвета, вкуса и запаха. Убивает медленно, но верно.

И вдруг прошепелявил совсем другим голосом, едва разжимая губы:

— Все умрут, король, но ты умрешь раньше, много раньше...

Словно ледяная волна хлынула в грудь Конана, превращая сердце и легкие в куски мертвого льда... Он хотел закричать, но звук застыл на устах, словно птица, замерзшая в своем гнезде. Хотел вскочить, но ощутил, что тело рассыпается, как снежный торос под ударами штормового ветра. Мириады ослепительных звезд ринулись на него из невообразимых глубин пространства, и он понял, что видит свет миров, погибших задолго до того, как сам Митра явился, чтобы породить новые миры и новых существ...

И тут же некий живительный огонь вырвал его из стремительно поглощавшей Пустоты. Конан понял, что лежит на мраморном полу дворцовой купели. Перед ним на коленях стоял Верховный Жрец и, разжав зубы короля деревянной лопаткой, вливал ему в рот обжигающий напиток из странной бутылки, в которой плавала красноглазая змейка. Заметив, что король очнулся, он сразу же отнял горлышко от губ киммерийца и отдал сосуд кому-то позади себя.

— Я предупреждал, — укоризненно молвил Пресветлый, — демоны властвуют над душами одержимых, и демоны эти опасны...

— Что... — Конан захрипел и закашлялся. — Где пленный?

— Он пытался убить вас, а мы были безоружны...

— И?..

— Хвала Митре — он наслав на безумца обморок. Рухнул, как подкошенный, едва произнес свои гнусные заклинания. Его унесли в темницу, хотя он достоин немедленной смерти...

— Не сомневаюсь, будь у тебя под рукой летающий диск, ванир разделит бы участь Фингаста, — сердито проворчал король. — Скор ты, однако, на расправу, Пребывающий в Мире...

— Когда дело касается вашей безопасности...

— Ладно, ладно, — Конан уже окончательно пришел в себя и поднялся с пола. — Пленника пальцем не трогать, я еще послушаю его... бредни. Все ли собрались в трапезной? Пора наконец и повеселиться. Платьте мне!

Ольвейн, уже облаченный в генеральский мундир, отвечал с поклоном:

— Все готово, ваше величество. Предатели с трепетом ожидают королевского суда, приближенные горят нетерпением сдвинуть заздравные чаши в честь славной победы. Лишь один вельможа томится за городскими воротами. Он несколько обескуражен, что его не впускают, и просил доложить...

— Кто такой?

— Граф Гийлом Гандерландский, государь. Весть о нашем несчастье дошла до него, и он привел своих рыцарей на помощь Турну.

Конан, которому юный Лука помогал облачаться в парадный камзол, застыл, так и не попав кистью в узкий рукав. Все ждали, удивленные странным замешательством своего повелителя.

— Впустить, — приказал наконец киммериец. — Одного. Дружина пусть ждет за стенами.

Глава 10. БОЖИЙ СУД

Трапезный зал занимал почти весь первый этаж королевского дворца. Не слишком широкий, в длину он тянулся чуть ли не на лигу, разделенный через равные промежутки стрельчатыми арками, замкнутыми сверху черными резными камнями с изображением оскаленных львиных зевов. Придворный живописец и камнерез, знаменитый маэстро Пиццолли да Мессано, приглашенный Афемидом специально для украшения главной резиденции Турна, был наслышан, что когда-то нынешний повелитель Аквилонии бороздил южные моря под грозным именем Амра, что значит лев. Поэтому маэстро старался, чтобы изображение царя зверей встречалось во дворце как можно чаще. Лестницу, ведущую к главному порталу, стерегли три пары прекрасно выполненных скульптур: внизу львы дремлющие, в середине львы пробуждающиеся, у самого входа львы рыкающие... Такая композиция должна была олицетворять мощь королевской власти и напоминать всякому входящему: не стоит будить зверя.

В простенках между забранными цветными витражами окнами висело на стенах разнообразное оружие, собранное со всех концов света. Потолок трапезной украшали фрески, запечатлевшие подвиги древних богов и героев. Ле-

гионы демонических существ повергались в прах, а силами света на каждой картине предводительствовал темноволосый смуглокожий гигант, то обнаженный, то в пернатом шлеме и крылатых сандалиях, то в блистающем панцире и с огненным копьем в руке. Маэстро утверждал, что изобразил самого Митру в его земном воплощении, однако многие находили поразительное сходство победителя демонов с человеком, сидевшим обычно во главе длинного пиршественного стола.

Этот стол тянулся во всю длину зала, и за ним легко могли разместиться пятьсот человек. Вельможи рассаживались согласно чину и заслугам: чем ближе к королю, тем почетнее. Дамы же занимали места согласно результатам последнего омовения в королевской купели: ближайшим фавориткам дозволялось брать куски с блюда самого государя.

Однако сейчас обитое бархатом сидение на «верхнем» конце пустовало. Король восседал в черном кресле с высокой спинкой, стоявшем на устроенном посреди двух центральных арок трапезной помосте, напротив средней части пиршественного стола. Конан был облачен в парадный, расшитый золотом камзол, плечи укрывала черная накидка с шерстяными кистями. Над его головой, поблескивая агатовыми глазами, распростер крылья огромный орел, искусно вырезанный из того же черного дерева, что и сидение жороя.

По правую руку сидел Пресветлый. Его кресло было из красного дерева, а спинку венчал светлый лик в короне из солнечных лучей. Шафрановый хитон прикрывала синяя накидка, расшитая золотыми звездами. В правой руке Верховный Жрец держал хрустальный жезл. Слева от короля, с обнаженным мечом в руках, застыл молодой оруженосец. Сквозь пудру, которую он щедро положил на свои юные щеки, проступал предательский румянец. Десяток гвардейцев в до блеска начищенных кирасах, широко расставив ноги и по уставу наклонив в сторону копья, застыли вокруг помоста, бесстрастные, словно статуи.

Вдоль противоположной стены, над дверями, ведущими в смежные помещения, тянулась деревянная галерея. На ней стояли столы и лавки, предназначенные для народа попроще: там собрались главы гильдий, старей-

шины Городского Совета, богатые торговцы, старшие мастера, зажиточные граждане, словом, те, кто обладал тугими кошельками, властью и авторитетом в Нижнем Городе.

Вельможи в зале и люди на галерее тихо переговаривались, ожидая начала действия. И хотя столы уже ломились от яств и напитков, разносимых молодыми подавальщиками в темных костюмах, а тонкие ароматы изысканных блюд щекотали ноздри, заставляя желудки сжиматься в сладостном предвкушении, никто не осмеливался даже украдкой бросить в рот хоть крошку. Лицо короля было сурово, он окидывал подданных не слишком добрым взглядом, как бы размышляя, стоит ли вообще начинать пир.

Наконец Конан поднял руку и заговорил.

— Жители Турна! Вельможные мужи, прекрасные дамы, почтенные горожане! Вчера мы одержали славную победу, отправив на Серые Равнины сотни вероломных ублюдков, очистив Храм Митры от ванирской скверны... Что ж, есть повод выпить, закусить, помянуть павших, а потом и повеселиться. Но тяжело на сердце. Не радует победа, слишком много оказалось среди нас предателей. Я спрашиваю: разве не довольны вы законами, установленными в городе?

На галерее раздался возмущенный шум, слышались выкрики:

— Справедливый король! Да здравствует наш повелитель! Смерть возмутителям!

— Разве ущемлял я права знати?

На этот раз настала очередь аристократов выразить бурный протест: каждый старался перекричать соседа, заверяя короля в преданности и восхваляя его мудрое правление.

— Ладно, — махнул рукой Конан. — С теми, кто бесчинствовал в Нижнем Городе, расправился народ. Я же буду судить выроdkов, не гнушавшихся пить со мной из одной чаши в этом зале, замышляя, тем временем, удар в спину.

Он сделал знак, и стражники вывели на помост закованного в цепи Монконтора. Граф шел, гордо подняв

голову, на его длинном костистом лице застыла презрительная гримаса.

— Говори, — приказал король, — кто надоумил тебя злоумышлять против своего повелителя?

Граф отвернулся и уставился на витражные стекла окна.

— Не хочешь... А ведь ты присягал мне.

— Ты узурпатор, — процедил Монконтор, не глядя на короля, эта клятва не стоит плевка!

И, словно в подтверждение своих слов, плюнул на ковер, покрывавший помост.

Возмущенный гул присутствующих сопровождал эту неслыханную дерзость. Послышались призывы немедленно казнить предателя, причем в качестве самого легкого умерщвления предлагалось четвертование и сожжение на медленном огне. Однако на короля поступок Монконтора произвел неожиданное воздействие: казалось, Конан даже повеселел, во всяком случае его голубые глаза прояснились, а с лица исчезло мрачное выражение.

— Мне нравятся храбрецы, — сказал киммериец, — немного найдется здесь людишек, кто смел бы так говорить, стоя одной ногой в могиле. Жаль, что ты не на моей стороне. Скажи, кому ты служишь? Ничтожный Фингаст, сам игрушка в чьих-то руках, не мог подбить тебя на выступление...

— За меня все сказал мой меч, — гордо бросил Монконтор. — И сказал бы еще, если бы...

Он прикусил губу и замолчал.

— Быть может, ты разомкнешь уста пред взглядом Всемилоственного Митры? — заговорил Обиус. — Покайся, и душа твоя войдет в лоно Его с миром...

— Плевал я на Митру, — сказал упрямый граф, — и на лоно его плевал.

Чудовищное богохульство вызвало яростные крики, кое-кто вскочил, опрокидывая лавки, самые ретивые обнажили оружие. И хотя многим в запале ссоры или бессилии досады случалось не слишком почтительно поминать богов, включая самого Вечного, негодование, вызванное публичным святотатством, да еще на королевском суде, было вполне искренним.

Верховный Жрец поднялся, воздел руки и произнес Канон Отречения, обрекая душу нечестивца на вечные скитания во мраке.

Среди всей этой суматохи лишь Конан сохранял полное спокойствие. Жестом приказав своим подданным уgomиниться, он вновь обратился к мятежнику.

— Знаешь-ка что, а ведь я тебя отпущу. За твою храбрость. Что скажете, люди?

Неуверенный ропот был ему ответом. Подданные, привыкшие к неожиданным выходкам своего короля, все же были ошарашены столь неожиданным поворотом дела.

Потом кто-то из вельмож посмысленней крикнул:

— Правильно! Изгнать его из города! Голым пустить за ворота, на позор и поругание!

— Слышал? — спросил король графа. — Скидывай одежду и пошел вон.

Монконтор побледнел. Потом повернулся к сидевшим за пиршественным столом и закричал, брызгая слюной:

— Труссы! Кто выйдет с мечом против старого воина? Я отрежу вам носы и заставлю съесть собственные уши! Лизоблюды! Да здравствует свободный Гандерланд!

Свист и улюлюканье заглушили его слова. Кто-то запустил в графа перезревшим помидором, который лопнул, оставив на измятом нагруднике красное пятно.

— Ах вот оно что, — пробормотал Конан, — свободный Гандерланд... Так ты не хочешь, чтобы я даровал тебе жизнь?

— От тебя, киммерийский пес, мне не надо даже птичьего помета! — костистое лицо Монконтора пошло красными пятнами.

— Хорошо, — устало бросил король, — тогда тебе отрубят голову.

Лука ударил острием меча в помост, возвещая, что приговор окончательный, а значит быть посему. Стражники натянули цепь и увели графа; успевшего по пути плюнуть в лицо вельможе, предлагавшего пустить его голым за ворота.

— Следовало бы подвергнуть мятежника испытаниям, — прошептал Пресветлый, склонившись к уху короля. — Быть может, назовет какие имена...

— Этот будет молчать, даже если ему станут вырезать печень, — оборвал жреца киммериец. Он храбр, хоть и глуп...

Конан поймал себя на мысли, что в еще не столь давние времена, доведись ему самому попасть в подобную передрагу, он пошел бы на все, чтобы обмануть врагов, вырваться из их лап, а впоследствии отомстить. Если доведется, конечно. И все же, отчаянная смелость старого рубаки вызвала в душе варвара невольное уважение.

Следующим на суд явился барон Агизан. Барон был толст, более того, он был жирен, как разъявшийся боров. Широкий камзол с многочисленными разрезами не мог скрыть отвисшего живота, а замшевые штаны трещали на внушительных ляжках. Маленькие глазки заплыли, пухлые губы влажно лоснились. И все же, как поговаривали, несмотря на внешность, барон не был обойден вниманием женского пола: он обладал даром сладчайшего красноречия и даже посвящал дамам стишки, бессовестно заимствуя их у малоизвестных поэтов, которым платил гроши за молчание.

Оказавшись на помосте, Агизан пал ниц и пополз к ногам Пресветлого, волоча за собой цепь и живот.

— Покаяние! — выкрикивал он жалобно, но достаточно громко. — Дозволь ничтожному покаяться пред ликом Вечного!

Достигнув цели, барон принялся лобызать сандалию Обиуса.

— Всеблагой Митра прощает согрешившего, — возгласил жрец, не делая попытки отнять ногу. — Душа твоя не будет отринута во мрак крошечный...

— А попрощаться с ней можешь прямо сейчас, — добавил Конан.

Барон оставил в покое ступню Пребывающего в Мире и обратил к королю оплывшее лицо. Из глаз его обильно текли светлые слезы.

— Достоин казни, достоин, — запричитал он бабьим голосом, — подчиняюсь воле твоей, мой повелитель, справедливому суду...

— И ничего не хочешь сказать в свое оправдание?

— Хочу, — живо откликнулся Агизан. — Две тысячи тарамов золотом, пятьдесят бочек столетнего вина и табун хауранцев в полсотни голов повергаю к стопам твоим...

— Можешь сунуть все это себе в задницу! — рывкнул король, треснув кулаком по подлокотнику так, что крепчайшее черное дерево затрещало. В зале подобострастно засмеялись, дамы потупили глаза, прикрываясь веерами в притворном смущении.

— Ты глупей Монконтора, если думаешь, что все это и так не отойдет в казну, когда я сошлю тебя на рудники, крошить камень в Немидийских горах!

— В каменоломнях от меня будет мало проку, повелитель, — барон вовсе не пал духом после грозного окрика короля. — А вот руднички и у меня имеются, знатные руднички, в Коринфии, в горах Карпашских... И добывают там камешки не простые, а самоцветные. Хоть сейчас готов подписать отступную.

— Разве владыка Коринфии не властен над всеми своими землями? — удивился киммериец, который все еще не мог толком уразуметь все эти купчие, закладные и прочие бумажные права.

— Да ведь я ему родственник по материнской линии, — отвечал ободренный барон. Рудники мое пожизненное ленное владение. С правом купли-продажи.

— И ты тщишь себя надеждой выкупить таким образом свою ничтожную жизнь?

— Тщу, — честно признался барон, — надеясь на вашу мудрость, повелитель, и зная радения ваши о государственных интересах.

Конан задумался. Он кое-что слышал от Афемиды о богатейших россыпях самоцветов в Карпашских горах. Предложение барона казалось соблазнительным. С другой стороны, не лукавил ли толстый Агизан, загнанный в угол? Чего стоит какая-то отступная, которой коринфский владыка при желании подотрет себе задницу? Да и страна эта отделена исконно недружественной Немедией...

— Я обдумаю твое предложение, — сказал киммериец. — Но при одном условии...

— Что угодно, ваше величество, что угодно...

— Ты назовешь истинных зачинщиков мятежа и всех скрытых заговорщиков!

Тягостное молчание воцарилось за пиршественным столом, а с галереи раздались одобрительные возгласы: народ требовал новых жертв. Тем более, что жертвы намечались среди кичливых аристократов, к которым жители Нижнего Города не питали особой любви.

Барон, все еще стоявший на коленях перед королем, молитвенно сложил на груди жирные ладони.

— Повинуясь вашей воле, государь, и искренне раскаиваясь, замечу только в свое оправдание, что вино, подаваемое на той сходке, было не слишком высокого качества и быстро затуманило мой разум, заставив внимать подстрекательским речам...

— Короче! Чьим речам?

Барон судорожно слотнул и жалобно молвил:

— Я огорчу повелителя, назвав имя...

— Да говори же, ты, плевок Нергала!

— Гийлом Гандерландский! — возопил Агизан, вскакивая на ноги с неожиданной резвостью. — Да, это был он, подлая змея, пригретая на могучей груди благороднейшего из королей! Предатель, замысливший отделить Гандерланд от великой Аквилонии! Он соблазнял нас своими речами, и немало нашлось польстившихся на его посулы...

Негодующие крики, треск опрокидываемой мебели, звон обнажаемых клинков наполнили трапезную, словно под кров королевского дворца ворвалась дикая орда кочевников. Народ на галерее неистовствовал, на головы вельмож полетели нетронутые окорока, глиняные кувшины и деревянные тарелки.

— Что, предатели, думали укрыться от справедливого возмездия? — Барон приплясывая на краю помоста, удерживаемый натянувшейся цепью. — Всех, всех постигнет кара! Кайтесь, ничтожные, просите милости владыки!

— Кончай балаган! — гаркнул Конан, поднимаясь из своего кресла. — Назови имена!

— Это... это... — Агизан тыкал в толпу коротким пальцем, выискивая только ему известные лица. Потом вдруг смолк и недоуменно уставился на свое огромное брюхо.

Почти утонув в складках жира, посреди обширного баронского живота торчала рукоять метательного ножа.

Конан сразу признал офирский хассак: лезвие его было тяжелее рукояти и, даже брошенное не слишком умелой рукой, чаще всего поражало жертву насмерть.

— Убили, — сказал барон изумленно и мягко упал на ковер. — В горле у него забулькало, глаза закатились.

В зале началась свалка; грозно вопя и потрясая мечами, придворные накинулись на убийцу.

— Не трогать! — ревел король. — Взять живым!

Куда там. Когда толпа расступилась, взгляду Конана предстал лежащий на полу молодой человек в темной одежде. В его груди зияло с десятков колотых ран, а лицо было разрублено безжалостным ударом стали. Стоя на краю помоста, киммериец мрачно взирал на убитого.

— Кто это?

— Подавальщик, — отвечали снизу, — всего лишь подавальщик, ваше величество. Очевидно, его подкупили...

— Да, он сделал свое дело, и сделал вовремя. Как говорят, концы в воду... Впрочем, главного подстрекателя Агизан успел назвать перед всеми...

— Мне кажется, кто-то здесь хочет опорочить мое честное имя, — раздался надменный уверенный голос.

Перекинув через руку дорожный плащ, небрежно положив тонкие пальцы на золоченый эфес меча и презрительно улыбаясь, в дверях трапезной стоял герцог Гийлом Гандерландский.

* * *

Отлично сложенный, лет тридцати, красивый и ясноглазый, Гийлом был рожден бритункой, и история его матери даже легла в основу народной баллады. Когда-то отец его, Пипин Большоголовый, отправился в гости к своему другу, какому-то мелкому князьку Пограничного Королевства. Изрядно выпив, они решили поохотиться, погнали оленя и вскоре заблудились в чащобе. Пограничное Королевство место — дикое, дорог там вообще никто не прокладывает, а усадьбы местных князей разделены почти непроходимыми лесами.

Долго ли, коротко ли скитались друзья, потеряв среди болот и буреломов своих коней, только не заметили, как оказались уже в Бритунии. В изодранных платьях, голодные, искушенные комарами и лесными клопами, словно

двое нищих, постучали они в ворота некоей усадьбы. Хозяин, бритунский барон, приютил скитальцев, а узнав их род и звание, снабдил всем необходимым, включая резвых скакунов и суммой на дорожные расходы.

Пипин сполна отблагодарил за гостеприимство: пленившись дочерью хозяина, он похитил златовласую Аэлису и по утренней росе галопом погнал дареного коня на юг, в сторону немедийской границы. Благополучно уйдя от погони, герцог вскоре прибыл в Нумалию, где у него были какие-то родственники.

Вернувшись в Гандерланд, он сделал пленницу законной хозяйкой замка. Прекрасная Аэлиса полюбила своего похитителя: Пипин был мужчина статный, храбрый воин и страстный любовник. После весело отпразднованной свадьбы они зажили счастливо, и вскоре, пелось в балладе: «понесла Аэлиса плод любви под сердцем, веселясь душою».

Но тут настали для нее черные дни. У Пипина появилась любовница. Обольстительная и коварная, она с помощью волшебного снадобья приворожила сердце герцога и внушила ему яростную ненависть к жене. Кончилось тем, что бедную молодую женщину изгнали из замка. В глухом лесу ее чуть было не убили подосланные Идерной (так звали любовницу герцога) злодеи, Аэлиса чудом спаслась и нашла приют у некоего доброго человека, где и произвела на свет Гийлома. Легенда гласила, что будто бы к его скромной колыбели приходила лесная фея и предсказала младенцу славное будущее.

Аэлиса вскоре умерла, не вынеся разлуки с любимым, а Гийлом вырос, явился в замок под видом торговца медом и заколол ведьму ножом, отравленным ядом болотного демона. Чары спали с глаз несчастного Пипина, он облобызал сына, долго горевал по умершей жене, и за все годы, еще ему остававшиеся, ни разу не прикоснулся ни к одной женщине.

Так ли все было на самом деле, никто не знает. Недоброжелатели поговаривали, что Гийлом сам сочинил балладу, дабы поднять свою популярность среди гандерландцев, что было излишним: в отличие от своего отца-однолюба (коварная Идерна, конечно, не в счет), нынешний герцог был весьма охоч до женского пола и всюсю пользовался правом первой ночи, навсегда поселяя рев-

ность в сердцах новоиспеченных мужей. В постели герцога под огромным балдахином перебивали почти все смазливые дочери мелкопоместных вассалов, помещиков и многие хорошенькие крестьянки. Впрочем, Гийлом был щедр, богато одаривая невест драгоценностями и заморскими тканями, так что дурнушки, вынужденные проводить брачную ночь с законными супругами, кусали себе локти, шепотом понося отцов, зачавших их, очевидно, либо с перепоею, либо по недоразумению.

Они были, как говорят в народе, «два сапога пара» — король и герцог. Оба ценили женскую красоту, хорошее оружие, добрых коней, охоту и веселую беседу за винной чаркой. Когда киммериец уставал от высокопарных речей Пресвеглого, вечных забот главного архитектора и бестолковой лести придворных, он слал гонца к Гийлому и закатывал пир дня на три-четыре. Гийлом веселил короля байками о своих любовных похождениях: выходило, что если всех мужей, чьи головы его стараниями украсили ветвистые рога, выстроить в ряд, шеренга протянется от Турна до Мессангии. Врал он складно и с массой уморительных подробностей. Потом они седлали коней и отправлялись куда-нибудь в поля за Спокойным озером, где герцог обучал Конана премудростям соколиной охоты.

Дважды услышав о предательстве Гийлома, киммериец в глубине души так и не смог окончательно поверить, что тот способен на столь низкое вероломство, хотя и был подозрителен, как все варвары. Кто обвинял герцога? Лесной разбойник и трус-барон и тот, и другой старались во что бы то ни стало спасти свои жалкие жизни. Правда, был еще карлик, который, судя по всему, желал как раз обратного. А безумный юноша, плененный на ванирской ладье и знавший о яде, какую роль играл он в этом странном действе? Или тот, кто стоял во главе заговора, двигал ими, словно фигурами из слоновой кости в вендийской игре, надеясь заранее обдуманно ходами стравить короля Аквилонии с герцогом Гандерланда и извлечь выгоду из этой распри?

То, что герцог явился во дворец даже без оруженосцев, лишь в сопровождении генерала Ольвейна, как будто говорило в его пользу.

— Ты осмелился прийти один? — спросил Конан, пристально глядя в лицо Гийлома.

— Моих людей не пустили в город, — отвечал тот, не отводя взгляда. — Я удивлен, государь. Вы посылаете гонцов с просьбой о помощи, а когда я привожу своих рыцарей, они вынуждены томиться под стенами, словно какие-нибудь купцы в ожидании таможенного досмотра. Какая кошка пробежала между нами? Чей наговор ты принял к сердцу?

— Обвинения против тебя серьезны, — сурово молвил король, снова усаживаясь в черное кресло. — Поднимись на помост.

— Я под судом?

— Да.

Все ждали возмущения герцога, а, возможно, и вызова. Многие расценивали наследного вождя гандерландцев скорее как союзника аквилонского короля, нежели его вассала. Однако Гийлом лишь надменно поклонился и вошел на подмостки. Подбоченясь, он встал в пологорота к залу, чтобы все могли видеть его гордый профиль.

— Так кто же осмелился порочить герцога Гандерландского? заговорил он первым.

— Знаешь ли ты некоего разбойника Анимара? — спросил король.

— Знаю. Мои люди давно охотятся за этим выродком.

— Вчера я положил конец этой охоте. Прежде, чем отправиться к Нергалу, Анимар сообщил мне, что ты нанял его, чтобы убить короля.

Крики и шум вновь раздались в зале, но герцог и бровью не повел.

— Король внял наветам ничтожного разбойника? — развел он руками. — Анимар нагло лгал.

— Барон Агизан также обвинил тебя в заговоре, он сделал это при всех, в этом зале, и утверждал, что ты устраивал тайные сборища, на которых сулил будущим мятежникам свое покровительство.

Гийлом, глянув на тело барона, лежащее на краю помоста, словно пестрый тюк восточных тканей, оброненный незадачливым купцом, рассмеялся.

— Агизан! Да всем известно, что этот ублюдок заставлял собственную жену спать с выгодными клиентами накануне заключения торговых сделок. Он обвинил бы и родную мать...

— Но почему он обвинил тебя?

— Думаю, по указке того, кому выгодно нас поссорить.

— Быть может, ты назовешь имя этого человека?

— Назову.

Стало тихо, только напряженное дыхание людей, сопение и покашливание раздавались в зале и на галерее.

— Мой отец, Пипин Большоголовый, говаривал: если ты обнаружил в своем супе муху, не думай, что она попала туда случайно, значит, у повара есть враги. Помысли, король, кто завладеет властью в городе, а может быть и во всей стране, если не станет ни повелителя Аквилонии, ни герцога Гандерландского? Тот, кого ты сделал вторым человеком в государстве, кому доверяешь правление, пока сам охотишься в окрестных лесах, кто купил тебя заумными речами, лелея лишь собственную корысть! Я говорю о тебе, жрец Обиус!

И герцог указал на Пресветлого тонким холеным пальцем.

Обвинение было столь чудовищным, что никто из присутствующих не посмел проронить ни звука. Люди замерли на своих местах, ожидая, что ответит служитель Митры. Но тот молчал.

— Ты все тонко рассчитал, премудрый, — продолжал герцог, — ты мог подослать убийц, так как лишь четверым было известно, что король иногда тайно покидает город: мне, Афемиду, оруженосцу и тебе. Ты сговорился с ванами и впустил их в город, прикинувшись обманутым. Ты велел Анимару оболгать меня, заранее зная, что разбойнику не одолеть Конана в стычке. Ты подкупил Агизана с той же гнусной целью, надеясь, что король впадет в ярость и либо убьет меня здесь, либо атакует мою дружину, что вызовет смуту среди гандерландцев...

— Довольно, — перебил киммериец, в глазах которого действительно разгорался огонь ярости. — У тебя есть доказательства?

— Мои люди схватили переодетого миста. Под пыткой тот сознался, что послан Пресветлым в Тарантию, к жрецу Оnasiусу, сообщнику Обиуса, дабы сообщить, что план начал осуществляться. В столице тоже зреет заговор, ваше величество. Цель его — установить в Аквилонии теократическую власть жрецов.

— Кром! — взревел Конан. — Если это так... Но ты молчишь, жрец?

Пресветлый неподвижно восседал в своем красном кресле: глаза полуприкрыты, лицо осунулось, пальцы, сжимающие хрустальный жезл, побелели. Он заговорил тихим, усталым голосом:

— Не пристало служителю Вечного нисходить до гнусностей, коими полнится сей мир по воле коварных сил тьмы... Но негоже также не противиться им, ввергая страну в хаос. Я отвечу тебе, темная душа, да простит Митра твое вероломство... Сегодня утром я молил Его просветить меня, и Всеблагой послал видение: замок в верховьях Ледяной, трапезная, полная ваниров и собак, которым бросали объедки... И, словно лакомую кость, ты подкинул Фингасту план, как овладеть Турном: байка о мертвеце, оловянный гроб, полный оружия... Ты знал, что я вынужден буду послать за помощью к тебе, и надеялся беспрепятственно войти со своим войском в город...

— С войском? Да я успел собрать лишь полсотни всадников да сотню ополчения! — возмущенно воскликнул герцог. — Если бы, как ты утверждаешь, я готовился заранее, то привел бы войско посolidнее!

— Это правда, генерал? — спросил Конан.

— Правда, ваше величество, — с поклоном отвечал Ольвейн. — Я смотрел с башни: рыцари расседлали коней, а ополченцы жгут костры и готовят пищу.

— Для того, чтобы овладеть городом, чьи ворота открыты, не нужно много воинов, — спокойно продолжал жрец. — Но твой план провалился: ты не знал о подземном ходе, прорытом Афемидом из Нижнего Города в Храм, и пришел, когда наш доблестный король уже покончил с твоими рыжебородыми сообщниками.

— Лучшее доказательство моей невиновности — то, что я стою перед вами! — надменно отвечал герцог.

— О, ты предвидел и такой вариант. Митра показал мне некоего карлика, несчастного безумца из тех, кто является к нам из страны туманов, лежащей за морем, на континенте Му... Проклятые древними богами за какие-то неведомые преступления, они скитаются по земле, ища смерти, дабы обрести покой на Серых Равнинах. Но умереть могут лишь от руки того, кто поможет им выполнить некий обет... И ты взял слово с несчастного, что

он отравит короля, оцарнав его пропитанным смертоносным ядом лезвием... Поэтому спокойно явился сюда, чтобы опорочить меня в глазах повелителя. Как же, Обиуса бросят в темницу, король умрет от неведомой болезни, а ты захватишь власть!

При этих словах Конан вздрогнул и побледнел, а Гийлом закричал в полном и, казалось, искреннейшем изумлении:

— Какой карлик? Что ты несешь?

«Точно, как сам Пресветлый, когда услышал о яде из уст безумного пикта, — подумал киммериец. — Они обвиняют друг друга, но на весах правосудия слово одного уравнивает слово другого...»

Словно прочитав его мысли, Пресветлый задумчиво молвил:

— Мне не доказать истинности моего видения, как тебе существование некоего, якобы схваченного гонца. Есть лишь один способ разрешить это дело...

Конан сразу понял, что имел в виду жрец. К этому древнему обычаю прибегали во многих землях от Асгарда до Аргоса в случаях, когда не было иной возможности доказать правоту одного из участников взаимной тяжбы. Для крестьян и горожан, для воинов и вельмож, даже для королей, для всех, кто признавал над собой высшую и окончательную власть небес, всегда оставалось последнее средство отстоять правду: вверить свою жизнь и честь милости Всеблагого.

— Ты предлагаешь мне... поединок? — несколько растерянно спросил герцог.

— Божий суд! — веско поправил Верховный Жрец. Суд Митры.

«Божий суд! Милость Несотворенного! — словно ветер, пронеслось по трапезной. — Справедливо! Верно!»

— Согласен! — воскликнул Гийлом. — Но ведь Митра запрещает своим жрецам сражаться, значит...

— ...Значит Обиус вправе выставить вместо себя любого бойца, — закончил король. Мысленно он усмехнулся, вспомнив, с какой ловкостью Пребывающий в Мире перерезал горло Фингасту, находясь от него в десяти шагах.

— Отлично! — герцог посмотрел в зал. — Я убью всякого, кто осмелится встать на защиту этого толстого предателя. Найдется среди вас сумасшедший?

Многие опустили глаза, другие сделали вид, что происходящее их вовсе не касается. На счету Гийлома было не меньше поединков, чем любовных побед, и все они кончались довольно плачевно для соперников герцога. Кроме того, всячески демонстрируя при каждом удобном случае свое подобострастие, придворные не питали к Пресветлому истинного почтения, считая его выскочкой и словоблудом.

— Разрешите мне, — раздался вдруг мелодичный голос, и из-за стола поднялся стройный человек в костюме чужестранца: не слишком броском, но элегантном и несколько необычном. На темных кудрях лихо сидел малиновый берет, украшенный ярким пером неведомой птицы.

— Кто ты? — спросил Конан.

— Я... э-э... паломник. Зовут меня Кримтан Да Дерг. Не далее седмицы назад я купил участок земли неподалеку от Храма, дабы построить дом и выполнить обет: ежедневно в течение полугода посещать богослужения...

— Купил участок? Видать, ты не беден. Из какой страны прибыл и какое звание носишь?

— Приплыл я с острова Фалль, называемого также Землей Богини Банну. Берега моей страны омывают волны Западного моря, и лежит она в трех днях пути от пиктского побережья. Что же касается звания, на нашем языке меня именуют брегоном Да Дергом, и титул этот не ниже графского.

— Почему ты решил защищать Верховного Жреца?

— Пресветлый Обиус удостоил меня нескольких личных бесед, и я проникся к этому человеку искреннейшим уважением.

— Должен предупредить тебя, чужестранец, — сказал король, несколько подумав. Он никогда не слышал об острове Фалль, хотя побывал во многих землях и любил слушать рассказы других путешественников. — Герцог Гийлом бился со многими, и никому еще не довелось его одолеть. Достаточно ли умело владеешь ты оружием? Я вижу при тебе лишь небольшой кинжал...

— Насколько я разбираюсь в ваших обычаях, выбор оружия за мной? — улыбаясь, спросил Да Дерг.

«Во всяком случае, он не настолько наивен, как кажется с первого взгляда, — решил Конан. — Что ж, доверим судьбу герцога и жреца Митре».

Между столом и помостом хватало места, чтобы бойцы могли сойтись в смертельном поединке. Да Дерг прошелся вдоль стены и выбрал из богатого собрания самый длинный меч. На голову ниже своего соперника, тонкий в кости, чужестранец, казалось, избрал таковой, дабы посмешить зрителей: клинок был чуть ли не в рост брегона. Однако фаллиец легко поднял оружие и отсалютовал герцогу. Тот насмешливо поклонился в ответ и встал в боевую позицию.

Как только клинки скрестились, стало ясно, что соперник не уступает герцогу в искусстве фехтования, а еще через пару минут Конан понял, что изящный фаллиец превосходит записного дуэлянта по всем статьям. Он легко отбивал выпады, не поддавался на обманные движения и, несмотря на яростную атаку Гийлома, оставался на месте, орудуя длинным мечом с выражением некоторой даже скуки, словно сержант на занятиях с новобранцами.

Когда-то давно, очень давно Конану уже доводилось видеть такую манеру сражаться: несколько странная стойка, изумительная точность движений и... хладнокровие, потрясающее хладнокровие перед лицом смертельной опасности! Сквозь туманную дымку времени киммериец увидел морское побережье и человека, орудующего сразу двумя мечами, легко отбиваясь от шайки пиратов... Потом ущелье и карабкающегося по камням юношу с длиннющим клинком и огромным луком за плечами... Снова море, палуба корабля, крепкий мужчина с торчащими над плечами рукоятями... Этих людей разделяли годы, сплачивало единое служение. Когда-то и сам Конан учился высшему искусству убивать во имя Великого Равновесия. Он упустил тогда этот дар, потерял Ситу, сохранив свободу воли и неумную жажду действовать по собственному разумению...¹

Вцепившись в подлокотники кресла, киммериец следил за поединком, понимая, что исход его предreshен. «Неужели... — шептал он, потрясенный внезапным открытием, — неужели Митра послал-таки своего воина?!»

В тот же момент кисть фаллийца описала замысловатую спираль, и меч герцога, отлетев, упал на помост к ногам короля. Гийлом еще не успел понять, что произош-

ло, а клинок Да Дерга, легко пробив нагрудник, погрузился на несколько пядей в грудь соперника. Быстрым движением брегон извлек окровавленное острие, и, даже не взглянув на побежденного, отвесил поклон королю и жрецу. Он уже направлялся к стене, чтобы повесить оружие на место, когда герцог рухнул сначала на колени, а потом, лязгая бронью, повалился на каменный пол трапезной.

В два прыжка Конан оказался возле поверженного и присел рядом. Глаза Гийлома бессмысленно уставились в потолок. Он хрипел, на губах выступила кровавая пена. Заметив короля, герцог напрягся, силясь что-то сказать.

— Киммериец, — расслышал Конан, — ты умрешь, киммериец...

— Так ты все же предал меня, — пробормотал варвар. — Не верю! Кто заставил тебя это сделать?

— Ты умрешь, — повторил Гийлом. — Он сильнее всех нас, сильнее...

— Кто? Во имя Митры, кто?!

Но герцогу Гандерландскому не суждено было более произнести ни слова. Зрачки закатились, дыхание прервалось: Божий Суд свершился. Конан опустил мертвецу веки и поднялся. Он хотел что-то сказать, но в это время от входной двери раздался взволнованный голос Афемиды:

— Они штурмуют город, король! Тысячи воинов, осадные башни, понтоны, камнемётные машины...

— Кром! — Конан в ярости сжал огромные кулаки, на лице его читалась полная растерянность. — Откуда это все взялось?

—словно из воздуха! Я был на Дозорной Башне и видел, как поле за Ледяной подернулось маревом... Как мираж в пустыне... Только это не мираж: камни и стрелы поражают защитников, а к стенам города устремляются воины, ополченцы и какие-то дикие люди в звериных шкурах! И еще, на холме возле тракта...

— Говори!

— На холме, под штандартом Гандерланда, я видел черного рыцаря, закованного в сплошную броню. Это он посылает войска на штурм!

¹ М. Мэнсон, «Конан и дар Митры».

Если кому-нибудь суждено будет описать турнское сражение, летописец непременно отметит, что сила осаждавших в десять раз превосходила защитников. Город был окружен водой: с юга — излучиной Ледяной, с севера — вытянувшимся дугой Спокойным озером. Средние пролеты деревянных мостов, ведущих к шести воротам (седьмые выходили на рыночную площадь) успели поднять еще утром, однако это не остановило стремительный приступ. Атакующие спустили на воду лодки и плоты, привезенные на многочисленных повозках, многие преодолевали реку вплавь: среди наемников большинство составляли ваниры и асгардцы, привыкшие к купанию в ледяных волнах. Полководец, Черный Рыцарь, восседавший на великолепном вороном же коне, послал вперед северян и ополчение, приберегая конницу для решающего удара.

Вдоль берега стояли метательные машины, безостановочно посылавшие свои смертоносные снаряды: тяжелые камни, бревна, утыканые железными шипами, и горящие комья тряпья, утяжеленные свинцовыми грузилами и облитые смолой. В Нижнем Городе вновь вспыхнули пожары.

Стоя на верхней площадке угловой башни, Конан видел огромное войско, занявшее все пространство от кромки леса до берега реки. Видел рыцарей, окруженных оруженосцами и слугами, узнавая по значкам на копьях вассалов герцога Гандерландского и искателей поживы из Пограничного Королевства; крестьян, вооруженных пиками, вилами и дубинами; рыжебородых ваниров в рогатых шлемах и их вечных врагов, а сейчас союзников — асгардцев в звериных шкурах и кожаных нагрудниках. Было и немало разнообразного сброда в самых немыслимых одеждах и с экзотическим оружием. Они кучковались вокруг своих вожakov, старавшихся перещегоолять друг друга обилием золотых цепей, браслетов, амулетов и прочих побрякушек. В одном месте Конан заметил даже несколько кхитайцев в бамбуковых доспехах с длинными легкими пиками...

«Значит вот как, — размышлял король, — значит те, кто хотел строить и жить в мире, шли со всех концов

света в Турн, а желающие разрушать и грабить оседали в замке у истоков Ледяной... То-то Гийлом уже давно не приглашал меня погостить... И никто — никто! — не донес о его приготовлениях, словно слепота всех поразила. Да и поразила, видать, мне-то утром и стеклышки афемидовы не помогли...»

Три осадные башни, снабженные колесами, подкатили к реке и столкнули в воду. Башни закачались на волнах, удерживаемые понтонами, укрепленными снизу, и медленно поплыли к городским стенам. Лучники на площадках посылали в защитников стрелы, способные пробить кольчугу, а тяжеловооруженные воины готовили крючья, подобные абордажным, и сходни, чтобы сбежать по ним на защищенную каменными зубцами и жестяной крышей верхнюю галерею и схватиться с турнцами.

Вооружившись мощным боевым луком, Конан выпускал стрелу за стрелой, целясь в тех, кто был на осадных башнях. То один, то другой из нападавших с криком валились в речные волны, однако другие, укывнившись за окованными железом щитами, продолжали обстрел защитников. Понтоны неумолимо приближались.

Плывущие через реку напомнили киммерийцу стаю хищных рыб-параний, водившихся в южных морях и способных обглодать неосторожного пловца за считанные мгновения — нападавшие были столь же многочисленны, и пощадь от них ждать не приходилось. Они сотнями тонули в реке, пораженные ядрами аркбаллист и стрелами защитников, но оставшиеся в живых упорно плыли к узкой полоске земли, отделявшей основание городских стен от речного плеса. А с противоположного берега спускали на воду все новые плоты с осадными лестницами и лодки с людьми. Казалось, ничто не в силах остановить страшную волну, накатывавшуюся на город.

Первыми не выдержали Юные Орлы. Король видел, как Лука Балагур щедро раздает затрецины, пытаясь удержать молодых воинов от постыдного бегства. Некоторые все же припустили к выходу с галереи, и киммериец не стал их осуждать: эти мальчишки впервые видели столь страшное зрелище. Даже кое-кто из бывалых воинов пятился к лестницам, ведущим внутрь стены, мысленно прощаясь с жизнью. Однако, видя на угловой башне

фигуру короля, бесстрашно стоявшего под градом стрел, никто из них не дерзнул нырнуть под спасительные каменные своды.

Что творится на северном конце, Конан точно не знал, но догадывался, что Ольвейну приходится там не сладко: широкий торг отделял северную стену от берега озера, и нападавшие могли подплыть на ладьях, не опасаясь выстрелов защитников, построиться в боевой порядок и атаковать ворота. Киммериец заранее распорядился ответить заградительный отряд с рыночной площади, понимая, что ему не выстоять против вражеской атаки и четверти часа. Людей и так мало, они нужнее на стенах.

Со своего места король отлично видел Черного Рыцаря, неподвижного в седле, словно конная статуя. Странно, при нем не было никакого оружия: ни меча у пояса, ни копыя в руке. Не было и щита — только темные, как беззвездное небо, сплошные доспехи защищали неведомого полководца, а лицо скрывало опущенное забрало шлема. Такие латы, не оставлявшие ни единого уязвимого места, Конан видел впервые. Он не представлял, как можно в них сражаться: либо их обладатель имел недюжинную силу, либо вовсе не собирался участвовать в битве.

«Вышиби его из седла, и встать этот рыцарь уже не сможет, — рассуждал про себя киммериец. — Кто же он такой, Нергал его задери?!»

Ему уже начало казаться, что под броней вовсе никого нет, когда Черный Рыцарь шевельнулся, отдавая какое-то распоряжение. Окружавшие его воины засуетились, несколько всадников поскакало вниз, к реке.

Первые лодки достигли мелководья, наемники и ополченцы, грозно вопя, потрясая копьями и топорами, прыгали за борт и, увязая в донном иле, устремились вперед. Многие остались лежать на плесе, но другие уже принимали с плотов лестницы, поднимая их при помощи веревок и прислоняя к стене. С осадных башен полетели канаты с крючьями на концах...

На атакующих еще сыпались стрелы, копыя и камни, и вдруг все прекратилось, словно защитники решили без боя сдать город. Карабкавшиеся по лестницам и толпившиеся внизу восторженно взвыли, предвкушая тщетные мольбы о пощаде и легкую добычу. Те, кто только что

подплыл, старались протиснуться вперед — каждому хотелось успеть урвать кусок пожирнее и заслужить похвалу начальников.

Конан опустил лук. Он знал, что сейчас последует, и спокойно смотрел вниз, на обреченных.

И тут, к его несказанному удивлению, с противоположного берега долетел сигнал боевого рога — сигнал к отступлению.

Среди штурмующих воцарилась полная неразбериха: кое-кто продолжал взбираться по лестницам, люди на осадных башнях, уже готовые перекинуть сходни, замерли, некоторые из толпившихся внизу неуверенно отступили к лодкам, другие, думая, что ослышались, продолжали протискиваться к стенам.

Сигнал прозвучал слишком поздно: словно из самих камней твердыни плеснули фонтаны смертоносного огня. Первый, полыхнувший из трубы на крепостном бастионе, ударил вдоль стены, сметая лестницы и превращая скопавшихся на них людей в яркие факелы. Потом вниз обрушился пылающий водопад: жидкий огонь лился из замаскированных отверстий, падал на головы мечущихся в ужасе воинов, искавших спасения в реке. Но и те, кто ныряли в воду, продолжали гореть; пылающие потоки текли по поверхности: казалось, свершилось чудо, и река воспламенилась, сжигая в страшном костре дерзнувших осквернить её воды.

Вспыхнули осадные башни. Лучники и воины прыгали вниз, погибая на мелководье. Громко лопались наполненные воздухом и укрепленные между бревнами понтонов кожаные пузыри. Вопли погибающих смешались с победными криками защитников Турна, оправившихся от потрясения: для рядовых воинов огненный смерч явился такой же неожиданностью, как и для нападавших.

Вскоре все было кончено: узкая полоса земли у основания стены завалена обугленными телами, лодки и плоты догорали, кренясь, рушилась в воду последняя осадная башня. Лишь несколько уцелевших наемников плыли к противоположному берегу, в ужасе оглядываясь на огненное пятно, растекающееся по поверхности реки.

— Победа! Победа! — ликовали на стенах. — Да здравствует король! Слава магистру Афемиду!

«Слава Афемиду! — мысленно повторил Конан. — Ты опять удивил меня, магистр».

Отдав необходимые распоряжения и строго приказав доложить тотчас же, если осаждающие вновь решатся на штурм, он спустился в мастерскую. Афеמיד в своей грязной, прожженной тунике и потертых сандалиях колдовал возле каких-то рычагов и медных колес с деревянными рукоятками. При этом он сверялся с куском пергамента, неодобрительно хмыкая и потирая свободной рукой лысину.

— Не думал, что Огонь Митры может течь, подобно лаве вулкана, — сказал король, входя. — Ожидал, что собьешь их лестницы и подожжешь осадные башни, но чтобы так...

— Да-да, — устало отвечал мастер, — это моя новая придумка... Все очень просто: одна часть серы, две части липового или ивового угля, шесть частей селитры, все это толчется в мраморной ступке... И кровь земли, конечно, она делает огонь текучим и неугасимым. Ну, почти неугасимым...

— Я видел. Противник бежал в ужасе, берег усеян сгоревшими, словно лесная прогалина после пожара. Ты сделал Турн поистине неприступным!

— Увы, мой король, я послал старшего ученика посмотреть, много ли осталось вещества в подземном ходе, откуда мы качаем его насосами. Уровень упал вдвое! Да и запасы моего порошка не безграничны. В лучшем случае мы сумеем отбить еще одну атаку.

Конан помрачнел. Опыт подсказывал, что без текучего огня штурм не выдержать: слишком неравны были силы. Черный Рыцарь не станет жалеть людей, да и сами наемники, люди дикие и отважные, не слишком пекутся о собственных жизнях, предпочитая смерть в бою и возможность богатой поживы малейшей осторожности. Прикажи полководец, и орда вновь пойдет на приступ, чтобы сгореть заживо, пойдет снова и снова, и перекатится в конце концов через стены, и затопит город кровавым потоком. Тогда придется отступать за внутренние укрепления, потом — в Храм Митры... Что будет дальше, думать не хотелось.

— Ты можешь пускать огонь только по всему периметру или в любом месте? — спросил король магистра.

— Можно открывать заслонки только на бастionaх...

— Тогда ограничься этим и сбивай лестницы. На тех, кто толпится внизу, мы станем лить вар, бросать камни и бревна. Как обычно.

Афеמיד кивнул.

— Да, это позволит нам протянуть несколько дольше...

И он снова углубился в изучение пергамента.

До наступления ночи осаждавшие больше ничего не предпринимали. Когда стемнело, поле за Ледяной покрылось огнями костров. С берега долетали удары кирок и какой-то скрежет: очевидно, там строили укрепления.

Поручив Луке Балагуру командовать южными укреплениями, что заставило юного виконта покраснеть, а бывалых сотников вспылать ревностью к юному фавориту, Конан отправился на северную оконечность города, поднявшись по дороге на Дозорную Башню. Зрительная труба описала полный круг: город был обложен со всех сторон. За Спокойным озером тоже горели костры, у пристани темнели ладьи, к берегу на всех парусах приближалось еще несколько.

Под прикрытием двух башен, самые большие, парадные ворота Турна вели на торговую площадь. Именитые гости чаще прибывали по воде, предпочитая конной тряске путешествие в корабельных шатрах, где под плеск весел можно было понежиться с чаркой в руке или насладиться объятиями прекрасных наложниц. Подплывая к пристани, прибывающие обычно выходили на палубу, чтобы насладиться величественным зрелищем городских укреплений и сторожевых башен, на стенах которых искусные камнерезы под руководством аргосского маэстро вытесали огромного орла с распростертыми крыльями — на левой, и лик в солнечной короне — на правой.

Сейчас, в свете догоравших прилавок и навесов, торг представлял мрачную картину: возле ворот, на мощеных каменными плитами дорожках, ведущих к пристани, между резных столбов с названиями торговых рядов — повсюду лежали обгоревшие, дотлевающие тела. Особенно много их было возле самых створок; среди трупов валялись закопченные полосы железной оковки щитов, чьи

деревянные части полностью сгорели. Выглянув в боковую бойницу башни, Конан заметил, что огромные створки ворот с резными украшениями прочерчены наискось черными полосами, образующими гигантский косой крест. Плиты привратной площадки потемнели и оплавилась, тускло светилось обугленное бревно-таран с заостренным железным наконечником.

— Раструбы башенных огнеметов направлены под углом вниз, — пояснил Ольвейн, — так что, когда эти варвары принялись долбить ворота, они получили знатное омовение! Надеюсь, Мардук, Небесный Воин, остался доволен, взирая на это зрелище со своих высот!

На берегу озера кипела какая-то возня: пыхал огонь, раздавались удары кузнечного молота, ругань и резкие команды. Что-то сгружали с судов на пристань, желто поблескивал металл.

— Думаю, они постараются сделать нечто вроде переносной крыши или большого щита, — сказал Конан. — Что предпримешь, если ублюдки вновь полезут к воротам?

— Да есть еще подарочек... Над воротами устроен закрытый поребриком наклонный карниз. Стоит мне дернуть вот за этот рычаг, поребрик откинется, и нападающим придется ловить камни — каждый с винный боченок! Ни один щит не выдержит, даже булатный. Воистину, хитроумного магистра стоило бы достойно наградить за предусмотрительность!

Король и сам так думал. Правда, с награждением выходили некоторые трудности: Афемид был равнодушен к золоту, богатой одежде и званиям. Как-то киммериец предложил мастеру мешок тарамов, равный его собственному весу. Тот лишь поморщился и попросил короля в качестве милости отвести ему участок леса квадратов в пятнадцать и непременно на берегу. «Ты что, решил построить мельницу?» — удивился тогда Конан. Оказалось, Афемид замыслил ставить стеклодувню, для чего требовалась буковая зола и чистый речной песок. Лес он получил, и работа закипела... Что-то случилось с его мастерской, и не пьют ли сейчас наемники возле своих костров кислую брагу из трофейных изящных графинов и тонкостенных чаш?

От северных ворот Конан вернулся в угловую башню, пройдя по верху стены. Часовые бодрствовали, воины отдыхали, лежа вповалку на плащах, прикорнув у аркбаллист, пирамид булыжников и штабелей бревен. Король отметил полный порядок в своем войске: павшие убранные, раненные отправлены в лазарет, под котлами с варом поддерживается огонь.

Конан заночевал в мастерской Афемиды, превращенной в командный пункт. Спал он беспокойно, и во сне видел Черного Рыцаря, окруженного пламенем, на крылатом шестиногом коне...

Утром к южным воротам явился парламентар.

* * *

Небо хмурилось, из-за края земного диска поднимались темные грозовые тучи. Задул холодный ветер, взметая прах сгоревших воинов, пепел обугленных лодок, неся черную поземку вдоль подножия городской стены.

Всадник стоял на обрывистом южном берегу Ледяной, возле разведенного моста: голова обмотана белой тряпкой, из-под которой выбиваются светлые волосы, руки подняты пустыми ладонями вверх. На нем были лишь короткие меховые штаны: человек показывал, что не имеет при себе оружия и желает говорить. Конан признал в нем жителя Асгарда и, отметив, что никто из врагов не приближается к въезду на мост ближе, чем на полет стрелы, приказал опустить пролет.

Ас тронул коня и подъехал к воротам. Стражники принялись было открывать калитку в нижней части правой створки, но всадник бросил на дощатый настил кожаный мешочек, развернулся и поскакал прочь. Мост снова развели, а странное послание доставили королю.

Осторожно развязав сплетенный из конских волос шнурок, Конан извлек и разложил на столе магистра небольшую пирамидку из алого камня, глиняную чело-веческую фигурку без головы, каменный пиктский нож, железную печатку для клеймления рабов и оловянную дарохранительницу, из тех, в которые прихожане победней опускают свою мелочь. Подняв крышку, Конан невольно отшатнулся: из сосуда ему в лицо ударил порыв холодного

ветра, взъерошив черную шевелюру короля и растворившись в душном воздухе мастерской.

— Что скажешь, магистр? — спросил киммериец, мрачно взирая на странный набор предметов. — Что все это значит?

— Наверное, Черный Рыцарь не владеет грамотой, а среди его сброда не нашлось человека, умеющего складывать буквы. Говорят, дикари посылают друг другу лягушек, скорпионов, траву и веточки и отлично понимают друг друга. Но в данном случае я бессилен...

— Пошли мальчишку, пусть отнесет все это в Храм, к Пресветлому. Послушаем, что скажет премудрый Обиус.

Король вновь поднялся на верхнюю площадку. Тучи стеной вставали из-за леса, поглощая край небес. Ровный сильный ветер гнал их к городу со всех сторон: казалось, черная пелена с поблескивающими молниями стремится накрыть Турн темным пологом. Черный Рыцарь неподвижно высился в седле, правая рука поднята, и Конан заметил, что на ней нет железной перчатки.

Вдоль берега врыты были дощатые щиты, за которыми укрывались камнемётчики, лучники и готовые вновь пуститься вплавь воины. Сомнений не оставалось: осаждающие готовили новый штурм. За щитами высились новые осадные башни, на этот раз числом пять, плотная масса людей кишела вдоль изгиба реки. На этот раз войско выстроилось в большем порядке, разбитое на сотни, во главе которых стояли латники из гандерландских вассалов.

Текло время, тучи подбирались к зениту, а вражеское войско лишь волновалось, словно трава под ветром, даже катапульти бездействовали.

«Чего он ждет? — размышлял Конан, разглядывая черного всадника на холме. — Ответа? И что за странный ветер, дующий со всех сторон? Не об этом ли предупреждала дарохранительница? Фигурка без головы, алая пирамидка... алая, алая... неужели...»

На площадке появился Афемид в сопровождении старшего подмастерья. Тот с поклоном передал королю мешочек и записку Пресветлого.

— Читай, — велел Конан магистру.

«Королю Аквилонскому, сюзерену Пуантена и Гандерланда, великому герцогу Танасульскому, Галпаранскому, Шамарскому... так, так... от Верховного Жреца Храма Мигры, Хранителя Неугасимого Огня, Пресветлого и Пребывающего... это все рукой каллиграфа... ага, вот и почерк Обиуса: моля о милости и снисхождении Несотворенного... за грехи наши... вот: мыслю, что, убоявшись мощи Великого Турна, хранимого Митрой, равняя оную мощь с твердостью алого камня, цветом сходного с Огнем Неугасимым, супостат трепещет лишиться головы посредством грозного оружия турнского, уподобляемого по темноте пиктскому, с точки его зрения самому твердому оружию, либо попасть в рабство, а посему готов оставить наши земли, испарившись, подобно ветру, и удовольствовавшись лишь самым скромным откупом, дабы иметь возможность расплатиться с варварами и не лишиться жизни от их гнева. Советую выдать из наших запасов воз медных монет...»

— Нет, он не деньги требует, — резко прервал Конан магистра, — а медяки вскоре могут лежать у нас на глазах! Ему нужен... Теперь я понял!

— Ты разгадал послание? — тревожно спросил Афемид.

— Да! Я знаю, кто этот Черный Рыцарь и чего он требует. Хотя и не могу понять, зачем. Пирамидка — это Алая Цитадель, резиденция мага Тзота-ланти, сумевшего пленить меня во время нападения королей Офира и Котха. Последний раз я видел этого стервеца, бегущего за своей отрубленной головой, уносимой орлом, облик которого принял другой колдун. Кстати, голову Тзоту отсек я. Видать, он догнал-таки свою башку и упрятал ее под черное забрало!

— Но чего он хочет?

— Я думал — отомстить. Но пиктский нож... Он требует подарка, потому прислал дарохранительницу. Хочет раба, об этом говорит клеймо — раба-пикта.

— У нас только один пленник, называющий себя пиктом...

— Да, и я не могу взять в толк, зачем он понадобился магу.

— А порыв ветра, ударивший тебе в лицо?

Король молча повел рукой, указывая на сгущающиеся тучи. Теперь уже было совершенно ясно, что несущий их ветер наслан колдуном, он сближал рваные края грозовых облаков, испещренных зарницами, и круг чистого неба в зените таял с каждой минутой.

— Ты отдашь ему пикта? — спросил магистр.

— Я дам ему лишь то, что он заслужил, — рыкнул киммериец, — второй раз снесу башку, будь она даже под десятью шлемами!

Как только он произнес эти слова, рог на том берегу протрубил сигнал к атаке.

— Ступай к своим рычагам, — приказал король, — да смотри, расходуй текущий огонь расчетливо.

Все повторилось, как и накануне: переправа, плывущие башни, толчея у стен, лестницы... Подбадривая себя воинственными криками, наемники принялись карабкаться вверх. И все же опасливо поглядывали по сторонам, в любой миг ожидая огненного смерча. Люди внизу прикрывались медными щитами.

И смерч ударил: Афемид открыл заслонки на башнях. Пара лестниц вспыхнули, но тут облака сомкнулись над городом, раздался сотрясший стены раскат грома, и сверху хлынул сплошной поток.

Такого дождя турны не видели никогда. Конан, побывавший в Черных Королевствах, знал, что над джунглями часто бушуют ливни, когда вода с небес падает сплошной стеной, но в северных землях такое было впервые: настоящий водопад, прибывший огненный фонтан к земле, почти его погасивший...

Конан откинул крышку люка, склонившись, закричал вниз Афемиду:

— Открывай все заслонки, во имя Митры, пускай все, что осталось!

Магистр принялся дергать рычаги; огненные потоки хлынули из раструбов, смешавшись с хлещущим дождем, шипя и окутывая стены паром. Ливень, впрочем, слабел, словно тучи, разом отдав всю накопленную влагу, стремительно опустошили свои темные чрева.

Но тут в стены ударил ветер, разом со всех сторон. Это был настоящий ураган, он поломал лестницы, расплющил о камни воинов, сбил с ног стоявших внизу...

Воды реки вздыбились и хлынули на узкую полосу земли мощным валом, сметая и калеча дико вопящих наемников: маг не жалел своих людей, повинувшись лишь одной яростной жажде разрушения.

Его план полностью удался: ураган сбил фонтаны огня и загнал их обратно в жерла труб — словно вставил железные пробки. Никто не успел понять, что произошло: несколько мощных взрывов сотрясли стену, и Конан увидел, как рушится центральный бастион, увлекая в пропасть Юных Орлов и Луку Балагура...

— Закрывай! — заорал Конан, упав на пол и свесившись в люк. — Ветер заткнул трубы, твой огонь взорвет крепость!

Афемид метался возле рычагов, подмастерья судорожно крутили медные колеса. Однако, прежде чем заслонки закрылись и остановились насосы, качавшие кровь земли, прогремело еще несколько взрывов, обрушивших большую часть городской стены.

Ураган стих так же внезапно, как и налетел, тучи над головой стали редеть, и солнечные лучи, пробившиеся сквозь прорехи облаков, осветили картину разрушений.

Король и магистр стояли рядом, и лица их были мокры — не то от редющих капель дождя, не то от слез. Мощной цитадели, возведенной в Озерном Краю железной волей правителя и искусством его архитектора, больше не было. Словно гнилые зубы во рту старика торчали уцелевшие части стен; широкие проломы в некоторых местах достигали земли. Большинство защитников нашли свою смерть под обломками. Взрывы были столь мощны, что разметали многие дома на прилегавших к стене улицах.

А через реку, уже вошедшую в свои берега, победно вопя, плыли новые сонмы нападавших, готовых жечь, грабить, насиловать, мстить... Ураган раскатал осадные башни по бревнышку, но в них не было больше нужды — путь на улицы Турна был открыт. На больших плотях вместе с конями переправлялись рыцари: они тоже вопили, обуреваемые жаждой крови и поживы ничуть не меньше варваров, крестьян и разбойников.

— Надо уходить, — негромко сказал магистр. — Через подземный ход, в Верхний Город. Стены его не столь

высоки, но там — знать со своими людьми. Среди вельмож немало умелых бойцов.

— Бойцов? — прорычал киммериец. — Их умения хватит, чтобы воткнуть нож в спину! Мы будем драться здесь — за каждый дом, каждую улицу и переулок. Мы завалим мостовые Нижнего Города трупами врагов. Они захлебнутся собственной кровью!

И он обнажил меч, готовый сражаться и умереть за свой Турн — первый град, который варвар из Киммерии не разрушал, а строил.

— Большинство гарнизона погибло, горожане не смогут противостоять орде варваров, рыцарям и ополченцам, жаждущим добычи, — убеждал магистр, понимая, что все слова бесполезны. — В благоразумии — сила полководца...

— К Нергалу благоразумие! Ты болтаешь, как трусливый Обиус, не сумевший выпросить защиты у своего Митры! Кагись к нему, да передай тем, кто хочет умереть за своего короля: пусть открывают ворота и атакуют всеми силами. Победим или умрем!

С этими словами киммериец ринулся к краю обвалившейся стены и ловко начал спускаться по наклонному торцу пролома вниз — навстречу смерти.

Афемид горестно наблюдал за ним сверху: он готов был вонзить кинжал себе в сердце. Все его умение, его искусство и хитроумность, оказались бессильными перед чарами колдуна, победно восседающего на своем вороном коне, там, на холме...

Если бы близорукий магистр способен был видеть дальше собственного носа, он поразился бы переменам, происшедшим с Черным Рыцарем. Бессильно уронив руки, маг едва держался в седле, раскачиваясь, словно вызванный им ветер обрушил свои порывы на него самого. Не удержавшись, колдун стал заваливаться на сторону, его приспешники подхватили закованное в броню тело и унесли в шатер. Предупрежденные о возможном проявлении слабости после столь мощного колдовства, они были готовы и знали, что их безжалостный повелитель должен набраться сил для новой волшбы.

Лодки и плоты приближались. Конан прикидывал, успеет ли оказаться на земле, прежде чем первые из них причалят. Внезапно, бросив взгляд вниз по течению Ле-

дяной, король увидел стремительно приближающихся всадников: клин конницы под предводительством высокого рыцаря в пернатом шлеме и позолоченном панцире, в развевающемся багряном плаще, с обнаженным мечом и копьем в руках. Следом скакал юный оруженосец, державший знамя. Конан узнал эмблему — алого леопарда Пуантена — узнал предводителя...

— Троцero! — заорал он, не в силах поверить в это чудо. — О Митра, я был несправедлив к тебе, ты послал с небес графа Троцero!

Всадники во весь опор гнали коней в чеканных уздах, под яркими чепраками и высокими седлами с луками из пурпурной или желтой кожи, украшенными чернью и эмалью по серебру. Островёрхие шлемы без забрал искрились яркими бликами под выглянувшим солнцем. Разноцветные щиты с гербами, синие, шафрановые, ярко-желтые, малиновые плащи, летящие по ветру, — словно радужное сияние накатывалось на серую орду Тзота-ланти, оцетинившись копьями с булатными наконечниками и пестрыми значками. Отряд смел передовые заграждения ополченцев и безостановочно понесся дальше, разрезая вопящий сброд, как нож теплое масло.

Рог гандерландцев хрипло прокричал отбой. Рожок на ближайшем плоту, напротив, требовал наступать: какому-то князьку плевать было на дисциплину, когда город — вот он, иди и бери. Часть лодок повернула обратно, другие продолжали грести к плесу. Конан спрыгнул на землю и приготовился встретить врагов.

Из первой причалившей лодки попрыгали ваниры и, размахивая топорами, ринулись на одинокого воина. Киммериец встретил их как полагается: меч его работал безостановочно, круша черепа и разрубая тела северян. Краем глаза он успел заметить причаливший к мелководью плот и длинномордого верзилу, поднимающего арбалет... Ванирский топор задел его наплечник, Конан пошатнулся, открывшись лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы арбалетная стрела ударила его в грудь.

На зингарской броне осталась лишь вмятина, однако стреляли так близко, что король не удержался на ногах и упал навзничь. Он увидел над собой оскаленное лицо

ванира, занесшего топор для последнего удара... Потом кожаная рубаха на груди ваннахеймца лопнула, и из прорехи, словно красный клнов дятла из дупла, выглянуло окровавленное острие меча. Воин повалился вперед и упал бы на Конана, но тот уже был на ногах, с удивлением обнаружив, что вовсе не одинок в этой схватке.

Из пролома в стене резво выпрыгивали турнские молодцы, тесня к воде и валя наземь опрометчивых захватчиков. Стражники, горожане и откормленные парни с гербом графа Робастра на червленых нагрудниках... Самого графа, впрочем, видно не было, очевидно, он счел ниже своего достоинства марать меч о каких-то наемников.

Рядом, вытирая окровавленное лезвие о штанину поверженного ванира, стоял генерал Ольвейн.

— Ты меня пугаешь, — проворчал киммериец, — всегда в нужном месте и в нужное время, словно сквозь стены видишь. Чернокижник ты, что ли?

Генерал улыбнулся.

— Да я грамоте и то не обучен... Просто, когда налетел ураган, нам досталось меньше: мы пускали огонь вдоль ворот, и ветер только прибил его. Северные ворота целы, и почти вся северная стена вдоль озера. Поэтому я оставил командовать сержанта и пошел к вам на помощь. По дороге ко мне присоединился граф Робастр со своими людьми и еще десяток вельмож — у каждого по сотне слуг и телохранителей. Они готовы предпринять вылазку на помощь Троцero.

— В трапезной заверявших меня в своей преданности было несколько больше, — буркнул король. — Ладно, и на том спасибо... Но откуда ты узнал о Троцero?

— Когда я получил послание Пресветлого с требованием отправить гонцов к Гийлому, то подумал, что этого может оказаться недостаточно, и послал человека в Галпаран, возле которого, как мне было известно, граф собрал немало рыцарей на маневры...

Конан не удержался и присвистнул, словно мальчишка.

— Ну знаешь! Если бы ты ведал грамоту, я произвел бы тебя в маршалы... Но я поступлю лучше: сделаю тебя герцогом Гандерландским и подарю замок Гийлома, благо этот повеса не оставил законного наследника. Подозревал его?

— Доходили кое-какие слухи... Болтали, что замок словно стал невидимым, и пройти к нему можно только окунувшись в болотину, да и то задом наперед. Многие не верили, но теперь-то понятно, что тут не обошлось без черной волшбы.

— Немало, однако, нашлось желающих искупаться в тине! Ладно, собирай людей, мы выступаем.

Не прошло и четверти часа, как турнцы атаковали разношерстное войско Тзота-ланти. Горожане под предводительством мясника Бангамира, облачившегося в трофейную кольчугу, но оставившего в качестве оружия топор для разделки туш, который в его мощных лапах был страшнее боевого, воспользовались брошенными лодками и плотами нападавших и погнались их к южному берегу реки. Король возглавил отряд рыцарей, ударивший через мост на галпаранский тракт. Графа Робастра с его людьми он отправил к восточным воротам, еще несколько вельмож с отрядами — к остальным. Многие подчинились с тайной неохотой: сейчас, когда победа над супостатом становилась возможной, всем хотелось быть поближе к королю, дабы явить пред его очами храбрость и заслужить награду. Лишь генерал Ольвейн сам вызвался устроить вылазку на городской торг, надеясь опрокинуть ваниров и захватить их лады.

Конница Троцero тем временем стремительным вихрем пронеслась сквозь ряды вражеского войска, оставляя за собой горы трупов, достигла западного бастиона Турна, где Ледяная вытекала из Спокойного озера, развернулась и во весь опор помчалась обратно, стремясь пробиться к холму, над которым реял штандарт Гандерладна и высился темный шатер мага, все еще пребывающего внутри в полном бессилии. Отсутствие полководца посеяло панику среди наемников и ополченцев: они беспорядочно метались по полю, не в силах организовать сопротивление. Вассалы Гийлома сигналами рожков выстраивали своих людей, но они со своими знаменами являли лишь островки в море наемного сброда и не могли противостоять стремительному натиску пуантенского леопарда.

Конан горячил могучего гнедого хауранца, тоже направляя свой конный отряд к холму, к ставке Тзота-ланти. Король так и не успел снять парадный камзол, только

надел сверху простую солдатскую кирасу, а на голову — рогатый ванирский шлем: первое, что подвернулось под руку. Он уже видел приближающихся рыцарей Троцера: самого графа, стройного и гибкого, словно юноша, могучего и быстрого, как зверь, изображенный на его знамени, видел медноволосого здоровяка — капитана Просперо, без шлема и щита, потерянных в пылу схватки, красавца Паллантида, улыбающегося даже перед лицом смерти, вечно мрачного Сервия... «Веселись, Аквилония! — несся над полем боевой клич. — Да здравствует король! Смерть ублюдкам!»

Отряды сходились, все ближе продвигаясь к холму. И тут темные завесы шатра колыхнулись, и Черный Рыцарь предстал взорам атакующих. Все еще пошатываясь, он встал, широко расставив закованные в металл ноги, стягивая железную перчатку с левой руки. Потом выпростал вперед ладони, вокруг его пальцев вспухли синие, переливающиеся искрами пузыри. Два светящихся шара, не слишком ярких в солнечном свете, сорвались с рук мага и устремились навстречу коннице Троцера. Они неслышно взорвались в рядах рыцарей, полыхнув бледным огнем. Паллантид, Сервий и еще несколько всадников покатились под ноги коней...

Конан, далеко опередивший своих людей, взлетел на холм, рубя стражу Тзота-ланги, словно то были не воины, закованные в броню, а прибрежный тростник. Чародей стоял к нему вполоборота, посылая новую порцию магического огня на смешавшиеся ряды пуантенцев. Прежде чем он успел повернуться лицом к королю, тот дал коню шпоры, клинок свистнул, рассекая осенний воздух, и черный шлем волшебника взлетел, словно тряпичный мяч, кинутый игроком в корзину.

Шлем был пуст. Он упал на камни с глухим лязгом, а безголовое тело Черного Рыцаря с торчащим между наплечниками страшным обрубком шеи повернулось к королю, и в грудь киммерийца из указательного пальца мага ударила ослепительная молния. Падая, Конан услышал зловещий хохот, несущийся из-под черного забрала, и голос, прозвучавший, словно из бездны:

— Ты думал одолеть меня, ничтожный? Алая Цитадель ждет тебя, и никакой Пелиас на сей раз не поможет!

Полностью уверенный в своей победе, жрец темных сил подобрал шлем и приладил его к доспехам. Потом снова вступил в битву, словно забыв о короле, тело которого было недвижно, хотя сознание оставалось ясным.

Ободренные появлением своего полководца, гандерландские рыцари и наемники со всех сторон устремились на отряд Троцера, который потерял несколько десятков всадников, сбитых магическим огнем чародея. Атака пуантенцев захлебнулась, теперь они вынуждены были сражаться в окружении многочисленных врагов, стремившихся отеснить воинов Троцера друг от друга. На берегу горожане отчаянно рубились с ванирами и астардцами. Отряд Конана, состоявший в основном из слуг и телохранителей турнских нобилей, завидев падение короля и думая, что тот погиб, повернул обратно к городским воротам.

Лежа на боку, скованный колдовскими чарами, с вершины холма Конан в бессильной ярости смотрел, как гибнет цвет аквилонского рыцарства. Их было всего сотни три в окружении тысяч и тысяч свирепых варваров и безжалостных подонков со всех концов света. Непобедимые в сомкнутом строю и страшные для врагов стремительностью конной атаки, рыцари Троцера бились теперь каждый в одиночку, окруженные вопящими наемниками, словно тигры среди стаи волков. И волки одолевали: то один, то другой воин в золоченых доспехах исчезал, сбитый с коня, в их серой безжалостной массе. Гандерландские вассалы предпочли преследовать убегающий к городским воротам отряд.

«Труссы, — шептал король онемевшими губами. — В Верхнем Городе сотни вельмож, называющих себя рыцарями, хвастающих победами за пиршественным столом... Дерьмо Нергала! Где их люди, где их храбрость? Неужели они не видят, что творится?»

Бросив взгляд на Дозорную Башню, он заметил на ее вершине темное пятнышко. Оно вдруг сорвалось вниз и понеслось плавной дугой в сторону бранного поля. Птица? Палиас, снова принявший облик орла? Но откуда он взялся?

Неведомый летун приближался. То взмывая вверх, то планируя на неподвижных крыльях, он описывал круги,

словно ловя воздушные потоки, и вскоре оказался над головами сражающихся.

Если бы мог, король вскрикнул бы от изумления. Нет, это была не птица и не демоническое существо: подвешенный на кожаных ремнях снизу треугольной рамы, обтянутой чем-то вроде пергамента, в воздухе парил маленький тощий человечек в старой грязной тунике и потрепанных сандалиях. Натягивая ремни, он управлял своим странным сооружением, а под его животом раскачивался большой медный сосуд с узким горлышком, направленным вниз.

Вот он снизился и что-то сделал с этой емкостью — поток жидкого огня хлынул на головы в ужасе завопивших наемников, ополченцев, гандерландских вассалов и их слуг, охватывая людей пылающими коконами, превращая тела в пепел. Летун перекрыл заслонку, взмыл вверх, сделал круг и снова устремился в атаку... Воины Тзота-ланги, дважды видевшие страшную картину под стенами города, в ужасе бежали от него, словно зайцы от налетевшего коршуна, сбивая друг друга, преследуемые рыцарями Троцero. Горевшие натыкались на встречных, и текущий огонь перекидывался на них, подобно лесному пожару.

Маг, словно замороженный, смотрел на снижающуюся рукотворную птицу, которая неслась теперь прямо к нему. Но вот он поднял руки, и огненные шары устремились навстречу бесстрашному летуну. Однако Тзота не учел ветер — его снаряды снесло в сторону и, описав широкую дугу, они упали куда-то за городские стены. Конан уже хорошо видел напряженное лицо Афемиды, когда очередной шар задел пергаментное крыло, и оно вспыхнуло, подожженное волшебным огнем.

Все дальнейшее произошло очень быстро: магистр успел открыть заслонку и в вихре пламени рухнул сверху на Черного Рыцаря, на ладонях которого уже вздувались синие пузыри новых шаровых молний. Рукотворный огонь смешался с огнем магическим, раздался мощный взрыв, к небу взметнулся пылающий смерч, бросивший тело короля с холма...

Конан очнулся и увидел склонившегося Троцero.

— Хвала Митре, ты жив, государь, — воскликнул граф. — Слабоваты против тебя чары!

— Что... с магом? — спросил король, поднимаясь.

— От него ничего не осталось. Кто-то упал с неба и сжег колдуна дотла вместе с его броней. Не иначе, то был воин самого Мардука!

— Афемид, — сказал киммериец, и голос его дрогнул. — Главный Магистр Искусств, хитроумный мастер... Он так ненавидел чародеев и вот смог одолеть одного из них. Правда, ценой собственной жизни.

Войско Тзота-ланги бежало. Турнцы преследовали врагов. Среди тех, кто победно размахивал мечами, Конан заметил немало храбрецов, отсиживавшихся до сих пор за стенами Верхнего Города.

Король велел подать коня и в окружении рыцарей Троцero двинулся к мосту.

— Как чувствуешь себя, государь? — спросил ехавший рядом граф.

— Неплохо. Раз я уже испытал на себе чары Тзота и довольно быстро оправился. Сейчас, когда колдун мертв...

Киммериец вдруг зашатался в седле и рухнул на руки подоспевших всадников.

Глава 12. СИЛА НЕРГАЛА

Рыночная площадь под стенами Турна кипела народом: горожане, мастеровые, негоцианты в ярких восточных одеждах, женщины в нарядных платьях, стайки босоногих мальчишек, фигляры и акробаты на подмостках, обветренные ладейщики, вольноотпущенники с гордыми лицами, слуги, получившие увольнительную по случаю праздника... Шел пятый день после славной победы, и люди собрались на берегу Спокойного озера не для торговли, а для веселья. Виночерпии щедро разливали хмельные напитки из огромных бочек, вокруг которых устраивались пляски под дудки, свирели и пищалки; кто-то уже валялся в тени восстановленных прилавков, кто-то дрался на кулачках; женщины и ребятишки окружали кукольников, разыгрывавших сценки из турнского сражения, а сидевший на перевернутом ящике игрец с выбеленным мелом лицом тешил слушателей балладой, аккомпанируя себе на срабострунном альбуде:

Великий герой подарил людям свет —
Огненный смерч, и волшебные больше нет!

Три дня город оплакивал и погребал павших. В Храме Митры Верховный Жрец творил обряд Последнего Очищения над достойнейшими: двое юношей приняли его — Альфред и Лука Балагур — и двенадцать рыцарей графа Троцера, павших на бранном поле. Все они погибли, сбитые с коней, под ударами бесновавшихся варваров; те, кого опалил магический огонь Тзота-ланти, остались живы, отделавшись ушибами. Видно, жрец темных сил так обессилел после волшбы, насланной на город ливень и ураган, что не в силах был сотворить испепеляющие молнии: лопаясь, его шары лишь выбили людей из седел, и те успели вскочить и организовать оборону, встав спиной к спине, прежде чем наемникам удалось расчленить отряд Троцера.

Погибших из простонародья хоронили согласно семейным традициям. Жители северных провинций Аквилонии сохранили еще обычай класть покойников в ладьи, снабжать их в последний путь утварью и оружием и пускать на волно течения, предварительно поджигая плавучие усыпальницы. Выходцы из Бритунии исповедовали и вовсе экзотический обряд: клали тела в деревянные резные ящики и устанавливали их на столбах вдоль глухих лесных проселков. Однако обычай южан закапывать умерших в землю, водружая над могилами камни с высеченными именами и званиями, стал в Турне почти общепринятым, и за озеро, где находился обширный погост, три дня тянулись скорбные процессии.

Обгоревшие и изрубленные трупы наемников и ополченцев Тзота-ланти погрузили на подводы и увезли на Гнидую Топь, куда и сбросили — в жертву болотной нечисти. «Окунались в воды зловонные, идя на службу чернокожнику, туда и ступайте», — напутствовал глава Городского Совета тех, кто еще недавно тилился предать Турн потоку и разграблению.

Тела гандерландских вассалов король позволил забрать родственникам. Он отпустил всех пленных, а крестьянам, которых насильно согнали в войско Гийлума, объявил помилование. Никто не был казнен, а булочник божился, что видел в час третьей свечи графа Монконтора, выпущенного стражниками за ворота. Старый вояка покидал

Турн ночью не по своей воле, но при оружии и в сопровождении слуги.

Рассказывали, что Конан Аквилонский был сражен на холме волшебной молнией, оставившей на его груди знак: кто говорил — в форме шестиконечной звезды, другие клялись, что знак сей имеет вид трехголового дракона и ничто иное как символ Сета, Змея Вечной Ночи. Король лежал при смерти, но его вылечил не то какой-то пиктский шаман, не то лекарь с далекого острова в Западном море. Только стал после этого владыка как бы не в себе, три дня сидел взаперти, а потом вроде бы очухался и предался необузданному пьянству в трапезной своего дворца, в окружении блистательных рыцарей и прекрасных дам. Один дворцовый подавальщик, отправленный на рынок за свежей зеленью, делая круглые глаза, повествовал, что король то впадает в ярость, швыряясь посудой, то пускается в какой-то дикий пляс, подхватив в охапку сразу двух-трех дам, и кружит по залу, сшибая лавки и опрокидывая свежийники. «Графу Робастру досталось по голове чаркой, — вздох рассказывал слуга, — а маркизу Клариссу Танасульскую утащили к лекарям, должно быть, король ей ребра переломал!» Подобному народ не удивлялся, поражало и пугало другое: государь, всегда примерно наказывавший преступников, не только никого не повесил, не велел бросить в яму с голодными крысами, но даже не выставил к позорному столбу на рыночной площади, так что люду приходилось довольствоваться ужимками фигляров, выкрутасами акробатов, да отводить душу в мелких драчках. Неладно с королем, ох неладно, размышляли горожане, однако вслух не высказывались, веселясь и выпивая на дармовщинку: за вино и угощение платила казна.

А к пристани, украшенной гирляндами осенних цветов, подходили новые и новые ладьи и барки. Прослышав о нападении на Турн, многие гости поставили свои суда на прикол в устье Ледяной, в месте ее слияния с Ширкой. Теперь, после разгрома супостатов, все стремились поскорее добраться до города, чтобы принять участие в празднике и выгодно продать товар: известно, на радостях покупатель не особо торгуется и кошель развязывает охотно.

Среди прочих к причалу пришвартовалось широкое высокобортное судно с косым полосатым парусом и оскаленной зелеными стеклянными зубами, выкрашенной охрой головой неведомого чудища на носу. По сходням, кряхтя, спустился толстый вельможа в красном тюрбане. Полы его длинной одежды подметали землю, голова, словно перезрелая тыква, раскачивалась на толстой короткой шее между рыхлых, колышущихся под тонкой тканью плеч. Глаза, несколько навывкате, выдавали туранца, бритое лицо сыто лоснилось.

За ним следовала целая процессия тощих людей, одетых в странные облегающие костюмы, подобные тем, в которые рялятся акробаты, чтобы удобнее было выделять различные штуки. Лица их, бледные и невыразительные, походили одно на другое, словно все прибывшие были родными братьями. И если туранский гость, отведав поклоны таможенникам, разговаривал вежливо, предъявляя подорожную и какие-то свитки с печатями, а потом улыбался столпившимся поглазеть на процессию горожанам, то его спутники стояли и шли молча, бесстрастно глядя прямо перед собой. Их впустили через главные ворота в город, и народ вскоре забыл о прибывших, приняв их за каких-нибудь восточных лицедеев, желающих потешить короля и придворных своими фокусами за щедрое вознаграждение.

Если туранец и замышлял немедля повидать владыку Аквилонии, то ему пришлось отказаться от первоначальных планов. Когда, улучшив момент, мажордом сообщил, что восточный гость привез в Турн мастеровых-каменщиков и желает определить их на строительные работы, король сперва запустил в мажордома золотым кубком, а потом мрачно объявил, что никаких работ не будет, пока он не найдет замену погибшему главному архитектору. Какие, к Нергалу, работы без Афемиды, и стоит ли вообще огород городить, не лучше ли покинуть это проклятое место и вернуться в Тарантию, оставив в наказание здесь вельмож — грызться за власть без короля?

— Пусть плетут заговоры без нас, — обратился киммериец к сидевшему подле графу Троцерио. — Наместником оставлю Робастра, он, хоть и сволочь, но лучше других. Что скажешь?

— В Пуантен, — отвечал граф, стараясь унять икоту большими глотками вина. — Там тепло, там виноград... А какие девицы — огонь, перец, не чета северянкам! Ты можешь осчастливить их, король. Всех жителей нашего благословенного края осчастливить, но дев прелестных особенно. Построим город где-нибудь в верховьях Алимана и станем грозить заносчивым зингарцам и изнеженным аргосцам.

— Что вы нашли в этом Гандерланде, государь? — заговорил Паллантид, капризно выпятив нижнюю губу. — Зимой — снег и лед, летом — дожди и сырость. Людишки какие-то гниловатые, неблагодарные, сам герцог, способный лишь девок портить, щакалом оказался...

В его словах звучала плохо скрытая обида: он, как и многие блестящие аристократы, не мог понять короля, который, оставив в Тарантии наместником графа Троцерио, удалился в Озерный Край, словно его притягивала близость родных Киммерийских гор. Конечно, никому не заказано быть при короле, но, как это водится, в Турне собрались в первую очередь бездельники, искавшие теплого местечка при дворе и надеявшиеся заслужить монаршие милости лестью и интригами. У ландграфов и ленников короля, составлявших цвет аквилонского рыцарства, забот хватало в своих землях: на границах Пуантена было неспокойно, между Ширкой и Громовой пошаливали разбойничьи ватаги и пикты, из-за Красной реки, с востока, нависала угроза кофского вторжения, а на левобережье Тайбора, под самыми стенами Шамары неоднократно появлялись офирские наемники. Тарантия лежала в центре страны, там нетрудно было собраться в случае надобности или просто устроить маневры под стенами столицы, дабы вражеские шпионы могли передать своим патронам о виденной мощи аквилонцев. А до Турна на северной окраине — пойдешь доберешься...

— На то была воля Митры, — отвечал король тусклым голосом. — Здесь обнаружился Неутасимый Огонь, питаемый Его дыханием из недр земных... А истинный алтарь Вечного — глубоко под твердь, я знаю, видел... Тогда Митра отверг меня, искавшего Силы, и поделом, сам я не хотел быть слугой даже Великого бога. Но теперь — не знаю... Он словно опять позвал меня, и я пошел, желая

воздвигнуть открытый для всех город именем Его... Свободный город — смешно, правда?

— Смешно, — мрачно согласился Сервий, пивший по левую руку от Троцера. — Горожане не могут быть свободными. Они из другого теста.

— Мыслью, это Пресветлый Обиус заморочил вам голову своими заумными рассуждениями, — продолжал Паллантид. — Его не слишком жалуют жрецы Тарантии. Ходят слухи, что он желает возвыситься, убедив вас перенести столицу в Турн.

— Жрецы, — пробормотал Конан, — все они хотят одного — власти... Жрецы и маги. Одни прикрываются именем Митры, скрывая свою корысть, другие — их я уважаю больше, хотя бы за прямоту, — используют для своих целей темные силы. Что же касается Гийлома, думаю, герцог сам стал жертвой колдуна, внушившего ему злобу ко мне, как некогда ведьме удалось вызвать ненависть Пипина Большеголового к несчастной Аэлисе.

— Может быть, и так, — откликнулся Троцера. — Чернокнижник мог околовать герцога и отправить его во дворец, с тем чтобы он опорочил Пресветлого... Но, хотя Божий Суд свершился не в пользу Гийлома, победа чужестранца не рассеивает подозрений относительно Верховного Жреца, у меня, по крайней мере.

И граф покосился на сидевшего в центре стола фаллийца, попивавшего мелкими глоточками разбавленное вино и поглядывающего вокруг скучающими глазами.

— Тем более, ваше величество, — вступил снова Паллантид, — вам следует сидеть на троне в центре своих земель, дабы пресекать любые коварные поползновения, от кого бы они ни исходили. А наскучит Тарантия — милости просим в Пуантен. Уж там мы погуляем под теплым солнышком!

Воспоминания о южных краях заставили киммерийца зябко передернуть плечами. Как не хватало ему сейчас благотворного жара полуденного солнца! Он готов был бежать даже в пустыни Шема, где однажды чуть не погиб, лишь бы избавиться от таившегося в груди холода — смертельного холода страшного яда сихаскхуа.

Новый приступ свалил киммерийца возле ворот Турна, когда он возвращался с бранного поля. Король рухнул на

руки рыцарей Троцера, посчитавших этот обморок следствием колдовских чар Тзота-ланти. Они отнесли бесчувственное тело в опочивальню, где Обиус попытался напоить короля напитком из хрустальной бутылки с красноглазой змейкой. Тщетно. Да и таким уж сильным противоядием было камбуйское зелье, как утверждал жрец?

Киммериец метался под многочисленными одеялами: его бил озноб, он погружался в ледяные глубины моря, покрытого натающими торосами, среди которых кружили в безумном танце босоногие дочери Имира... Ему чудился их зов — зов смерти.

Железная воля варвара противостояла этой роковой пляске. На какой-то миг он вырвался из забытья и увидел рядом Ольвейна.

— Пикт, — генерал почти кричал, склонившись к самому уху короля, — он требует допустить его к тебе, государь, говорит, что знает, как помочь. Обиус не велит, он думает, что одержимый желает твоей смерти!

— Я ручаюсь за него своей головой, — раздался чей-то ровный голос, и, не видя говорящего, Конан вдруг ощутил в его словах спокойную силу правды. Так умели говорить те, кто служил Митре ради Великого Равновесия.

— Привести... — прохрипел король, вновь проваливаясь в снежную кутерьму, блестящую тысячами недобрых глаз.

Очнулся он от легкого прикосновения. Рядом стоял пленник, мягко поглаживая кончиками пальцев уже успевшую почти исчезнуть ранку, оставленную кинжалом карлика. Теплая волна вливалась в грудь киммерийца, спокойны и лучезарны были глаза юноши на свежем, разгладившемся лице — словно не из темницы он явился, а из неведомых прекрасных садов, полных неги и благоухания. Он улыбнулся и отнял руку.

Король, к которому вернулись силы, сел на постели.

— Кто ты? Расскажи о себе.

И юноша поведал удивительную историю: о Ночном Гоне, потерянном имени, о страшном чудовище Дарамулуне, о заброшенном склепе, где жрец Дивиаатрикс творил свой древний обряд, о богах на ветвях Мирового Древа...

— Ты видел богов? — изумился Конан.

— Теперь не знаю, все это было, точно во сне... Потом меня пленили, и я стал ваниром.

— Стал ваниром?!

— Я словно раздвоился, и пока мое настоящее тело сидело на корме дракара, душа пребывала внутри юного родственника Фингаста, единственного грамотея из всей дружины. Они ходили в набеги, и я видел все кровавые ужасы его глазами. Убивал женщин и детей, и буйная, ни с чем не сравнимая радость переполняла меня...

Юноша содрогнулся, по щекам его покатались слезы.

Конан старался не смотреть ему в глаза: он, бывший наемник, пират и вор, отлично знал сладостное упоение резни и притягательную силу преступления. Правда, ходя в набеги, киммериец никогда не убивал ни детей, ни женщин, но вот его головорезы... Он вспомнил Белит, Королеву Черного Побережья, вместе с которой когда-то плывал на «Тигрице» — единственная женщина, которую он полюбил не только телом, но и душой, была безжалостной атамашей разбойников, одно ее имя наводило ужас от Шема до Аглая, и немало невинных душ отправилось на Серые Равнины по ее воле.

— Я был словно в забытии, — продолжал пикт, — ваниры держали и кормили меня, ибо поняли, что, не знаю почему, приношу им удачу: ветер дул в попутном направлении, штормы обходили дракар стороной, добыча была обильной, а потери незначительными. Потом мы прошли через горные перевалы и оказались в Гандерланде, в замке Гийлома, где Фингаст сговорился с герцогом напасть на Турн.

— С герцогом или колдуном?

— С Гийломом. Колдуна мы даже не видели.

— А ведомо ли тебе, что, прежде чем вторично штурмовать город, чародей прислал мне послание, требуя твоей головы? Зачем ты ему понадобился и почему он не захватил тебя еще в замке Гийлома?

— Потому что Тзота не всеведущ, ваше величество, — раздался голос Да Дерга, присутствие которого Конан лишь сейчас заметил. — Он знал, что в Турне должен появиться тот, кто ему нужен, но не знал каким образом. Душа Потерявшего Имя покинула тело, переселившись на время в юного вана, колдун же блуждал в астрале,

разыскивая духовные эманации пикта. Только когда тот осознал себя в истинном своем облики, чародей смог обнаружить его в дворцовой темнице.

Киммериец внимательно оглядел невысокого брегона, с небрежной грацией сидевшего на складном табурете.

— Ты — воин Митры? — спросил король напрямик.

— Все мы слуги Творца, а приходится — и воины...

— Но ты прошел через степи и пустыни за морем Вилайет, видел Учителя, живущего на склоне вулкана? Он передал тебе Искусство Убивать?

— Ах вот что, — в голосе брегона не прибавилось жизни, он звучал все так же ровно. — Я слышал о нем, хотя, конечно, никогда не встречался. Мы, фаллийцы, редко покидаем свой остров, очень редко. Пожалуй, я второй за многие века, кто ступил на ваш материк. Первым был называющий себя Учителем.

Конан вспомнил старца с пронзительными, нездешними глазами, его чудесные сады, растущие на террасах, вырубленных на склоне горы, его Силу, которой лет десять назад варвар из Киммерии хотел овладеть, чтобы завоевать свое королевство. Силу он потерял, но трон обрел — трон, давший власть и принеший столько разочарований: интриги, предательства, мятежи, вероломство тех, кто клялся в вечной дружбе... Почему он должен принимать слова иноземца за чистую монету?

— Сейчас ваше величество не склонны мне доверять, — словно читая в душе короля, сказал Да Дерг. — Это легко понять после недавних событий. Вы сомневаетесь даже, стоит ли чего-нибудь молодой пикт, хотя он и облегчил ваши страдания. Возможно, вскоре явятся доказательства его истинной цены. Тогда и поговорим. Ибо я явился в Турн отнюдь не для того, чтобы посещать Храм Митры. Я явился за Потерявшим Имя, он мне нужен гораздо больше, чем ничтожному Тзоту, возмнившему себя повелителем стихий. И мне нужен Конан, Конан-варвар.

С этими словами брегон поднялся, отвесил королю изысканный поклон, махнув своим алым беретом и вышел.

Любому такое непочтительное поведение стоило бы вспышки королевского гнева, но на сей раз киммериец не ощутил ничего, кроме спокойного тепла, разливающего-

гося по всему телу. Он откинулся на подушки и сделал знак пикту приблизиться.

— Ты излечил меня?

— Да, повелитель, не знаю как, но я растопил холод в твоей груди.

— Знаешь противоядие от этой... этого растения?

— Нет. Говорю, я не понимаю, как это у меня выходит, просто становлюсь кем-то другим, способным врачевать прикосновением...

— Как там, в купели, на миг превратился в злобного маленького карлика?

— Да.

Конан помолчал. Потом махнул рукой:

— Я освобождаю тебя, пленник. Можешь идти, куда хочешь. И получи награду: столько золота, сколько сможешь унести.

Юноша молчал.

— Тебе мало? — едва двигая губами, проговорил король, чувствуя, что засыпает. И, уже погружаясь в живой сон, услышал:

— Я остаюсь. Знаю, что должен остаться...

* * *

Пили и веселились до самого утра. Когда первые солнечные лучи наполнили красками витражные стекла, Конан, подхватив подвернувшуюся под руку даму, отправился в опочивальню. Пошатываясь, он брел по коридору, держа на плече свою добычу. «Не бойся, — бормотал он себе под нос, — хоть я и взял на копье этот треклятый город, твои родственники получают выкуп... Ты прекрасна, как майский сад, и стоишь полного щита самоцветов...» Девица, отнюдь не блиставшая красотой, пьяненько похохатывала, не в силах поверить, что вскоре окажется в заветной постели аквилонского владыки.

В трапезной слуги разбирали господ: разукрашенные паланкины вносили прямо в зал и укладывали в них бесчувственные тела. Лишь немногие способны были передвигаться самостоятельно. Рыцари Троцero разбрелись по гостевым комнатам в сопровождении поклонниц, вызвав ревность придворных, которые, впрочем, не дерзали задирать бравых воинов.

Король проснулся в шестом часу пополудни. С удивлением глянув на курносое рябоватое существо, посапывающее рядом, он протянул руку и взял со столика заботливо приготовленную постельничьим чарку. Ему было зябко под меховым одеялом, он снова ощущал в груди ледяной комок и вспомнил, что знобящие волны накатывали на него во время пира. Пикт солгал: яд продолжал действовать. Конан с жадностью выпил вино, согревшее, прогнавшее холод и тупую боль в затылке.

Он дернул вышитый пнурок: явились слуги с одеждой и халатом для дамы. Девицу бесцеремонно разбудили и вытолкали вон. Удаляясь, она посылала королю воздушные поцелуи, которых он не видел. Киммериец одевался и слушал доклад мажордома.

Тот сообщил, что в трапезной вновь собрались пирующие, музыканты стараются вовсю, пол вычищен, скатерти поменены, блюда поданы. Однако возникли некоторые проблемы с напитками: лучшие вина из дворцовых погребов выпиты, и ценители уже морщат нос над чарками.

— Пошлите людей в особняк барона Агизана, — распорядился король, — покойник завещал мне полсотни бочек столетней выдержки. Надеюсь, не врал. Что еще?

— Граф Робастр повздорил с рыцарем Паллантидом. Из-за дамы. Они удалились на задний двор и скрестили клинки.

— И что же?

— Рыцарь ранил графа в плечо, получив тем самым удовлетворение.

— Ну, я вижу наши гости не скучают! — сказал король повеселевшим голосом и отправился в трапезную.

Проходя по тускло освещенному коридору, киммериец заметил в дальнем его конце какого-то человека. Поначалу он решил было, что это кто-нибудь из слуг, однако одежда незнакомца показалась ему довольно странной: она напоминала облегающий костюм ярмарочного акробата. Фигура исчезла за поворотом и, свернув за угол, киммериец обнаружил лишь закрытую дверь в трапезную и застывших возле стражников. Те отсалютовали королю мечами.

— Видели здесь кого-нибудь? — спросил Конан.

Стражники недоуменно переглянулись и сообщили, что никого не видели за все дежурство, кроме мажордома, прошедшего не так давно в королевские покои.

«Померещилось, — решил киммериец. — Вино, действительно, неважное».

Его появление в трапезной встретили приветственными возгласами и звоном заздравных чар. Несмотря на то, что полнились они винами всего лишь десятилетней выдержки, пирующие поглощали их столь стремительно, что многие забыли об этикете: какой-то старый вельможа полез к королю целоваться, запутался в собственных ногах и рухнул на пол под дружный хохот соседей. Граф Троццо, галантный Паллантид, здоровяк Просперо и даже мрачный Сервий лихо отплясывали с дамами зажигательный пуантенский танец под аккомпанемент дворцовых музыкантов.

Держа в руке кубок, Конан прошел вдоль стола, разыскивая Да Дерга. Фаллиец сидел на своем обычном месте и беседовал с соседом — красноносый, сильно пьяным вельможей. За общим шумом они не слышали, как подошел король.

— А вот у вас на этом, как его, острове, — говорил красноносый, — все разбавляют вино?

— У нас на острове те, кто хочет, разбавляют вино, — отвечал чужеземец. — А те, кто не хочет, не разбавляют.

— Вот я не разбавляю, — процедил вельможа, сверля брегона налитыми кровью глазами. — По мне так разбавленное вино, все равно, что моча поросенка. А ты, вижу, разбавляешь.

— А я разбавляю.

— Это не в наших обычаях! — возгласил красноносый, стукнув по столу чаркой. Он явно нарывался на ссору, но ссоры никак не выходило — фаллиец слушал оскорбительные речи равнодушно, с обычным своим скучающим видом.

Без лишних церемоний ухватив задиру за шиворот, Конан прогнал его вон и уселся рядом с брегоном. Тот вежливо привстал, склонив голову.

— Сиди, — велел король. — Ты, я вижу, всегда хладнокровен. Нам надо поговорить: о твоей миссии, о пикте...

Он не так уж силен в целительстве, как утверждал. Что ты подразумевал, намекая на его истинную цену?

— Думаю, вам следует послушать этого почтенного старика.

И Да Дерг кивнул на сидевшего напротив седого нобиля, в котором Конан признал барона Тройвуса, деда трех прелестных внучек, одна из которых совсем недавно ела лакомые кусочки с королевского блюда.

— Ваше величество, — заговорил старый вельможа, почтительно поклонившись, — возраст не позволяет мне придаваться пиршественным утехам, как в молодые годы. Посему вчера, озабоченный постигшим мой дом несчастьем, хлопотал я о восстановлении особняка, в который попал один из огненных шаров проклятого чародея, произведя пожар, обрушивший стропила и стены верхнего этажа. Ко мне явился некий туранец, предложивший строительные услуги. С ним двадцать работников, довольно неприятных с виду, но столь искусных, что за полдня они восстановили здание, настелили крышу и даже украсили фронтоны замысловатыми фигурами каких-то неведомых существ! Поистине, это настоящее чудо: мастера столь ловки, что не стали возводить леса, они бесстрашно лазали прямо по стенам, да еще и таскали на себе камни, раствор и доски!

Конан недоуменно глянул на брегона.

— Второй шар Тзота угодил в западное крыло вашего дворца, — спокойно заметил тот. — Думаю, следовало бы нанять этих восточных каменщиков для его восстановления.

— Но я говорил о другом... — начал было киммериец и замолчал. Ему пришла мысль, что брегон не стал бы отвлекать его внимание пустяками.

— Как мудро заметил Пресветлый Обиус, лишь Творцу ведомы все хитросплетения причин и следствий, — пряча улыбку, проговорил Да Дерг. — Неужели вашему величеству не любопытно глянуть на необычных мастеров?

— Что ж, — сказал Конан, поднимаясь. — Я не прочь поразвлечься. Пирь хороши поначалу, потом становится скучно. Пусть приведут на внутренний двор этих людей, а мы посмотрим, на что они способны.

Королевский дворец был выстроен в форме квадрата. На уровне второго этажа вдоль внутреннего фасада, не менее великолепного, чем парадный, тянулся широкий балкон. Внутренний двор, вымощенный черными узорчатыми плитами, часто служил ристалищем для рыцарских поединков, и сверху удобно было наблюдать за схватками. Придворные обычно мерились силой при помощи копий с тупыми наконечниками и учебных мечей, отделяясь синяками и ушибами. Лишь изредка, на поединках чести, использовалось боевое оружие. Летом во дворе ставили пиршественные столы, но с наступлением осени их переносили в трапезную, подальше от частых дождей и ранних заморозков.

Пожар в западном крыле уничтожил деревянные перекрытия, позолоченная кровля рухнула внутрь, часть стены не выдержала и обвалилась, усеяв двор обломками гранита, яшмы, лазурита и других поделочных камней.

Конан распорядился поставить на балконе кресла и скамьи. Рыцари и придворные, из тех, кто еще держался на ногах, последовали за королем, передавая друг другу, что предстоит увидеть каких-то восточных акробатов.

Вскоре явился туранец в сопровождении своих людей. Король вздрогнул, увидев мастеровых: он вспомнил, что исчезнувший в дворцовом коридоре незнакомец был одет точно в такое же облегающее платье. Желая поскорее разрешить возникшее недоумение, король обратился к хозяину бледнолицых каменщиков, похожих друг на друга, словно родные братья.

— Слышал, что твои люди творят настоящие чудеса. Я желаю, чтобы они показали свое искусство, отстроив разрушенное здание. Назови свое имя и цену, которую ты хочешь получить за эту работу.

— Зовусь я Бен-Галлахий и пришел из Самарры, города тебе известного, о король, — с поклоном отвечал туранец. — А цена, которую покорнейше смею просить у прославленного многочисленными подвигами владыки Аквилонии, ничтожна. Получив то, что мне нужно, я велю своим работникам не только отстроить дворец, но и восстановить городские стены и все разрушенные нечестивым колдуном дома. Сделаем мы это быстро, очень быстро, и великий Турн засияет новым блеском...

— Чего же ты хочешь? — нетерпеливо спросил Конан.

— Всего лишь ничтожного раба, некоего пикта, не имеющего даже имени...

Киммериец ждал чего-то подобного, ни на миг не забывая, что Да Дерг неспроста затеял это представление. И все же он был удивлен: выходит, юноша и впрямь представляет большую ценность!

— Хорошо, — сказал киммериец, подумав. — Я заплачу, что требуешь. Если скажешь, зачем тебе нужен пикт.

— Мы, жители востока, привыкли не стеснять своих прихотей. Считаю, о король, эту просьбу капризом того, кто готов поменять мешок золота на редкую медную монету.

Бен-Галлахий приторно улыбался, но глаза его, внимательно следившие за королем, оставались холодны, пугающе холодны на толстом изнеженном лице.

— А если я сочту такой обмен неравноценным? — спросил киммериец.

— Тогда я возьму, что мне нужно, силой, — отвечал туранец, перестав улыбаться. — Предварительно разрушив твой дворец и город.

Такая наглость поразила всех присутствующих, заставив онеметь от неожиданности.

— Да ты спятил, толстобрюхий! — воскликнул наконец граф Троцero. — Эй, слуги, дайте ему палок и выкиньте за ворота!

Никто не успел выполнить это распоряжение. С туранцем произошли странные перемены: лицо посинело, глаза вылезли из орбит, тело словно раздулось. Окружавшие его полукругом безмолвные люди вытянули вперед руки, зеленые молнии заструились из их пальцев, охватывая Бен-Галлахия сверкающей паутиной. Словно чудовищный мыльный пузырь, туранец взмыл над землей и завис напротив балкона. Он разинул толстогубый рот, и из колыхавшегося под тонким шелковым халатом чрева вознесся голос, от которого содрогнулись даже не ведающие страха пуантенские рыцари.

— Трепещите именем моим, — проревел этот глас, — именем Габрала, стоглазого Демона Смерти! Покоряйтесь воле моей, иначе стены падут в прах, и земля разверзнется под ногами! Я требую названной жертвы, или слуги мои

примут свое истинное обличие, и тогда никто и ничто не спасет вас от гибели!

Вопль ужаса вырвался из многочисленных глоток. Разом протрезвев, толкаясь и сбивая друг друга, придворные ринулись к дверям, ведущим под защиту каменных стен. Рыцари вскочили, обнажив мечи, готовые к схватке.

На своем веку Конан повидал вещи и пострашнее. Первым оправившись от неожиданного превращения безобидного с виду толстяка, он выхватил меч и метнул его в живот туранца. Лезвие пронзило Бен-Галлахия насквозь, однако вместо человеческой крови по шелку халата заструилась зеленоватая вязкая жидкость, распространявшая удушливое зловоние.

Дикий хохот сотряс жирное тело, глаза туранца лопнули и выпали из орбит: в отверзтых глазницах билось зеленое пламя, из жабьего рта повалили клубы едкого дыма... Жуткие превращения происходили и с бледнолицыми людьми: одежда их лопалась, бескровная плоть опадала кусками на черные плиты, обнажая змееподобные тела демонов, покрытые слизью. Точно чудовищные рептилии, трое скользнули вверх по стене, с необыкновенной легкостью обрушив изысканные лепные украшения. Остальные продолжали удерживать в воздухе тело Бен-Галлахия.

— Руби! — во всю силу легких гаркнул Троцero и первым прыгнул на каменные плиты двора. Рыцари последовали за ним, накинувшись на демонов, полосую отвратительные тела сталью клинков, разрубая их на куски. Змееподобные существа заметались по двору, тщетно пытаясь увернуться от ударов. Тело туранца продолжало колыхаться в воздухе, очевидно, помощь слуг больше не требовалась.

Существо, обитающее в этом теле, продолжало издевательски хохотать. Змееподобные обрубки извивались на черных плитах, заливая их зеленой слизью, они сползались, срастались, миг — и демоны представляли невредимыми, сколько бы ни орудовали мечами рыцари. Восставшие твари спасались на стенах, где их не могли достать клинки. И не только спасались: они срывали облицовку, рушили карнизы и украшения, грозя добрать-

ся до основной кладки и исполнить угрозу своего повелителя.

— Лучников на балкон! — орал Троцero в бессильной ярости. — Прикажи стрелять в ублюдков, король!

— Бесполезно, — негромко проговорил сидевший рядом с Конаном Да Дерг. — Слуг Габрала нельзя одолеть обычным оружием.

— Кром! — Киммериец с ненавистью глянул на бесстрастного брегона: проклятая магия снова принесла разрушения, и на этот раз он сам впустил демонов в свой дворец — по наущению этого чужеземца!

— Ты все знал заранее! Значит, можешь их остановить!

— Я — нет, — отвечал фаллиец. — Вели привести пикта. Пообещай Габралу отдать его.

Ни о чем больше не спрашивая, Конан послал слугу, потом крикнул Демону Смерти:

— Эй ты, зловонный слизень! Я согласен! Троцero, назад!

Рыцари отступили, успев уже понять тщетность своих усилий. Демоны на стенах замерли, повинаясь воле хозяина, а голос Габрала проревел:

— Так-то лучше, человечешко, не тебе тягаться с силами тьмы!

Пикт явился незамедлительно. Получив вольную, он волен был бродить, где угодно, и, очевидно, сидел в трапезной. Увидев страшную картину, он побледнел, судорожно вцепился в перила балкона и прошептал побледневшими губами:

— О ужас! Нет нам спасения!

— Ты лжешь! — яростно прошипел киммериец. — Ты всегда лжешь, маленький ублюдок! Останови их!

— Но как? — в неспритворном смущении спросил юноша.

— Ты можешь, — произнес фаллиец. — Постарайся.

— Я пришел за тобой, юнец! — загрохотал Габрал из безжизненного тела туранца. — Иди ко мне!

Мерцающая зеленоватая паутина потянулась к балкону. И тут юный пикт преобразился. Лицо его стало сурово, глаза полыхнули холодной яростью, он словно раздался в плечах, а голос, которым он ответил Демону Смерти,

принадлежал явно кому-то другому: скрипучий голос, словно ножом вели по стеклу.

— Ничтожный! — заговорил пикт, и мороз прошел по коже всех, кто его слышал. — Ты осмелился явиться сюда без моего дозволения? Убирайся в бездну, раб, сгинь, велью!

Хотя юноша преобразился и говорил властно, с сознанием силы, Конан не удержался от смеха: все же его недавний пленник оставался всего лишь мальчишкой, храбрым мальчишкой перед лицом порождения преисподней. Сейчас зеленый огонь охватит его тело, и Габрал получит искомую жертву...

Тело туранца заколыхалось и поплыло вниз. Опустившись на плиты, мертвец отвесил поклон, ударив рукоятью торчавшего в животе меча о плиты, а его господин про-рокотал изнутри:

— Ухожу, уже ухожу...

— Я сказал — сгинь! — Теперь голос пикта зазвенел, словно разбились тысячи стекол. — Ты понял разницу?

Зеленый огонь полыхнул в пустых глазницах в последний раз и угас. Тотчас змееподобные тела на стенах начали таять, стекая вниз потоками слюзы, которая, шипя, испарялась, распространяя зловоние. Тело Бен-Галлахия опрокинулось навзничь, теперь это был настоящий труп, прозенный клинком короля, недвижимый и нестрашный.

Как только все кончилось, пикт запнулся и, отступив от перил, без сил рухнул на скамью. Зрачки закатились, лицо покрыла неживая бледность.

— Дайте ему глоток вина, — распорядился фаллиец.

— Что значит это представление? — грозно спросил король. — Это ты помог юнцу справиться с нечистью?

— Нет, — отвечал брегон, — ему помог Нергал. Теперь, король, мы можем поговорить начистоту.

Глава 13. ДВОЙНИК

История циклична, — начал Кримтан Да Дерг, когда они расположились в Тайном Покое королевского дворца: брегон, Верховный Жрец Митры, король Аквилонии и юный пикт Потерявший Имя.

Этот небольшой квадратный зал находился под фундаментом и погребам. Проникнуть сюда можно было по

винтовой лестнице через одну из винных бочек, слив предварительно содержимое. О существовании убежища знали только трое: магистр, король и жрец. Строили его слепые шемиты из секты Темных Каменщиков. Лишенные зрения сызмальства, они бродили по свету, подражаясь на подобные работы — устраивали тайники во дворцах и замках, в богатых домах и усадьбах, не опасаясь за свою жизнь, ибо при всем желании не могли разгласить местоположение секретных помещений. Их искусство высоко ценилось во многих странах и щедро оплачивалось.

Стены покоя украшали шкуры и головы животных — охотничьи трофеи Конана. Масляные лампы освещали низкий столик с питьем и закусками, меховые тюфяки и подушки, на которых расположились четверо. Было прохладно. Пресветлый зябко кутался в горностаевый плащ, одолженный королем; пикт сидел, поджав ноги, с бледным и отрешенным лицом, он все еще не оправился после недавних событий; фаллиец возлежал на мягком ложе с небрежной грацией, словно такой способ трапезниченья был для него делом обычным.

— Говори проще, — сказал Конан, отхлебнув из кубка отменное вино, доставленное из погребов Агизана. — Так, чтобы тебя мог понять даже киммерийский варвар.

Да Дерг почтительно склонил голову. Конан уже успел отметить, что чужестранец одинаково вежлив со всеми.

— Я хочу сказать, что цепь событий, развитие народов и цивилизаций прерываются время от времени великими катастрофами. После чего все начинается снова.

— Ты имеешь в виду Великий Потоп? — спросил король.

— Да, и не один. Насколько нам известно, человечество обитает на этой планете очень давно и достигло бы в своем развитии немыслимых вершин, если бы боги не насылали время от времени ужасные бедствия. Континенты опускаются по их воле на дно морское, огромные волны опустошают побережья, трескается земная твердь, и потоки кипящей лавы уничтожают все живое на своем пути. Исчезают целые народы, а те, кто уцелел, как правило, утрачивают накопленные знания и погружаются

во тьму невежества. Так случилось, например, с пиктами и атлантами.

— Видимо, в том есть высший смысл, недоступный нашему слабому разумению, — заговорил Обиус. — Известно, что примерно четыре тысячи лет тому назад Митра решил наказать людей, погрязших в пороке, и наслал на землю воды небесные. В допотопные времена на континенте, именуемом ныне Гирканским, процветали древние высокоразвитые державы — Валузия, страна змеелюдей, Коммория, Камелия, Верулия, Туле и Грондар. На дальнем востоке некогда явились пришельцы с континента Му. Сведения о них туманны: одни историки не признают их за людей, именую лемурами и утверждая, что эти существа жестоко угнетали восточных дикарей; другие говорят, что они были мудрыми правителями, цивилизаторами, и, смешавшись с восточными дикарями, породили расу лемуров. Как бы то ни было, дикари их со временем вырезали. Что касается далеких северных краев, будущих Киммерии, Асгарда, Ванахейма и Гипербореи, то их издавна населяли варвары, а еще дальше к северу, в снегах и льдах, обитали огромные бесхвостые рыжие обезьяны. Но мне не совсем понятно, что ты подразумеваешь, говоря о пиктах и атлантах. Принято считать, что они совершали набеги на материк еще до Потопа, и уже тогда были дикими и безжалостными племенами.

— Это не совсем верно, — вежливо отвечал брегон. — Архипелаг пиктов лежал за островом Атлантида в Западном океане и был весьма обширен. Там обитали и дикари, которых весьма охотно использовали мелкие князья, отправляясь в набеги на Большую Землю, что и оставило о себе надлежащую память. Однако в наших скрипториях сохранились древние рукописи, свидетельствующие, что на островах существовало несколько высокоразвитых государств, во главе которых стояли просвещенные монархи. Что же касается атлантов, они достигли таких высот, что даже умели летать по воздуху без всякой магии.

— Никогда бы не поверил, если бы сам не видел давеча парящего Афемиды, да примет Митра его душу, — задумчиво произнес киммериец.

— Магистр был из тех, кто напрочь отвергал всякое чародейство, — продолжал Да Дерг. — Этим он похож на древних обитателей Атлантиды и Пиктского архипелага. Они тоже полагались лишь на знание законов природы и весьма в том преуспели. Я сам читал отчет путешественников, достигших на своих кораблях противоположной стороны земного шара...

— Шара? — недоверчиво переспросил Пресветлый. — Что ж, Афемид тоже утверждал, что Земля круглая. Пишут о том и другие ученые. Однако никто не может объяснить, отчего в таком случае воды земные не стекают вниз, и как могут обитать люди снизу Земли.

— Существование последних не доказано, ибо в наши времена те края отделены непреодолимым Огненным Поясом, начинающимся сразу за жаркими землями Атлая. Но раз корабли могли проникнуть туда в допотопные времена, значит, существует сила, удерживающая предметы и на нижней стороне шара. Как бы то ни было, древние пикты и атланты были весьма искусны во многих естественных науках, напрочь отвергая тайные знания, что их впоследствии и сгубило.

— Чародейство противно воле Вечного и проистекает от темных богов: Сета, Нергала и прочих, — веско заметил жрец. — Чернокнижники губят свои души, да и тела, наконец, пытаясь подчинить себе темные силы. Мрак поглощает их, как бы ни тщились маги овладеть тайнами зла. Очевидно, говоря об эзотерических знаниях, ты имеешь в виду, что древние не поклонялись и светлым богам? Что ж, мне известны люди, считающие Заветы сказками, а обряды — всего лишь пышными представлениями. Жалок их удел, но поймут они сие лишь на Серых Равнинах.

— Нет, древние признавали существование богов, и светлых, и темных, — спокойно возразил Да Дерг. — Были у них и жрецы, а вернее — жрицы. Но древние полагали, что богам нет дела до земных дел, да и обряды творили большей частью для того, чтобы все шло своим чередом: день сменялся ночью, зима — летом, чтобы засухи не длились слишком долго, а ливни не были чересчур обильными. В остальном же, как я уже говорил, полагались исключительно на себя.

— В Киммерии тоже считают, что Кром бросает свой взгляд на человека лишь раз, при его рождении, — заметил Конан, — потом каждый живет как может.

Пресветлый снисходительно усмехнулся, а брегон отвечал королю:

— Это не удивительно, ведь киммерийцы произошли от смешения атлантов с хайборийскими племенами. Правда, к тому времени атланты уже утратили древние знания, превратившись в настоящих дикарей. Ибо законы природы — еще не все, их ведение быстро уступает место невежеству в дни потрясений и катастроф. Окультиные науки более долговечны: они передаются среди избранных, скрытые в притчах, легендах и иносказаниях. Этого-то и недоставало пиктам и атлантам. Лемуры с загадочного континента Му — полная им противоположность, но о них почти ничего не известно.

— Из твоих слов мы можем понять, — свысока заключил жрец, — что Митра не счел нужным просветить древних обитателей островов, замыслив тем самым дать пример другим народам и укрепить их в истинной вере. Бесславное обращение в дикарей — лучшее наказание чересчур самоуверенным людям, именующим себя учеными.

— Возможно, в этом и заключается высшая истина, — легко согласился брегон, — хотя пикты и атланты признавали Творца, правда, под другим именем.

— Все это очень интересно, — Конан допил чарку и наполнил ее снова из тонкостенного стеклянного графина, — но перейдем ближе к делу. Ты позвал нас для того, чтобы здесь, где никто не может подслушать, объявить о цели своего прибытия и раскрыть тайну пикта.

При этих словах юноша вздрогнул, словно его окатили холодной водой, но не осмелился произнести ни слова.

— Предыстория эта необходима, ваше величество, чтобы лучше понять смысл происходящего, — объяснил Да Дерг. — Еще немного терпения, и мы доберемся до сути. Я вынужден вернуться к дням Великой Катастрофы, называемой также Всемирным Потом. В то время на Пиктском архипелаге царствовали два великих короля — братья Сем Итх и Кол Эрикс — и одна королева, их сестра Мах Банну. На прочих островах было много мел-

ких властителей, но все они признавали верховенство этих троих. Государства пиктов процветали, с Атлантидой поддерживался прочный мир, оттуда привозили хитрые машины и прибывали ученые. Но вот грянула беда: остров атлантов погрузился на морское дно. Огромные волны обрушились на пиктские земли, смывая города, замки и деревни. Острова помельче полностью обезлюдели, на других было много разрушений: твердь трясло, рушились скалы, огромная трещина рассекла надвое столицу государства Сем Итха. Тогда короли решили искать спасения на Гирканском материке, именуемом на их языке Лохланном. В те времена он имел несколько иные очертания, и считалось, что его населяют дикие и кровожадные народы, что было недалеко от истины, так как допотопные Коммория, Камелия, Верулия, Туле и прочие беспрерывно воевали друг с другом, а мысли их обитателей были заняты лишь поисками наиболее эффективных способов убивать.

Сем Итх и Кол Эрикс собрали своих людей и на многочисленных кораблях отправились на континент, куда уже прибыли спасшиеся атланты из простонародья, ибо их главные города — центры знаний были разрушены первыми же толчками и извержениями вулканов, и высшие сословия, ученые, правители и аристократы, погибли. Что произошло дальше, вам известно гораздо лучше меня.

— Пикты и атланты начали воевать друг с другом, погрузившись в полную дикость, коей карает Митра гордецов и безбожников, — начал Пресветлый, довольный, что может блеснуть своими знаниями истории. — Оружие делали из камня, которым пикты пользуются до сих пор, презрительно относясь ко всякому металлу. Тем временем возникали новые государства гирканцев: Ахерон, империя магов и колдунов, располагавшаяся севернее Стигии, а так же зародыши Шема, Кофа, Заморы...

— Погоди-ка, — нетерпеливо прервал Конан жреца, — я что-то уже слышал о двух братьях-пиктах, почитаемых этим народом за родоначальников. Правда, звали их как-то по-другому...

— Семитха и Кульрикс, — тихо произнес юноша. — Это прародители колен пиктских. Так рассказывают.

Правда, жрец нашего племени утверждал, что мы происходим от сестры их Банну...

— И что Семитха съел Кульрикса, — добавил Конан. — Или наоборот, не помню...

— Мне знакома эта легенда, — улыбаясь, продолжал брегон. — Известно, что дикие народы переносят в прошлое обстоятельства своего нынешнего существования. В их сказаниях короли превратились в вождей племен, а их борьба за власть — в байку о съеденной ноге и перегрызенном горле. Но это не имеет отношение к делу. Важно то, что Мах Банну, известная современным пиктам под именем прародительницы Баннут, в отличие от своих братьев была сведуща в тайных знаниях. Совершив обряд и вознесясь мыслью к вершине Мирового Древа, она узрела будущее и решила не плыть на материк. Ее судьба и судьба ее народа оказалась более счастливой, чем участь иных беглецов.

— Значит, не все острова пиктов погрузились в море? — спросил Конан.

— Увы, ваше величество, все до единого. Я сказал лишь, что Мах Банну и ее люди не отправились на континент. Они поплыли на север, где лежал остров, населенный народом Фир Болг, странной смесью изгоев из Атлантиды, с Пиктского архипелага и с неизвестного ныне континента, лежащего далеко на западе. Вступив на берег, королева потребовала половину территории и получила отказ. Тогда произошло сражение при Маг Туиред, в котором великий полководец Нуаду разгромил войска пятерых братьев, властвовавших над островом, предводительствуемые многомудрым Дагдом. Нуаду потерял в той сече руку, но Дагд отдал ему свой меч, и королева вступила в город Лиатдруим, сакральный центр островитян. Там она возложила божественную стопу на сверкающий Лиа Фалль, Камень Делений, который издал тонкий вскрик и засиял еще сильнее, чем прежде. Тогда побежденные признали в Мах Банну свою властительницу и зажили в мире под ее милостивым правлением. Остров с тех пор именуется Инис Фалль, или Землей Богини Банну.

— Воистину, — воскликнул Конан, — много я слышал удивительных историй, но эта чудеснее всех! Выходит, фаллийцы — потомки пиктов?

— Да, ваше величество, — с поклоном отвечал брегон, — я и этот юноша, одолевший на ваших глазах демона, ведем свою родословную от народа божественной Банну. Только его племя — потомки тех, чьи корабли отбились во время плавания к острову Фир Болг и пристали к гирканским берегам. Память о великой королеве дошла до нынешних поколений через века, хотя и считается ныне среди пиктских друидов ересью.

— Дивиаатрикс обвинял в том жреца Перакраса, — прошептал Потерявший Имя.

— Не удивительно. Власть друидов зиждется на темноте народа, считающего каменный топор верхом военной технологии, а плохо прожаренное мясо — самой изысканной пищей. Хотя, надо отдать должное Дивиаатриксу и его сподвижникам, за многие века они достигли больших успехов в области магического искусства. Не даром пиктские друиды считаются могучими колдунами у людей цивилизованного мира, которые за многие века вражды так и не смогли продвинуться западнее Черной реки.

— Сила идолопоклонников призрачна, а слухи о могуществе друидов сильно преувеличены! — возмущенно воскликнул Обиус.

Фаллиец не стал возражать, а Конан только саркастически хмыкнул. Уж он-то, не раз побывавший в Пустошах Пиктов, отлично знал, что могут творить тамошние колдуны, шаманы и друиды. Рассказ Да Дерга захватил его, и королю не терпелось услышать продолжение.

И брегон поведал, как Мах Банну, окончив свое земное существование, удалилась вместе с ближайшими сподвижниками в небесный чертог Маг Мар, откуда покровительствует своему народу. Королева-жрица завещала фаллийцам никогда не покидать острова, а свои тайные знания передала касте фелидов — мудрецов-поэтов, призванных сохранять мир и спокойствие в Долине Фалль. Земля Богини Банну разделена на пять королевств, но центральная власть принадлежит монарху, сидящему в стольном Лиатдруиме. Его корона не передается по наследству — властителем острова может стать лишь человек, которому

благоволит Лиа Фалль, Камень Делений. Когда очередной монарх умирает, претенденты на престол, определяемые мудрыми фелидами, вступают на камень, и тот, под кем он вскрикивает, становится повелителем пяти королевств. Вот уже многие века на острове царит мир, процветают искусства, науки и белая магия...

— И что же, — ревниво спросил Пресветлый, — фаллийцы поклоняются лишь этой Банну?

— О нет, — почтительно отвечал брегон, — Богиня Банну — одна из многих, пребывающих на ветвях Мирового Древа. Она — наша покровительница, к ней обращены молитвы, ей посвящаются песни фелидов. Однако дети Банну не достигли бы процветания, забыв, что все божества — лишь эманации Единого, Творящего и Несотворенного Митры. Хотя называем мы его другим, более древним именем: Джеббал Саг.

Конан потер лоб, пытаясь вспомнить, где и когда он уже слышал это сакральное имя. Памятью варвар обладал отличной, но за долгие годы странствий повидал и слышался столько, что хватило бы на несколько жизней, и задача была не из легких. Кажется, что-то связано с Кордавой, столицей Зингары, королем которой он чуть не стал в молодости. Но при чем здесь древнее божество?..

Размышления короля прервал Обиус, принявшийся свысока втолковывать брегону, что, хотя Митра и известен в разных землях под множеством имен, но темные боги никак не могут быть проявлениями Лучезарного, являясь его антагонистами и вечной противоположностью перманентного процесса творения... Ничего не поняв из этой зауми и мысленно помянув Крома, киммериец велел Пресветлому отложить теологические споры до лучших времен, а брегону — немедленно изложить суть дела. Чутье варвара подсказывало, что дело созидания, за которое он взялся, построив Турн, обернулось тем, чем всегда оборачивалась судьба: впереди маячили новые приключения, битвы, седло в изголовье и плащ вместо одеяла.

— Мир и процветание не могут длиться долго, — сказал Конан брегону. — Если бы все было хорошо на твоём острове, ты не отправился бы в Аквилонию. Зачем тебе понадобился этот пикт и... я?

— Вы очень проницательны, государь, — по губам Да Дерга скользнула едва приметная улыбка. — Равновесие добра и зла — основной закон нашего мира. Конечно, у фаллийцев есть враги. Зовутся они фоморами и обитают в железном замке на небольшом острове, отделенном проливом от нашей земли. Это полудемонические существа, одноглазые и одноногие, обитавшие там испокон веку. Они воевали еще с народом Фир Болг, а потом — с племенами Богини Банну. Как это обычно бывает, война чередуется с миром, и за многие века фоморы успели даже породниться с людьми, так что теперь среди них немало двуногих, хотя глаз у всех один: этот признак оказался неподвластен смешению крови. Пока короли Долины Фалль сохраняли единство, наш народ успешно сдерживал фоморов. Время от времени совершались битвы, но каждый раз обитатели железного замка вынуждены были убираться на свой остров.

— Что же изменилось? — спросил король. — Ваши короли перессорились?

— Увы! — лицо Да Дерга помрачнело. — И причина тому — Лиа Фалль. Недаром зовется он Камнем Делений. Пока он цел — ничто не может угрожать детям Богини Банну. Но вот пять лет назад витязь Кухулин, сын фоморского короля и нашей властительницы Матген, расколол монолит на пять частей, и теперь...

— Погоди-ка! — прервал брегона киммериец. — Правильно ли я тебя понял: сей принц рожден был в браке двух враждующих монархов? Как такое возможно?!

— Это трудно объяснить вам, хайборийцам. Наши мудрецы считают, что во имя Великого Равновесия силы добра и зла должны пребывать во взаимном проникновении...

Конан расхохотался, а Обиус печально покачал головой.

— Такого я не слышал даже от Учителя! — воскликнул король. — Хотя говорил он много непонятного. По-моему, ваши фелиды слегка тронулись, пребывая в затворничестве посреди моря. Фоморы просто надули вас, а этот Кухулин выполнил поручение своего папаша!

— Высшая мудрость присуща лишь Митре, — смиренно отвечал Да Дерг, опустив глаза. — Фелиды объявили

Кухулина претендентом на престол Лиатдруима. Кончилось это печально.

— Разве королева Матген умерла? — спросил Конан.

— Она была при смерти. Ее сын вступил на Камень Делений, и тот раскололся на пять частей. Матген поправилась, но среди королей Инис Фалль начались раздоры. Фоморы овладели прибрежной полосой возле пролива и построили там крепость. Они грозят захватить всю Землю Богини Банну, нарушив тем самым Великое Равновесие.

— Королеве подсыпали яду, а мудрецов подкупили! — воскликнул киммериец с присущим ему варварским прямотоном.

— Ни то, ни другое совершенно невозможно, — спокойно возразил фаллиец, — а истинные причины и цепь следствий ведомы лишь Митре.

Тут он почтительно кивнул Пресветлому, давая понять, что это изречение Обиуса глубоко ему симпатично.

— И ты пришел искать помощи у короля Аквилонии? — спросил Конан. — Тебе нужны армия, флот, осадные машины?

— Нет, государь. Никакой флот не сможет достичь острова: фоморы способны управлять стихиями почтище всякого Тзота-ланти. Не армия. Когда случилась беда, фелиды использовали все свое магическое искусство, чтобы найти выход. И завеса Будущего приоткрылась...

— Пикт?! — выдохнул король.

— Да, этот юноша, в могуществе которого ты мог сегодня убедиться. Светящиеся руны подсказали мудрецам, что в диком племени, на краю Лохланна, родился тот, кто может спасти положение и стать истинным правителем благословенной земли: Амрун детей Богини Банну, получивший благословение богов...

— Богов? — недоверчиво переспросил киммериец. — Ты разумеешь Нергала, именем которого пикт расправился сегодня с воющим демоном?

Брегон улыбнулся.

— Габрал — всего лишь мелкая нечисть, именуемая себя Демоном Смерти. У него мания величия. Он любит сулить богатства чернокожикикам-дилетантам, а когда овладевает их телом, использует в своих целях. Его подручные — выродившиеся потомки змеелюдей древней Ва-

лузии. Они не слишком опасны, ибо, сбросив человеческую кожу, боятся воды. Если бы пошел дождь, представление Бен-Галлахия окончилось бы гораздо раньше.

Конан не удержался от грубого ругательства.

— Тем не менее, ублюдки испортили лепнину дворца, а один даже пробрался внутрь. Я видел его в коридоре.

— Очевидно, он искал пикта. Не следует беспокоиться — разведчик сгинул вместе со всей нечистью...

— И все же пикт говорил устами Нергала, повелителя Серых Равнин. Выходит, он — слуга темных сил!

Изящный брегон прикрыл глаза, как бы что-то обдумывая. Потом заговорил:

— Мы представляем богов подобными людям, лишь более могущественными и ужасными. Между тем существа эти следует уподобить стихиям, таким как ветер, морские волны, звездопады, круговорот времен... Они — части Вечного, разъявшего Свою Всесущность. Пикт не говорил устами Нергала, хотя и был в тот момент частичей темного бога...

— Говори понятнее, — раздраженно буркнул киммериец. — Ты сам утверждал, что ему помог Нергал.

— Ветер, несущийся от Галпарана до Шамары — везде и в каждом месте на своем пути. Где-то он помогает раздуть костер озябшему путнику, где-то гасит свечу в изголовье влюбленных, окрепнув — срывает крыши и вырывает с корнем деревья. Это все тот же вихрь, производящий тысячу разных действий одновременно. То же и боги. Потерявший Имя, если хотите, был сегодня всего лишь печной трубой, в которой ураган по имени Нергал гудел свои страшные речи. Да, это хороший образ: пустая труба, инструмент, на котором стихии могут наигрывать свои непонятные мелодии — таков этот юноша. И не только стихии: многим, вступающим в игру с высшими силами, хотелось бы заполучить этот чудесный инструмент и использовать его по своему усмотрению. Тзоталанты, Габрал... А вчера я натолкнулся в городе на человека, который прикрывал плащом некий знак на своей груди: руку, держащую нож с лезвием в форме языка пламени...

— Езмит! — воскликнул король. — Немедля отправить стражу...

— Бесполезно, — ровно продолжал Да Дерг. — Думаю, в Турн уже прибыли агенты колдунов Черного Круга, Белого Братства, а может быть, и Алого Кольца. Избранник рождается на Земле раз в две тысячи лет, и он слишком лакомый кусок для многих.

— Но кто из богов послал в наш мир этого, как ты утверждаешь, Избранника? Если он не слуга Нергала, то чей?

— В том-то и дело, ваше величество, что это никому не ведомо. Вы слышали, что рассказывал юноша: во время свершения обряда на капище напали ваниры, и он не успел получить Истинное Имя. Вернее, получил лишь часть. Потому-то каждый и надеется перетянуть его на свою сторону, а душа рвется из безымянного тела, стремясь обрести покой в более надежном убежище. Кстати, как звала тебя мать? — последние слова обращены были к хранящему молчание юноше.

— Птахом... — прошептал он.

— Птах — это маленькая птица. По-нашему: «арэль». Будем звать тебя так, пока ты не обретишь Истинного Имени, друг.

— И для того, чтобы узнать его Имя, следует... — начал король, уже догадываясь, чего хочет брегон.

— ...следует отправиться в земли пиктов, найти капище и друида, завершить обряд, и тогда этот юноша может ступить на Лиа Фалль и стать Амруном детей Богини Банну.

— Всего-то! — вырвалось у киммерийца. — Полагаю, ты рассчитываешь на мою помощь как знатока тамошних мест? Но ты забыл, фаллиец, что я — король Аквилонии, а не бродяга, жаждущий подрядиться в проводники за несколько золотых! Ты мог бы нанять следопытов в Велитриуме, среди них есть отчаянные головы, доходившие до самого побережья Западного моря.

— Я не настолько самонадеян, чтобы предлагать монарху что-либо, не достойное его положения, — вежливо но твердо произнес Да Дерг. — Я действительно полагаюсь на помощь Конана и вот по каким причинам. Первое: светящиеся руны сказали фелидам, что Амруна должен сопровождать некий лоннансклех, могучий воин, неуязвимый в сражении...

При этих словах киммериец только хмыкнул и сделал большой глоток вина.

— Второе и главное — ваша болезнь, государь. Яд сихаскхуа коварен и разрушает тело далеко не сразу. Не гневайтесь, ваше величество, — брегон поднял руку, заметив, как яростно глянул киммериец на съезжившегося пикта, — юноша не виноват, что не смог излечить вас. Он замедлил действие отравы, но окончательное выздоровление возможно лишь после того, как он обретет Истинное Имя и сможет проявить свою силу во всей полноте.

И снова Верховному Жрецу пришлось бормотать молитву, отпращивающую гнев Митры, ибо, высказывая все, что он думает по этому поводу, король Аквилонии не стеснялся в выражениях.

Несколько успокоившись и залпом осушив пару кубков, Конан немного поразмыслил. Смертельный холод яда время от времени давал себя знать, и это было лучшим доказательством истинности слов фаллийца. Обиус подтвердил, что камбуйское зелье оказалось бессильным против отравы. Даже если Да Дерг сам подослал карлика с целью заполучить меч и опыт киммерийца (а этого подозрительный варвар никак не мог сбросить со счетов), игральные кости судьбы выпали в пользу брегона. Что ж, поглядим, каким будет следующий бросок!

— Ты не оставил мне выбора, чужестранец, — произнес король, и в голосе его не было гнева. — Видать, придется вспомнить молодость и размять кости. Однако тебе придется подождать, пока я наведу порядок в Турне и съезжу в Тарантию, дабы объявить Троцеро наместником всей Аквилонии на время моего отсутствия.

— В этом нет необходимости, ваше величество, — возразил брегон, нисколько не опасаясь перечить монаршей воле. — Я уже имел честь доложить вам, что Турн наводнен шпионами колдунов, а со дня на день следует ожидать появления самих магов под разными личинами. Так что, чем скорее мы отбудем, тем лучше. Управление Турном вы можете передать Пресветлому Обиусу, думаю, он достоин вашего полного доверия после Божьего Суда над предателем Гийломом. Что же касается вашего отсутствия — его никто не заметит.

— Но ведь поход займет много времени? — недоуменно спросил Конан.

— Да, это нелегкое предприятие. Однако вы сможете продолжить праздник в честь победы над колдуном, охотиться с Троцero и его рыцарями в окрестных лесах и, думаю, не разочаруете ни одну влюбленную даму...

— Кром! — рявкнул киммериец, который не любил речей-загадок. — Объяснись!

Брегон поднялся. Лицо его стало торжественным, движения значительными.

— Я получил дозволение Совета фелидов использовать, как исключение, высшую магию. Подобное не свершалось уже несколько веков, ибо силы, вызываемые для подобных действий, столь значительны, что на предвидение возможных последствий, расчет времени и места, положения звезд и направления ветра ушло три года непрерывных бдений возле Алтаря Светящихся Рун...

Конан заскрипел зубами, готовый вновь дать волю ярости, и Брегон быстро завершил речь:

— Я создам двойника. Точное подобие короля Аквилонии.

* * *

Светильники угасли, и наступил мрак. В полной тишине киммериец стоял на одной ноге, поджав другую и сведя ладони над головой. Последнее, что он видел, прежде чем померк свет, был Да Дерг, стоявший посреди Тайного Покоя точно в такой же странной позе. Брегон прикрыл один глаз и напоминал болотную цаплю, высматривавшую среди кочек неосторожную лягушку.

Пресветлый Обиус и юный Арэль удалились по просьбе фаллийца — магический обряд требовал присутствия лишь двоих: самого чародея и объекта его колдовства. Предстоящее было не по душе варвару, привыкшему чураться любой волшбы, но, раз решив действовать, он всегда доводил задуманное до конца. Конан ожидал, что жрец Митры воспротивится предложению брегона, но Пребывающий в Мире, немного поразмыслив, возгласил, что, хотя Вечный и против магии, в данном случае положение вещей требует сделать исключение. Жизнь монарха превыше всего. Он, Обиус, денно и ночью станет

молиться, испрашивая прощение за то, чему суждено свершиться по воле обстоятельств. Король мрачно заметил жрецу, что следует все же прерывать молитвы, дабы надзирать за порядком в городе: двойник, по словам Да Дерга, способен будет лишь есть, пить, ругаться, охотиться и заниматься любовью. Держатель Хрустального Жезла заверил повелителя, что тому не о чем беспокоиться. С тем они и расстались.

В темноте возникла светящаяся искра. Она разгорелась, превращаясь в яркую белую звезду, и вдруг начала вращаться, описывая огненную спираль. Витки ее сжимались к центру, и вскоре взгляду Конана предстал искрящийся белыми сполохами тоннель, словно уходивший в глубины окружающего мрака. В конце тоннеля замаячила какая-то тень и стала быстро приближаться. Страх таился в ее очертаниях, страх смерти и тления: то был человеческий костяк с кусками полуразложившейся плоти. Киммериец успел лишь пару раз вздохнуть, но ему показалось, что прошли годы. Скелет превратился в величественного старца с неясным лицом, потом — в могучего мужчину, юношу... Светящийся тоннель сжался в слепящую точку и снова расширился. Теперь Конан видел плывущего к нему темноволосого человека — словно кто-то приближал к нему зеркало...

Мягкий свет масляных ламп вновь озарил убежище. Широко расставив ноги, уперев в бока могучие кулаки, перед киммерийцем стоял его двойник — голубоглазый гигант с мрачным лицом и презрительной ухмылкой на губах. Впервые Конан видел себя со стороны столь ясно: в зеркалах всегда таилась некая муть, а самая спокойная вода все же искажала черты. Невольно король повторил позу своего отражения, насупившись и скептически разглядывая творение фаллийца.

— Конан! — рявкнуло вдруг творение и треснуло себя в грудь пудовым кулачищем. — Король Аквилонский!

— Да ну?! — изумился тот, кто все еще считал себя истинным королем. — И давно ты им стал, пугало?

Но двойник, видимо, счел ниже своего достоинства вступать в пререкания. Поминая Крома, Нергала и бормоча под нос какие-то невинные угрозы, он шагнул к стене, отодвинул потайную плиту и скрылся на винтовой лестнице. Загрохотали по железным ступеням тяжелые

шаги, потом из люка долетел порыв теплого ветра, и все смолкло.

— Кром! — обращаясь к брегону, помимо воли Конан повторил слова двойника. — Нергал тебя задери, что за тварь вытащил ты из преисподней? Он туп, как меч для учебного фехтования, и выглядит не лучше, чем статуя, которую Пиццоли из Мессангии намеревался водрузить на главной площади!

Да Дерг уже опустил ногу и руки, оба его глаза пристально смотрели на киммерийца. Он сдержанно улыбнулся.

— Это — лишь внешняя оболочка, способная имитировать простейшие функции. На создание точной копии ушло бы слишком много энергии. А теперь нам нужно выбираться из города.

— А где Арэль?

— Он присоединится к нам позже.

Они все обговорили заранее. Конан провел фаллийца потайным ходом, которым обычно тайно покидал Турн, отправляясь на охоту в сопровождении Альфреда. Ход выводил к западному бастиону. Стражник у калитки отсалютовал королю. Вскоре они оказались за городской стеной. Ночное небо покрывали облака, под ногами похрустывал ледок, сковавший лужи.

В том месте, где Ледяная вытекала из Спокойного озера, у берега темнел силуэт ладьи и горел костер. Да Дерг попросил короля понижее надвинуть капюшон плаща, и они приблизились. Косматый человек поднялся навстречу.

— Отплываем, господин?

Ладейщик спросил так, словно расстался со спутником Конана совсем недавно.

Они поднялись на борт судна. На корме возвышался шатер из звериных шкур. Да Дерг жестом пригласил короля проследовать туда.

Конан ожидал увидеть в шатре Арэля, но там никого не было. Свеча под стеклянным колпаком едва освещала устилающие пол меха и какие-то тюки.

— Где пикт? — снова спросил киммериец.

— Вам следует переодеться, — сказал брегон. Он развязал объемистый узел и протянул Конану длинную вышитую рубашку, кожаную куртку, потертые штаны и высокие башмаки со шнуровкой.

— Ты оглох? — Конан чувствовал, что закипает. — Я спросил о пикте!

— Арэль у себя на родине, — в полумраке почудилось, что по лицу брегона скользнула насмешливая улыбка. — Думаю, гоняет сусликов с мальчишками. Он еще ничего не знает ни о Дарамулуне, ни о друиде Дивиаатрексе...

Могучий кулак варвара метнулся к лицу хрупкого фаллийца, но тот ловко увернулся, а киммериец, споткнувшись обо что-то мягкое, упал на устилавшие палубу шкуры. Он заворочался, рыча, словно раненый зверь, чующий, что его заманили в ловушку... И услышал спокойный голос Да Дерга.

— Я думал, знаменитый Конан-варвар более хладнокровен. В моих действиях нет обмана, я просто не все сказал тебе, лоннансклех. Тебе предстоит не только найти заброшенное капище, но и успеть к обряду Посвящения. Поэтому я перенес тебя в недалекое прошлое. Сейчас весна, канун дня Раскаявшегося Элмара. Насколько я знаю, король со своим оруженосцем загонят сегодня матерого секача...

— Мой двойник? — прохрипел снизу киммериец, силясь понять слова брегона.

— Двойник — это ты! Существо, сотворенное мною в подвале дворца — всего лишь фантом. Оно исчезло почти сразу, на винтовой лестнице. Настоящий король еще спит. Стражник у потайной калитки будет удивлен, когда его повелитель в сопровождении юного Альфреда пройдет мимо него второй раз. Ну да он не станет болтать, приписав видение последствиям вчерашней выпивки.

Мысль варвара лихорадочно работала, пытаясь расставить все по местам. Ему доводилось попадать в самые удивительные передраги, однажды некое существо мгновенно перенесло Конана с берега континента Му в Стигию, одновременно отбросив в прошлое, к началу его приключения¹. Выходит, время подвластно магии... Что ж, фаллиеца обыграл его и на этот раз, добившись своего.

— Значит, сейчас существуют два Конана? — спросил киммериец, усаживаясь на подстилке. — И какой же из них настоящий?

¹ Эти события описаны в романе М. Мэнсона «Конан и Небесная Секира».

— Оставим этот вопрос философам, — весело рассмеялся Да Дерг. — Не держи на меня зла: если бы я заранее все рассказал, ты мог бы отказаться, ибо человеческому разумению противны подобные опыты со временем. Как бы то ни было, день Раскаявшегося Элмара должен войти в историю. Может быть, впервые на Земле существуют два совершенно одинаковых человека. Правда, один из них — король, который сейчас просыпается в своей опочивальне, предвкушая радости охоты, а второй — бесприютный воин, наемник, которому предстоит немалые трудности...

— Что же должен сделать этот... второй? О чем ты еще умолчал, хитрый потомок пиктов?

— Я сказал правду: ты должен успеть добраться до капища, предотвратить нападение ваниров, что позволит Дивиаатриксу завершить обряд Посвящения, а Арэлю обрести Подлинное Имя. Затем ты отнимешь у друидов юношу, отвезешь на остров Фалль, где он вступит на Камень Делений и станет Амруном детей Богини Банну. А ты навсегда избавишься от холода сихаскхуа.

— И вернусь в свое время?

— Да. Если успеешь совершить все до кануна Аскольда Мечника, когда я перенес тебя в прошлое.

— А если нет?

Брегон помолчал.

— Не знаю, — произнес он задумчиво, — клянусь Мах Банну, не знаю! Может быть, ты исчезнешь, а может — исчезнет наш мир.

На палубе раздавались команды, топот ног, скрип поднимаемой мачты.

— Куда мы направляемся? — спросил киммериец.

— В Кордаву.

— Но это не ближний путь до Пустоши Пиктов! Мы могли бы доплыть до Галпарана, а оттуда посуху добраться до Велитриума.

— Джаббал Саг, — с расстановкой произнес брегон. — Помнишь?

И Конан вспомнил...

Под мерный плеск весел ладья выходила на стремнину.

БОЛЬШИЕ БЕГА

Я на трибуне сижу не ради коней знаменитых,
Тот в этот день победит, лишь кого ты избрала.
Чтобы тебя лицезреть и молчать в восхищенье
Я посещаю бега, а не ради корысти.
Ты распростерла крыла и глядишь на арену,
Оба мы то, что хотим, для себя наблюдаем.
Счастлив возница, тобой предпочтенный,
кто бы он ни был!

Ты, о Ваката, даруешь победу достойным.
Мне бы удачу такую!.. Упряжку погнав из ограды,
Я бы промчался по кругу не ради призов и медалей.
Спины бичом бы хлестал, тугие натягивал вожжи,
Меты касаясь, не думая вовсе о жизни...
Но, лишь тебя увидав, бег замедлил тотчас же,
Из ослабшей руки мигом упали б поводья...

Торфир Младший. Элегия

Глава 14. КОРДАВА

Корабль приближался к берегу, бороздя сапфировые воды с белыми барашками волн. Красный парус с жутким изображением солнца едва округлялся, и матросы уже спешили к шкотам, чтобы спустить его в виду берега. Судно приближалось к гавани Кордавы.

Двое загорелых мужчин, облокотясь на резные перила борта в передней части крутобокой катафракты, приспособленной для перевозки больших грузов, молча смотрели на встающие из-за моря разноцветные квадраты города. Рядом толпились другие пассажиры. Утомленные долгим путешествием, они мечтали об отдыхе, о портовых тавернах, вине и веселых девках.

Город, избежавший по склонам от самой линии прибоя, тонул своими узкими улицами и домами из красного и желтого кирпича в густой зелени садов, сверкая на солнце бронзовыми барельефами на арках дворцов, сияя колоннами и сложенными из белоснежных камней стенами храмов, медными крышами казарм; под которыми побле-

скивали прибитые на красных и желтых пилястрах трофейные щиты, пестрел вывесками гостиниц и лавок, и даже отсюда выглядел оживленным огромным муравейником.

— Не правда ли, почтенный Паш-мурта, даже величие городов Востока не сравнится с величием Кордавы, куда мечтает попасть каждый? — торжественно спросил своего спутника стройный мужчина в зингарском камзоле, расшитом золотом, с маленькими пустотелыми шариками вокруг воротника, позванивающими, словно серебряные колокольчики.

Его собеседник в длинной восточной одежде с черными полосами, поверх которой надела была безрукавка, украшенная сверкающими изумрудами, в тюрбане из радужной ткани пеланга, заколотом алой брошью, вежливо улыбнулся и ответил:

— Я согласен с тобой, уважаемый господин Сантидио, в том, что многих влечет к себе этот центр цивилизации, и всякий путешественник, хоть раз всходивший на борт корабля, стремится побывать в столице Зингары. Город этот красив, не спорю, но на мой вкус ему не хватает изящества и стройности, присущих, скажем Аграпуру или Хоарезму. Бывал ли ты в тамошних местах? Если да, то должен помнить ажурные силуэты башен, прелесть висячих садов и бесподобные орнаменты, украшающие наши храмы...

Зингарец усмехнулся в усы, поглаживая маленькую клиновидную бородку. Его спутник говорил цветасто, как поэт, между тем он беседовал с работником с Барахских островов, издавна бывших прибежищем пиратов. Впрочем, Паш-мурта был всего лишь богатым посредником, доставлявшим на рынок Кордавы «черный уголь» невольников, которых морские разбойники захватывали среди диких племен на побережье южнее Куша. Парламент Зингары несколько лет назад принял закон (и Сантидио в том деятельно участвовал), запрещающий корсарам приближаться к порту Кордавы на расстояние двух выстрелов из аркбаллисты. Правда, партия «фиолетовых» провалила полное запрещение работникова, что было только на руку ушлым деловикам типа Паш-мурты. Пираты же не особо

расстроились, зная, что в дни войны король Зингары отменит закон одним росчерком пера.

Нос катафракты коснулся песчаной отмели, образованной наносами песка из устья Черной реки, по обеим сторонам которой раскинулся город. Тогда с нижней палубы раздался крик гортатора, ударили о воду весла, выправляя судно в обозначенный ярко раскрашенными плавающими бочками фарватер, парус упал. Корабль заскользил по мертвой зыби зеленоватого моря, переходящего в глубине к темно-синему цвету. Стали уже попадаться лодки, с которых самые ретивые посланцы гостиниц выкрикивали их названия, призывая путешественников к отдыху и веселому времяпровождению в их заведениях.

Теперь пассажиры, вглядывающиеся в глубину моря, собрались возле правого борта. Мало кто упускал случай полюбоваться изумительной картиной затонувшего города: когда-то узкий полуостров, отходящий от берега, опустился на дно, и сквозь спокойную воду можно было видеть проплывающие среди водорослей развалины вилл, обломки колонн и статуи с белыми, облепленными ракушками лицами. На конце затонувшего мыса со стороны открытого моря высилась огромная пирамида, сложенная из неотесанных камней, на вершине которой стояла приземистая башня кордавского маяка.

— Скажи, — негромко проговорил Паш-мурта, глядевший на затонувший город, — правда ли, что эта насыпь устроена на месте подводного храма, откуда двадцать лет назад восстало древнее зло, чуть не погубившее город?

— Правда, — ответил Сантидио. — Тогда вождь восставшего народа Мордерми, чтобы свергнуть ненавистного короля Риманендо, прибег к помощи колдуна-некроманта, оживившего древнего властелина, чья гробница засыпана сейчас этими камнями.

— А правда ли, — спросил работник, — что на стороне восставших сражались свирепые воины, могучие, словно каменные утесы? Я слышал, что это были чернокожие из Амазонии или Атлая, которые жевали траву амок-пта, чтобы стать неуязвимыми. С тех пор в Зингаре и пошла мода на черных рабов.

— Да, немногие остались в живых из тех, кто видел вблизи этих воителей, — грустно усмехнулся Сантидио. — Ты не поверишь, если я скажу тебе, что были они из настоящего камня. Ни меч, ни стрела не причиняли им вреда, и только один человек смог их одолеть, расправившись с некромантом, и над древним королем, и над самим Мордерми, превратившимся в тирана... Звали его Конан. Сейчас он король Аквилонии.

— Я слышал о нем, — кивнул Паш-мурта. — Его хорошо помнят на Барахских островах. Когда-то он был пиратом.

— И чуть было не стал королем Зингары, — задумчиво промолвил Сантидио. — Он отказался тогда от короны, предложив ее мне¹.

Паш-мурта изумленно глянул на своего собеседника.

— Но разве вот уже двадцать лет не властвует в Зингаре сын сиятельного Кантарнадо, получившего венец из рук восставших и учредившего парламент? спросил он.

Работорговец не понял, почему так саркастически рассмеялся его спутник. Общась с пиратами, правительственными чиновниками, перекупщиками и таможенниками на многочисленных границах, которые он пересекал, ведя караваны невольников во многие страны, посредник привык к осторожности и не стал задавать лишних вопросов. Сославшись на дела, он удалился на нижнюю палубу, откуда матросы уже выбрасывали через квадратные люки тюки с товарами, мотки тканей и кож, украшенные серебром и слоновой костью сундуки, круглые ящики, сильно пахнущие благовониями, и плетеные корзины с плодами кауоки, растущими только во влажных джунглях Атлая.

Зингарец, облокотившись о борт катафракты, с жадностью смотрел на знакомые очертания приближающегося порта. Он не был на родине вот уже три года, путешествуя и побывав в вендийском море и в южном океане, доплыв до Утгара и Камбуи, где собирал легенды о древних лимурийцах. Перед его глазами еще стояли города на утесах, сказочные храмы и святилища богов, о которых

никогда не слышали люди Запада, сожженные солнцем и истерзанные бурями острова посреди морских волн всех оттенков от серебристо-белого до огненно-красного вперемесь с синим и золотым. И все же город, который все более закрывали маты многочисленных кораблей, был милее всего на свете его — Кордава!

В порту кипела работа: с причаливших к мраморной пристани кораблей рабы с лоснящимися от пота напряженными мускулами тащили по сходням тюки и бочки, самые тяжелые грузы поднимали с палуб и из люков при помощи хитрых приспособлений с длинными поворачивающимися балками, похожими на носы журавлей, поодаль плотники строгали маты и доски, смолились канаты, белели перевернутые днища лодок. Тут же толпились торговцы фруктами и рыбой, выкрикали названия своих заведений мальчишки из гостиниц, поводили голыми напудренными плечами портовые проститутки, завлекая клиентов.

У причала теснилось множество судов. Здесь были и боевые триремы со страшными звериными мордами на носах, небольшие фазелы, похожие на веретено, неутомимые либурны, которые плавали под своими яркими парусами от Куша до Пустоши Пиктов, и речные суда ладьи и барки, приходившие в порт Кордавы вниз по течению Черной реки. Впереди корабля, на котором прибыл зингарский путешественник, плыла теперь лодка с человеком в ярко-красной одежде, направляющим судно к свободному месту между тяжелой черной галерой и крутоносой ладьей, которая подходила к берегу одновременно с катафрактой по правому борту от нее.

— Ты прав, уважаемый Сантидио, говоря, что множество народа стремится сюда! — услышал зингарец голос Паш-мурты, вновь появившегося рядом. — Какое разнообразие лиц, одежд и корабельных выпелов! Воистину, такого не встретишь в портах моря Вилайет, которое, как известно, не общается с мировым океаном и не позволяет городам Турана принимать корабельщиков со всего света.

Поняв, что перекупщик хочет польстить ему, имея какую-то скрытую корысть, Сантидио все же поддержал разговор.

¹ Приключения Конана в Зингаре описаны в повести К. Э. Вагнера «Дорога королей».

— Это так, почтенный, — сказал он. — Взгляни: слева от нас стигийская галера, пришедшая, наверное из Кеми, а справа ладья с аквилонским вымпелом и значком Гандерланда. Это герцогство лежит у самых Киммерийских гор, но даже северяне приплыли в Кордаву, чтобы продать здесь меха и купить вина. Вон тот обросший крепыш, по всей видимости, их кормчий, явно гандерландец. На носу бледный вельможа в малиновом берете, наверное, какой-нибудь аквилонский граф со своим телохранителем. Он выбрал себе в охранники подходящего парня: настоящий богатырь. Судя по светлой бороде и косам, бритунец, хотя его кожа и слишком смугла для обитателей тех краев. Никогда не видел таких здоровых бритунцев! Пожалуй, я знал только одного человека, который мог бы сравниться с этим телохранителем мощью. И такие же голубые глаза... Да, если бы не светлые волосы и борода, он был бы похож на Конана. Но что я говорю, мой бывший товарищ сидит сейчас на троне в своей Тарантии...

Пассажиры причалившей ладьи спустились тем временем по сходням и исчезли в толпе.

— Могу ли я задать тебе один вопрос, уважаемый Сантидио? — елеинным голосом спросил Паш-мурта, и зингарец понял, что тот решил наконец перейти к делу.

— Рад буду помочь, — отвечал он, хотя и не испытывал особого уважения к работорговцу, единственным извинением для которого считал тот факт, что перекупщик торгует черными. — Все же мы вместе плывем от самого Куша.

Он немного покривил душой: торговец «черным углем» погрузил свой товар на борт катафракты в укромной бухте острова Сиптаха, где была перевалочная база морских разбойников.

— Видишь ли, — вкрадчиво начал Паш-мурта, — среди моих невольников, которые по большинству своему захвачены среди диких племен, не многим отличных от обезьян, которые во множестве обитают в джунглях Амазонии, есть одна рабыня, не похожая на прочих. Ее схватили в устье реки Зархебы, где эта девушка имела неосторожность удить рыбу со своей долбленой лодки. Она, конечно, дикарка, но откуда-то знает немало гирканских слов, так что с ней вполне можно объясняться. Кожа

ее более светлая, чем у обитателей Черных Королевств, кроме того, она наделена некоторыми необычными способностями...

— Что ты имеешь в виду? — заинтересованно спросил зингарский путешественник, за долгие годы скитаний так и не утоливший свою жажду ко всему необычному.

— Взгляни сам, — сделал приглашающий жест Паш-мурта.

На верхней палубе уже сидели на досках, скрестив худые черные ноги, его невольники: три десятка мужчин и женщин, единственной одеждой которым служили короткие юбки из пальмовых листьев. На грязных шеях бусы из морских раковин, носы и уши проткнуты костяными палочками и кольцами. Мужчины были жилисты и низкорослы, а женщины с отвисшими плоскими грудями годились разве что для грязной работы наравне с домашней скотиной.

Среди дикарей Сантидио сразу заметил девушку с более светлой кожей, робко сидевшей на корточках чуть поодаль. Лицо ее было красиво, черные волосы коротко острижены, а гибкий стан покрывал кусок тонкой материи с вырезом для шеи, скрепленный с боков красными завязками. На этом странном платье неловкими стежками вышит был какой-то незамысловатый орнамент.

— Подойди, Ваная! — велел Паш-мурта рабыне.

Она поднялась и нерешительно приблизилась, ступая по горячим доскам палубы маленькими босыми ступнями.

— Этот господин хочет посмотреть, что ты умеешь, — сказал работорговец.

Девушка безропотно выгнулась назад, ее голова показалась снизу между чуть раздвинутых ног, а смуглые ладошки охватили точеные колени. Она как-то виновато улыбнулась и вдруг покатила по палубе, словно обруч из ивовых прутьев. Потом встала и легко закинула одну ногу себе за шею, так что розовая пятка виднелась рядом с ее худой щекой.

— Женщина-змея, — заключил Сантидио. — Что ж, я видел таких в Вендии. Ты, наверное, хочешь продать ее подороже и интересуешься, где это можно сделать?

Паш-мурта поклонился.

— Она может часами стоять в самых удивительных позах и нисколько не устает, — сказал он. — Может быть, ты укажешь мне владельца какого-нибудь цирка и дашь ему свои рекомендации?

«Тебе нужны ручательства зингарца, потому что ты отлично знаешь законы, — подумал Сантидио. — В Кордаве разрешено торговать только черными, а эту девушку можно отнести к ним лишь с большой натяжкой. Впрочем...»

— Мне пришла мысль получше, — сказал он. — Я порекомендую тебе покупателя за десятую часть ее цены в качестве вознаграждения. Видишь ли, я поиздержался в дороге, но не хочу сразу отправляться к королю, который еще не знает о моем прибытии. Хочу сначала осмотреться.

Паш-мурта радостно закивал.

— Конечно! А таможенникам мы можем сказать, что она твоя служанка. Чтобы не платить лишнюю пошлину, — добавил он поспешно.

Зингарец пропустил эту реплику мимо ушей и продолжал:

— Прежде, чем отправиться в путешествие, я вращался в высших кругах кордавского света и знаю одну даму, которая может оценить необычные способности девушки. Она кофитка, но замужем за одним здешним вельможей. У нее огромная вилла, где она держит множество удивительных... мн-э... людей.

Он не сказал «невольников», потому что официально любой человек, чей цвет кожи хоть немного отличался от цвета каменного угля, считался свободным гражданином Зингары. Сантидио сам когда-то работал над этим законопроектом и очень им гордился.

— Я заплачу пятнадцатую часть, — сказал работорговец, — из большого уважения к тебе.

Сходни уже были спущены, и черные невольники, связанные длинной пеньковой веревкой и подгоняемые тремя надсмотрщиками, сходили на пристань. Паш-мурта и Сантидио последовали за ними. Рядом с зингарцем, глядя вокруг широко распахнутыми изумленными глазами, шла Ваная.

Конан мрачно вышагивал среди пестрой толпы рядом с фаллийцем, чей малиновый берет, изрядно уже грязноватый, плыл на уровне его плеча. Да Дерг имел вид человека, которому пора составлять завещание: лицо побледнело и осунулось, прежде надменные губы складывались теперь в какую-то жалкую гримаску, он спотыкался и придерживался за рукав бритунского наряда своего спутника.

Конана злил этот маскарад. На боку у него висел короткий меч в дешевых ножнах, годный, по мнению киммерийца, скорее для колки орехов, чем для серьезного дела. Впереди бежал мальчишка из гостиницы в длинной хламиде, представлявшей умопомрачительную смесь из плохо пришитых заплат и прорех, сквозь которые виднелось грязное тело. Мальчишка крутился, словно выюн, то ныряя в боковые улицы, откуда высовывался с видом заговорщика, поджидая своих неторопливых клиентов, то бежал перед ними задом наперед, размахивая руками, приплясывая и тараторя.

— ...И самые дешевые номера во всем городе! — трещал он, беспрерывно почесываясь. — Конечно, от моря далековато, но что там море: сырость, да и шумновато в порту. Давеча пьяные матросы из Аргоса сцепились с местными, большая была драка, пятерых убили, а одному выкололи глаз. И девки там дурные, половина работает на дону Банидио, а дон Банидио держит такие цены... Чего вам платить лишнее за старых шлюх? Вот у нас девочки пальчики оближешь, хозяин не строгий, можно и просто за выпивку сговориться... А море, что море, из окна видно!

В черных, как сливы, глазах временами мелькал страх: больше всего мальчишка боялся, что клиенты передумают, отправятся куда-нибудь в другое заведение, а он лишится медной монетки, которую получал от хозяина в уплату за настырность и умение беспардонно врать путешественникам. Он никак не мог уразуметь, отчего это богатые одетый вельможа и здоровяк-бритунец согласились тащиться на другой конец города, хотя в центре и у моря было множество шикарных гостиниц.

Они шли по мощенным булыжником мостовым Кордавы среди шумной и пестрой толпы. Повсюду, в узких улочках и на маленьких площадях возле фонтанов, кипела жизнь. Менялы взвешивали на весах монеты, привезенные со всех концов света, круглые и овальные, с гордыми ликами императоров или замысловатыми значками и даже с дырками, пробитыми посредине, чтобы деньги можно было нанизывать на шнурок и носить в качестве ожерелья, демонстрируя тем самым свое богатство. Почтенные матроны пряли, сидя на резных стульчиках у своих домов, тут же предлагая пушистые нитки на продажу. Из харчевен с песнями вываливали полупьяные моряки и местные бандиты, разодетые не хуже знатных грандов. Слуги тащили на головах корзины с фруктами и вином, а их господа величественно шествовали, направляясь в гости или бани, в сопровождении пестрой свиты приживальщиков с почтительными лицами. Назойливые проститутки с ярко накрашенными губами и насурьмленными бровями, похожие на хищных ящериц, вертелись в толпе, хватая мужчин за руки и призывно покачивая почти обнаженными грудями. В холодке стен и у фонтанов часто попадались посапывающие пьяницы, погруженные в сон. Никто их не трогал, хотя изредка попадались патрули стражников, одетых в красно-золотую форму с королевским гербом на левом плече.

Кордава сильно изменилась с тех пор, когда киммериец вынужденно вступил здесь в ночную армию короля воров Мордерми. Во времена старого глупого Риманендо на улицах столицы преобладали люди в военной форме и вельможи, которые часто носили помимо шпаги по два-три кинжала, не считая стилета за общлагом, всячески демонстрируя свою гордую воинственность и не давая прохода редким простолюдинам, которым дорога в богатые районы была вообще заказана. Порядок на центральных улицах царил почти идеальный, и лишь по ночам вдоль стен и заборов скользили призрачные тени воров и грабителей, поднимавшихся на поверхность из многочисленных лазов, ведущих в Преисподнюю. Так называли подземный город, обитель порока, где прятались изгои общества, спустившиеся в завалы после страшного землетрясения, разрушившего одни и завалившего оползнями другие кварталы Кордавы. Тогда же опустился на дно

полуостров с виллами и дворцами, ставший теперь одной из главных достопримечательностей зингарской столицы.

Конан вспомнил полутемные грязные улицы-коридоры нижнего города с множеством игорных притонов, опиумных курилен, публичных домов и других сомнительных заведений пристанищами воров, убийц, продажных девок и политических заговорщиков. Сейчас все это словно выплеснулось на поверхность. Даже здесь, в центре, сутенеры с напыженными волосами спокойно стояли в дверных проемах с красными фонариками, а народ возле фонтанов открыто спорил о политике. Какой-то поэт, взобравшись на бочку, декламировал куплеты, в которых весьма непочтительно упоминалась бородавка короля Элибио, а на стене скобяной лавки киммериец заметил криво выведенную зеленой краской надпись: «Фиолетовых» в море!

— Кто такие эти «фиолетовые»? — спросил он приплясывающего впереди мальчишку.

— А! — воскликнул тот, довольный, что нашлась новая тема. — Это самая большая фракция в парламенте...

— Фракция?

Оборванец глянул на Конана снисходительно: ох уж эти дикие бритунцы, не знают самых простых вещей!

— Ну группа, — пояснил он, не переставая чесаться. — Они еще называют себя «партией Аввинти».

Киммериец ухмыльнулся в бороду: когда-то он знал человека по имени Аввинти, эmissара тайного братства «Белой розы» среди аристократов Кордавы в дни заговора против короля Риманендо.

— Есть еще «зеленые», — продолжал мальчишка, — или «партия Карико»...

Карико, вождя бедняков, казненного своим бывшим союзником Мордерми, когда король воров, свергнув Риманендо, на время стал тираном Зингары, Конан тоже хорошо помнил.

— Эти две фракции постоянно грызутся друг с другом, — объяснял посыльный тоном опытного политика. — Ну и разные там «красные», «желто-голубые» и «оранжевые». Но эти все под ногтем у дон Бенидио, достойнейшего из сенаторов его величества...

— Дон Бенидио? — переспросил киммериец. — Сутенер?

— Почему сутенер? — Мальчишка даже застыл на месте с полуоткрытым ртом.

— Да ты сам говорил, что на него работает большинство портовых шлюх.

— Ну да, работают, — облегченно заулыбался оборванец. — А на кого же им еще работать? Нельзя же допустить, чтобы проституция существовала вне рамок закона. Сенаторы курируют и публичные дома, и игорные заведения, и те места, где пьют или курят опиум. Во избежании распространения дурных болезней и подпольного взимания мзды!

Мальчишка многозначительно поднял грязный палец. Потом быстро оглянулся, заговорщицки подмигнул и прошептал:

— А тех, кто думает по-другому, иногда находят на берегу с камнем во рту. Течения у нас тут сильные, и дно галечное.

После речей провожатого Конан обратил внимание, что множество граждан носят зеленые или фиолетовые плащи и, встречаясь, злобно поглядывают друг на друга. Вокруг стихоплета, читавшего вирши о короле, собрались в основном «зеленые», которые, впрочем, выглядели людьми далеко не бедными: толстые лавочники с лоснящимися лицами, менялы, разносчики, несколько слуг и женщины в мещанских платьях, с зелеными лентами в пышных прическах.

Выйдя из теснины улицы, Конан, фаллиец и мальчишка оказались на широкой площади. Напротив высилась полукруглая стена, прорезанная высокими арками. Из-за нее долетал невнятный шум, а площадь сплошь была усеяна корками лимонов и дынь, обкусанными ломтиками тыкв и стручками красного перца. Посредине пустынного пространства возвышался конный памятник, изображавший мрачного вида человека с опущенной шпагой в бронзовой руке.

— Это что, рынок? — спросил Конан.

— Ипподром! — Глаза мальчишки засияли праздничным блеском. — Здесь народ наслаждается прекрасным зрелищем бегов. Фавориты партий соревнуются в колесницах, а сенаторы и король смотрят на них из золоченых лож. Когда-нибудь я скоплю денег, чтобы попасть на галерку и увидеть, как кто-нибудь сломает себе шею!

— А кому памятник? — прервал его восторженную речь киммериец.

— О, это сам Мордерми, вождь восставших, из рук которого отец нынешнего короля получил скипетр и державу!

— Кром! — вырвалось у северянина. — Да ведь я собственной рукой выбросил когда-то этого ублюдка из окна на поживу толпе...

Многоголосый победный вопль, возникший над стенами ипподрома, заглушил его неосторожные слова. Ликующие крики, звуки рожков и какой-то треск повисли над площадью: от них мог бы содрогнуться сам бронзовый Мордерми, если бы он умел содрогаться при жизни.

— Победа! — завопил оборванец, прыгая на одной ноге. — «Зеленые» победили! Они всегда так вопят, когда берут верх над «фиолетовыми». Если бы те одолели, они дудели бы в свои фанфары...

— Пошли, — тихо сказал фаллиец. — Это было первое слово, которое он произнес, ступив на берег.

— Подождите, — заволиновался посыльный, — нельзя упустить такое зрелище! Вам будет интересно, вот увидите. Сейчас понесут победителя...

— В другой раз, — буркнул варвар, подталкивая мальчишку в спину.

Но не успели они миновать памятник, как из-под арок ипподрома повалил народ. Только теперь Конан понял, почему на площади не видно ни торговцев, ни праздно гуляющих граждан. С ревом, напоминающим горную лавину, толпа загрохотала все пространство, грозя смести и затоптать всякого, оказавшегося на ее пути. Мальчишка из гостиницы проворно взобрался на постамент и устроился между ног бронзового коня, готовясь насладиться зрелищем. Конан прижался спиной к теплому камню монумента, прикрывая рукой безвольно стоявшего рядом брегона.

Люди в зеленых плащах приплясывали и вопили, всячески выражая свой восторг победителю, которого несли на резном сидении, снабженном длинными ручками, поднимая над головами. Поджарый мужчина в зеленой тунике и сандалиях, украшенных серебряными семиконечными крестами, с золотым венчиком на голове, еще красный от недавнего напряжения, устало помахивал од-

ной рукой, а другой утирал пот, градом струившийся по грубому некрасивому лицу.

— Да здравствует Базилас! — раздавались крики. — Победа! Победа! Да здравствует Карико!

Из другой арки, смешиваясь с «зелеными», выходили люди в красных, желто-голубых и оранжевых одеяниях. Они тоже победно вопили, приняв, очевидно, сторону партии Карико.

Казалось, ликованию не будет конца, но вдруг толпа отхлынула и подалась в сторону. Из третьего прохода показались «фиолетовые»: их плащи сверкали на солнце дорогой отделкой и самоцветными камнями. Многие шли в окружении слуг, вооруженных длинными палками, темнокожие рабы несли в изукрашенных портшезах дам, прятавших лица под тонкими вуалями. Впереди выступал красавец в фиолетовой тунике и перламутровых сандалиях с алмазными пряжками в форме трилистника.

Толпа «зеленых» отступила за невидимую линию, центром которой был памятник бывшему королю воров.

Красавец в фиолетовой тунике поднял руку, и его сторонники замедлили шаг.

— Смотрите на него! — крикнул он, указывая на победителя. Ты подонок, Базилас! Во втулках моей колесницы нашли песок, и все же мы пришли к финишной мете одновременно. Судейщики отдали победу тебе, но ты зря радуешься. Я побеждал на скачках в Мессантии и Луксуре, и не тебе, сыну вора, торжествовать над Скалидо!

Рев и издевательский хохот «зеленых» был ему ответом.

— Пойди в баню, Скалидо, сын своего дедушки, выпусти пар! — крикнул Базилис.

На этот раз взвыли «фиолетовые». Многие обнажили шпаги, подталкивая вперед слуг и рабов с дубинками. Со стороны последователей Карико в них полетели огрызки дынь и стручки перца, и Конан понял, что сейчас начнется потасовка. Он уже прикидывал, придется ли принять в ней участие, но тут окованные железом двери длинного строения напротив ипподрома распахнулись, и оттуда на площадь устремился отряд стражников с квадратными щитами и копьями в руках.

Они бежали цепью молча, со строгими лицами, привычно занимая места между двумя враждующими партиями, расталкивая зазевавшихся копьями, у которых, как с удивлением заметил киммериец, были деревянные на-

конечники. «Красные», «желто-голубые» и «оранжевые» разбегались по обе стороны отряда стражников и тут же присоединялись либо к партии Авванти, либо к сторонникам Карико, нисколько этим не смущаясь и рьяно поддерживая ту и другую сторону.

— Именем короля, разойтись! — не слишком сердито покрикивал сотник, бежавший впереди своих людей с тупой учебной рапирой в руке.

Гневные возгласы по обе стороны живой цепи стали стихать, казалось, все вот-вот кончится миром. Но тут вышла заминка: сотник неловко поскользнулся на арбузной корке и растянулся на камнях, не добежав до памятника. Стражники кинулись поднимать своего начальника. В тот же момент из-под ног бронзового коня раздался звонкий голос гостиничного служки:

— Скалидо любит мальчиков, он водит их в баню!

Красавец в перламутровых сандалиях взвизгнул и бросился на обидчиков, не разобрав, кто именно запятнал его честь столь гнусным публичным оскорблением. За ним устремились вельможи в фиолетовых плащах и их слуги, размахивающие палками.

«Зеленые» и «фиолетовые» сшиблись возле самого памятника. Резное сидение победителя закачалось, и Базилас, дрыгнув кривыми ногами и сверкнув серебряными пряжками сандалий, полетел в толпу. Сторонники давно почившего Авванти победно взвыли и усилили натиск. Началась давка. Задние теснили передних, которые попали под мощные удары здоровых кулаков и коротких дубинок «зеленых», не имея возможности использовать в этой толчее шпаги. Многих слуг и чернокожих рабов сбили с ног и затоптали, господа обнажили кинжалы, с ругательствами отбиваясь от плебеев. Пролилась первая кровь.

Возле ног Конана, стоявшего на мраморных ступенях монумента, закипело побоище. Мелькали кулаки, лезвия и дубинки, зелено-фиолетовый вихрь поглощал редкие красные, голубые, желтые и оранжевые пятна.

Из толпы, плюясь кровью, выбрался здоровяк в зеленом плаще и, постанывая, побрел к киммерийцу. Тупо глянув на его одежду, он прохрипел:

— Ты за кого?

— За Крома! — рыкнул варвар и врезал пудовым кулаком в челюсть «зеленого». Тот канул спиной в толпу, оставив на ступенях выбитые зубы.

— Надо... уходить... — слабо проговорил Да Дург. Он едва держался на ногах, прижимаясь спиной к постаменту.

— Куда, в задницу Нергала? — проворчал киммериец. — Я, конечно, смогу проложить дорогу даже таким паршивым мечом, как этот, но потом нам придется скрываться от ареста за множественное убийство при отягчающих обстоятельствах. Подождем, пока они угомонятся...

В это время он заметил возле ступеней изящный дамский портшез. Двое чернокожих безуспешно пытались вытащить его из гущи дерущихся к памятнику. За полупрозрачными занавесками мелькнуло испуганное женское лицо. Один из рабов упал под ударом дубинки, второй бросил ручки и попытался скрыться. Портшез оказался на земле, клонясь набок под натиском множества тел.

Одним прыжком киммериец оказался возле и легко поднял носилки, словно это был пустой ящик из-под фруктов. Развернувшись и держа свою ношу над головой, он хотел было вернуться под сень бронзового вождя, но дорогу ему преградил свирепого вида коротышка в зеленой куртке.

— Отдай шлоху! — потребовал он, целя в живот Конана мясницким ножом.

— На! — выдохнул киммериец и ударил носком сапога в пах мяснику. Тот издал звук, который, наверное, не раз слышал от забиваемой скотины, сложился вдвое и пал ниц под ноги дерущихся. Конан благополучно вернулся к бледному фаллийцу и опустил портшез на гранитные ступени.

— Кто ты? — услышал он мелодичный голос и только сейчас оценил надменную красоту зеленоглазой женщины, смотревшей на него из-за раздвинутых занавесок.

— Бритунец, — не слишком учтиво отвечал киммериец, которому претила эта вынужденная ложь. — Зовусь Бастаном. Я телохранитель вот этого аквилонского графа.

Да Дург снял свой берет и вяло помахал им, изображая приветствие.

— Твой господин ранен? — спросила дама.

— Он болен.

— Меня зовут Зана дель Донго. Ты спас мне жизнь, и я должна тебя отблагодарить. Приходите оба сегодня вечером, мою виллу укажет всякий. Для твоего господина

тоже кое-что найдется: у меня весьма искусный лекарь, сведущий во всех известных и неизвестных недугах.

Тем временем на площади появились новые отряды стражников. Они выкатывались из темных проемов улиц, словно желто-красные рассерженные птицы. Прикрываясь квадратными щитами с королевским гербом и щедро раздавая направо и налево удары дубинок, сделанных из гибкого ствола ползучего растения пшпа, они рассеивали дерущихся, не выказывая ни малейшего почтения ни аристократам, ни, тем более, плебейам.

— Шпаги в ножны! — ревели сержанты с голубыми нашивками. — Убрать дрикольё!

Очухавшийся после падения сотник яростно хлестал своей гибкой рапирой по спинам и лицам, предчувствуя разнос начальства за свою давешнюю неловкость. Его люди всюду орудовали копьями с деревянными наконечниками.

Решительность стражников возымела действие. Многие пустились в бегство: «зеленые» без оглядки, «фиолетовые» — пытаясь сохранить остатки сословной гордости, насколько это позволяла ситуация.

Как только толпа поредела, Конан подхватил готового упасть брегона и, свистнув мальчишку, двинулся за ним, огибая стену ипподрома. Посыльный ликовал, он приплясывал и выкрикивал на ходу: «Ну мы им врезали, ну и врезали!»

— Я тебе сейчас врежу, — мрачно пообещал ему Конан.

С тем они и скрылись за спинами разбегающейся толпы и размахивавших дубинками стражников.

К оставшемуся на ступенях портшезу приблизился чернокожий раб, униженно кланяясь и прижимая к груди руки.

— Ты заслуживаешь быть повешенным за ребро, — зло бросила ему Зана. — Кликни вольных носильщиков, чтобы доставили меня домой. А потом, если хочешь заслужить прощение, сделаешь вот что...

Раб почтительно склонился к окошку портшеза, получая наставления. Потом точеная рука протянула ему жестяную бирку, свидетельствующую, что раб выполняет поручение своей госпожи. Чернокожий прицепил ее к запястью и со всех ног бросился в ту сторону, куда отправились светловолосый гигант и его занедуживший господин в малиновом берете.

Поражение Скалидо, как ни странно, подняло настроение Заны дель Донго, рьяной приверженицы и одной из вдохновительниц движения «фиолетовых». Никакого песка во втулках, конечно, не было, и судейщики справедливо отдали победу Базиласу, чьи лошади опередили квадригу Скалидо на полголовы. Не Зана ли настаивала, что партии нужен новый фаворит? Она вынужденно принимала этого выскочку в своем доме, где собиралось самое блистательное общество, но никогда не посылала ему приглашения на серебряной карточке со своим гербом, как прочим. Скалидо всегда приглашал Палипсио, ее муж, и весь вечер эти два голубка сидели рядышком, угощая друг друга фруктами и подливая вина из серебряных кувшинов. Упаси Иштар, если бы кто-нибудь заподозрил ее в ревности! Она давно не воспринимала женственного Дель Донго ни как мужчину, ни как мужа. Хватит того, что благодаря богатому приданому, ей удалось стать гражданкой Зингары, где, в отличие от ее родного Кофа, женщины никогда не считались исключительной собственностью своих мужей. Палипсио получил деньги, она — свободу, и теперь они не мешали друг другу наслаждаться жизнью. Но Скалидио становился просто опасен: благодаря его второму проигрышу, партия Аввинги теряла политические очки. Ничего, уж теперь-то она сумеет настоять на своем и подыскать нового участника бегов. Знать бы только, кого...

Носильщики доставили портшез во двор виллы, окруженный мраморными статуями, с большим овальным фонтаном посредине. Получив монету, они вежливо раскланялись и с достоинством удалились пропивать плату в ближайшем кабаке.

Старый мажордом, разодетый по моде времен короля Риманендо, галантно подал руку своей госпоже и, гордо вышагивая, повел Зану по полукруглым ступеням к парадному входу с таким видом, словно был графом, направляющимся на бал со своей молодой любовницей. Собственно, он и был когда-то графом и ловким царедворцем, однако, после свержения прежнего короля, не сумел вовремя сориентироваться, попал в немилость к

новым властям и даже после Реставрации не смог вернуть ни титула, ни денег.

— Вы будете приятно удивлены, — говорил мажордом светским тоном, — в приемной ожидает дон Сантидио Эсанди, жаждущий видеть вас с большим нетерпением, как в прежние времена...

И старик тонко улыбнулся, давая понять, что знает гораздо больше, чем положено обычному домоправителю.

— Так он вернулся? — холодно спросила Зана.

— Пока инкогнито. Дон Эсанди не желает афишировать своего появления в Кордаве, и первый визит нанес вам. У него есть для вас какой-то подарок. С ним точный негоциант, утверждающий, что имеет товар, который вас заинтересует.

— Представляю, — усмехнулась дама. — Какие-нибудь тряпки из Вендии или Камбуи.

Кликнув служанок, она удалилась в купальню, велев передать гостям, что скоро будет.

Паш-мурта и зингарец сидели в резных креслах за круглым столом с крышкой из голубого лазурита и подкреплялись вином и фруктами. Сантидио что-то рассказывал работорговцу, и тот с почтением слушал.

— Поток этот постоянно меняет свой цвет, — говорил дон Эсанди, — и, вытекая из грота в одной скале, скрывается под другой, отстоящей локтей на двести. Причем с морем он не сообщается, разве что где-нибудь под землей. Когда местные увидели наше неожиданное появление, они пали ниц и молили нас поскорее уйти, дабы не лишиться их средств к существованию. Ничего не понимая, мы, со всей возможной осторожностью, осведомились о причинах столь негостеприимного поведения аборигенов...

— Донна Зана дель Донго! — объявил появившийся в зале мажордом, словно ударил в бронзовый дверной колокол.

В окружении служанок, благоухая духами, вошла хозяйка дома. На ней была отливающая золотым и фиолетовым полупрозрачная цикла, широкая и длинная, едва скрывающая тело, грудь почти открыта, черные волосы взбиты в прическу, напоминающую грушу, на шее — нить бирюзы, на руках — тонкие серебряные кольца и тяжелый

золотой браслет с агатовым украшением в форме трилистника.

Сантидио вскочил и отвесил изысканный поклон. Паш-мурта тоже поднялся и сложился чуть ли не вдвое, уткнув черную бороду в грудь и сомкнув толстые пальцы внизу живота, словно боялся, что тот может упасть на ковер.

— Садитесь! — махнула тонкой ладонью Зана. Она опустилась в кресло, обитое фиолетовым бархатом, и взяла из вазы гроздь винограда.

— Так ветры Бора все же прибили тебя к зингарским берегам? — спросила она донна Эсанди.

— Ветры долго носили меня по морям, — отвечал тот, — но, вернувшись, я обнаружил, что Кордава все так же великоленна, а хозяйка самой роскошной виллы стала еще прекрасней!

— Пребывание среди дикарей не отучило тебя говорить красиво, — насмешливо сказала Зана. — Довольно ли наслушался ты сказок о лимурийцах, и хороши ли женщины в тех краях, где ты побывал?

— Я привез много записей и древних манускриптов, что же касается женщин, они не идут ни в какое сравнение с нашими темнооковыми красавицами, как ни одна из этих последних не может сравниться с тобой, Зана Комнин!

— О! — воскликнула донна, — ты еще не забыл, что я предпочитаю свое родовое имя этому пошлому «дель Донго»?

— Я ничего не забыл, — страстно прошептал Сантидио, — ничего...

Хозяйка виллы звонко расхохоталась.

— Знаешь, какую песенку сочинили портовые шлюхи?

И она пропела хриплым вульгарным голосом:

Ты долго плавал, морячок,
Я позабыть тебя успела,
Развязывай свой туесок,
Подорожало нынче тело!

Сантидио кисло улыбнулся.

— Ты все та же, Зана...

— Стараюсь, — сказала она. — Но хватит обо мне, давай поговорим о тебе. Говорят, ты что-то привез мне в подарок? Надеюсь, живого лимурийца?

— Увы, они остались лишь в преданиях и легендах. Но, думаю, мой подарок тебе понравится.

Сантидио поставил на стол невзрачный, обитый кожей ларец и откинул крышку с просверленными в ней отверстиями. Ящик был полон воды. Дон Эсанди запустил в него руку и извлек небольшое, величиной с кулак, существо. Когда он опустил его на столешницу, существо выставило вперед клешни и боком побежало по голубой поверхности. Это был краб. Панцирь его переливался всеми цветами радуги.

Зана дель Донго с интересом наблюдала за маленьким созданием, не выказывая, впрочем, особого восторга.

— Что ж, — сказала она наконец, — я люблю крабов. У них нежное мясо. А из панциря можно сделать неплохую брошку.

— Ты шутишь! — воскликнул Сантидио. — Я не стал бы везти через три моря подарок для твоего повара и ювелира. Это совсем необычный краб.

— Он поет, свистит, танцует, обучен грамоте?

— Нет, его придется убить и высушить. Потом растолочь и приготовить чудодейственный порошок. Я как раз рассказывал почтенному Паш-мурте, где я обнаружил это необычное творение природы. Как-то буря прибила наш корабль к одинокому острову в Южном океане. В поисках пропитания мы высадились на берег и наткнулись там на необычный ручей, достаточно широкий и бурный, с водами странного цвета. Вернее, цвет определить было невозможно, так как он постоянно менялся. Поток вытекал из одной скалы и скрывался под другой, не соединяясь с морем...

— Погоди-ка, — перебила Зана. — Этот порошок, о котором ты говорил, — он для чего?

— О, это самое чудесное снадобье, о котором мне приходилось слышать! — воскликнул Сантидио. — Но позволь рассказать все по порядку...

Зана кивнула одной из служанок, и та удалилась куда-то за вышитые занавески. Дон Эсанди успел поведать, как испуганные обитатели острова, завидя вооруженных людей, униженно просили не лишать их пропитания, когда в зале, неслышно ступая мягкими туфлями, появился сутулый мужчина в черной одежде без украшений.

Его седые волосы падали на несвежий воротник, усыпанный перхотью. Человек поклонился и уселся в одно из кресел.

— Это мой лекарь Родагр, — представила его хозяйка, — он сведущ во многих снадобьях и с интересом послушает твою удивительную повесть, мой милый Сантидио.

Путешественник расцвел от этого «милого Сантидио» и с воодушевлением продолжал:

— После расспросов выяснилось, что раз в год в разноцветном потоке появляется огромный краб, чей панцирь сияет, словно радуга. Как он попадает туда из моря, аборигены не знают, хотя, я думаю — через подземные пещеры. Его ловят и обменивают на товары, которые привозят купцы из Вендии, что позволяет племени безбедно прожить до следующего года. Они не подпускают к потоку других обитателей острова, который весьма обширен. Иные племена приносят им съестное, получая взамен вендийскую утварь и оружие. Нас они поначалу приняли за вооруженных грабителей.

— Видно, немало стоит этот краб, если вендийцы снабжают за него целый остров, — задумчиво проговорила Зана. — Но твой подарок не слишком велик. Дикари тебя обманули?

— Нет-нет, — запротестовал Сантидио, — огромный краб действительно появился...

— Отчего же вы его не забрали?

— Тем самым мы обрекли бы на голодную смерть целое племя. Другие аборигены никогда не дали бы им еды, а земля племени Краба скалиста и бесплодна. Хотя капитан и предлагал то же самое, да и команда роптала...

— Узнаю гуманиста Сантидио, вдохновителя тайного братства «Белой розы»! Почему же капитан корабля не настаивал на своем?

— Потому что это был мой корабль и мой капитан, — нетерпеливо ответил дон Эсанди, — и мы пустились в путь, чтобы изучать страны и народы, а не грабить беззащитных дикарей. Кроме того, тот большой краб — самка, которая производит в разноцветном ручье свое потомство. Обычно одного детеныша, аборигены отпускают его на волю. Но на сей раз их было два, и я счел

возможным забрать одного малыша, чтобы привезти в Зингару и подарить женщине, которая столь умна, что предпочитает украшениям и нарядам различные диковинки.

— Что скажешь, Родагр? — обратилась Зана к лекарю, никак не отреагировав на комплимент Сантидио.

— Я слышал об этом крабе, — проскрипел человек в черном, — хотя и думал, что это сказки. Говорят, порошок, из него приготовленный, излечивает от многих недугов вплоть до слепоты, если его принимать небольшими дозами. Если же растворить в вине целую горсть и выпить — это придает силу, стремительность и порождает неукротимую волю к победе. Хотя стигийские колдуны используют его и в других целях...

— Об этом мы поговорим после, — резко прервала его хозяйка дома. — Так, говоришь, неукротимая воля к победе...

— Да-да! — с воодушевлением воскликнул дон Эсанди. — Я знал, что ты сразу меня поймешь. Увы, политическая жизнь государства с некоторых пор стала слишком зависеть от результатов соревнований на ипподроме. Это чрезмерное увлечение молодого наследника скачками... Все по-прежнему?

— Еще хуже, — сказала донна дель Донго, — после того как Элибио получил корону, он велел устраивать забеги четыре раза в месяц, и благоволит той партии, которая выигрывает. Что еще можно ожидать от шестнадцатилетнего мальчишки?!

— Насколько я слышал, «зеленые» сегодня победили.

— Уже второй раз подряд. Этот ничтожный Скалидо больше думает о банях, чем о тренировках. Я давно говорила, что надо найти нового фаворита.

— Зачем? — тонко улыбнулся Сантидио. — Теперь он будет выигрывать, только выигрывать...

— Но много ли получится порошка из этого создания? — кивнула Зана на ларец, куда ее собеседник снова водворил краба.

— Достаточно! Уважаемый Родагр имеет не совсем верные сведения. Стоит добавить пары крупниц в обычную измельченную известь, чтобы она приобрела все свойства

чудесного снадобья. Так что Скалидо или кто-то другой, если мы так решим, сможет побеждать многие годы. Зингаре нужна стабильность и одна правящая партия.

Лицо Заны посветлело.

— Ты очень поумнел с тех пор, как отказался от короны в пользу ничтожного Кантарнадо, — произнесла она томно. — Насколько я знаю, парламент — это была твоя идея. Скажи, милый, зачем понадобился весь этот цирк, который уже более двадцати лет развлекает лавочников?

— Не надо, Зана, — печально отвечал Сантидио, — в зрелом возрасте на многое смотришь другими глазами, чем в молодости...

— Что ж, — весело сказала блистательная донна, — может быть, когда доживу до твоих лет, я вступлю в партию «зеленых». А что хочешь предложить мне ты, купец?

Паш-мурта снова поднялся и поклонился. Потом приосанился и хлопнул в ладоши.

Трое чернокожих невольников внесли в зал большой ящик, сбитый из крепких оструганных досок, и поставили его возле стола. По знаку своего господина они сняли переднюю стенку и извлекли на свет нечто, сверкающее бронзовыми отливками. Водрузив свою ношу на резной табурет, рабы удалились.

Это была статуя обнаженной девушки: ноги чуть согнуты, колени слегка разведены, в раскрытых ладошках на уровне плеч — два медных светильника. Паш-мурта подошел к изваянию, чиркнул кресалом и зажег в светильниках масло.

Зана молча рассматривала девушку из своего кресла.

— Изящно, — произнесла она наконец тоном ценителя. — Неплохая лампа для моей спальни. Сколько ты за нее хочешь?

Паш-мурта назвал цену. Черные брови хозяйки дома удивленно взлетели вверх.

— Она что, из чистого золота? — спросила донна.

— Подобно крабу уважаемого Сантидио, это необычная статуя, — произнес Паш-мурта торжественно. — Вот она-

то умеет петь, свистеть, танцевать, правда не уверен, что обучена грамоте.

Он щелкнул пальцами, и статуя ожила. Это был странный медленный танец, бедра и ноги девушки плавно двигались, а тело и руки оставались неподвижными: пламя светильников горело все так же ровно.

— Черная магия! — воскликнул лекарь.

— Ты колдун? — спросила Зана работоторговца.

— О нет... — начал тот, но дон Эсанди не выдержал и рассмеялся.

— Прости нам маленький розыгрыш, Зана, но это — живая девушка. Хотя она может обращаться в настоящее изваяние и стоять часами в самых немыслимых позах. Чтобы произвести на тебя должное впечатление, мы намазали ее бронзовой краской. Ваная, покажи, что ты еще умеешь!

Рабыня легко закинула ногу себе за плечо и поставила на узкую ступню один из светильников.

— Лампы уже нагрелись, — задумчиво молвила донна дель Донго, — ей что, не больно?

— Как-то она разгребала раскаленные угли костра, в котором невольники пекли рыбу, — сказал Паш-мурта. — Удивительно, но на ее пальцах не осталось ожогов.

— Я покупаю эту рабыню, — поднялась хозяйка из своего кресла. — Она составит подходящую компанию моим уродцам. Прием окончен, господа. Дон Эсанди, жду вас завтра к обеду. Нам надо многое обсудить.

— О моем появлении... — начал было Сантидио, вставая, но хозяйка прервала его нетерпеливым взмахом руки.

— Разумеется! Купец может получить плату у моего управляющего. Всего хорошего.

Когда дон Эсанди и работоторговец откланялись, Зана подошла к девушке и провела пальцем по ее животу.

— А ты, оказывается, мягкая и теплая, — сказала донна почти ласково. — Ступай за мной. Хочу проверить, не зря ли заплатила столько денег. И так ли уж ты нечувствительна к боли...

С этими словами она направилась к маленькой потайной дверке, прикрытой ярким гобеленом. Ваная последовала за ней, все еще держа в руках горящие светильники

Гостиница оказалась даже хуже, чем можно было предполагать, судя по ветхой хламиде посыльного. Это было деревянное двухэтажное здание с покосившимися стенами, укрепленными бревнами-подпорками. Называлось заведение «Приют толстосума» — очевидно, хозяин обладал некоторым чувством юмора. Перед гостиницей лежал обширный пустырь, покрытый чахлыми кустами и дурно пахнущими лужами.

Весь первый этаж занимала грязная харчевня с длинной стойкой и грубо сколоченными столами, за которыми в полумраке сидели какие-то подозрительные личности. Их бледные лица, словно подсолнухи за дневным светиллом, поворачивались за малиновым беретом, пока фаллиец шел к стойке в сопровождении своего мрачного телохранителя.

Конан был зол вовсе не от того, что придется заночевать в таком паршивом месте. Он навидался притонов и похуже, и в обществе самых отъявленных негодяев чувствовал себя, как рыба в воде. Киммерийца злило молчание брегона, который, как он подозревал, до сих пор что-то не договаривал. Было ли недомогание Да Дерга истинным, или он просто придурился, преследуя какие-то свои цели?

Этот человек, столь легко разделившийся с записным рубакой Гийломом, к концу их путешествия превратился в почти беспомощного ребенка. Впрочем, его недомогание началось сразу после того, как ладья миновала устье Ледяной и вышла на водный простор Ширки. Брегон предпочитал отлеживаться в шатре, и на все расспросы киммерийца отвечал весьма туманно. Конан так и не понял, отчего Да Дерг, с легкостью перенесший его на несколько месяцев в прошлое, не может вызвать какую-нибудь летучую тварь, которая доставила бы их напрямиком к капищу Дивиаатрикса. Фаллиец начал объяснять что-то насчет закона сохранения и равновесия сил, но варвар только махнул рукой и заключил для себя, что Да Дерг — чародешико нукудышный и уже исчерпал запасы своих колдовских фокусов.

Последним его достижением было окрашивание иссиня-черной шевелюры Конана в русый цвет. Впрочем, это

вряд ли можно было назвать волшебной: брегон просто дал склянку с зеленой жидкостью, от которой у варвара за пару дней отросла борода, а посветлевшие волосы упали на плечи, так что их пришлось заплести в косы на бритунский манер, чему соответствовал и костюм, заранее припасенный Да Дергом. Только после этого Конан вышел из шатра на палубу и показался ладейщикам. Учитывая запоминающуюся внешность киммерийца, предосторожность, конечно, не лишняя: им предстояло пересечь всю Аквилонию, пополняя запасы провизии в Галпаране, Танасуле и других городах, и слухи о том, что кто-то видел государя на ладье торговцев мехами, были совсем ни к чему. Да и в Кордаве, даже спустя многие годы, кто-нибудь из бывших друзей или врагов Конана мог бы признать его и задаться вопросом: отчего это король аквилонский шляется по улицам, изображая простого телохранителя...

Хотя киммериец никак не мог уразуметь, за каким таким нергальим пометом несет их в Кордаву. Джаббал Саг, упомянутый брегоном, был древним богом, жрица которого когда-то помогла Конану в борьбе с некромантом, забравшим власть над древним королем и его страшными каменными воинами. С тех пор минуло более двадцати лет, и киммериец уже забыл многие подробности. Святилище Джаббал Сага находилось на пиктской территории, но намного южнее, чем то место, где следовало искать Арэля. Когда же киммериец напрямую спросил брегона, чем может помочь древний бог в их поисках, Да Дерг ответил, что не знает и следует лишь указаниям светящихся рун фелидов. Послав фелидов вместе с их рунами по своему обыкновению в задницу Нергала, варвар удалился на палубу, чтобы выпустить пар, орудуя тяжелым ладейным веслом.

А потом брегон исчез. Сильный затяжной дождь заставил ладейщиков причалить к лесистому берегу в безлюдной местности на границе с провинцией Тауран. Они сняли парус и растянули его между деревьев, устроив навес, под которым и укрылись, отогреваясь у костра. Да Дерг выбрался из шатра и побрел к кустам, никому ничего не объясняя. Когда некоторое время спустя киммериец заподозрил неладное и направился вслед за бре-

гоном, то обнаружил лишь малиновый берет, лежащий на примятой траве.

Проклиная все на свете, варвар предложил команде немедленно отправиться на поиски. Ладейщики наотрез отказались. Они жались к костру и опасливо поглядывали на темнеющие вокруг огромные деревья, покрытые сизым мхом. Едва сдержавшись, чтобы не раскрасить им морды, Конан отправился в лес, держась примятой травы, то и дело натываясь на обломанные ветки кустов: кто-то шел здесь напролом с тяжелой ношей. Он старался двигаться осторожно, держа в руке обнаженный кинжал, и все же стрела, впившаяся в землю у самых его ног, явилась для варвара полной неожиданностью.

Сейчас же откуда-то сверху раздался квакающий голос: — Забыл что-нибудь, белобрысый?

Конан осторожно глянул вверх. Среди ветвей огромного вяза была устроена бревенчатая площадка, огороженная невысокими перилами. Сквозь небольшую бойницу он заметил блеск чьих-то глаз и наконечник стрелы, целящийся ему в шею. На соседних деревьях темнели такие же сооружения, и Конан не сомневался, что не менее дюжины лучников готовы превратить его в подобие ежа.

Киммериец убрал оружие в ножны и поднял над головой раскрытые ладони, показывая, что желает говорить.

— Сдается мне, вы кое-кого прихватили на берегу! — прокричал он.

— Прихватили, прихватили, — охотно согласился человек на дереве. — Пташка пестрая, видать, не из безденежных. Мы что, мы не кровожадные, не людоеды какие. От нужды озорует. Дичи в лесу много, а наконечники для стрел в Танасуле покупаем. Так что, белобрысый, сторгуемся? Всего тридцать тарамов, а?

— Откуда мне знать, что мой господин жив? — сердито проворчал варвар.

Наверху завозились, посыпалась труха, и сквозь квадратный люк вниз медленно поплыл опутанный веревками брегон. Он напоминал муху в паутине и жалко улыбался, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой.

— О Кром! — Конан сжал кулаки в бессильной ярости. — Ладно, я принесу деньги.

Он вернулся к судну, молча миновал сидевших вокруг костра ладейщиков и поднялся на корму. В шатре он приметил небольшой кожаный саквояж брегона, с которым тот покинул дворец Турна. Раскрыв его, варвар разразился проклятиями: саквояж был пуст, если не считать двух свитков пергамента и непонятного металлического предмета, напоминавшего весы без чашек. Конан бросился обшаривать карманы своего королевского камзола, но обнаружил лишь заваливавшуюся атласную карточку с гербом маркизы Танасульской и изображением желтой лилии — символа вечной любви. Покидая Турн впопыхах, он не прихватил с собой ни единой монеты, а брегон и словом не обмолвился, что в дальнейшем путешествие не худо бы прихватить полный кошель золота.

Конан вернулся к навесу и нетерпеливо подождал кормчего — заросшего до глаз мужчину по имени Скобар.

— Дай мне денег! — повелительно приказал король.

Заслышав эти слова, вся команда поднялась и сгрудилась позади вожака, сжимая деревянные рукоятки длинных ножей.

— Мой господин попал в плен к разбойникам, — пояснил киммериец, — его надо выкупить.

— Твой господин уплатил нам за перевозку до Кордавы, включая таможенную пошлину, — ответил, насупившись, кормчий, — но ничего не говорил о том, что придется платить еще и выкуп. Он нам не сват и не брат, так что мы не станем зря транжирить денежки, которых и так не густо.

Киммериец потянулся было к рукоятке меча, но тут же убрал руку. Ему ничего не стоило разделаться с дерзким кормчим и всей его командой, но входило ли это в планы фаллийца? Да Дерг не уставал твердить о взаимосвязанности всех событий, определяющих будущее, и так заморочил варвару голову, что тот уже боялся лишний раз чихнуть. Еще никогда он не чувствовал такой зависимости от другого человека. Это вызывало ярость, но холодное покалывание дремлющего в крови яда, время от времени дававшего о себе знать, заставляло быть осторожным.

— Ты прав, — сдерживая желание раскрыть кормчему череп, проговорил варвар. — Но, может быть, ты захочешь кое-что у меня купить? Недорого.

Глаза Скобара жадно блеснули, и в сопровождении команды он последовал за Конаном в кормовой шатер. Там и совершилась сделка: кормчий стал обладателем королевского камзола и плаща, отороченного горностаевым мехом, а киммериец отнес разбойникам требуемый выкуп.

Сначала сверху спустили веревку, к концу которой он привязал кожаный мешочек с тридцатью тарамами. Конан ожидал любого подвоха, готовый, если понадобится, взобраться на дерево и вырвать фаллийца хоть зубами, но разбойники оказались людьми чести, и вскоре киммериец уже разрезал кинжалом путы Да Дерга, опущенного на землю.

— Спокойной воды тебе, щедрый бритунец! — проквали сверху в напутствие.

— Чтоб у тебя между ног отсохло, — пробормотал варвар, удаляясь в кусты и поддерживая под локоть пошатывающегося брегона.

Когда они оказались в шатре и ладья отчалила, Конан мрачно поинтересовался, всегда ли фаллийцы отправляются в путь, не имея ни гроша за душой.

— Извини, — отвечал Да Дург, укладываясь на меховую подстилку, — наш остров не очень велик, и мы не привыкли к столь длительным перемещениям... Но я полагал, что гирканские монархи всегда имеют при себе достаточно золота, чтобы не заботиться о разных пустяках.

Конан только глухо проворчал что-то невнятное.

— Правда, у меня оставалось несколько золотых, — продолжал брегон как ни в чем не бывало, — но я купил на них у разбойников эту изящную вещицу. Взгляни!

И он протянул киммерийцу круглый невзрачный перстень с каким-то полустертым изображением и непонятной надписью.

— По-моему, он не стоит и пары медяков, — мрачно сказал варвар.

— Не знаю, мне отчего-то приглянулся, — беспечно отвечал фаллиец, словно только что речь не шла о его жизни, — открой крышку.

Конан поддел ногтем небольшой выступ и обнаружил внутри перстня маленького черного жучка, то ли мертвого, то ли впавшего в спячку.

— Похож на короеда, — заметил киммериец. — Подозреваю, что все это неспроста. Об этом жуке тоже поведали светящиеся руны?

— Ничего подобного, — голос брегона был сонным, веки смыкались, он едва боролся со сном. — Но — доверимся Судьбе... Прости, я неважно себя чувствую. Это пройдет, как только мы ступим на пристань Кордавы.

Однако его предсказание, как понял Конан, ступив на зингарский берег, не сбылось.

После встречи с разбойниками путешествие протекало без приключений. Фаллиец почти всю дорогу спал и едва притрагивался к пище. Конан же от вынужденного безделья предался чревоутодию; так что к тому времени, когда они пересекли границу Зингары, прикончил все запасы вяленого мяса и кисловатого вина. Не надеясь, что жадный Скобар поделится с ним съестным, киммериец, воспользовавшись стоянкой, отправился на рынок Тринитина, города, стоявшего в месте впадения Ширки в реку Громовую. Отсюда начинался канал, соединявший две огромных реки: Громовую и Черную, и ладейщики вынуждены были ожидать, пока откроют шлюзы и можно будет плыть на запад, а потом на юг — к Кордаве. На рынке Конан обменял свой добрый меч на гиперборейский короткий клинок, старый и дурной работы. Он получил доплату, прикупил еды и оставил несколько монет про запас.

Их-то он и положил на стойку перед хозяином гостиницы «Приют толстосума», который изумленно таращил глаза на богатое, хоть и грязное платье фаллийца, недоумевая, как это посыльному мальчишке удалось затащить в такую дыру вельможу с телохранителем.

— Найдется комната? — мрачно спросил телохранитель.

— У нас нет комнат, — растерянно забормотал хозяин, — только нары на втором этаже... Но для вас, господа, всего за одну лишнюю монетку я освобожу свою, сам же буду ночевать в каморке под лестницей...

— Да хоть в преисподней, — грубо прервал тот, кого хозяин принимал за бритунца. — Моему господину нездоровится, ему нужен покой и горячая вода для омовения...

— Сколько лет этому зданию? — спросил брегон.

Конан с удивлением уставился на своего спутника. Лицо Да Дерга порозовело, он твердо стоял на ногах, а голос его приобрел прежнюю чистоту и мелодичность.

— Не знаю, — отвечал хозяин еще более растерявшись от неожиданного вопроса. — Я купил эту халупу лет пять назад, но стоит она здесь еще со времен короля Риманендо.

— А что на заднем дворе? — продолжал свои непонятные расспросы фаллиец.

— Сарай, коновязь, птичник... Куча всякого хлама...

— А камни, есть там большие камни?

— Три огромных валуна, вросшие в землю. Ни я, ни прежний хозяин не смогли убрать их, хотя они и занимают половину двора...

— Покажи! — властно приказал брегон. — И подай вина и еды моему человеку, он только что с корабля.

Хозяин повел Да Дерга через заднюю дверь, а Конан уселся за дощатый стол, поклявшись Кромом, что, когда фаллиец вернется, он вытянет из него все до последнего. Варвару хуже горького перца надоело чувствовать себя медведем, которого водят на цепочке.

К столу подошла дебелая подавальщица и поставила перед киммерийцем блюдо с плохо прожаренным мясом и кувшин подозрительно пахнущего пойла. Она игриво поводи́ла бедрами и покачивала мощными грудями, вызывая у варвара не столько вождение, сколько зверский аппетит: женщина больше всего напоминала корову, место которой было на скотобойне.

За соседним столом сидели трое и о чем-то спорили. Краем уха Конан уловил обрывок разговора.

— Что ни говори, а при Риманендо жилось лучше, — говорил один гнусавым голосом. — Порядку было больше.

— Не знаю, — не соглашаясь другой, — тогда не делали ставки на бегах.

— Бенза прав, — пробасил третий голос, — я еще помню Преисподнюю. Воля была. Господам — порядок, а честным вора́м — воля. А сейчас что? Подземный город засыпали. Шагу не ступишь, со всеми делиться надо. Дон Бенидио не дремлет. А еще черномазых поразвилось и всяких пришлых дикарей. Бритунцев, например...

Конан, не переставая жевать, сел поудобнее, чтобы в случае чего пустить в ход кулаки. Впрочем, компания за соседним столом не слишком его беспокоила.

Не успел варвар уничтожить своими мощными челюстями жаркое, состоявшее большей частью из жил и хрящей, как вернулся Да Дерг. Он приблизился танцующей походкой и небрежно уселся на грубую скамью, словно то было обитое бархатом кресло.

— Я знал, что Богиня Судьбы приведет меня в нужное место, — сказал он удовлетворенно, — хотя и не знал, где именно оно находится.

— Послушай, — киммериец выплонул на пол кусок бараньей кости, — мне надбеля загадки. Выкладывай все до конца. Ни то мне придется довериться своей судьбе и слегка нарушить твои планы...

— Не сердись, — фаллиец уже обрел свое всегдашнее спокойствие, — я просто сам не все знаю. Руны указали, что лоннансклех, то есть ты, должен отправиться в Кордаву, и это как-то связано с Джаббал Сагом. Поверь, использовать Камень Делений не такая уж простая задача, и то, что удастся узнать фелидам, не всегда поддается однозначному толкованию. Что касается меня, то я, как и было предсказано, нашел в Кордаве Место Силы.

— Место Силы?

— Да, те три валуна на заднем дворе, которые люди принимают за обычные обломки скал, на самом деле остатки древнего святилища, все еще сохраняющие свои необычные свойства. Надо только уметь ими пользоваться. Я умею, поэтому смог восстановить свои силы, подорванные при работе с пространственно-временным... словом, когда я перенес тебя в прошлое.

— И что теперь? Отправимся в земли пиктов?

— Всему свое время. Сначала тебе надо собрать отряд головорезов, достать корабль и быть готовым в нужный момент отплыть на север.

Конан в ярости отшвырнул деревянную тарелку.

— Ты ничего об этом не говорил раньше! Выходит, тебе понадобились наемники?

— Не мне, а тебе, лоннансклех Конан. Ты прибудешь во главе отряда на Фалль, что не вызовет подозрений:

наши короли засылают на континент тайных вербовщиков. Им нужны крепкие парни для войны с фоморами.

— Я уже сказал, — прорычал варвар, — выкладывай все до конца! Ты говоришь, что отряд не вызовет подозрений, значит, не все ваши короли знают о том, что я должен доставить на остров будущего властителя?

— Меня послали фелиды, — спокойно ответил брегон, — фелиды и королева Матген. Теперь я сказал все.

Казалось, киммериец вот-вот взорвется. Но он только треснул кулаком по открытой ладони и заключил:

— Ладно. Ступая в реку, надо уметь плавать. Если плата будет достаточной, я мог бы сговориться с пиратами на Барахских островах. Они еще помнят Амру, а их галерам не страшны бурные северные воды.

— Плата будет достаточной, — заверил фаллиеца, — но только не пиратам. Отряд надо собрать в Кордаве.

— Почему?

— Потому что навряд ли кто-нибудь из них вернется живым. А у Красных Братьев, насколько я знаю, сейчас крепкий союз, и они непременно отправятся на поиски, если один из кораблей канет на севере.

— Так я что, должен подыскивать смертников? Так не пойдет!

Киммериец никогда не опускался до столь подлого обмана и не собирался делать этого впредь. Его люди всегда знали, на что шли. Они легко могли погибнуть в набегах и стычках, но могли и вернуться с богатой добычей. Вести же за собой даже последних негодяев на верную погибель Конан не согласился бы даже под угрозой смерти.

— Я сказал «навряд ли», а не «навверняка», — голос брегона звучал все так же спокойно. — Не стану скрывать, раньше все наемники погибали, правда, успев изрядно повеселиться перед битвой. Но теперь дело другое: Камень Делений назвал тебя Непобедимым Воином, а это дает твоим людям возможность не только остаться в живых, но и разбогатеть. Небольшая вероятность уцелеть, и огромное богатство в случае победы.

— Я должен верить тебе на слово? — спросил Конан.

— Тебе ничего другого не остается, — отвечал брегон, и его прямого понравилась киммерийцу, который устал от иносказаний и недоговорок. — Вы, гирканцы, мало

полагаетесь на Судьбу, хотя все в ее руках. Вот тот человек у меня за спиной уверен, что сможет ударить меня по голове, хотя и не учитывает всех возможных случайностей.

Конан удивленно глянул за плечо Да Дерга и увидел худосочного зингарца, который, покачиваясь от выпитого и сжимая в руке что-то вроде медного пестика, приближался сзади к брегону, бормоча:

— ...и добьем всяких разных павлинов, которые засыпали Преисподнюю, а теперь лезут даже в наши кварталы!

Он замахнулся, готовясь нанести удар, целя в малиновый берет Да Дерга, на лице которого не дрогнул ни единый мускул. Все произошло так быстро, что даже всегда стремительный варвар не успел ничего предпринять: нападавший вдруг поскользнулся и упал навзничь, сильно ударившись затылком о каменный пол. Его собутельники вскочили из-за соседнего стола и ринулись вперед, раскручивая над головами свинцовые гири.

— Назад! — рявкнул Конан поднимаясь во весь рост и извлекая из ножен короткий гиперборейский меч. — Иначе я заставлю вас слопать собственные кишочки!

Бандиты, спорившие недавно о том, в какие времена жилось лучше, были людьми неглупыми и мигом оценили своего противника. Один из них подхватил павшего сотоварища и поволок прочь от греха. Второй, широкоплечий, но низенький, спрятал свой кистень, ощерил желтые клыки в подобии улыбки и пробасил:

— Ладно, бритунец. Если бы мы встретились с тобой в Преисподней...

— Например, на углу улицы Воды и Сопливого тупика, — предположил Конан, — там, где стояло заведение рыбой Пилиты. Хорошие были у Пилиты девочки.

Широкоплечий зингарец разинул от изумления рот, и стало видно, что кроме двух желтых клыков там имеются еще три зуба.

— Ты... — выдавил он наконец, — ты бывал в Преисподней?!

— Не только бывал, но и дрался с солдатами Рименно, — ответил киммериец, убирая меч в ножны.

Зингарец вдруг растопырил руки и побежал к нему на кривоватых ногах. Добежав, обхватил варвара за талию и уткнулся лицом в его широкую грудь. Когда он поднял лицо, по грязным щекам его текли слезы.

— Друг, — бормотал зингарец, — ты на какой баррикаде дрался, друг?

— На той, которую защищал Конан, — отвечал Конан.

— Ты знал его? — опять изумился бывший боец повстанческой армии Мордерми. — За это надо выпить! Угощай!

Киммериец вопросительно взглянул на Да Дерга. Тот слегка кивнул.

— Заодно сможете поговорит и о деле, — сказал он. — А я пойду посмотрю комнату, которую приготовил нам гостеприимный хозяин.

Близился вечер, когда, опорожнив не одну бутылку кислого вина и договорившись с желтозубым Бандеросом о новой встрече, Конан поднялся на второй этаж в комнату хозяина, и обнаружил ее пустой. На столе лежали два пергаментных свитка, бронзовый перстень и стояла железная штукавина, похожая на весы без чашек.

Киммериец, у которого в голове гудело от выпитого, развернул первый свиток. Это была карта, изображавшая морское побережье от Кордавы до границ Ваннахейма. Вдоль него бежала прерывистая линия, упиравшаяся стрелкой в какую-то точку на севере Пустоши Пиктов. Возле имелся рисунок: трехглавый идол и чертеж капища, обнесенного частоколом. Еще одна прерывистая линия вела на запад и оканчивалась возле острова, носившего название Фалль. Недоумевая, куда мог подеваться брегон, Конан развернул второй пергамент.

Когда он прочел несколько строк, выведенных каллиграфическим почерком на аквилонском языке, хмель мгновенно вылетел у него из головы. Киммериец ринулся вниз по лестнице и бурей налетел на ошеломленного хозяина.

— Где фаллиец?! — рявкнул он так, что с полок попадали кувшины.

— Кто? — испуганно переспросил дрожащий владелец «Приюта толстосума».

— Низкорослик в берете, Нергал его задери!

— Только что прошел на задний двор.

Варвар выскочил за дверь и увидел Место Силы. Два исхлестанных ветром и дождями камня стояли вертикаль-

но, третий лежал между ними. На нем, сведя ладони над головой и прикрыв один глаз, сидел Да Дерг.

— Стой! — заорал Конан. — Ты обманул меня, проклятый чародей!

Ему показалось, что Да Дерг слегка улыбнулся. В тот же миг между камнями пробежало марево, словно нагретый воздух колебался над песком пустыни, и брегон исчез.

Глава 16. ЗАКЛАД

Ты сделала, что я велела? — спросила донна дель Донго.

Чернокожий раб, кланяясь, подал ей прядку светлых волос.

— Молодец, — похвалила Зана, — я не стану вешать тебя за ребра. Тебе дадут только пятьдесят палок. Он ничего не заметил?

— Очень страшная господина, — заговорил чернокожий, — очень бушевала, столы роняла. Гостиница чуть не развалила. Мамба не знает почему. Мамба тихо сидел на ступеньке, войти боялся. Потом господина за грудь хваталась, бледная на лавку упала. Так сидела. Все испугались и убежали. Мамба не испугался. Мамба пошел и отрезал волосы у господина, которая ничего не видела. Совсем больная была. Мамба не знает почему.

— Надеюсь, бритунец не умер? — с тревогой спросила Зана. — Может быть, он заразился от своего графа... Хотя днем этот парень не производил впечатление больного.

— Не умерла господина, — зачистил раб, — встала, вино много-много пила. Хозяину денег обещала за разгром. Потом спрашивала, где вила дель Донго. Мамба умный, Мамба привел господина. В прихожей дожидается.

— Хороший раб, — ласково сказала хозяйка, — считай, что отделался десятью палками. Зови бритунца.

Черное лицо Мамбы просияло, словно ночь сменилась рассветом. Что такое десять ударов для его дубленой кожи? Так, забава для Стино, главного экзекутора Заны. Добрая у него все же госпожа. И справедливая.

Шаркая босыми ногами по вошеному полу, раб выскользнул в смежное помещение, где, оперев огромный кулачище в бок и держа перед глазами кусок тонкого

пергамента, сидел огромный человек с русой бородой и длинными косами.

После внезапного исчезновения Да Дерга, впад в ярость, киммериец, действительно, нанес весьма существенный ущерб харчевне «Приюта толстосума»: большая часть столов и лавок разлетелись в щепы. Хозяин, жалобно подывая, забился под стойку, большинство посетителей вовремя унесли ноги, но один зазевавшийся зингарец все же попался под горячую руку варвара и совершил головокружительный полет из центра зала к полкам, уставленным глиняными горшками и кувшинами. Полки рухнули, посуда разлетелась вдребезги, наполнив харчевню тошнотворными запахами кислого вина и недобродившего самогона.

Хозяин молил всех известных и неизвестных богов только об одном: унять разбушевавшегося великана. Мольбы его, видимо, были услышаны — тот вдруг зашатался, прижал руку к груди и рухнул на уцелевшую лавку, уставившись в потолок широко открытыми голубыми глазами.

Ледяная игла снова пронзила варвара, погрузив его на какое-то время в забытие. Когда Конан поднялся, ноги его дрожали, а по щекам струился холодный пот. Было ли тому причиной исчезновение брегона, рядом с которым киммериец временами ощущал лишь легкий озноб, вызванный ядом, или просто пришло время снова вспомнить о Судьбе? Как бы то ни было, Конану предстояло теперь действовать самому: найти Арэля и доставить его на остров Фалль. И нужно было спешить, если он хотел успеть в пиктское капище к тому моменту, когда Дивитрикс начнет свой обряд, узнать Истинное Имя юного пикта и навсегда избавиться от смертельного жала сихаскуа, таившегося под сердцем. Об этом говорила и невнятная записка Да Дерга, которую Конан сейчас перечитывал.

«Я вынужден просить снисхождения, — писал брегон красивым, изукрашенным завитками почерком. — В силу некоторых обстоятельств я умоляю о том, что покину тебя в Кордаве. Отправляюсь на свой остров, иначе Окно может закрыться. Как я уже говорил, тебе надлежит достать корабль, нанять команду и двигаться на север,

ориентируясь по оставленной мною карте. Следи за указаниями прибора, который найдешь на столе. Стрелка с насечкой всегда показывает на север, а когда побываешь в капище, приведет тебя к острову. Не медли, ибо, если опоздаешь к обряду Посвящения, который произойдет в ночь Открытия Ведыминого Глаза, пропадешь сам и погубишь Фалль. Опасайся: многие захотят задержать тебя. Однако, прежде чем отправиться в путь, дождись знака Джаббал Сага. Без него, как явствует из святающихся рун, все предприятие не имеет смысла. Перстень с жуком носи всегда на пальце, хотя я не имею ни малейшего представления, для чего он. До встречи в Медовом Покое королевы Матген».

Внизу стояла красная печать с изображением странного зверя, похожего на лошадь, но с длинным рогом во лбу.

Поминая Крома, варвар засунул свиток в кошель на поясе, где позванивали две медные монеты — все, что у него осталось.

— Достать корабль, — ворчал киммериец, — собрать наемников! А на какие шиши, хотел бы я знать? И что это за Ведымин Глаз, провалился весь проклятый Фалль в пучину вслед за Атлантидой?!

Чернокожий, который привел его на виллу дель Донго, униженно кланяясь, попросил Конана проследовать в покои хозяйки.

В розоватом дыму курильниц варвар увидел украшенное акантами и метопами просторное ложе с высокой спинкой, под тюлевым пологом, опирающееся на искусно выполненных золотых лебедей. Занавески были раздвинуты, Зана возлежала на атласных подушках в своей полупрозрачной цикле, низко открывавшей грудь. Ее великолепные черные волосы свободно падали на розовые плечи, в ушах поблескивали крупные серьги в виде серебряных полумесяцев с агатовыми блестками. Этой крепко сложенной брюнетке было около тридцати, но, благодаря неустанным заботам служанок, цирюльников, массажистов, банщиков-кастратов, а также заморским благовониям, мазям и притиркам, выглядела она великолепно.

— Садись, бритунец, — указала хозяйка виллы холеной рукой на низенький пуфик напротив своего ложа. — Ты один? А где же твой бледный граф?

— Он уехал, — ответил Конана, опускаясь на сидение, которое прогнулось под его тяжестью так, что он опустился чуть ли не на пол, а его колени, обтянутые потертой кожей штанов, поднялись к самому подбородку. — Выздоровел и уехал. И рассчитаться забыл... Кром, не найдется ли у тебя табуретки покрепче и повыше?

Зана смерила его внимательным взглядом темных глаз и хлопнула в ладоши. Мамба принес трехногий резной стул, на который, удовлетворенно хмыкнув, киммериец и уселся.

— Так ты из Бритунии? — спросила хозяйка. — Ваши женщины красивы, однако, на мой вкус, слишком светлокожи. А мужчины, которых мне до сих пор приходилось видеть, хоть и заплетают косы таким же манером, как ты, но более тонки в кости и низкорослы...

— Мой отец был киммерийцем, — соврал Конан первое, что пришло в голову. — Он бежал от преследований и навсегда поселился в Бритунии. Я там родился и вырос.

— Расскажи мне об этой стране, — попросила Зана. — Бастан, кажется?

— Что ж рассказывать? Бритуния покрыта лесами, и от одной усадьбы до другой бывает по несколько дней пути. Замки там в основном строят из вековых бревен, хотя есть и каменные. Короля выбирают, но власть его не слишком крепка. Вот, пожалуй, и все.

— Ну нет, — со смехом отвечала Зана, — так легко ты не отделаешься! Не каждый день приходится беседовать с живым северянином. Неужели в ваших краях нет диковинок, достойных упоминания?

Конан вспоминал рассказы путешественников, которые записывал Афемида. Сейчас он был благодарен магистру, который тешил в свое время короля чтением удивительных баек долгими зимними вечерами под треск камина. Чутье подсказывало, что с этой женщиной надо держать ухо востро, поэтому Конан начал рассказывать одну из них:

— Есть в Бритунии озеро Мистенсил. На его берегу лежит бревно, с которого местные селянки полощут белье,

а детишки ныряют в воду. Обыкновенное с виду бревно. Только ничего ему не делается: не гниет оно, хотя и наполовину погружено в воду. Прадеды помнят, что оно всегда там лежало. А самое удивительное вот что. Во время весеннего паводка, бревно это уносит в озеро. И все же, когда вода спадает, оно каждый раз возвращается и ложится точно на свое место. Один из местных как-то решил утащить его к себе на двор и положить такую крепкую древесину в сруб колодца. На следующее утро бревно было на месте, а мужчину нашли с перерезанным горлом: то ли разбойники убили, то ли еще кто...

— Может быть, это какая-нибудь ведьма тешится? — спросила Зана.

— Нет там никаких ведьм. Хотя, разное болтают... Только никто это бревно не трогает, хотя и почтения к нему особого не испытывают. Раз молодой князь, приехав за данью, напился и велел зарыть комель в землю. Он прожил в селении достаточно долго, но бревно так и не появилось. Князь гордо удалился. По дороге он погиб в стычке с немедийцами. А дерево вернулось на свое место после первого же паводка. Я сам там был и, стоя на нем, умывался в озере.

— Удивительная история, — молвила Зана, — хотя бывают и пострашнее. Что еще поведаешь, бритунец?

— Да не мастак я рассказывать! — в сердцах воскликнул ее посетитель. — Послушай, сиятельная донна, меня привела к тебе нужда. Я уже говорил, что мой бывший хозяин исчез, не заплатив ни гроша...

— ...и ты явился за наградой, которую я обещала за свое спасение возле ипподрома?

— Да, — буркнул варвар, мысленно еще раз пожелав Да Дергу опуститься на дно морское со всем своим островом. Больше всего Конан не любил чего-нибудь просить. Тем более женщин. Конечно, золото можно было бы раздобыть и менее унижительным способом — обворовать или ограбить кого-нибудь — но у киммерийца была еще одна причина явиться на виллу дель Донго, смилив свою гордость.

— И что бы ты хотел получить? — томно спросила красавица.

Она переложила ногу, и сквозь разрез циклы стала видна верхняя часть соблазнительного бедра. Зана вытянула узкую ступню в сандалии с загнутым носком и пошевелила пальчиками, похожими на белые фасолки.

— Мне нужен корабль, — сказал варвар, не замечая разочарования, которое скользнуло по лицу женщины.

— Корабли! Зачем?

— Хочу попытать счастья в южных морях, — усмехнулся Конан. — Мы могли бы договориться на часть прибыли...

— А знаешь ли ты, мой милый Бастан, — надменно сказала Зана, — что стать зингарским корсаром не так-то просто. Для этого нужно соизволение короля, разрешение сенаторов и война хотя бы с одним государством. А сейчас мир.

— Зингарские законы слишком тяжелы, чтобы плавать с ними по волнам, — парировал киммериец, — это знают на Барахских островах, которые не так уж далеко от Кордавы.

Зана звонко рассмеялась.

— А ты умеешь хорошо сказать, северянин! Я подумаю над твоим предложением. Хотя вложения будут немалыми, а прибыль — сомнительной. Ты, бритунец, наверно никогда не видел ничего шире своего озера Мистенсил и ходил лишь по рекам на ваших убогих ладьях.

Конан только скрипнул зубами. Знала бы эта надменная кофитка, что говорит с самим Амрой, чье имя не так уж давно гремело от пиктского побережья до Черных Королевств!

— Но все это дело будущего, — продолжала донна дель Донго, как бы невзначай проводя пальчиками с перламутровыми ногтями по тонкой ткани циклы и еще больше открывая свои безупречные ноги, — может быть, есть что-то, о чем ты хочешь попросить меня прямо сейчас? В конце концов, я обязана тебе жизнью...

— Там, на площади, ты говорила о своем лекаре. Видишь ли, как-то в лесу я оцарапался о ядовитый куст, и теперь время от времени испытываю легкие недомогания. Быть может, у него найдется подходящее снадобье...

На миг в глазах Заны мелькнула открывшаяся злоба, и она тут же опустила длинные ресницы.

— Ты оказал мне только одну услугу, а просишь и корабль, и лекарство, — проговорила она холодно. — Хорошо, я согласна помочь тебе. Не далее как сегодня мой высокоученый Родагр получил материал, из которого приготовит снадобье, излечивающее даже от слепоты. Что же касается твоей первой просьбы... Может быть, ты предпочтешь наняться ко мне в телохранители?

— Я уже побывал в этой шкуре, — проворчал варвар, — и мне не очень понравилось.

— Тогда побьемся о заклад, это будет веселее, — Зана оживилась, очевидно, ей пришла в голову удачная мысль. — Если выиграешь, получишь корабль и деньги, чтобы нанять команду, нет — будешь служить у меня. Согласен?

— Что я должен сделать? Убить кого-нибудь?

Хозяйка рассмеялась.

— Ох уж эти кровожадные северяне! Нет, милый Бастан, смертоубийство строжайше запрещено нашими гуманными законами. И хотя я, действительно, предлагаю тебе схватку, ни убивать, ни калечить никого не придется. Ты должен будешь просто вытолкнуть моего борца за пределы очерченного на полу круга. Учти, сделать это, несмотря на твою силу, в которой я смогла убедиться сегодня на площади, не так-то просто. Многие пытались одолеть это существо, но всякий раз тщетно.

— Он... человек? — спросил киммериец, вызвав новый приступ смеха донны дель Донго.

— Человек из плоти и крови! Демоническим созданиям, равно как и чернокнижникам, дорога в Зингару заказана с тех пор, как вождь восставших Мордерми одолел некроманта, вызвавшего из морских глубин каменных воинов.

— Ах вот как, — пробормотал киммериец, — это Мордерми, оказывается, победил колдуна... А я слышал, что его убил какой-то варвар.

— Всегда найдутся болтуны, готовые опорочить героев прошлого, — сказала Зана. — Так ты принимаешь мое условие?

— Принимаю.

— Вот и отлично. В гостинном зале уже собирается общество. Я приглашаю тебя отужинать и посмотреть кое-что интересное. Потом тебя отведут и переоденут для

поединка. Надеюсь, ты все же станешь моим телохранителем, бритунец!

— Мне больше по нраву свежий морской ветер, — ответил Конан.

Он поднялся, поклонился кофитке и вышел.

* * *

В гостиной, не уступающей размерами трапезной турнского дворца, но превосходящей ее пышностью убранства, висел гул множества голосов. Воздух наполняли ароматы экзотических блюд и тончайших благовоний, розовый дымок курильниц вился по залу спиралями, смягчая очертания предметов, словно туманом покрывая расписанный синими морскими волнами потолок, по которому, раздувая паруса, мчались корабли в окружении играющих дельфинов и женщин-рыб, змееподобные чудовища вздымались из глубин страшные головы, а на желтых островах белели стенами крепостей и башнями храмов чудесные города.

Зал был вымощен красным мрамором, усыпанным сейчас розовыми лепестками, бассейн в центре под квадратным отверстием в потолке разделял его на две части. По его сторонам, на каменных диванах в виде подковы, примыкающих к двум овальным столам, на разноцветных подушках расположились гости в пышных костюмах. Среди многочисленных украшений дам и кавалеров преобладали драгоценности фиолетовых и красноватых оттенков: гранаты, шпинели, аметисты, редчайшие лиловые топазы... В проемах вдоль стен, скрестив на груди мускулистые руки и широко расставив босые ноги в широких оранжевых шароварах, застыли чернокожие кушитские наемники. По залу бродили пятнистые леопарды и черные пантеры — за ними присматривали дрессировщики в красно-черных облегающих трико. Изящные прислужницы, одетой которым служили лишь набедренные повязки, украшенные бисером, да ожерелья из морских раковин, подносили на столы сверкающую золотой и серебряной инкрустацией посуду с оливками, рыбой, печеными яйцами, устрицами, гребешками, срезанными с живых петухов, павлиньими языками, головами попугаев и мозгами обезьян. Это была уже третья перемена блюд, подаваемая

с винами в чашах весьма непристойной формы. Раскрасневшиеся гости расстегнули пуговицы на камзолах, многочисленные дамы обмахивались веерами из павлиньих перьев, а кое-кто из мужчин уже затащил на колени прислужниц и потчевал их винами из своих кубков и закусками со своих блюд.

Потягивая крепкий хайрес из золотой диатреты, Конан мрачно поглядывал на противоположный край зала. За тем столом, где сидела хозяйка дома, стоял хохот и шум рукоплесканий: некий пиит читал вирши скабрезно-политического содержания, в которых поминался юный король, некая донна Флора и сенатор Бенидио, причем последний — в самой неприглядной роли. Зана переоделась к ужину в зеленое муаровое платье с глубоким декольте, высоко взбила черные волосы и украсила их тонкой нитью жемчуга. Она полулежала на каменном сидении и смеялась, закидывая подбородок. По другую сторону стола сидел ее муж, занятый не столько виршами, сколько своим соседом: он нежно обнимал за плечи неудачника Базиласа, который только что произнес длинную нудную речь, обличавшую «зеленых» во всех смертных грехах, а также в подсыпании песка во втулки его, Базиласа, колесницы.

За столом, где сидел Конан, собрался, как он понял, народ попроще: не богатые, но весьма заносчивые дворянчики, несколько судейских с важными лицами, пара капитанов, надутых и корчащих из себя морских волков, а также актеры и шумные молодые люди, называющие друг друга непонятным словом «литератор». По их разговорам киммериец заключил, что эта публика представляет что-то вроде писцов или каллиграфов.

Один из юнцов жужжал у него над ухом, витиевато рассказывая историю славных подвигов блистательного Мордерми, вождя восставшего народа, двадцать с лишним лет назад скинувшего ненавистную тиранию старого глупого Римагендо. Это было правдой, хотя, конечно, «король воров» возглавлял восстание не один: ему помогали вожди «Белой розы» Аввинти, Сантидио и Карико со своими людьми и бывший наемник зингарской армии, чуть было не поплатившийся жизнью за дуэль с начальником, Конан-киммериец. Однако, помянув добрым словом первого

и назвав предателем третьего из соратников Мордерми, «литератор» ни словом не обмолвился ни о хитроумном доне Эсанди, ни о варваре, ставшем главой новой армии. Очевидно, период зингарской истории, когда Мордерми из вождя восставших превратился в единоличного диктатора страны, используя в своих целях страшных каменных воинов древнего короля, был запретной темой для нынешнего поколения. По словам «литератора» выходило, что Мордерми перед смертью сам передал власть отпрыску королевского рода, мудрому Кантарнадо, который учредил палату сенаторов и парламент — законодательный орган обновленного государства. Кантарнадо вскоре умер, оставив малолетнего сына и дона Бенидио в качестве регента, а год назад юный Элибио получил корону и с тех пор...

— Погоди-ка, — перебил варвар пылкую речь «литератора». — А отчего умер героический Мордерми?

— От жесточайшего приступа головной боли, вызванного сильным переутомлением, — отвечал юнец, — она болезнь именуется по-научному «мигренью».

— А я слышал, что его головная боль была вызвана крепким ударом башки мерзавца о каменные плиты двора, — проворчал Конан, но раздавшаяся в зале громкая музыка заглушила его слова, и сосед не разобрал, что там бормочет бритунец.

Сначала послышался мощный звук фанфар, и в зал вошли низкорослые люди с иссиня-черной кожей, в полосатых тюрбанах, вышитых безрукавках и атласных шароварах. Они несли плетеные корзины, из которых доставали охапки цветов и пригоршнями швыряли их в публику. Удивительные запахи наполнили зал: резкие, дурманящие, зовущие отдалиться буйному веселью и забыть обо всем... Потом раздалась более нежная музыка: звон серебряных струн стигийских тамбурахов, кофийских лир, нежное воркование флейт и трепетное звучание цитр. Появились танцовщицы в развевающихся одеждах. Они закружились по залу, вздымая вихри розовых лепестков, среди сыпавшихся из корзин цветов. Женщины вдруг напомнили Конану виденных когда-то дочерей ледяного великана Имира, несущихся в вихрях снежной метели, зовущих, манящих, влекущих к смерти. И среди душного

зингарского вечера он снова ощутил ледяное дыхание мировой Пустоты...

Поспешно глотнув вина, варвар продолжал смотреть на представление. Танцовщицы исчезли, и в зале появилась процессия существ столь диких, что киммериец не сразу признал в них человеческие создания. Хотя многие были явно людьми, только странных пропорций, размеров и очертаний.

Первыми явились карлики. Самый высокий едва достигал бедра обычного человека. Он вышагивал с важным видом гиганта: между его ног семенила процессия настоящих низкоросликов ростом в локоть. Над головой карлик держал круглый щит, на котором кувыркались и выделяли разные штуки на брусках и канатах два акробата величиной с курицу. Публика аплодировала, многие вскочили на ноги, чтобы получше рассмотреть коротышек.

Зана взобралась на стол, лицо ее покраснелось, глаза блестели. Она хлопала в ладоши, призывая гостей полюбоваться новыми и новыми экспонатами своей коллекции.

По ее знаку в зале появился великан: нелепое существо, словно составленное из сухих деревяшек. Великан вполз в зал на четвереньках, а когда поднялся, уперся головой в расписанный морскими волнами потолок. Так он и стоял, понуро уронив доходившие до колен руки и виновато поглядывая на хохочущих и улюлюкающих гостей выпуклыми зелеными глазами.

Потом шестеро невольников внесли кресло, в котором восседала женщина, чье обтянутое розовым шелком небытное тело напоминало пудинг или медузу, а на подбородке обильно росла рыжеватая борода. Рядом с ней вертелся человек столь худой, что почти исчезал, повернувшись к наблюдателю лицом. Следом повалила толпа жутких уродов: одноглазых, одноногих и, наоборот, обладающих лишними конечностями, горбатых, с раздувшимися, словно желтые шары, головами, безносых и с носами длинными, как хобот слона, корчащих ужасные рожи или с застывшими страшными масками вместо лиц. У одного несчастного было два лица — спереди и сзади, у другого — одна голова, но два тела, еще один шеголял мускулистым торсом и крепкой шеей, на которой сидела головка величиной с грецкий орех. Гости надрывали жи-

воты, швыряли уродам объедки, за которые те вступали в драку с показательной, дабы потешить публику, яростью.

Снова раздались фанфары, и, перекрывая общий шум, хозяйка потребовала тишины.

— Почтеннейшая публика, — возгласила Зана голосом ярмарочного зазывалы, — многие из вас уже видели моих красавцев и сумели по достоинству оценить их привлекательность и обаяние...

Хохот гостей заглушил ее слова, и донна дель Донго властно подняла руку, заставив всех замолчать.

— Позвольте теперь познакомить вас с моими последними приобретениями, — воскликнула она. — Смею надеяться, они произведут впечатление!

Снова раздалась нежная музыка, и в залу вошел человек с растерянным лицом, одетый в простой костюм горожанина. С виду ничего необычного в нем не было, если не считать большого горба и длинных костистых пальцев, похожих на когти птицы.

— Это господин Эвраст, немедиец, — представила его Зана. — Он явился к нам в надежде избавиться от своего... э-э... недуга. Я же уговорила его пожить некоторое время у меня. Господин Эвраст, прошу.

Немедиец неуверенно затоптался, просяще глядя на хозяйку дома бесцветными глазками под светлыми кустистыми бровями.

— Здесь все свои, господин Эвраст, — строго сказала Зана.

Горбун тяжело вздохнул и принялся стягивать шерстяную куртку. Когда он снял нижнюю тунуку, гости ахнули: за спиной немедийца раскрылись два перепончатых крыла, словно у гигантской летучей мыши. Раздался истерический вопль, и Конан увидел, как хозяин дома в ужасе вскочил на ноги, намереваясь бежать.

— Спокойно! — презрительно бросила мужу донна дель Донго. — Это человек, а не демон: Родагр его осматривал. Законов мы не нарушаем. Господин Эвраст родился нормальным, но, как он говорит, несколько лет назад отравился грибами, с тех пор у него стал расти горб. А три месяца назад горб лопнул, и явились крылья. Удивительный случай: Ученый Совет Кордавы решил под-

робно с ним ознакомиться. Господин Эвраст, покажите, что вы умеете.

Немедиец еще раз вздохнул и побежал, сильно наклонясь вперед; крылья за его спиной судорожно подергивались. Потом они сделали несколько сильных взмахов, подняв вихрь розовых лепестков, Эвраст подпрыгнул, пролетел несколько ярдов и с плеском рухнул в бассейн, вызвав новый взрыв смеха почтеннейшей публики.

— Человек не птица! — прокричал Базилас, очень довольный, что не только он потерпел сегодня фиаско.

Невольники помогли немедийцу выбраться из бассейна и увели его из зала.

— А сейчас я покажу вам чудесную статую! — возгласила донна дель Донго. И, обращаясь к мужу, добавила: — Когда она оживет, не вопи и не прячься под стол.

В этот момент кто-то робко кашлянул над ухом Конана и, обернувшись, варвар увидел кланяющегося Мамбу.

— Пора, господина, — прошептал раб, — готовиться надо.

Киммериец выбрался из-за стола и последовал за чернокожим в смежную комнату, отделенную от зала тяжелым гобеленом. Мамба жестами показал, что Конану нужно снять одежду. Когда тот остался в одной набедренной повязке, раб что-то прокричал, и из-за занавески появились три темнокожие девушки с чашами из сандалового дерева в руках. Конана уложили на обитый кожей топчан и тщательно намазали едко пахнущим маслом. Руки девушек нежно оглаживали его тело, и если бы не резкий запах, киммериец согласился бы остаться в этой комнате и подольше.

Поднявшись, он сделал несколько резких движений, разминая мускулы, и чуть было не упал, поскользнувшись на вощеном полу: девицы добросовестно намазали даже подошвы ног. Все могучее тело киммерийца было сейчас подобно только что выуженной рыбе, готовой выскользнуть из рук неосторожного рыболова. Прислужницы не тронули лишь места, скрытые набедренной повязкой, о чем, признаться, Конан слегка пожалел.

— Моего противника тоже намажут? — спросил он у раба.

— Намажут, намажут, — охотно закивал Мамба, — великий Цукава три по пять девушка мажут, очень большой, очень... Очень великий Цукава, никто его не победил. Это плохо, люди не хотят ставка делать.

— А велики ли ставки? — поинтересовался Конан.

— Кто проигрывала, все у нас живут, госпоже служат, народ тешат. Пора, господина, гонга, однако.

Из-за gobелена действительно долетел удар гонга. Тяжелая завеса поползла вверх, и Конан, шагнув вперед, оказался под пристальными взорами сотен любопытных глаз.

На подковообразные спинки каменных диванов уложили дощатые настилы, скрывшие под собой столы. Зрители сидели сверху на этих импровизированных помостах, на длинных деревянных скамьях. Многие продолжали выпивать и закусывать, уместив блюда с едой на коленях. Между одной из стен и бассейном, на полу, очищенном от розовых лепестков, был вычерчен белый круг шагов двадцать в диаметре. Возле него топтались двое коротышек в желтых тогах, подпоясанных черными поясами, с дудками, висевшими на волосяных шнурках, — судьи.

Хозяйка дома восседала на одном из помостов в высоком кресле под фиолетовым балдахином. Когда киммериец появился в зале, она поднесла к губам жестяную воронку, и ее голос, усиленный этим приспособлением, гулко разлетелся по залу.

— Прошу любить и жаловать: Бастан из Бритунии! Поприветствуем бесстрашного бойца, бросившего вызов непобедимому Цукаве!

Кто-то зааплодировал, раздались насмешливые выкрики, свист и улюлюканье.

— А теперь поприветствуем непобедимого Цукаву!

На этот раз гости восторженно завопили, многие вскочили на ноги, из рук дам полетели букетики цветов.

Gобелен в противоположном конце зала поднялся, и из темного проема выступил... Поначалу Конану показалось, что к нему движется огромный желтоватый валун. Потом он решил, что это сгустившееся облако причудливой формы. И только когда Цукава приблизился, киммериец смог понять, что ему предстоит биться с амазонским бегемотом, по какой-то причудливой игре природы

обладающим человеческими ногами, руками и глубоко утонувшей в складках жира головой с низким лбом, узкими глазками и маленьким улыбающимся ротиком. Если этих признаков было достаточно, чтобы назвать существо человеком, Зана его не обманула.

Ростом Цукава на две головы превосходил киммерийца, а чтобы охватить его в том месте, где у многих находится талия, понадобилось бы, как выразился Мамба, три по пять длинноруких слуганок. Набедренная повязка, охватывающая чресла толстяка, могла бы запросто служить скатертью стола, за которым еще недавно пировала донна дель Донго со своими гостями.

Один из судей сделал приглашающий жест, и противники подошли к очерченному кругу. Цукава поклонился: складки его тела напоминали огромные мешки с зерном или океанские волны во время жестокой бури. Когда склонилась его голова, виден стал пучок жидких волос, собранных на затылке.

Конан тоже поклонился, прикидывая, сколь мощные мускулы могут скрываться под многочисленными жировыми складками. Даже если их там и вовсе не было, вытолкнуть Цукаву за круг представлялось не проще, чем вендийского слона.

— Итак, — возгласила Зана, — бритунец, именующий себя Бастаном, и камбует, известный публике под именем Цукава, намерены вступить в поединок и померяться силами согласно заведенным правилам. Напоминаю: запрещаются удары в голову и причинное место противника, хватание за волосы и набедренный пояс, а также непристойные жесты и устные оскорбления. Победителем признается тот, кто заставит соперника коснуться пятками пола за пределами круга. Начинайте!

Камбует ступил за черту, Конан последовал его примеру. Он решил действовать быстро: сильно оттолкнувшись, прыгнул в сторону противника и ударил его пяткой в солнечное сплетение. С таким же успехом он мог бы ударить в спину кита. Цукава даже не покачнулся, а Конан, отброшенный неожиданно упругой преградой, отлетел назад и повалился на спину, услышав разочарованное «у-у-у!» зрителей. Повернув голову, он обнаружил, что по пояс выпал за белую черту. Над ним стояли судьи.

Один из них наклонился к уху варвара и шепнул: «Продержись хотя бы два шара, получишь награду...»

Конан понятия не имел, что такое «два шара», и его вовсе не прельщало остаться на службе у заносчивой кофитки, какая бы награда не светила в этом случае. Он яростно рыкнул и вскочил на ноги. Цукава улыбался и помахивал короткой рукой охватом с пивную бочку: приветствовал своих поклонников. Камбуец, полностью уверенный в победе, словно и не замечал противника.

Конан решил действовать осмотрительней. Из своей неудачной атаки он заключил, что Цукава вовсе не столь мягкотел, как кажется с виду: под складками жира таилась плоть, упругая, словно ствол дерева пина. Однако, чего нельзя было заподозрить в этом бойце, так это проворства.

Вскоре Конан смог убедиться в своей догадке. Он сделал несколько стремительных прыжков по площадке, то приближаясь к противнику, то отдаляясь от него. Несколько раз он несильно толкнул Цукаву в плечо, бедро и живот. Камбуец, действительно, был неповоротлив и не успевал оборачиваться лицом к сопернику. Конан быстро оказался у него за спиной и изо всех сил ударил пяткой под коленку гиганта. Нога Цукавы подломилась, и он упал на колено, получив новый удар, на этот раз в спину. Очевидно коленопреклоненная поза была непривычна камбуйцу, он качнулся вперед и, чтобы удержаться, уперся об пол руками, отчего окончательно стал похож на бегемота.

Конан мигом оказался на спине толстяка, оседлав его с ловкостью амазонского охотника. Он уже поднял кулак, готовясь треснуть противника по затылку, как чернокожие глушат дубинами добычу, но тут судьи задудели в свои дудки, а Зана прокричала в рупор: «Запрещено бить по голове!»

Воспользовавшись замешательством, Цукава поднялся на ноги, и киммериец не удержался на его скользкой, намазанной маслом спине. Он съехал с нее, словно с ледяной горки, подобной тем, что устраивают в Асгарде или Гипербореи в дни зимних праздников. И тут же получил коварный толчок, которого не ожидал: камбуец резко выгнулся, и его обтянутые белой материей ягодицы ударили варвара под дых с силой осадного тарана. Конан

почувствовал, как перехватило дыхание, постарался удержаться на ногах, но вымазанные маслом подошвы заскользили по плитам пола, и он упал на бок, крепко ударившись виском о красный мрамор.

На несколько мгновений он лишился чувств, а когда пришел в себя, увидел нависшую над ним тупшу Цукавы. Тот поднял ногу, словно собираясь раздавить противника, и Конан заметил, что на подошве камбуйца растут жесткие черные волосы. Уперевшись пяткой в бедро киммерийца, гигант начал выталкивать его скользящее словно по льду тело за пределы круга. Публика подбадривала вялыми криками: очевидно, зингарцы ничего другого, кроме победы камбуйца, и не ожидали.

Конан отчаянно пытался удержаться, но пальцы его превратились в скользких змей, а сам он — в беспомощную ящерицу, покрытую отвратительной слизью. Так ему, во всяком случае, казалось. За пределами круга уже оказались плечи и грудь, потом живот, бедра, колени...

И тут ударил гонг.

Цукава сразу же убрал ногу и в раскачку пошел к центру круга, подняв в приветствии руки. К его ногам упало несколько букетиков.

— Первый шар! — возгласил один из судей. — Соперники удаляются для отдыха!

Только оказавшись в комнате с кожаным топчаном, Конан понял, что истекло время первой части схватки, и удар гонга спас его от неминуемого поражения.

— Сколько всего этих... «шаров»? — спросил он у Мамбы, обмахивающего его куском полотна.

— Не знаю, господина, — отвечал раб, — самое большее, что Мамба видел — пять шаров, шесть — уже Цукава победил.

Снова прозвучал гонг, и Конан, поминая Нергала и все закоулки Серых Равнин, вернулся в круг. Цукава опять раскланялся, все так же улыбаясь.

— Да пошел ты... — пробурчал киммериец и тут же услышал жестяной голос Заны: «Осторожнее, Бастан, оскорбления противника запрещены!»

Пришлось варвару поклониться, хотя с большим удовольствием он раскрыл бы камбуйцу череп. Подавляя гнев, Конан отчаянно искал выход из положения. Впервые,

вступив в драку, он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Не было привычного оружия, он не мог ударить противника в самые уязвимые места, не мог распалить его оскорблениями, чтобы, ослепив яростью и заставив броситься вперед, увернуться и позволить сопернику вылететь из круга... Вытолкнуть же тушу Цукавы представлялось задачей безнадежной, тем более, что волосы на подошвах камбуйца надежно предохраняли его ноги от опасного скольжения по мраморным плитам. Стоило же Конану упасть, и Цукава опять сможет катить его к роковой черте, словно сани по снежному насту...

Гигант топтался посреди круга, а киммериец кружил возле, не осмеливаясь сходить вплотную с опасным противником. И все же он упустил момент: Цукава вдруг сделал резкое движение и толкнул Конана в плечо. Очевидно его неповоротливость во многом была напускной. От этого толчка варвар крутанулся на пятках, и, продолжая вращаться, словно юла, покатился к роковой черте. Только упав на живот и обломав ногти о мраморные плиты, он сумел замедлить роковое скольжение возле самой окружности.

Вскочив и заревев от бессильной ярости, Конан бросился к улыбающемуся камбуйцу, нырнул ему под руку и охватил противника за колени. Ему не удалось сомкнуть пальцы — ноги Цукаты были толсты, словно кобли мощных деревьев, но отчаянным усилием Конан смог оторвать камбуйца от пола и сделать шаг к белой черте. Изумленные крики раздались с помостов: никто не ожидал, что найдется человек, способный приподнять гиганта.

В глазах варвара потемнело, мышцы его готовы были вот-вот лопнуть, грудь сдавил огненный обруч... И все же Конан сделал еще шаг и еще...

Его усилия оказались напрасны. Мощный удар обрушился на спину киммерийца, бросив его на красный мрамор: Цукава согнутыми локтями ударил его сверху между лопаток. Зрители разразились торжествующими воплями: как ни надоели гостям Заны постоянные победы камбуйца, все же его поражение многие восприняли бы как личное оскорбление. А ведь этот бритунец был в нескольких шагах от победы!

Цукава не торопился поставить ногу на спину поверженного противника, чтобы вытолкать его за черту. Конан

не видел, чем занят камбуец, но подозревал, что тот по своему обыкновению приветствует публику, помахивая ладонями, каждая из которых была величиной с тележное колесо. Голова варвара лежала на сгибе его локтя и, когда из глаз исчезла красная пелена, он заметил, что крышечка оставленного Да Дергом перстня открылась, а оживший жучек шевелит лапками. Короед выбрался из перстня, спустился по пальцу человека на пол и быстро побежал вдоль стыка плит, словно вдоль русла застывшей реки. «Давай, — подумал Конан, — уноси ноги, жук, я не хочу, чтобы ты видел позор своего хозяина...»

Его тело снова заскользило по полу: Цукава, наконец, решил окончить поединок. Плиты были слишком гладкими, а стыки между ними чересчур плотными, чтобы надеяться зацепиться и затормозить роковое скольжение. Отчаянным усилием Конан вывернулся из-под ноги гиганта и перекатился на спину. Цукава больше не улыбался, его поросшая черной шерстью пятка целила в грудь киммерийца...

И вдруг камбуец отпрянул. На его лице отразилось несказанное удивление, потом маленький ротик расплылся в безумной усмешке и все услышали тоненький, повизгивающий смех! Цукава запустил руку под набедренную повязку и принялся отчаянно чесаться. Второй рукой он скреб у себя под мышкой. Он поджал левую ногу и похожими на недозревшие помидоры пальцами яростно тер огромную свою голень. Впечатление было такое, словно камбуйца внезапно одолел целый сонм невест откуда взявшихся блох...

Конан не стал размышлять о причинах столь странного явления. Вскочив, он плечом изо всех сил ударил в необъятный живот Цукавы. Гигант качнулся на одной ноге и сделал шаг назад. И тут же поджал правую ногу, продолжая хихикать и чесаться. Новый толчок заставил его отступить еще, миг — и Цукава оказался у роковой черты... Он даже не пытался сопротивляться, настолько одолела его непонятная чесотка.

Памятуя о своем недавнем унижении, Конан нанес эффектный заключительный удар, в точности повторив свою первую атаку. На этот раз стоявший с поджатой

ногой камбуец не удержался, попятился и с ужасным плеском рухнул в бассейн, выплеснув на пол зала добрую половину его содержимого.

Лишь несколько одобрительных возгласов раздалось с помостов. Судьи в растерянности застыли, поднеся дудки к губам, но не осмеливаясь дать сигнал к окончанию поединка. И тут раздался голос Заны:

— Что ж, бритунец, ты победил и заслужил награду. Думаю, ты останешься доволен щедростью хозяйки виллы дель Донго.

Глава 17. РАБСКИЙ ОШЕЙНИК

И все же твои правила — жульнические, — сказал Конан.

Он сидел в опочивальне Заны на резном табурете, и лекарь Родагр выстукивал, осматривал и даже вынюхивал его со всех сторон. На Конане по-прежнему была лишь набедренная повязка, хотя резко пахнущее масло уже смыла вода купели, в которой варвар омылся после поединка с Цукавой.

— Почему же? — лениво спросила хозяйка виллы, возлежащая среди многочисленных подушек на своем широком ложе.

— Я победил этого бегемота, когда взобрался к нему на спину. Один крепкий удар по затылку — и его можно было бы свежевать.

— Фу, — поморщилась Зана, — ты настоящий варвар, милый мой! Это всего лишь соревнования, которые ведутся по правилам.

— Тогда правила должны быть честными. Твои девки натерли мне пятки маслом, превратив их в подобие коньков, на которых у нас катаются зимой по льду замерзших озер. А у камбуйца подошвы заросли шерстью. По-твоему, это справедливо?

— Ты не поверишь, камбуйские борцы вживляют в кожу ступней волоски горной обезьяны, — рассмеялась Зана. — Операция болезненная, но приносит неоспоримое преимущество. Кстати, насчет честности. Никому из соперников не возбраняется проделать то же самое.

На этот раз улыбнулся Конан.

— Ты столь же хитроумна, как Пресветлый Обиус. Из тебя бы вышел неплохой политик.

— Я и есть политик. Ты слышал о партии «фиолетовых»? Я имею честь быть лидером последователей Авван-ти. И вот что еще. Если уж говорить о поединках по всем правилам — думаю, чесотка напала на великолепного Цукаву отнюдь неспроста.

Киммериец невольно коснулся медного перстня. После схватки он заметил, что крышечка встала на место, а, заглянув внутрь, обнаружил короеда, снова впавшего в спячку. То ли жучок вернулся, то ли еще что...

— Никому не возбраняется почаще мыться в бане, — сказал Конан.

Зана снова расхохоталась. Эта женщина умела ценить шутку.

— А кто такой Обиус? — спросила она.

Конан понял, что сболтнул лишнее, и еще раз дал себе слово быть осторожнее в разговорах с донной дель Донго.

— Это — жрец нашей деревни, — нашелся он, — а о «политиках» я слыхивал от заезжих торговцев из больших городов.

Зана помолчала, опустив длинные ресницы.

— Я думала, что жрецы диких племен умеют излечивать травами и кореньями. Этот Обиус хотя бы сказал тебе название куста, о который ты оцарапался?

Конан раздумывал не слишком долго. Про себя он уже решил, что назовет Зане и ее лекарю растение, из сока которого карлик изготовил свой яд. Возможно, Родагр, о котором он слышал еще двадцать лет назад как об искусном лекаре и тайном чернокнижнике, услугами которого негласно пользовался сам король Риманендо и некоторые придворные, сможет помочь. И тогда — прощай навсегда лукавый брегон, прощай безумный Арель и неведомый остров Фалль! У Конана не было ни малейшего желания участвовать в чужих интригах, он обелся своими за годы царствования в Аквилонии. Если Родагр излечит его от яда, он двинется на север, дождется кануна Аскольда Мечника неподалеку от Турна, а там... В мире не может существовать двух Конанов, один должен исчезнуть. И киммериец надеялся, что это будет тот, кто сейчас вто-

рично проживает его судьбу, охотясь и пируя в Озерном Крае.

— Этот куст назывался сикасхуа, — сказал он.

Родагр, слушавший дыхание варвара через костяную трубочку, отшатнулся и уставился на своего подопечного с нескрываемым изумлением.

— Название тебе, кажется, знакомо? — спросила Зана лекаря.

— Да, госпожа. Я читал об этом растении. Но оно не встречается в Бритунии. Сикасхуа вообще неизвестно на гирканском материке — ни в странах Запада, ни на Востоке. В одном древнем манускрипте сказано, что сей кустарник, имеющий прозрачные мясистые ягоды, произрастает только на далеком континенте Му, и яд его столь силен, что от него нет спасения.

Зана нахмурилась.

— Что скажешь, бритунец?

Конан махнул рукой.

— Ладно! Мы, северяне, не любим посвящать чужих в подробности своих дел, но раз уж Родагру известно это растение, я скажу. В наши края явился однажды карлик, из тех что шляют по земле в поисках собственной гибели. Он хотел выполнить какой-то обет и убить нашего жреца Обиуса отравленным ножом. В последний момент я заслонил Пресветлого. Потом карлик стал молить о смерти. Я исполнил его просьбу, признаюсь, не без удовольствия.

— Похоже на правду, — заметил лекарь, — я слышал о карликах-самоубийцах. Некоторые утверждают, что они из проклятого племени, живущего в землях Му. Непонятно мне лишь одно. Яд убивает за семь дней. Ты не мог добраться сюда из Бритунии за столь короткий срок.

— Ты прав, — отвечал Конан, — но наш жрец совершил надо мной тайный обряд, что ослабило действие яда, хотя и не устранило его полностью. Он же посоветовал мне отправиться в Кордаву и поискать знаменитого Родагра. Я нанялся в телохранители к аквилонскому вельможе, чтобы иметь возможность бесплатно добраться до Зингары. Я достиг цели. Сможешь ли ты помочь мне, лекарь?

Родагр вопросительно взглянул на хозяйку. Та величественно кивнула головой и произнесла:

— Я сдержу слово, Бастан, и награжу тебя. За то, что ты спас меня возле ипподрома, мой лекарь даст тебе универсальное противоядие. Однако принимать его нужно небольшими дозами довольно долго. Это время тебе придется пожить у нас. Думаю, в благодарность за кров и пищу ты согласишься послужить: мне нужен телохранитель, а в твоей силе и ловкости я могла сегодня убедиться дважды. Когда поправишься, получишь корабль и деньги, чтобы нанять команду.

Конан решил умолчать о том, что в случае выздоровления ни корабль, ни шайка головорезов ему не понадобятся. Он лишь кивнул, давая понять, что согласен на условия Заны.

Родагр удалился и вскоре вернулся, бережно неся хрустальную склянку, наполненную переливающейся всеми цветами радуги жидкостью. Конан принял из его рук этот сосуд и осторожно понюхал. Пахло морем, солью, горячим прибрежным песком... Он словно услышал плеск волн за кормой, крики чаек, звуки боцманской дудки... Эти запахи и звуки манили в океанский простор, навстречу свежему ветру и новым приключениям. Конан собрался уже сделать глоток, как вдруг ощутил еще один едва заметный терпкий аромат — словно влажные джунгли дурманили голову неведомыми испарениями...

— Пей! — услышал он голос женщины. — В этом зелье твое единственное спасение!

Словно прыгая с высокой скалы, Конан решительно осушил склянку. Жидкость напоминала слабый муст, немного терпкий, но приятный. Теплая волна растекалась по уставшему телу, мускулы расслабились, и Конан откинулся на спинку стола. Его грудь высоко вздымалась, дыхание было ровным и глубоким, словно у спящего, хотя киммериец бодрствовал, наблюдая за лекарем и хозяйкой виллы.

Родагр, еще недавно казавшийся неприятным и вызывавший в душе варвара, как и всякий чернокнижник, подозрения, превратился в почтенного мудрого старца, готового бескорыстно служить своему подопечному. «Не то что какой-нибудь лживый фаллиец, — лениво размыш-

лял Конан, — это настоящий ученый... как Афемид, пожертвовавший жизнью... мой бедный преданный магистр...» Он и не вспомнил, что, благодаря магии Да Дерга, перенесся в прошлое, и сейчас живой и здоровый Афемид всюду трудится на благо славного Турна. Мысли плыли тяжело и вяло, словно дождевые облака под слабым ветром.

Комнату все более наполнял красноватый полумрак, хотя курильницы не дымили, а многочисленные светильники горели в полную силу. Шелест ткани привлек внимание варвара, и он глянул в сторону ложа. Он увидел сказочный грот, в таинственной полутьме которого возлежала самая прекрасная и соблазнительная женщина из всех, которых он когда-нибудь встречал. Лучезарными звездами блестели ее драгоценности, полупрозрачная одежда не скрывала манящих прелестей, высоко открытые стройные ноги дразнили воображение.

Конан встал и медленно, словно во сне, двинулся к ложу. Лекарь куда-то исчез, светильники погасли, остались гореть лишь три небольшие лампы. Зеленые глаза женщины блестели в полумраке, они манили, притягивали, готовились поглотить...

Когда Конан приблизился, Зана томно потянулась и опытным жестом развязала узел на его набедренном поясе.

— Ты прекрасен, — страстно прошептала она, касаясь губами его обнаженного бедра, — ты просто создан для жарких поединков под овацией переполненного стадиона! Или под стоны изнемогающей от любви женщины... Иди ко мне!

Она словно заглянула ему в душу. Смертельная схватка переполняла его обжигающим чувством и, одолевая врага, он часто испытывал упоение экстаза, который способен подарить мужчине лишь опытная любовница. Движения, жесты, запах духов кофитки наносили неотразимые удары, словно его многочисленные поверженные противники слились сейчас в этой женщине, чтобы взять реванш.

Склонившись над постелью, киммериец стремительным движением сорвал полупрозрачную циклу Заны. Тонкая ткань легко разорвалась и опустилась на пол клочьями лилового тумана. Сделав гибкое движение корпусом, Ко-

нан скользнул по ее телу, коснувшись темно-алых сосков упругих грудей. Он положил ладони на бедра женщины, услышал томный стон и почувствовал, как изогнулся ее стан в сладостном предвкушении любовной битвы.

Губы Конана дрогнули в улыбке, а потом запечатались на ее губах, распахнувшихся навстречу, страстный поцелуй. Его язык проскользнул внутрь, нанося дразнящие уколы, словно он орудовал шпагой, распаяя противника и вынуждая его к неосторожному движению. Ему понадобились считанные мгновения, чтобы подчинить ее тело и волю, готовые отдаться на милость победителя. Он наслаждался этой властью, испытывая остро-сладостные ощущения, словно дразнил на арене цирка коварного и безумно опасного зверя. Только смертельному врагу он готовил бы гибель, а этой женщине был готов отдать свою любовь...

Прикосновения его губ, сравнимые с жаркими языками пламени, зажигали кофитку, словно пожар сухой вереск, а ласки сильных пальцев подливали масла в огонь. Она готова была сгореть заживо, сгореть мгновенно и ждала этого с такой силой, как будто никогда раньше не была с мужчиной. Удивительно: опытная и расчетливая, донна дель Донго привыкла к совсем иным любовным играм, но этот северянин покорила ее неожиданной мощью, взял приступом, как воители берут на копье город... Ничего, она еще отыграется и возьмет свое, а сейчас... Иштар Всемиловитая, но что же он медлит? Она застонала, поняв, что получит облегчение лишь в последний момент своего изнеможения и, не в силах справиться со своими чувствами, бросилась в это бушующее пламя.

Когда Зана прижалась к нему с такой страстью, будто хотела раствориться в нем, Конан не стал уклоняться. Обвив руками ее талию, он отпустил губы женщины и стал целовать ее шею, плечи, грудь... Теперь уже все ее тело сгорало в яростном пожаре всепоглощающего огня. Она тяжело дышала, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная из воды. Она вздрогнула и изогнулась, когда воин, овладевший ею, нанес новый удар — в ее тело. Северянин не позволил ей даже сделать попытку уклониться от сладкой пытки: он был ее властелином, ее поработителем, ее палачом... Зана стонала и металась,

прижатая к постели мощным телом варвара, который, казалось, готовился разорвать ее плоть.

Их страсть была подобна урагану, сметающему все на своем пути, или мощному гейзеру, вырывающемуся из земных недр. Словно измученные долгой жаждой, они пили друг друга и никак не могли напиться. И понимали, что выпей они все ливни, обрушивающиеся на раскаленные хребты Рабирийских гор, все равно не смогут утолить жажду.

— О-о-о-о! — простонала женщина, — еще... нет-нет, я этого не переживу!

— Я хочу, чтобы ты чувствовала то же, что боец в смертельной схватке, — хрипло прошептал он, — стань мною, ощути это!

Киммериец никак не мог утолить свой голод. Его тоже охватило желание броситься в огонь и сгореть заживо. Он превратился в собственного противника, отчаянно сопротивляющегося, обреченно отбивающего удары, но готового уже погибнуть... А Зана, словно погружаясь в темную глубину его глаз, становилась безжалостным победителем, выжидающим рокового мгновения. Слившись в бешеном вихре страсти, они снова расходились, поменявшись ролями.

И когда свершилось это превращение, оба они разрядили бешеный напор, содрогнувшись в последней агонии. Пришел миг, и время остановилось. Вместо победного крика из груди Конана вырвался лишь слабый стон, он перевернулся на спину и застыл на постели, словно сраженный на поле боя воин.

Долго ли он был в забытии, Конан не знал. Подняв отяжелевшие веки, он впервые заметил напротив ложа над дверью каменный выступ и странное изваяние на нем, освещенное тремя небольшими светильниками. Это была бронзовая девушка. Она лежала на животе, выгнувшись и закинув за плечи ноги, так что ее лицо находилось между маленьких узких ступней. В раскинутых руках она держала две лампы с горящим маслом, а белоснежные зубы крепко сжимали длинную ручку третьего светильника, похожего на серебряную ложку. Отсвет неяркого пламени трепетал в ее зрачках, глаза казались живыми и наполненными болью.

— Ты великолепен, северянин, — прошептала Зана и нежно дотронулась до его щеки. Странно, но это прикосновение не было приятным.

— Она смотрит на нас, — хрипло сказал киммериец, отстраняя ее руку и указывая на статую.

— Ты заметил? — В голосе кофитки зазвучали гневные нотки. — Дрянь! Так я ее проучу...

Она вскочила с ложа и, не прикрывая наготы, подошла к стене, на которой висела длинная плеть с костяной ручкой. Сорвав ее, Зана подбежала к каменному выступу и хлестнула по спине девушки, еще и еще...

— Ты сошла с ума! — удивленно воскликнул киммериец, приподнявшись на локте и наблюдая за странными действиями хозяйки. — С каких это пор наказывают плетью бронзовые изваяния?

— Но ты сам сказал, что она подсматривает, — отвечала Зана, продолжая поднимать и опускать плеть. — В этом доме мне подвластны все, даже безмозглые статуи!

Ее волосы растрепались, в глазах зажглись странные зловещие огоньки, и Конан никак не мог поверить, что только что эта женщина вызывала в нем бурю страстных чувств и казалась воистину прекрасной. Он вскочил с постели и перехватил руку донны дель Донго.

— Перестань, ей больно!

Он сам поразился своим словам, но тут же нашел им объяснение: зрачки девушки, которую он поначалу принял за бездушный кусок металла, расширились, глаза увлажнились. Казалось из них вот-вот хлынут слезы.

— Она не чувствует боли, хоть и живая, — недовольно сказала Зана, — и отпусти мою руку, варвар!

Конан приблизился к каменной полке и заметил едва видные багровые полосы на спине девушки, которые стремительно светлели и исчезали. Ее прекрасные, широко распахнутые глаза, казалось, молили о пощаде.

— Ей больно! — решительно повторил киммериец.

— Так ты мне не веришь? — насмешливо воскликнула хозяйка виллы. — Смотри!

Она взяла со столика длинную костяную булавку и вонзила ее в плечо девушки. Острие вошло в тело на пядь, но ни один мускул не дрогнул на лице рабыни, только зрачки стали еще больше. Зана извлекла булавку —

ни капли крови не выступило из ранки, которая быстро затянулась, не оставив на бархатистой коже ни малейшего следа.

— Ее можно бить, колоть, поджаривать на медленном огне — она не будет кричать и молить о пощаде, — довольно произнесла Зана. — Она способна часами избражать статую, глотать иголки и жидкий огонь, ходить по стеклу и горящим углям, а также пролезать в такие узкие отверстия, куда не протиснется и ребенок. Достойный экспонат моей коллекции уродов!

— Уродов?! — сердито перебил Конан. — Даже не облагодайте она столь удивительными способностями, любой ценитель женской красоты даст за нее немалые деньги.

— Ах вот как! — глаза Заны яростно сверкнули. — С каких это пор северянам стали нравиться чернокожие замарашки? Уж не собирается ли доблестный Бастан выкупить рабыню? Впрочем, ты прав, эта девчонка может украсить любой самый изысканный интерьер. В качестве светильника или вешалки для шляп. Правда, глаза ее выдадут, надо с ними что-то делать. Может быть, вставить стеклянные?

Несчастливая рабыня вздрогнула так, что затрепетало пламя лампад, а ее мучительница весело расхохоталась.

— Это шутка, деточка, всего лишь шутка! Сейчас ступай прочь. Ты плохо справилась с моим поручением. Отправляйся к Стино, скажи ему... Ну, ты сама знаешь что.

Девушка покорно прыгнула с каменной полки, оставив на ней светильники, и удалилась, высоко подняв худенькие плечи.

— Беда с этим народом, — проворчала Зана, — ничего, кроме плетки, не понимают. Кстати, милый мой бритунец, тебе пора принимать лекарство.

Она кивнула на большие песочные часы, стоявшие на столике возле кровати, и хлопнула в ладоши. Сейчас же появился Родагр со своей склянкой и протянул ее Конану.

Киммериец медлил. Почему он должен слепо доверять этой женщине? Откуда ему известно, что радужная жидкость — противоядие, а не приворотное зелье, на которое очень похоже своим действием? Впрочем, у него нет выхода, надо попробовать пить лекарство некоторое время

и посмотреть, станут ли возвращаться приступы смертельного холода. Против же любовных напитков Конан особо не возражал: многие аквилонские дамы испробовали на нем всевозможные смеси, добиваясь в лучшем случае кратковременной вспышки страсти. Ни корни путомола, ни сушеные жабры акулы, ни толченые коготки кролика, убитого горбуном в полнолуние на кладбище стрелой с серебряным наконечником, ни даже кровь регул, подмешанная в вино, не помогли приворожить сердце короля ни одной из соискательниц. Что ж, он не прочь потешиться с привлекательной хозяйкой виллы дель Донго, а если ее питье окажется всего лишь средством, разогревающим кровь, он в ближайшее время покинет Кордаву и отправится в земли пиктов на поиски заброшенного капища.

Конан одним глотком выпил радужную жидкость. Мир изменился, наполнившись тишиной и покоем, все заботы отступили куда-то в даль, и странным уже казалось, что он всерьез собирался куда-то плыть, кого-то искать, за что-то бороться... О Митра, каким глупцом он был до сих пор! К чему эта вечная погоня за удачей, славой, богатством, властью? Его, словно ничтожную щепку, долго носило по бурному морю жизни, но вот утлое суденышко с названием «Конан» достигло вождельной тихой гавани. Там, за прибрежными рифами, осталось бушующее необъятное море, полное смертельных опасностей, страданий и разочарований. Так неужели он упустит возможность бросить якорь, сойти на берег и навсегда поселиться на тихом берегу в крытой пальмовыми листьями хижине, возле подножия поросшей чудесным лесом горы? Наслаждаться тишиной, покоем и любовью!

Да, любовью и покровительством самой прекрасной и могущественной женщины в мире! Она оградит его от всех неприятностей, она будет заботиться о нем, любить его, баловать, словно малого ребенка, потакать всем его прихотям, доставлять ни с чем не сравнимое наслаждение... А он в знак благодарности будет ласкать ее прекрасные ноги и предаваться сладостным, упоительным мечтам!

Если бы еще час назад какой-нибудь «литератор» написал ему подобные бредни, варвар только расхохотался

бы в лицо глупцу, а то и наградил хорошей оплеухой за подобные выдумки. Но сейчас эти мысли казались естественными и наполняли душу щенячьим восторгом...

— Иди сюда! — услышал он манящий шепот и, словно слепой, двинулся на этот зов сквозь розовый полумрак.

На этот раз он не чувствовал себя завоевателем и впервые позволил женщине распоряжаться собою в постели.

Зана уложила его на спину и уселась верхом, сжав коленями бедра варвара. Она наклонилась вперед и коснулась соском его губ. «Поцелуй меня!» — услышал он и покорно поцеловал ее груди. Зана довольно засмеялась и откинулась назад. Жаркая дрожь пробежала по его телу, когда он почувствовал ее обволакивающую теплоту и понял, что находится полностью во власти Хозяйки. Ему хотелось прижать ее к себе, слиться с ней, раствориться в огненных волнах соблазна, но могучее некогда тело онемело, и он недвижно лежал на атласном покрывале, раскинув руки и тяжело дыша. Зана начала стремительно двигаться, подобно наезднице в бешеной скачке, даря ему сладкие мгновения, словно милость ничтожному бедняку.

Она то замирала, доведя его до полного изнеможения, то вновь возобновляла яростную атаку, откидываясь назад или склонившись к самому его лицу. Длинные пряди ее черных волос обжигали прикосновениями, словно жала стилетов, ногти, покрытые перламутровым лаком, глубоко вонзались в кожу. Она возбуждала до невозможности, до самого предела, и все же каждый раз отодвигала вожделенный миг с поразительным умением опытной женщины.

— Ты мой, мой, — шептала она, — ты останешься моим, сколько я захочу, ты станешь выполнять все мои капризы и служить мне, подобно верному псу! Я победила тебя, варвар!

Эти слова, еще недавно повергнувшие бы Конана в слепую ярость, звучали сейчас блаженной музыкой. Что может быть восхитительней служения прекраснейшей из женщин! Что может быть упоительней этого сладкого плена?! Да, он готов стать ее верным псом, ее рабом, ее вещью, это величайшая милость, которую он заслужил и

которую должен оправдать. Милость, дарующая ни с чем не сравнимое наслаждение!

Он потерял счет времени. Светильники погасли, только яркие южные звезды освещали спальню через квадратное отверстие в потолке. Несколько раз появлялся Родагр, приносивший свое зелье, и Конан с жадностью выпивал радужную жидкость, снова и снова погружаясь в теплые волны блаженства. Хозяйка безраздельно властвовала над ним, заставляя выполнять все свои самые изощренные прихоти. Переспав с сотнями женщин, киммериец всегда придерживался в постели определенных правил, присущих его суровым соплеменникам. Он и представить не мог, что любовные игры могут быть столь разнообразны и причудливы. За одну ночь он постиг искусство, описанное в толстых трактатах Востока. Утро застало его лишенным сил, словно после изнурительной битвы, из которой он на сей раз вышел отнюдь не победителем.

Когда первые лучи солнца осветили опочивальню виллы дель Донго, утомленная Хозяйка возлежала на атласных подушках, потягивая вино из поданной чернокожим Мамбой чаши. Конан сидел на полу, скрестив ноги, и монотонно покачиваясь. В руке он держал пустую хрустальную склянку из-под радужного зелья, которое только что принял.

Зана смотрела на этого сильного, отлично сложенного мужчину с нескрываемым торжеством. Теперь он в ее власти, и она вольна распоряжаться им, как хочет.

— Эй, варвар, — позвала она.

Киммериец поднял голову и взглянул на нее помутневшими голубыми глазами.

— Ты все еще мечтаешь о море?

Он отрицательно мотнул головой, светлые волосы разлетелись и упали на широкие плечи.

— Я спасу тебя от яда и подарю жизнь, — сказала Зана, — но за это ты заплатишь дорогую цену. Согласен?

Он кивнул.

Донна дель Донго торжествующе улыбнулась и протянула мужчине стройную, словно вырезанную искусным мастером ногу. Киммериец бережно взял ее своими огромными ладонями. Лишь на миг где-то в глубине сознания мелькнуло желание схватить ее за щиколотку,

вывернуть, заставить женщину закричать... Это видение тут же померкло, и он нежно поцеловал ее пальчики, похожие на белые фасолины.

Зана вспорхнула с постели и достала из резного шкафчика предмет, тускло блеснувший медью. Подошла к варвару и чем-то щелкнула у него под подбородком.

Это был рабский ошейник с цепью, за которую непокорных невольников приковывали к стене темницы.

* * *

Время утратило свое деление на дни и ночи, превратившись в сплошной мутный поток, наполненный розовой мглой. Он жил от выпитой склянки до следующей, с каждым разом все сильнее и нетерпеливей желая вкушать радужного зелья. Холод мировой Пустоты больше не возвращался, киммериец чувствовал себя способным своротить горы. У него хватало сил ночи напролет заниматься любовью с Заной, а днем охранять ее в доме и на улице. Цирюльник сбрил его волосы и бороду; и, разглянув на себя в зеркало, Конан равнодушно отметил, что его покрытое шрамами лицо приобрело неподвижность театральной маски. Какая разница! Главное — это безопасность Хозяйки, ее желания, ее капризы... Он безропотно выполнял все приказания, испытывая упоительное чувство беспрекословного подчинения, и начинал беспокоиться лишь тогда, когда Зана слишком долго не звала его к себе.

Во время многочисленных сборищ в гостиной виллы дель Донго он неподвижно стоял за спиной владелицы, вооруженный своим коротким гиперборейским мечом, одетый лишь в короткие холщовые штаны, скрестив на груди руки, подобно другим наемникам. Но, в отличие от чернокожих, он служил не за деньги. Он был вещью, всецело принадлежащей Хозяйке. Его не интересовали разговоры «фиолетовых», их политические планы и интриги, он равнодушно смотрел на оргии, когда напившиеся гости придавались плотским утехам прямо на столах, на полу и в бассейне. Зана не была исключением, она имела множество любовников и часто приказывала своему телохранителю присутствовать в ее спальне при любовных играх с другими мужчинами. Киммериец был подобен

статую: он равнодушно взирал на жаркие объятия любовников, следя лишь за тем, чтобы в пылу страсти кто-нибудь не причинил Хозяйке боли или иных неудобств. Впрочем, Зана предпочитала причинять боль другим. Несколько раз она брала киммерийца с собой в подземелье, где была оборудована настоящая камера пыток. Безжалостная красавица испытывала здесь верность любовников: за свои ласки она подвергала их многочисленным испытаниям, способным вызвать у нормального человека чувство ужаса и гадливой брезгливости. Она прекрасно владела плетками, бичами, розгами, раскаленными щипцами, знала, как пользоваться дыбой, колесом, жаровнями и другими многочисленными приспособлениями для истязания плоти. Здесь же наказывали провинившихся рабов, но этим занимался экзекутор Стино.

Впрочем, одну рабыню Зана предпочитала истязать самостоятельно. Это была девушка, умевшая изображать статую и ходить по горящим углям, которую Конан видел в опочивальне Хозяйки в их первую и самую страстную ночь любви. Рабыня безропотно и молча сносила наказания, довольно жестокие, так как Зане очень хотелось испытать предел ее выносливости. Неглубокие раны на теле невольницы быстро затягивались, не оставляя следов, но когда Хозяйка сломала ей клещами палец, девушка потеряла сознание, а в душе варвара шевельнулось что-то похожее на жалость. Заметив, что его голубые глаза на мгновение прояснились, Хозяйка велела рабам унести девушку и больше никогда не пытала ее в присутствии киммерийца.

Невольница вскоре оправилась, Конан снова видел ее в опочивальне Заны, прислуживающую днем, изображавшую светильник ночью. Иногда «статуя» оживала, до смерти пугая очередного любовника Заны, что очень ее смешило. Киммериец смотрел на эти представления равнодушно, как и на все остальное, что не касалось напрямую его обязанностей.

Единственное, чего не могла добиться от него Хозяйка, так это участия в групповых играх, когда в ее постели оказывались сразу два-три мужчины. Варвар отказывался к ним присоединяться: он просто застывал и не реагировал на призывы и насмешки Заны. После таких ночей

та непременно отыгрывалась, заставляя своего телохранителя выполнять самые изощренные свои желания.

Конан давно забыл, ради чего он начал принимать радужное зелье, забыл о своем прошлом, о предостережении в записке брегона, о самом фаллийце и его острове, забыл о заброшенном капище и юном Арэле, которому предстояло обрести Подлинное Имя, обо всем, кроме Заны и хрустальной склянки, которую несколько раз в день приносил ему Родагр.

Раз, сопровождая свою госпожу в город, он шел впереди носилок, расталкивая толпу и нанося удары упругой палкой по спинам зазевавшихся прохожих. Внезапно из-за угла выехал всадник в расшитом золотом камзоле с круглым воротником, украшенном серебряными шариками. Лошадь, чуть не налетев на киммерийца, взбрыкнула, и всадник едва удержался в седле. Уже подняв палку, чтобы огреть животное и освободить дорогу, варвар вдруг замешкался. На какой-то миг из темных глубин прошлого всплыло воспоминание: толпы вооруженных людей, зарева пожаров и этот человек, что-то страстно выкрикивающий, стоя на треснувшей бочке...

Всадник вдруг наклонился с седла, пристально глядя в лицо телохранителя широко распахнутыми темными глазами.

— Конан?! — выдохнул он изумленно.

— Прочь с дороги! — проревел киммериец и ударил палкой по крупу лошади. Та заржала и снова поднялась на дыбы, удерживаемая натянутыми поводьями.

— Отойди, варвар, — раздался сзади властный голос Хозяйки. Ее носилки были уже рядом. Киммериец отступил в сторону и застыл с безучастным лицом, скрестив на груди могучие руки.

— Ах, это вы, любезный дон Эсанти, — проворковала Зана, раздвинув кисейные занавески. — Отчего я не вижу вас у себя?

Дон Эсанти вежливо приподнял шляпу и пробормотал что-то невнятное.

— Вы, кажется, встречали раньше моего телохранителя?

— Я обознался.

— Ну что ж, бывает. Когда много путешествуешь, часто путаешь лица. Но вы, мой дорогой, уже давно вернулись в цивилизованный мир, так что не следует дичиться общества. Тем более, когда партия «фиолетовых» одерживает победу за победой. Ваш подарок превзошел все ожидания, и я хочу вас отблагодарить!

И донна дель Донго томно повела обнаженными плечами.

Дон Эсанди еще раз дотронулся до шляпы, пробормотал: «Непременно!», дал лошади шпоры и скрылся в боковой улочке.

Этот случай не произвел на варвара ровно никакого впечатления и вскоре вовсе изгладился из его памяти. Все потекло своим чередом: от склянки до склянки, от одной страстной ночи до другой — бесконечный мутно-розовый поток времени...

И все же Судьба готовила Конану не тихую заводь, не мертвое тинное озеро, а гремящий водопад и новую стремнину. Как выразился однажды Да Дерг: «Человек предполагает, а Богиня Банну располагает».

Оргии на вилле дель Донго становились все более необузданными. Хозяйке пришла фантазия заставить уродцев принимать в них участие, так что даже на ставшего почти бесчувственным киммерийца нет-нет да и накатывала волна омерзения. Теперь многие гости нюхали порошок Черного Лотоса, погружаясь в прострацию и полностью лишаясь рассудка. Двое утонули в бассейне, какой-то капитан неизвестно почему задушил молодого «литератора», а весьма почтенная дама в порыве лотосовой страсти пыталась отдаться леопарду и была изодрана в клочья. Жертвы веселья были тайно увезены и сброшены в море с чутунными ядрами на ногах, так что официально числились пропавшими без вести, но Зана стала опасаться, что кто-нибудь из сенаторов может заслат в ее дом соглядатаев. Эти опасения выразились в том, что Хозяйку почти перестали видеть трезвой.

Раз, после очередного заседания наследников дела Авванти, окончившегося, как обычно, грандиозной попойкой, Зана привела в опочивальню мужа. Или дон дель Донго привел жену — Конан так и не понял. Оба едва держались на ногах, поддерживая друг друга и глупо

хихикая. Зана повалилась на ложе, а Палипсио сумел устоять на ногах и заинтересованно уставился на безмолвного телохранителя.

— Ка-а-акой мужчина-а! — протянул он томно. — Это кто у тебя, дорогуша?

Он тысячу раз видел киммерийца, повсюду тенью следовавшего за хозяйкой виллы, но сейчас, по уши налившись розовым майскутом, то ли забыл его, то ли просто придурился.

— Нравится? — с трудом ворочая языком, спросила Зана. — Это у меня раб... король Аквилонии, Конан-варвар.

— На-а-адо же, ка-а-ароль! — пропел дель Донго. — А естество у него тоже королевское?

И он протянул руку к набедренному поясу киммерийца.

Это была его роковая ошибка.

Конан совершенно безучастно отнесся к тому, что Зана назвала его подлинным именем. Ему было глубоко наплевать, кого она привела в свою спальню. Он готов был безропотно потакать всем ее капризам и терпеть от нее любые унижения. Но только от нее, Хозяйки, и ни от кого другого.

Палипсио даже не успел понять, что произошло. Он просто взвился в воздух и, нелепо размахивая тонкими руками, пролетел десяток шагов, отделявших место, где он только что стоял, от широкой кровати под балдахином. Сиятельный дон впервые в жизни опустился на брачное ложе. Он опустился на него спиной и обильно залил атласное покрывало кровью, хлеставшей из разбитого носа.

Это падение мгновенно отрезвило Зану. Она схватила мужа за плечи и принялась отчаянно трясти, отчего кровь потекла еще гуще. Потом Зана соскочила с постели, подбежала к телохранителю и принялась яростно колотить кулачками в его широкую грудь.

— Ты, — визжала она, брызгая слюной, — идиот! Ты убил его! Ничтожество, что я теперь буду делать? Муж не оставил завещания, а по местным законам я могу наследовать состояние только по его воле! Я теперь нищая, нищая!

В этот момент дон дель Донго застонал и сел на постели, зажимая руками расквашенную физиономию.

— Хвала Иштар! — воскликнула Зана. И, яростно глянув на киммерийца, добавила: — Ты провинился, раб! Ступай к Стино, передай, что я приказала запереть тебя в холодную.

Следующее утро Конан встретил в каменном мешке, прикованный цепью к железному кольцу в стене.

Глава 18. БЕГСТВО

Не больше двух шагов в длину и столько же в ширину, камера, тем не менее, была высокая, словно колодец. На высоте пятнадцати локтей темнели два небольших отверстия величиной с суповую тарелку. Одно из них выходило наружу и днем пропускало свет, тускло освещавший помещение. Второе всегда оставалось черной дырой — оттуда тянуло холодом. Возможно, это был вентиляционный люк.

Впрочем, пленник не обращал внимания на эти детали. Он сидел на каменном полу, обхватив колени, безучастно уставившись в одну точку. Киммериец не помышлял ни о бегстве, ни о своей будущей судьбе. В голове было пусто, как в заброшенном склепе, ни единая мысль не посещала варвара вот уже несколько дней.

Поначалу он испытывал легкое беспокойство, не получив очередной порции радужного зелья, и даже потряс прутья решетки, отделявшей камеру от коридора. Путь были частыми, но не слишком толстыми, и в другое время Конан мог бы попытаться их выломать. Но сейчас воля к борьбе оставила варвара: без напитка Родагра он с каждым часом становился слабее и слабее, силы уходила из тела, словно вино из прохудившихся мехов, а вместе с ними исчезали последние мысли.

К вечеру Конан превратился в сидящего неподвижно истукана, лишенного всяческих желаний и способности двигаться. Жирная крыса осторожно подобралась к его ноге, обнюхала пальцы и принялась взбираться вверх по голени. Достигнув колена, она встала на задние лапки, поводя усами и недоуменно глядя на человека, не сделавшего ни малейшей попытки прогнать ее прочь. Заподоз-

рив неладное, крыса с обиженным писком скрылась в своей норе и больше не появлялась.

О существовании Конана словно забыли. Несколько раз светлело окошко под потолком и снова угасало к вечеру. В коридоре царил тишина, никто не приносил пищи, никто не спешил напоить пленника. Да он и не испытывал ни голода, ни жажды и, если бы те, кто отправил его в темницу, просто исчезли, он просидел бы в каменном мешке в полной неподвижности, пока плоть его не обратилась в прах.

На исходе пятого дня в коридоре раздались шаркающие шаги босых ног и в сопровождении дюжего стражника появился Мамба. Он принес склянку с лекарством и миску с едой. Когда стражник отпер дверь камеры, чернокожий раб с поклоном протянул то и другое киммерийцу.

Конан не шевельнулся. Мамба растерянно глянул на стражника, но тот только презрительно пожал плечами. Тогда чернокожий поднес хрустальный сосуд к самому носу пленника...

Волна запахов принесла сонм видений: черная галера в устье огромной реки, стройная женщина на палубе, огромный крылатый демон в разрушенном, окруженном джунглями городе... Битвы, кровь, летящие ядра и abordажные крючья... Прекрасный грот на острове посреди океана и еще одна женщина, соблазнительная, коварная... Потом возникло зеленоглазое лицо Заны, и Конан, мотнув обритой головой, страхнул наваждение.

— Лекарство, господина, — услышал он голос чернокожего и покорно выпил зелье.

По всему телу разлилось благотворное тепло, одеревеневшие мускулы вновь стали упругими.

— Зана... — хрипло выдавил варвар.

— Хозяйка скоро позовет тебя, господина, — сказал Мамба. И, наклонившись к уху киммерийца добавил шепотом: — Она снова хочет сильный северный мужчина.

— Зана... — повторил Конан, но стражник уже прокричал что-то грубым солдатским голосом, и чернокожий поспешно удался, шаркая пятками. Загремел засов, лязгнув в замке ключ, и снова наступила тишина.

Неужели она снова нуждается в нем? Неужели он снова сможет служить ей, охранять ее и дарить ей радость любви?! Что может быть прекрасней доверия самой восхитительной в мире женщины!

Конан поднялся, разминая затекшие мышцы... и застыл, услышав сверху негромкий шорох.

Подняв голову, он заметил что-то светлое в отверстии вентиляционной шахты. Предмет появлялся оттуда, словно жало из пасти змеи. Миг — и он упал к ногам киммерийца, глухо ударившись о камни. Это был короткий гиперборейский меч в потертых ножнах, который он когда-то обменял на рынке Тринитина. Оружие отобрал у него Стино, прежде чем отправить провинившегося телохранителя в «холодную» по приказанию Заны.

Киммериец машинально поднял свое оружие и снова глянул вверх. Из отверстия показались две маленькие ступни, потом появились стройные ноги, и вот уже гибкая фигурка повисла, уцепившись за край люка. Неведомый лазутчик бесстрашно разжал пальцы и спрыгнул с опасной высоты на каменные плиты. Только тогда Конан узнал Ваная — рабыню, которая умела изображать статую. Она встала перед ним, бесстрашно глядя на варвара снизу вверх своими черными, блестящими глазами.

— Ты... — выдавил Конан. — Зачем здесь?

— Надо быстро уходить, бежать, — сказала девушка, — Зана очень злая, нехорошая. Она хочет погубить тебя, уничтожить.

Ее речь представляла собой причудливую смесь разных языков слов, но киммериец, знавший множество языков, хорошо ее понял.

— Убирайся, — сказал он. — Хозяйка — лучшая из женщин, и я служу ей.

— Ты говоришь так, потому что тебя опоили, обманули, дали зелье, лишаящее воли. Бежим, Конан, иначе ты погибнешь.

Он не удивился, что рабыня знает его настоящее имя. Какая разница! У него не было имени, он был просто псом, преданным псом Заны дель Донго.

— Убирайся, — повторил он с угрозой, — я передам Хозяйке твои слова, и тебя накажут...

— Меня послал дон Эсанди, твой друг, — настойчиво сказала девушка. — Вспомни Преисподнюю, вспомни ваши битвы, сражения против Мордерми...

Что-то шевельнулось в памяти варвара, какое-то смутное воспоминание о тех временах, когда он был другим, совсем другим... Когда воля его была свободна, рука крепка, а меч не знал промаха. Но искра памяти тут же погасла: все поглотила мутно-розовая мгла, где не было места ни воле, ни дружбе.

— Если ты не уйдешь, рабыня, — прохрипел он, — я позову стражу!

Ваная вдруг улыбнулась и слегка поклонилась. Когда она снова заговорила, голос ее звучал совсем по-иному.

— Я просто испытывала тебя, варвар, проверяла. Так велела госпожа. Она будет довольна, узнав, что ты ее не предал, остался верен. Зана ждет тебя в опочивальне и велела передать вот это.

Девушка коснулась одной из раковин своего дикарского ожерелья, и та раскрылась. Внутри что-то красновато блеснуло, словно крупная жемчужина. Ваная осторожно взяла ее и протянула Конану. Это был небольшой стеклянный шарик, наполненный алой жидкостью.

— Съешь его, — сказала невольница, — стекло очень тонкое, оно не причинит вреда, боли.

— Что это?

— О, прекрасное, великолепное, удивительное зелье, делающее мужчину бешеным, неутомимым. Подарок из Уттары.

Конан держал шарик двумя пальцами, рассматривая его на свет. Он колебался. Если бы ему приказала сама Хозяйка...

— Так велит Зана дель Донго! — словно прочитав его мысли, звонко крикнула Ваная.

Он тут же отправил шарик в рот и раскусил негромко хрустнувшую оболочку. Жидкость обожгла язык.

И тотчас же словно бомба, начиненная текучим огнем Афемиды, взорвалась у него в голове. Красные круги поплыли перед глазами, череп готов был разлететься на куски. Конан зашатался и упал на колени. Он обхватил голову руками и согнулся, ударившись лбом о каменные плиты пола. Он превратился в язык колокола, звонившего

в дни праздников на башне Храма Митры, и каждый удар причинял нестерпимую боль...

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Конан сидел на полу и чувствовал легкое прикосновение прохладных ладошек к своему пылающему лбу и щекам. Ваная стояла рядом, гладила его по лицу и что-то тихо напевала.

Он оттолкнул ее руки и вскочил, чувствуя легкое головокружение, но быстро обретая прежнюю силу и волю.

— Нергалье отродье, — прошипел он, хватая девушку за плечи, — ты хотела меня отравить? Это велела твоя госпожа, у которой вместо сердца кусок камня?!

— Хвала Орзмуду, ты исцелился, — прошептала девушка.

— Что ты там бормочешь?

— Меня действительно послал твой друг Сантидио, — сказала она, даже не пытаясь освободиться из мощных рук киммерийца. — Мне пришлось схитрить, чтобы заставить, вынудить тебя съесть противоядие.

Конан недоверчиво уставился на нее прояснившимися голубыми глазами. Морок, вызванный радужным зельем Родагра, отступил, но соображал киммериец еще не так быстро, как прежде.

— Сам помысли, — продолжала Ваная, — зачем бы я пролезала через эту дырку в стене, если бы меня послала Зана?

Киммериец потряс головой. Все стало на свое место. Зана навряд ли стала бы устраивать столь сложный спектакль, чтобы отправить невольника, которым еще совсем недавно был Конан, на Серые Равнины. Алая жидкость вернула ему способность здраво мыслить, а девушка принесла меч. Какие еще нужны доказательства? Но откуда рабыня знает о Сантидио, с которым Конан когда-то вместе сражался на баррикадах в Преисподней?

Он спросил ее об этом и услышал ответ:

— Несколько дней назад дон Эсанди выменял меня у Заны на двухголовую хитаянку. Теперь я принадлежу ему.

В коридоре послышались тяжелые шаги и сердитое бормотание. Стражник, привлеченный голосами, решил, видимо, проверить заключенного.

«Стой спокойно и молчи», — шепнул Конан девушке. Он легко оборвал цепь, приковывавшую его к кольцу в стене и спрятав за спину извлеченный из ножен меч.

Дюжий стражник прижал к решетке багровую рожу, с любопытством разглядывая тоненькую девушку рядом с могучим телохранителем. Он знал, что, несмотря на грозную внешность, этот бритунец — безобидней ребенка и шагу не сделает без дозволения своей госпожи, донны Заны.

— Что тут такое? — спросил стражник. — Откуда она взялась?

— Пролезла через вентиляцию, — отвечал Конан бесцветным голосом, прикрыв глаза, чтобы тюремщик не заметил, как изменился его взгляд. — Склоняла меня к измене. Забери ее и отведи к Стينو.

Стражник хмыкнул и принялся отодвигать засов. Когда решетчатая дверь открылась, Конан ударил его рукоятью меча по голове. Сняв с пояса надзирателя ключи, он вслед за Ванаей выскользнул в коридор и запер дверь.

— Ты знаешь, куда идти? — спросил киммериец девушку.

— Да, дон Сантидио показывал мне план, чертеж.

— И ты все запомнила?

— Запомнила.

Конан недоверчиво усмехнулся, но решил, что иного выхода, как довериться Ваная, у него просто нет. Прихватив оставленную у стены алебарду краснорожего стражника, он последовал за девушкой.

Вдоль сводчатого коридора, тускло освещенного коптящими факелами, тянулись решетчатые двери камер. Некоторые были пусты, в других темнели скорчившиеся фигуры. Вспомнив, что у него есть ключи, киммериец подошел к первой попавшейся решетке и уже хотел отомкнуть замок, когда услышал изнутри хриплый голос.

— Кто ты? — тревожно спросил заключенный.

— Не все ли тебе равно? Хочу освободить тебя.

— Зана послала?

— В болото твою Зану! Я еще с ней посчитаюсь. Хочешь присоединиться?

— Ты сумасшедший! — испуганно выкрикнул обросший бородой пленник. — Зана дель Донго — лучшая из

женщин! Я должен вынести испытание, должен... Оставь меня в покое!

Кровь прилила к щекам варвара, когда он вспомнил, что еще совсем недавно был подобен этому жалкому существу, лишенному воли и гордости. Проклятая кофитка совершила с ним, Конаном-киммерийцем, то, что было гораздо хуже поражения в битве, хуже плена и хуже рабства, наложенного грубым принуждением. Она отняла у него собственное «Я», превратив в игрушку и заставив с удовольствием выполнять свои прихоти. И не важно, что Зана добилась этого с помощью сильнейшего зелья, он сам сделал первый шаг, добровольно приняв от нее первую склянку. Она коварно воспользовалась его слабостью, а посему заслуживала самой суровой мести!

Но об этом предстояло подумать в будущем, сейчас же требовалось как можно скорее покинуть виллу дель Донго.

Конан оставил мысль освободить других заключенных, решив, что те из них, кто согласится покинуть камеры, наверняка поднимут страшный шум и привлекут внимание стражи. Он прошел вслед за Ванаей в конец коридора и оказался возле массивной бронзовой двери, освещенной масляной лампой.

— Дальше находится, располагается караульное помещение, — сказала Ваная. — Там сидит много пьяных стражников. Нам надо воспользоваться лазом.

Она опустилась на корточки и указала на квадратное отверстие возле самого пола, откуда тянуло гнилью. Очевидно, это был водосток, через который уходила вода, проникавшая в подвал во время сильных дождей.

Конан с трудом протиснулся в отверстие вслед за рабыней и пополз, царапая спину и плечи о неровную каменную кладку. Однако продвинулись они недалеко. Водосток понижался, вскоре появился влажный слежавшийся песок, который заполнил лаз на треть высоты. Ваная легко скользила вперед, но массивный киммериец не смог пробраться через наносы и вынужден был, пятясь, выбираться назад.

Ничего не оставалось, как идти через караульное помещение. Недолго поразмыслив, Конан оторвал от своего рабского опейника болтающуюся цепь, обмотал один ко-

нец ее вокруг тонкой шеи Ванаи, а второй крепко зажал в кулаке.

— Шагай вперед и помалкивай, — приказал он девушке. — Думаю, они купятся на этот трюк.

Толкнув массивную дверь, он вошел в сводчатый зал, посреди которого стоял грубый деревянный стол с медным светильником. За столом сидели вдрызг пьяные солдаты и резались в кости. Большинство разделись до пояса: в зале было жарко, в углу пылал высокий камин, в котором горел огромный ствол эвкалипта. Алебарды поблескивали в специальной стойке за спинами стражников, которые обернулись на скрип двери, обратив к вошедшим потные раскрасневшиеся лица.

Конан легонько подтолкнул девушку, и они пошли к ведущим наверх ступенькам, виднеющимся в арке противоположной стены.

— Ба, да это же Бастан! — крикнул кто-то из стражников. — Тебя что, отпустили, бритунец?

— Отпустили, — буркнул Конан, едва сдерживая желание заставить говорившего проглотить игральные кости вместе со стаканом.

— Что-то я не понимаю, — поднялся из-за стола тот же малый с сержантскими лычками на рукаве накинутой на голое тело куртки, — эту девчонку, кажись, продали какому-то дону, а она, гляди, здесь. Что-то не понимаю я...

— Лазутчица, — бросил Конан, — поймал ее и веду на расправу.

До выхода оставалось менее двадцати шагов.

— А почему мне не доложили, что тебя отпускают? — не унимался тощий.

— Да ладно тебе, Маччо, — крикнул еще один стражник, — что ты, Бастана не знаешь? Он ничего не станет делать без приказа госпожи. А если та велит, то сам себе глотку перегрызет!

Вся орава пьяно захохотала.

До выхода оставалось десять шагов.

— А куда Браго девался, — не желал расслабляться сержант, — почему дежурный не идет?

— Он, видать, с той черномазенькой развлекается, которую сегодня посадили, — предположил стражник, — не гомони ты, ради Мардука, хлебни лучше!

Сержанту протянули кубок, и он с жадностью принялся пить вино, словно только что приступил к этому занятию, а не пьянствовал на протяжении всей смены.

Конан и Ваная были в двух шагах от лестницы, когда сверху послышались мягкие шаги, и в караульное помещение спустился лекарь Родагр. Его острые глазки встретились со взглядом Конана, и в них мелькнул страх и удивление. Появление Родагра было столь неожиданным, что киммериец невольно сделал шаг назад, потянув за собой Ваную.

Этого замешательства хватило лекарю, чтобы выкрикнуть приказ, указывая на беглецов узловатым пальцем. Стражники бросились к стойке с оружием, толкаясь и изрыгая проклятия. Сержант обнажил шпагу и ринулся на варвара.

Конан отпустил цепь и выхватил меч. В левой руке он сжимал алебарду, наконечник которой пронзил грудь Маччо, не успевшего сделать и пары выпадов. Стражников было человек десять, и хотя они с трудом держались на ногах, схватка могла задержать беглецов и позволить Родагру кликнуть подмогу. Впрочем, лекарь не торопился покинуть помещение: стоя на ступеньках лестницы, он шарил у себя за пазухой, что-то разыскивая под черной одеждой.

Опрокинув троих вояк ударами алебарды, Конан отступил к камину. Стражники топтались вокруг, делая выпады и выкрикивая угрозы, однако, видя гибель своего командира и нескольких товарищей, атаковать не осмеливались, игнорируя грозные приказы Родагра.

Конан отлично понимал, что действовать надо быстро: если лекарь позовет кушитских наемников, ему придется туго. Отбросив алебарду и бросив в ножны меч, он ухватился за выступающий из камина конец бревна, еще не успевший заняться пламенем и, поднатужившись, поднял пылающий ствол. Его противники в ужасе завопили, когда огненная палица, описав полукруг, обрушилась на их ряды, словно смерч на беззащитную рощу. Уцелели лишь двое: побросав оружие, они в панике устремились к вы-

ходу. Отбросив бревно, Конан настиг их одним прыжком и свалил ударами огромных кулаков.

Он снова оказался лицом к лицу с Родагром. Лекарь с ненавистью глядел на киммерийца, но отступать не собирался. Он извлек из-за пазухи небольшой мешочек и уже собирался швырнуть его в противника, когда гибкая фигурка метнулась к нему откуда-то сбоку и повисла на его руке. Родагр вскрикнул от боли: Ваная впилась зубами ему в запястье. Отшвырнув девушку, лекарь бросился вверх по лестнице.

Конан помчался следом, но, выскочив в верхний коридор, обнаружил его пустым: то ли Родагр умел проходить сквозь стены, то ли где-то скрывалась потайная дверь.

— Куда теперь? — спросил он подоспевшую девушку.

— Надо быстро-быстро, — едва отдышавшись, заговорила она, — этот человек побежал к хозяйке, она пришлет черных воинов...

— Без тебя знаю, — оборвал ее Конан, — вспоминай план и давай отсюда убираться.

Его спасительница подошла к совершенно ровной стене и принялась ее ощупывать. Наконец она нажала на едва заметный выступ, каменная плита со скрипом отъехала в сторону, освободив неширокий проход, за которым оказалась ведущая вниз винтовая лестница.

— Опять в подвал? — недоверчиво спросил киммериец. — Что-то надоело мне эти подземелья!

— Родагр тоже думает, что мы больше не полезем вниз, — ответила Ваная. — Он прикажет первым делом перекрыть верхние коридоры. Мы его обманем.

Они стали спускаться и вскоре достигли площадки, откуда в обе стороны вели низкие тоннели.

— Это проход к другой лестнице — наверх, в комнату Заны, — указала Ваная налево.

— Отлично, — усмехнулся Конан, — давай сделаем ей сюрприз.

— Туда уже пошел Родагр, — заметила девушка, — он предупредил, предостерег хозяйку. Надо идти направо.

— И куда мы попадем?

— В камеру пыток.

— Это хорошо, оттуда есть выход в сад.

— Да, мы сможем покинуть виллу, если нам повезет, и в пыточной никого нет.

Конан не стал спорить, и они двинулись по правому тоннелю. Свод был так низок, что киммерийцу пришлось согнуться в три погибели. Проход окончился круглым люком, запертым на щеколду. Осторожно приоткрыв створку, варвар заглянул в щель.

Люк находился под самым потолком зала, больше похожего на пещеру. С неровного каменного потолка свешивались цепи, петли, крючья и деревянные брусья на пеньковых веревках. Посредине была устроена огромная круглая жаровня, прикрытая железной решеткой, рядом стояли чаны с маслом, которым обычно поливали несчастных, поджариваемых на медленном огне. В углу темнела дыба, а по периметру зала расставлены были многочисленные иные приспособления — любимые игрушки хозяйки этого страшного помещения.

Конан уже бывал в пыточной, но Запа приводила его с улицы, через погреб, где хранилось съестное и вина. Тогда он смотрел на развлечения своей госпожи равнодушно, сейчас же содрогнулся от омерзения. Он всегда презирал любителей пыток и, будучи королем Аквилонии, в качестве самого сурового наказания использовал позорный столб, плеть и, в крайнем случае, виселицу. Никакой ямы с голодными крысами не существовало: слухи о ней распускались дураками, привыкшими к тому, что монарх непременно должен подвергать преступников изощренным страданиям.

От люка вниз шел наклонный желоб, по которому обычно спускали жертвы. Конан уже собрался соскользнуть в зал, как вдруг громкий стон, долетевший из темного угла, где была дыба, заставил его насторожиться. Возле дыбы вспыхнул огонь, и в его колеблющемся свете киммериец рассмотрел чье-то подвешенное тело с вывернутыми руками и безвольно поникшей головой. Рядом стоял экзекутор Стино, готовясь поднести пылающий факел к ногам своей жертвы.

Конан не стал больше мешкать: распахнув люк, он скатился вниз по каменному желобу и направился к экзекутору. Тот обернулся, услышав шаги за спиной.

СТИНО был плюгав, низкоросл и, пытая жертвы, вечно пускал слюни. Он с удивлением уставился на приближающегося телохранителя своей хозяйки, нерешительно опустив факел.

— Освободи его, — уверенно приказал Конан, — Зана велела.

— А где она сама? — недоверчиво спросил Стино.

— Сейчас будет. Я должен повторять?

Конан готов был стереть этого плюгавого мерзавца в порошок, если тот уже прослышал о последних событиях. Но весть о бегстве телохранителя, видимо, еще не достигла пыточной. Стино обиженно засопел и принялся дергать деревянный рычаг сбоку дыбы. Наконец веревки, державшие вывернутые руки жертвы, ослабли, истерзанное тело несчастного опустилось на пол. Только тут Конан заметил у него за спиной кожистые крылья и узнал немедийца, столь опрометчиво доверившего свою тайну донне дель Донго. Экзекутор развязал петли и усадил пребывающего в беспамятстве Эвраста, прислонив его к стене.

— Есть у тебя вино? — спросил Конан.

— Найдется, — ответил экзекутор.

— Налей и дай ему выпить.

СТИНО недоуменно пожал плечами, но исполнил приказание. Когда вино влилось сквозь бледные губы немедийца, тот застонал и слегка пошевелил занемевшими руками.

— А теперь иди сюда, — велел Конан, шагнув к дыбе.

Он ухватил обомлевшего экзекутора и резким движением заломил ему руки. Накинул и затянул петли. И поднял рычаг.

— Что ты делаешь?! — отчаянно завопил Стино, когда веревки потянули его вверх.

— Развлекаюсь, — ответил киммериец и треснул экзекутора по затылку. Ему жаль было лишать себя удовольствия заставить палача почувствовать сполна то, что ежедневно испытывали его жертвы, но крики мерзавца могли привлечь какого-нибудь нежелательного зрителя.

Конан присел рядом с очнувшимся Эврастом. Тот смотрел на своего освободителя безумными светлыми глазами.

— Успокойся, — сказал Конан по-немедийски, — я больше не служу Зане. За что она приказала пытаться тебя?

— Я хотел бежать, — проговорил Эвраст, с трудом двигая побелевшими губами. — Они не лечили меня, обманули. Хотели, чтобы я навсегда здесь остался и развлекал их гостей. Зря я доверился этой женщине.

— Это точно, — сказал варвар. — Я тоже совершил подобную ошибку. Но Зана еще заплатит мне достойную цену. Сейчас я ухожу.

— Возьми меня с собой! — взмолился немедиец. — Если ты бросишь меня здесь, я погибну.

— Надо убегать, — раздался над ухом Конана голосок Ванай, — быстро-быстро!

— Сможешь идти? — спросил варвар Эвраста.

— Постараюсь.

Он с трудом поднялся. Крылья за его спиной сложились, превратившись в большой темный горб. Немедиец поднял валявшиеся на полу рваную тунуку и серую куртку, постанывая, натянул одежду. И упал.

Конан не стал мешкать. Он подхватил Эвраста на руки и устремился к выходу из пыточной. Они миновали погреб и оказались у прикрытой двумя деревянными створками двери, ведущей наверх, в сад.

— Кстати, — сказал Конан, — там, в темнице, я потерял счет времени. Сейчас день или ночь?

— Ночь, — отвечала Ваная, — у нас это время зовется часом летучей мыши, у вас, как я поняла, часом третьей свечи.

Киммериец присвистнул.

— В саду полно зверья! От второй звезды до рассвета там разгуливают пантеры и леопарды Заны. Надеюсь, Сантидио учел это маленькое обстоятельство. Нам непременно надо идти через сад?

— Да, — сказала девушка, — другой дороги нет.

Она подергала створки двери, но те были заперты снаружи. Впрочем, это не задержало беглецов: под напором плеча киммерийца дверь затрещала и распахнулась. Они осторожно вышли в сад, освещенный масляными лампами и факелами.

Журчали многочисленные фонтаны, пинии, акации, эвкалипты и фруктовые деревья тихо шелестели листвой,

навея покой и сладостную дремоту юной ночи. Статуи, привезенные со всех концов света, таращились на беглецов из арок живых изгородей, из-за колонн ротонд и беседок, освещенные колеблющимся светом фонарей и, казалось, живые. Многие из них были весьма грозного вида — многорукие, сжимающие замысловатое оружие. Конан невольно коснулся рукояти меча: хотя в Зингаре и существовал закон, запрещающий въезд в страну колдунам и чернокнижникам, судя по шалостям Родагра, его не слишком соблюдали, так что он не удивился бы, оживи действительно какой-нибудь свирепый восточный божок со всеми своими топорами, копьями, мечами и дротиками.

Однако опасность таилась не в статуях. Стены виллы уже скрылись за деревьями, когда на песчаную дорожку бесшумно скользнули две тени. Две пары горящих глаз уставились на беглецов, и в свете ярких звезд Конан разглядел впереди великолепную черную пантеру и крупного пятнистого леопарда. Звери не двигались, только прижатые уши и вздыбившаяся на загривке шерсть выдавали их намерения.

Конан уже собирался опустить нимедийца и взяться за оружие, как вдруг Ваная мягко коснулась его руки и приложила палец к губам. Он недоуменно взглянул на девушку, которая, улыбнувшись, бесстрашно направилась к ночным сторожам. Она что-то тихо напевала, и звери наострили уши, прислушиваясь к этим странным, едва уловимым звукам. Ваная подошла к ним вплотную и опустила на мохнатые головы маленькие ладошки. Животные застыли, словно сами превратились в статуи, потом бесшумно прянули в стороны и скрылись в кустах.

Беглецы беспрепятственно достигли ворот. Часовой дремал в своей будке, выводя носом замысловатые рулады. Конан бесшумно поднял засов, и они вышли на улицу в тот момент, когда в окнах виллы стал зажигаться свет, и на дорожки сада повалили слуги, вооруженные дубинками, стражники и кушитские наемники.

Конан и девушка оказались на дороге, спускающейся серпантинном с холма, на котором располагалась вилла дель Донго. По соседству находились еще несколько особняков богачей, окруженных тенистыми садами, прудами и бассейнами. Недаром этот пригород Кордавы имено-

вался Райским Взгорьем. Беглецы сразу же свернули и заросли пиний и стали спускаться напрямик по крутому склону холма. Достигнув дна оврага, отделявшего Райское Взгорье от другой возвышенности, они остановились, чтобы перевести дух. Сквозь ветви кустов на дороге мелькал свет факелов, слышался конский топот и крики.

— Нашли Стينو, — проворчал варвар, опуская Эвраста на землю. — Надеюсь, дыба понравилась ему больше, чем нашему немедийцу. Эй, крылатый, ты свободен. Можешь идти, куда хочешь. Только никому больше не открывай свою тайну.

— Я пойду с вами, — сказал Эвраст. — Не бросайте меня, у меня нет денег, а по-зингарски я знаю всего несколько слов. Я уже могу идти!

— Тогда вперед! — приказал Конан, и все трое стали взбираться по противоположному склону оврага.

Район, в котором они оказались, представлял полную противоположность Райскому Взгорью. Здесь теснились лачуги, по узким улочкам шныряли подозрительные личности, а на каждом третьем доме горел красный фонарик. Ваная провела своих спутников напрямик через огороды, и вскоре они вышли на знакомый Конану пустырь, за которым темнели покосившиеся стены «Приюта толстосума». Войдя внутрь, киммериец увидел пустой зал харчевни, дремлющего за стойкой хозяина и двух бандитов за угловым столиком: желтозубого Бандероса и его художного друга Бензу.

Бандерос сразу же заключил варвара в объятия и, когда все уселись на лавки, смахнув скупую слезу, сказал:

— Рад, братинка, что ты выбрался. Когда мы прослышали, что наш бритунец подался в телохранители к этой заносчивой сучке Зане, не могли поверить своим ушам. Потом-то узнали, что тебя опоил ублюдок Родагр. Дай-ка я на тебя посмотрю. Без волос и бороды ты похож... лопни мои глаза, ты похож...

— Оставим это на потом, — перебил его Конан. — Ты работаешь на Сантидио?

Зингарец обиделся.

— Бандерос ни на кого не работает, запомни. Бандерос может заключить союз, когда это ему выгодно.

— Ладно, не дуйся, — сказал киммериец. — Мне надо поскорее встретиться с доном Эсанди. Может быть, он поможет достать корабль. Тогда план, о котором мы с тобой говорили, окажется не таким уж неосуществимым.

Бандерос не успел ответить. Входная дверь отворилась, и на пороге возник толстый мужчина в желто-красной форме с королевским гербом и нашивкой сержанта на рукаве. Он оглядел зал и решительно направился к столу, за которым сидел киммериец, его спутники и бандиты.

Заметив, что варвар собрался вскочить, Бандерос придержал его за руку.

— Не суетись, — сказал он важно, — это всего лишь Паралито. Мы подкармливаем его. Наверное, принес какие-нибудь сведения.

Толстый сержант, отдуваясь, уселся за стол. Бандерос протянул ему бутылку, и Паралито с жадностью глотнул прямо из горлышка, замочив длинные усы, которые падали на его грудь, прикрытую начищенной кирасой.

— Ну и шуму вы наделали, — заговорил он, сверля киммерийца маленькими красными глазками. — У Заны связи в высших сферах, так что вся королевская стража уже на ногах. Хочешь послушать, бритунец, какую награду назначили за твою голову?

— Нет, — сказал Конан, — я знаю себе цену.

— Скажи, скажи, — встрял Банза, алчно потирая сухие ладошки.

— Две сотни золотых! — торжественно объявил сержант.

— Ого! — вырвалось у Бандероса. — Да тебя, Бастан, ищет сейчас не только стража, но и пол-Кордавы!

— Уже нашли, — сказал Паралито, — извини, Бандерос, но какой нормальный человек откажется от таких денег...

И потащил из ножен шпагу.

Словно по волшебству зал харчевни наполнился желто-красными стражниками. Они ворвались через дверь и выбитые окна, целясь в сидевших за столом из арбалетов.

— Сдавайтесь! — приказал сержант, вскакивая и приставив острее шпаги к горлу Конана. — У меня приказ взять бритунца живым или мертвым!

Киммериец действовал молниеносно. Он опрокинул стол, сбив с ног сержанта, и прикрылся столешницей, как осадным щитом. Ваная, Эвразт и Бандерос успели присесть рядом, а бросившийся было бежать к стойке Банза тут же упал с арбалетной стрелой в спине.

— Стреляйте! — вопил Паралито, ворочаясь на земляном полу и пытаясь подняться. — Не дайте им уйти!

— Отступаем к задней двери, — сказал Бандерос Конану. — Ты сможешь поднять стол?

Киммериец только хмыкнул. Он легко подхватил свое импровизированное укрытие и, пятась, стал отходить к стойке. Его спутники держались рядом, понимая, что в этом их единственное спасение. Десяток стрел впились в столешницу, но не смогли пробить крепкие доски.

— Заходите сзади, идиоты! — отчаянно командовал сержант, вскочив наконец на ноги и размахивая шпагой.

Однако он несколько припозднился с этой здравой мыслью: беглецы уже достигли двери на задний двор и, проскользнув через нее, захлопнули створку. Конан подкатил стоявшую рядом телегу и забаррикадировал выход.

Они быстро прошли вслед за Бандеросом в какой-то сарай, заваленный кучами угля, разбитыми горшками и рассыпавшимися бочками. Зингарец быстро, словно собака, раскапывающая кость, раскидал кучу мусора в углу и с нагугой отодвинул в сторону мраморную плиту, явно украденную из прихожей какого-то богатого дома. Открылось темное отверстие каменного колодца. Вниз, в темноту, уходил отполированный шест, прикрепленный к поперечной перекладине.

Соскользнув на глубину десяти локтей, беглецы оказались в небольшой комнате со стенами из огромных валунов, скрепленных желтой глиной. Масляная лампа освещала резное кресло и сидевшего в нем человека в богатом камзоле с круглым воротником, обшитом серебряными шариками. Он поднялся навстречу и сказал, улыбаясь и поглаживая клиновидную бородку:

— Добро пожаловать домой в Преисподнюю, Конан-варвар!

Это был дон Сантидио Эсанти.

Значит, Преисподнюю не засыпали? — спросил Конан.

Закутанный в чистый кусок полотна, только что вымытый умелыми служанками, он сидел в складном кресле, покрытом шкурой уттарского тигра, и с удовольствием потягивал некрепкое виноградное вино из серебряного кубка. Дон Эсанди расположился напротив. Сняв свой расшитый камзол и оставшись в белоснежной рубашке с отложным воротником и кружевными манжетами, Сантидио словно помолодел и напоминал киммерийцу того окрыленного идеями юношу, который двадцать с лишним лет назад отдал все силы, чтобы дать своей стране жить по законам, а не по прихоти короля.

— Засыпали, но не всю, — ответил дон Эсанди, улыбаясь. — Видишь ли, я сам руководил работами, но решил оставить несколько тайных убежищ. На всякий случай.

И он широким жестом указал на обитые дубовыми панелями стены, лепной потолок и камин с изысканной чугунной решеткой.

— Когда я тебя знал, ты не был столь предусмотрителен, — усмехнулся киммериец. — Ты был... как это? Ах да, идеалистом — так, кажется, называл тебя Мордерми. В переводе на нормальный язык это значит «восторженный глупец».

Сантидио невесело рассмеялся.

— Да уж, Мордерми не был восторженным глупцом. Свергнув Риманендо, этот умник за время своей тирании погубил больше народу, чем все короли Зингары вместе взятые. Хорошо, что ты его прикончил.

— И все же вы поставили ему памятник, — проворчал Конан, — на площади перед ипподромом.

— Что поделаешь, — вздохнул Сантидио, — народу нужны красивые легенды. Зачем черни знать все подробности политической борьбы? Для нынешнего поколения король Риманендо — злодей, а благородный Мордерми — герой-освободитель. Этому учат в школах, об этом написаны книги...

— А тех, кто думает иначе, находят на берегу с камнем во рту? — перебил варвар.

Дон Эсанди помрачнел.

— Послушай, — сказал он, — не надо меня упрекать. Я прекрасно вижу, что творится в стране. Увы, справедливое общество возможно лишь в теории. На практике люди остаются людьми со всеми своими недостатками и пороками.

— Почему ты отказался от короны в пользу какого-то Кантарнадо? — спросил Конан. — Я даже не слышал о таком в прежние времена.

— Он дальний родственник Риманендо по материнской линии. Как говорится, седьмая вода на киселе. Однако для народа капля королевской крови зачастую означает больше, чем все самые прекрасные и вольнолюбивые идеи. Известно, что после всех демократий рано или поздно находится претендент на утраченный трон, которому удастся объединить вокруг себя недовольных и произвести реставрацию. Как правило, это стоит большой крови. Поэтому, после долгих размышлений, я решил формально передать корону Кантарнадо, и от его имени учредить Сенат и Парламент. Новый король был весьма мне благодарен за возможность щеголять в горностаевой мантии, важно раздувать щеки перед послами и в политику не лез. Себе я отводил роль негласного дирижера...

— И ошибся, — заметил Конан.

— Реальная жизнь гораздо сложнее, чем нам кажется, — Сантидио глотнул вино и поморщился. — Я гордился тем, что народ может отстаивать свои интересы через фракцию «зеленых» в парламенте, споря с аристократами на словах, а не проливая кровь на баррикадах. Мне удалось провести несколько либеральных законов, упразднить сословные привилегии, учредить свободу торговли и отменить смертную казнь...

— Значит, Танцевального Помоста, где мы с тобой впервые встретились, больше нет? — спросил киммериец, имя в виду городскую виселицу.

— Не велика потеря, — усмехнулся дон Эсанди, — есть масса других способов отправить человека на Серые Равнины. Это отлично знают подлинные хозяева положения. Пока в парламенте голосовали, а король устраивал балы, реальную власть в стране захватили сенаторы. Эта власть денег и связей оказалась гораздо сильнее, чем прежняя тирания, основанная на страхе. Я и мои соратники по

«Белой розе» спохватились слишком поздно. Парламент все больше превращался в балаган, а одно имя сенатора Бенидио значило в делах больше, чем все постановления и рескрипты. Вскоре умер король Кантарнадо, оставив малолетнего сына. Бенидио предъявил Сенату завещание, в котором король назначал его регентом. Было ли оно подлинным или искусно подделанным — навсегда останется тайной. Как бы то ни было, дон Бенидио получил почти неограниченную власть, которой очень умело воспользовался, все время оставаясь в тени. Самым мудрым его деянием была постройка ипподрома и учреждение конных бегов. Поначалу это были всего лишь спортивные состязания, принять участие в которых мог каждый желающий и способный содержать колесницу граждан. Однако постепенно скачки все больше и больше становились политической игрой: все партии обзавелись фаворитами, их победы или поражения стали значить для избирающих своих представителей группировок гораздо больше, чем реальные заслуги той или иной фракции. Дон Бенидио умело подливал масло в огонь страстей, устраивая на ипподроме пышные празднества и многочисленные зрелища для толпы. Все наши воззвания и прокламации уже не могли ничего изменить...

— Но жители Кордавы вовсе не кажутся недовольными положением вещей, — сказал Конан. — За исключением моих друзей-бандитов, которые считают, что им придется отстегивать слишком большую дань «кураторам».

— У народа есть хлеб и есть зрелища, а больше им ничего не нужно. Приток иностранных купцов и путешественников сделал наших граждан весьма зажиточными. В нищих остались лишь гордецы, не признающие нынешние порядки, как, впрочем, не признавали и прежние. Формально я не принадлежу ни к одной партии, но первоначально поддерживал «зеленых». Знаешь, после чего я сбежал, отправившись странствовать? После того, как их лидеры обратились за моей поддержкой, чтобы провести закон, запрещающий наряду с волшебной и чернокнижничеством все научные изыскания и закрывающий все скриптории. Как говорится, рубить, так под корень.

— Надо же, — проворчал киммериец, — а я слышал, как Зана поминала тебя ласковым словом. Думал, ты «фиолетовый».

— Зана! — гневно воскликнул Сантидио. — Мы еще поговорим о ней. Я много думал во время путешествия, наблюдая общественное устройство во множестве стран. И пришел к выводу, что там, где чернь захватывает власть, процветают самые дикие предрассудки и наиболее жестокие обряды. Поэтому, вернувшись в Кордаву, я передал донне дель Донго некое средство, с тем, чтобы партия «фиолетовых» стала правящей и не зависела от случайностей на беговом поле.

И дон Эсанди поведал Конану историю о радужном крабе.

— Однако Зана не ограничилась тем, что приказала Родагру изготовить из панциря краба порошок, который позволяет Скалидо постоянно выигрывать. Она решила использовать зелье, чтобы заполучить новую игрушку...

Конан невольно сжал кулаки. Слова Сантидио ранили его больнее, чем отравленный нож карлика.

— Она приказала чернокожему рабу незаметно отрезать прядь волос у некоего понравившегося ей бритунца, а когда получила от меня подарок, ее лекарь сжег эти волосы и добавил пепел в питье, совершив попутно древний стигийский обряд. Первоначально она собиралась использовать волосы для обычного приворотного зелья, и если бы не мой опрометчивый поступок, ты не попал бы в неприятную историю.

— Откуда ты все это знаешь? — сдерживая гнев, спросил киммериец. — При мне ты ни разу не появлялся на вилле.

— Девушка, которая вызволила тебя из темницы, понимает гораздо больше, чем думала ее хозяйка. Зана так привыкла считать ее бездушной вещью, что не стеснялась обсуждать свои планы с Родагром в ее присутствии. Донна дель Донго умная женщина, и довольно быстро тебя раскусила. Извини, но виноват в этом опять я. В дни нашей прежней дружбы я довольно часто рассказывал кофитке о Конане-варваре, который расправился с чародеем-некромантом и освободил Зингару от тирании Мордерми. Для избранных в истории нет тайн. Я довольно

подробно описал твою внешность и привычки, так что светлые косы и бритунский наряд не смогли ввести Зану в заблуждение. Тем более, что при обработке прядь твоих волос потемнела, а обыкновение при всяком удобном и неудобном случае поминать Крома и задницу Нергала рассеяли последние сомнения. Когда Ваная поняла, кто ты такой, она нашла способ передать мне весточку через невольника Мамбу...

— Откуда вдруг такое сочувствие? — удивился Конан.

— Во-первых, прежде чем позволить работарговцу продать рабыню Зане, я кое о чем договорился с девушкой, — усмехнулся дон Эсанди. — Лишние глаза и уши никому еще не мешали. Во-вторых, она узнала тебя по описаниям старейшин ее племени.

— Что за племя?

— Оно обитает в верховьях реки Зархебы, возле разрушенного древнего города. Думаю, это остатки некогда цивилизованного народа, бежавшего на юг в дни Великой Катастрофы. У них сохранились воспоминания о кое-каких древних знаниях. Еще до рождения Ванай ее соплеменники вынуждены были приносить кровавые жертвы огромному крылатому демону, живущему среди руин. Но как-то раз по реке от моря пришла большая черная галера...

— «Тигрица», — пробормотал Конан.

— ...ее команда и предводительница погибли, но некий черноволосый гигант сразился с демоном и одолел его. Судя по описаниям, это был ты.

— Это был Амра, — сказал киммериец. — Так меня тогда звали. И на твоём месте я не стал бы так уж доверять этой женщине-змее. Не столь давно я видел человекоподобных существ, умеющих лазать по стенам и пробираться в самые узкие отверстия — под их кожей таились демоны. Правда, эта Ваная внешне на них не похожа...

— Во всяком случае, она отдала долг своего народа, вытащив тебя из передраги.

— Ты называешь это передрагой! — гневно воскликнул киммериец. — То, что совершила проклятая кофитка, для меня в тысячу раз хуже любого поражения и любого рабства! Когда-то я был наказан Мигрой и на время

превратился по его воле в бессловесного раба, но, по крайней мере, милостивый бог лишил меня заодно и разума. А этому чудовищу в облике женщины удалось сделать из меня посмешище. Теперь она будет рассказывать, что сам король аквилонский был у нее в невольниках!

— Ей никто не поверит, — заметил зингарец. — Не далее как вчера ко двору короля Элибио прибыл аквилонский посланник. Он передал верительные грамоты и повелевал, что король Конан построил в Гандерланде новый город и перенес туда свою резиденцию. В настоящее время ты находишься в Турне, что подтверждают и ваши купцы. Не хочешь это объяснить?

В сложившейся ситуации Конану приходилось рассчитывать только на помощь старого друга. Правда, за двадцать лет Сантидио мог сильно измениться благодаря постоянным политическим интригам, в которых ему приходилось участвовать. Однако выбора не было, и киммериец рассказал дону Эсанди о заговоре герцога Гийлома, опустив многие подробности и не упомянув о том, что все эти события только еще должны произойти нынешней осенью. Рассказал он и о схватке на берегу Ширки, о коварном карлике и яде, о предложении посланника-брегона найти в пиктских землях некоего юношу, доставить его на остров Фалль и получить в награду исцеление, о таинственном исчезновении Да Дерга и его невнятной записке.

— Брегон обманул меня и бросил в Кордаве без денег, так что я не мог нанять ни людей, ни корабль. Согласись, я вправе был отплатить ему той же монетой и поискать излечения поближе, чем на его острове, — заключил Конан свое повествование. — В конце концов, я оставил в Турне своего двойника и пустился в путь не затем, чтобы постоянно разгадывать загадки фаллийца.

Сантидио долго молчал, задумчиво поглаживая свою бородку.

— Мы с тобой похожи, — сказал он наконец. — Я хотел учредить в Зингаре республику, а в результате получил насквозь прогнившее общество, в котором властвуют подонки типа дона Бенидио и распутные бабы, подобные Зане. То, что я узнал о ней за последнее время,

повергло меня в ужас. Ты же построил открытый город, где властвует закон справедливости, а твои приближенные и многие горожане отплатили заговором и резней. Что же касается твоих взаимоотношений с этим таинственным Да Дергом, не думаю, что ты поступил правильно, решив, что он обманул тебя. Возможно, у него были веские причины поступить так, как он поступил. Впрочем, Судьба все расставила по местам, и теперь у тебя нет иного выхода, как отправиться по указанному в карте брегона пути. Возможно, радужное зелье и могло бы тебя излечить, но оно осталось у Заны, и я не думаю, что те порции, которые ты принимал, пошли на пользу. Все-таки, напиток использовался для других целей.

— Что ж, — согласился Конан, — придется вспомнить былые деньки и ограбить какую-нибудь жирную сволочь...

— Думаю, я смогу помочь тебе обойтись без грабежа, — перебил Сантидио.

— У тебя есть деньги?

— Их не хватит, чтобы купить приличное судно. Но есть выход. Я знаю, что ты отличный наездник. А умеешь ли управлять квадригой?

— Колесницей с четверкой лошадей? Не очень, но если надо, могу подучиться.

— Есть еще несколько дней, думаю, ты успеешь. Во всяком случае это последний шанс — и твой, и наш.

— Чей это «наш»?

— «Белой розы». Да-да, братство все еще существует, тайно, конечно. Мы пытаемся не допустить возвращения тирании. А такая возможность в последнее время стала вполне вероятной. «Фиолетовые» все время выигрывают и уже провели несколько законов, восстанавливающих некоторые привилегии аристократии. А недавно молодой король (с подачи Бенидио, конечно) объявил Большие Бега. Если наследники Авванти снова победят, Сенат распустит партию «зеленых», и «фиолетовые» смогут принимать любые самые реакционные законы.

— По-моему, ты этого и добивался, когда дарил кофитке своего краба, — буркнул Конан.

— Добивался правления просвещенной аристократии, а не безумной извращенки! — гневно воскликнул Сантидио, оттолкнув кубок и расплескав вино на скатерть. — Я

специально держался подальше от виллы дель Донго, но благодаря Ванае постоянно был в курсе всех событий. Зане удалось забрать единоличную власть над «фиолетовыми». Ходят слухи, что она уже охаживает юного Элибио. С ее энергией и коварством эта женщина может свалить дона Бенидио и захватить власть над всей Зингарой!

Киммериец содрогнулся, представив, что произойдет в этом случае и какие законы станет насаждать кофитка в прекрасной южной стране.

— Но почему ты предлагаешь участвовать в заезде мне? — спросил он. — Как только я поднимусь наверх, всякий захочет получить две сотни золотых, назначенных за мою голову.

— Если партия «зеленых» объявит тебя своим фаворитом, ты попадешь под защиту закона и получишь личную неприкосновенность, — значительно произнес дон Эсанди. — Даже Бенидио не сможет тронуть тебя и пальцем. Прилюдно, конечно. Базилас выдохся, он не выдержит четырнадцати кругов, даже приняв порошок...

Конан непонимающе уставился на зингарца.

— Ну, — объяснил тот, — я отломил кусочек от панциря краба и оставил у себя на крайний случай. По-моему, этот случай наступил. Выпив настой, приготовленный на сей раз без всяких стигийских ухищрений, ты ощутишь мощный приток сил и придешь к финишной мете первым. Равновесие в парламенте сохранится, а ты получишь денежный приз, достаточный, чтобы купить самую быстроходную на всем зингарском побережье галеру!

— Заманчиво. А как вы объясните замену наездника?

— Ничего объяснять не придется, это право любой партии. В преддверии Больших Бегов «Фиолетовые» тоже отстранили своего мужелюбивого Скалидо.

— И кто же его заменил?

— На сей раз квадригой «фиолетовых» будет управлять донна Зана дель Донго.

Воцарилась тишина, только журчала вода где-то за дубовыми панелями.

— Хорошо, — сказал Конан, — согласен. Одно условие. Никакого зелья принимать я не буду.

Король Зингары Элибио с густо напудренным лицом, в золотом обруче короны, украшенной бриллиантами и турмалинами, нетерпеливо поерзывая и украдкой бросая в рот земляные орешки, томился под сенью опалы в своей ложе, устроенной над конюшнями кордавского ипподрома. Король только что проделал утомительный путь от своего дворца в изукрашенных дорогой инкрустацией и платиновыми венками носилках, над головами сенаторов и придворных, приветствуемый толпами народа, затопившими все улицы на пути к вожделенной арене.

Юный Элибио не понимал, зачем нужны эти пышные странные шествия, когда он, король, оказывался как бы на задворках процессии. Впереди выступали жрецы и военачальники, которые несли статую женщины с огромными распростертыми крыльями — богиню победы Вакату. Впрочем, и они не были первыми: их предворяли женщины в белых одеждах с укрепленными на спинах зеркалами, от которых во все стороны разбегались солнечные зайчики и, попадая на статую богини, заставляли ее сиять яркими сполохами. Народ преклонял колени, бросая под ноги идущих живые цветы.

Затем, приплясывая и фиглярствуя, следовала толпа ряженых. Здесь были почтенные горожане, переодетые селянками, с венками на пышных буклях, пьяненькие лавочники в картонных гладиаторских латах с деревянными мечами в руках, юнцы, корчившие из себя философов в широких плащах и плетеных сандалиях, с посохами и приклеенными козлиными бородками... Дряхлый старик вел на поводу осла под чепраком, попоной и рыцарским седлом, в котором восседал голый толстяк с медным тазом на голове. Тут же несли в портшезе медведицу, наряженную знатной дамой, вели на цепи обезьяну, одетую в шафрановую тогу жреца Митры, верхом на палках с приделанными лошадиными масками скакала конница босоногих мальчишек. Все это возбуждало хохот толпы, который смолкал лишь когда появлялась королевская гвардия.

В черно-золотых кирасах, блестя на солнце оперенными плечами, гвардейцы проходили мимо толпы со скужающими лицами, гремя щитами и ножами длинных

шпаг. Народ безмолвствовал, отдавая должное почтение защитникам короны.

И только потом появлялись королевские носилки, с которых юный Элибио, утомленный жарой и шумом, вяло помахивал своим подданным, снова преклонявшим колени. Он облегченно вздыхал только наверху, в своей ложе, когда статуя Вакаты, благодаря хитроумной системе скрытых тросов, взлетала по специальному желобу на вершину обелиска, установленного посреди большой, в тысячу шагов длиной и двести восемьдесят шириной арены.

Ипподром обрамляли стены с тремя этажами арок, причем противоположная королевской ложе и конюшням под ней стена плавно изгибалась, так что в плане все сооружение напоминало вытянутую подкову. С внутренней стороны стен тянулись трехъярусные трибуны, а поверху шла еще галерка, на которой обычно устраивались мальчишки и публика победнее. Посредине арену разделяла невысокая стенка, по краям которой стояли два обелиска — меты. Между метами развевались стяги — фиолетовый, зеленый, желто-голубой, красный и оранжевый — стояли вазы, витые колонны и скульптуры. Вокруг этой стены и проходили скачки.

По правую руку от королевской ложи помещались сенаторы, слева — придворные. Юный король скучал, наблюдая за церемонией открытия игр. Сегодня, в день Больших Бегов, она была особенно пышной и утомительной. Сначала прошли трубачи и барабанщики, предводительствуемые капельмейстером с украшенным конскими хвостами и колокольчиками бунчуком в руке. Затем на арене появилась колесница, запряженная восьмью белыми конями, которой правил низенький толстяк в белых развевающихся одеждах с золотым венком на голове. Это был Торфир Младший, победитель соревнования поэтов, посвящавших свои стихи богине Вакате. Он обогнул арену и остановил коней в полусотне шагов от обелиска с крылатой богиней на вершине. Простирая к ней пухлые ручки, поэт весьма выразительно прочел элегию, из которой король разобрал только несколько строк:

Счастлив возница, тобой предпочтенный,
кто бы он ни был!
Ты, о Ваката, даруешь победу достойным...

Остальные слова Торфира утонули в шуме трибун: приверженцы разных партий разминались, опробуя свои дудки, трещетки и бубны. Докричав стихи до конца, поэт тронул коней, подъехал к королевской ложе и снова нагнулся поводья. Элибио в это время наклонился за орешками, сидевшему рядом седому вельможе пришлось тронуть его за плечо. Король, досадливо морщась, поднялся и бросил вознице небольшой кожаный мешочек, который, звякнув, упал возле колеса повозки. Торфир, бросив вожжи, полез его поднимать.

— Всегда одно и то же, — капризно сказал король, усаживаясь, — хоть бы один поймал свою награду! Это, в конце концов, скучно, дон Бенидио! Нельзя ли начинать прямо с заездов?

— Народ любит зрелища, — отвечал седой вельможа, — а мы, ваше величество, в первую очередь должны думать об интересах народа. Так что потерпите еще немного. Думаю, сегодняшние бега сполна вознаградят вас за вынужденную скуку.

Шестнадцатилетний Элибио страдальчески поднял глаза и приготовился стойко нести свою королевскую ношу.

На арене тем временем появилась процессия музыкантов в пестрых одеждах и акробаты на лошадях, чьи гривы были украшены султанами из птичьих перьев. Раздался звук тамбуринов и флейт, рыдание зурн, щелканье тимпанов, тонкий перезвон альудов — вся эта буря струнных и духовых вызвала ответную какофонию на трибунах. Акробаты стояли в седлах, держа в руках флаги партий и вращая огненные обручи на длинных спицах, кони шли танцующим шагом, кивая головами, как бы приветствуя публику.

— А сейчас, ваше величество, произойдет нечто особенное, — шепнул дон Бенидио королю. — Я решил включить в программу весьма необычное развлечение, которым тешат себя обитатели маленьких городков на севере Зингары в дни сельских праздников. Если оно вам понравится, мы можем ввести его в обычай.

Ворота левой входной арки на закругленном участке стены ипподрома открылась, и внутрь повалила толпа простолудинов в серой одежде. Это были здоровые парни, собранные по приказанию могущественного сенатора в

городках и селениях между реками Громовой и Алиманом. Они бежали, сломя голову, поднимая облака пыли, то и дело оглядываясь через плечо. Когда последний из толпы миновал арку, показались преследователи: пятнадцать разъяренных быков гнались за людьми, подгоняемые болью от острых шипов в укрепленных на их спинах бронзовых досках. Они бежали, раздувая ноздри и угрожающе опустив к земле длинные острые рога. Расстояние между стадом и толпой сокращалось, и вот уже бежавший последним парень, подброшенный ударом рога, взвился в воздух и, перелетев через спину первого быка, упал под копыта остальных. Его тело превратилось в кровавые опметки и скрылось в клубах пыли. Многие из удиравших бросились врассыпную: одни — к трибунам, другие пытались спастись, взбираясь на низкую стенку, разделявшую арену.

Толпа обогнула ближнюю к королевской ложе мету и понеслась в обратном направлении. Человек десять были затоптаны, тело еще одного неудачника повисло, пронзенное насквозь, на длинном роге вожака стада.

Когда простолудины достигли правой арки в выгнутой стене ипподрома, ее створки распахнулись и, пропустив бегущих, тут же захлопнулись. Появились всадники с длинными пиками и выгнали быков через боковой проход. Служители укладывали на носилки убитых и раненых под неистовые вопли зрителей, пораженных столь опасным и кровавым зрелищем.

Глаза юного короля сияли. Он восторженно хлопал в ладоши, забыв о своих орешках.

— Хочу, чтобы это повторялось на каждом беге! — воскликнул Элибио. — Слышите, дон Бенидио? Я так хочу!

— Рад, что зрелище вам понравилось, — отвечал сенатор, чуть улыбаясь, — мы узаконим его парламентским решением и утвердим постановлением Сената.

— Сенат, парламент, — сердито пробурчал король, — надоело. В других странах высший закон — воля монарха! А над нами весь мир смеется!

— Скоро все станет на свои места, — заметил дон Бенидио. — Вы знаете, ваше величество, что Сенат собирается распустить партию «зеленых», которые обычно

вставляют нам палки в колеса, если они проиграют Большие Бега. А они непременно проиграют.

— Конечно, — пылко воскликнул король, — квадригой «фиолетовых» сегодня управляет блистательная Зана дель Донго, а эта женщина не знает поражений! Но я слышал, «зеленые» тоже сменили фаворита?

— Да, их колесницу поведет некий бритунец по имени Бастан.

— Кажется, он чем-то обидел донну Зану?

— И заслужил наказание. Когда он потерпит поражение, и партия Карико перестанет существовать, мы сможем схватить его и предать суду. Однако, ваше величество, арена уже свободна, пора подавать знак к началу заезда. И не забудьте, как в прошлый раз, благословить присутствующих скипетром.

Элибио, приосанившись, поднялся. Вскочили на ноги и зрители, приветствуя короля громкими криками. Юный монарх простер в их сторону золотой жезл с маленьким изображением богини Вакаты на конце и уронил вниз белый платок.

Поднялись железные решетки конюшен, расступилась стража и, словно ураган, на арену вылетели колесницы, блистающие золотом и слоновой костью...

* * *

За несколько дней, оставшихся до бегов, Конан овладел управлением квадригой. Его несколько удивило, что в небольшую и не слишком тяжелую двухколесную повозку впрягали четверку коней, выстроенных в один ряд. Такая упряжь была не слишком удобна. Киммерийцу казалось, что гораздо разумнее поставить коней парами друг за другом, как это делали в Аквилонии, запрягая животных в четырехколесные карруки, предназначенные для дальних путешествий. Но Сантидио объяснил, что такова традиция, и упряжь зингарской квадриги, согласно правилам, не может быть иной.

— Правила, — ворчал Конан, — все ваши выдумки служат только одному: затруднить простое дело. Почему, скажи, борясь с каким-нибудь Цукавой, я не могу треснуть его по башке, а на ипподроме обязательно гонять четверку лошадей, запряженных нелепым способом, вме-

сто того чтобы, не мудрствуя, покрыть нужное расстояние верхом?!

Тренировались за городом, на пустыре с воткнутыми в землю деревянными метами. Сантидио был отличным возницей, когда-то он сам участвовал в бегах, пока они еще не превратились в игру политических амбиций. Да и Базилас оказался неплохим парнем и добросовестно выполнял обязанности тренера.

Конан сам отобрал четырех скакунов в конюшню «зеленых»: двух вороных, серого в яблоках и гнедого. Целый день поочередно он гонял их по холмам вокруг Кордавы, не надевая ни узды, ни седла, — приучал к себе. Киммериец быстро объездил коней, но когда на следующий день их запрягли в квадригу, начались неприятности: гнедому не понравилась новая компания, а серый, впряженный с краю, норовил вытанцовывать штуки.

— Ничего не получится, — заявил Базилас, — у тебя не хватит времени, чтобы приучить их друг к другу. Придется брать готовую четверку, мою, например.

— Мне нравятся эти, — отрезал киммериец.

Он вспомнил о Ванае: если девушка смогла заговорить пантеру и леопарда в саду Заны, может быть, она поможет справиться и с лошадьми? После того как беглецы попали в Преисподнюю, его спасительница куда-то исчезла. Конан спросил о ней у Сантидио, и тот послал за своей невольницей мальчишку. Ваная явилась в синей накидке, скрепленной с боков красными завязками. Она уверенно подошла к упряжке и, ласково поглаживая гривы, что-то тихонько пропела в чуткие уши животных.

Результат превзошел все ожидания: скакуны словно поняли, что от них требуется, и вихрем промчали повозку по пустырю, огибая меты так круто, что Конан едва не вывалился из колесницы.

— Что ты им шепнула? — спросил он девушку.

— Попросила немного нам помочь, — ответила она. — Ты молодец, господин, подобрал очень умных, смышленных животных. Гнедой у них главный.

Оставшееся время киммериец учился совершать повороты — на прямых отрезках управлять квадригой для него особого труда не составляло. Он пристегнул гнедого крайним слева, так как заезд начинался по правой дорожке

ипподрома, и жеребец уверенно вел всю упряжку, так что Конану оставалось только удерживать равновесие, чтобы не дать повозке опрокинуться на вираже...

Он обнаружил гнедого мертвым, когда пришел забирать его из стойла утром перед Большими Бегами. Жеребец лежал на боку, в остекленевшей оболочке глаза отражалось солнце, морда была покрыта не успевшей высохнуть пеной. Конюх сказал, что конь пал на рассвете, и он ничего не мог поделать.

Рыча от бессильной ярости, Конан забрал двух вороных и серого, и, отправив опарашенного Базиласа за Ванаей, повел их в конюшни ипподрома. Здесь его уже поджидал юный паж, державший под уздцы прекрасного хауранца с изящной шеей, заплетенной гривой и маленькой головой.

— Дон Бенидио прослышал о вашем несчастье и посылает подарок, — сказал паж, поклонившись. — Сенатор желает вам победы. Он всегда благоволил к партии Карико.

Конан внимательно осмотрел стати хауранского жеребца: ганаши, холку, маклок, суставы... Все было безупречным. И все же киммериец не мог поверить, что здесь обошлось без подвоха.

Он поделился своими сомнениями с появившимся вместе с Ванаей доном Эсанди. Тот тоже осмотрел животное и не нашел никаких изъянов. Пока Ваная напевала вздрагивающему хауранцу свои таинственные заклинания, мужчины коротко посоветовались и пришли к выводу, что, возможно, дон Бенидио действительно не желает победы партии «фиолетовых», так как между ним и Заной дель Донго в последнее время усилились трения. Во всяком случае, лучшего коня уже не найти, с этим был согласен и Базилас. Бывший фаворит пришел в восторг от подарка сенатора и авторитетно заявил, что ни одна лошадь в конюшне «зеленых» даже близко не может сравниться с хауранцем.

Подошла Ваная.

— Это очень быстрый зверь, — сказала она, — но не очень умный. Другие кони его приняли, они помогут.

На арене в это время уже появились музыканты и акробаты, и стражники велели посторонним удалиться из конюшни.

Квадриги располагались в отсеках, разделенных между собой решетками. Справа от Конана готовился к заезду фаворит «красных», слева стояла колесница «фиолетовых», возле которой возились два служителя.

Киммериец впрягал хауранца между гнедым и серым жеребцами своей квадриги, когда появилась Зана. На ней была короткая фиолетовая туника, едва доходившая до середины бедра, на ногах — сандалии с альмандиновыми пряжками в форме трилистника. Кофитка подошла к решетке, разделявшей конюшни, и прижалась к ней лицом. В ее зеленых глазах сквозили искры безумия.

— Что, король, — сказала она негромко, — хочешь отомстить?

Конан не ответил, половчее пристраивая упряжь.

— Ты погибнешь, — низким голосом продолжала Зана, — погибнешь под копытами моих коней! Я напоила их своим зельем... И сама выпила. Мы сможем теперь отправиться на небо, чтобы возить с восхода на закат самого Митру. Присоединяйся к нам, варвар, что может быть сладостнее смерти и вознесения к сияющему своду небес! Ты погибнешь, как погибал много раз в моей постели, испытывая величайшее упоение своим поражением... Давай умрем вместе!

«Ее рассудок помрачен, — подумал киммериец, — много ли чести победить безумную женщину?»

В это время мимо конюшен промчалась серая толпа, за которой гнались разъяренные быки. Один из бегущих попал под копыта, его тело, словно тряпичный мяч, откатилось к наружной решетке загона, голова ударилась о железные прутья. Человек попытался подняться, хватаясь окровавленными руками за решетку, захрипел, кровь хлынула горлом, и он обмяк, ткнувшись лицом в песок.

— Вот настоящий храбрец, презирающий смерть, — указала на него Зана. — И не думай, король, что я безумна. Я приду первой. А ты умрешь.

И она отошла к своей колеснице.

С арены убрали изувеченные тела, судейщик рядом с загонном поднял яркий флажок, давая сигнал приготовить-

ся. Конан взобрался в колесницу. На правую руку он намотал поводья, в левой сжимал длинный бич. Когда сверху, из королевской ложи упал белый платок, судейщик махнул флажком, решетки загона поднялись, возницы стегнули лошадей, и пять украшенных золотом и слоновой костью колесниц помчались вперед, вздымая клубы пыли.

Зрители встретили их стоя: наклоненная стена рук с развевающимися на ветру разноцветными рукавами понеслась справа от Конана, не слышавшего восторженного воя толпы — слаженный рокот копыт по утрамбованной земле поглотил все звуки. Киммериец стоял в своей колеснице чуть справа, откинув назад стан, зубы его были стиснуты, глаза горели, лоб покрылся потом. Густые клубы пыли скрыли украшенные серебряными накладками колеса повозки, выложенный слоновой костью полукруглый передок, крупы коней... Голова Конана словно плыла на сером облаке, его синие глаза внимательно следили за приближающейся метой возле выгнутой стены ипподрома.

Слева от него шла квадрига Заны — на полкорпуса впереди. Откинув локоть, кофитка одной рукой небрежно придерживала шитые золотом шелковые вожжи, другая ее рука поднялась и сжимала костяную рукоятку бича. Она описывала им невероятные круги и овалы, завязывала в воздухе узлы, которые мгновенно развязывались при ударе, рассыпаясь с треском, обжигая спины и уши ее великолепных лошадей. Она владела бичом в совершенстве.

Только у поворота Конан понял, что кофитка имеет преимущество, идя слева от него. Она повернула гораздо ближе к мете и выиграла еще полкорпуса. Квадриги понеслись в обратном направлении, но теперь пыль из-под колес повозки Заны мешала Конану видеть все пространство беговой дорожки. Кофитка обернулась через плечо, торжествуя глянув на киммерийца, и ее бич зашелкал еще быстрее, еще безжалостней.

Квадриги «желто-голубых», «красных» и «оранжевых» отстали на первом же круге. Зана первая обошла мету возле королевской ложи. На колонне было четырнадцать круглых полочек — по числу кругов, которые предстояло

проделать колесницам. На первой стояли пять фигурок дельфинов, окрашенных в цвета партий, на второй — пять кошек, на третьей — пять кроликов и так далее. Когда квадрига «фиолетовых» обогнула мету, судейщик снял дельфинчика соответствующего цвета, а затем снял зеленого, когда мимо пронеслась повозка Конана.

Пятая полка финишной меты опустела, когда киммерийцу удалось обойти Зану. Все это время он почти не подстегивал своих скакунов: те шли отлично, не исключая и хауранца. Небо над Кордавой непривычно хмурилось, начался даже мелкий дождь, необычный для южан, привыкших к сильным коротким ливням. Дождь прибил пыль, видно стало лучше, но вода, смешавшись с песком, покрыла беговую дорожку тонким слоем грязи, чего не учла донна дель Донго. На повороте ее колесница заскользила в сторону и чуть не опрокинулась. Зане удалось ее выправить, но этой заминки оказалось достаточно, чтобы Конан, отлично вписавшийся в поворот, опередил ее квадригу на два корпуса.

Окрыленный успехом киммериец гикнул, и кони понеслись еще быстрее, выбивая копытами комья грязи. На этот раз он первым обогнул мету возле королевской ложи под восторженный рев «зеленых» и удары их бубнов.

Дождь оказался роковым для «красных» и «оранжевых»: колесницу первых занесло, возничий «оранжевых» не рассчитал и врезался в нее на всем скаку. Повозки перевернулись, погребя под собою обоих фаворитов. Пойдя на шестой круг, Конан увидел впереди груды обломков и окровавленное тело в изодранной оранжевой тоге, которое поспешно уносили с арены двое служителей. «Красному» повезло больше: он отделался ушибами и отсиживался теперь на разделительной стенке. Умные кони сами обошли искореженные остатки колесниц и понеслись к очередному повороту, полоща по ветру длинными гривами.

Однако торжествовать победу было еще рано. На протяжении следующих трех кругов Зана почти настигла квадригу киммерийца. Она нещадно стегала своих лошадей, которые и так неслись во весь опор, подгоняемые выпитым зельем, с мордами, покрытыми хлопьями пены.

А потом разрешился секрет хауранца. Облака разошлись, показалось солнце, светившее в глаза лошадям,

когда те шли от королевской ложи. Ничто не предвещало неприятностей: жеребец, подаренный доном Бенидио, отлично пробежал этот участок, но, как только квадрига обошла мету и понеслась в обратную сторону, он тревожно заржал и сбил с ноги. Не понимая, в чем дело, Конан стегнул коня между ушей, но это не помогло. Бег квадриги замедлился, и Зана снова обошла киммерийца.

Завернув возле королевской ложи, хауранец, словно устыдившись своего поведения, опять понесся во весь опор, что помогло Конану почти настигнуть колесницу «фиолетовых». Но, миновав вираж вдоль выгнутого участка стены ипподрома, жеребец снова забеспокоился и замедлил бег. Теперь Конан понял, в чем дело: хауранец пугался собственной тени. Когда солнце светило ему в глаза, он бежал отлично, но как только поворачивал по кругу, начинал шарахаться и закидываться.

«Ты просчитался, Бенидио, — бормотал варвар, безуспешно орудуя бичом, — не думал, что облака затянут небо и дадут мне неплохо пройти девять кругов... Если бы солнце светило все время, я был бы уже последним. Ничего, сенатор, я еще утоплю тебя в море и засуну в твою поганую пасть подходящий окатыш!»

Потом он стал молить Митру наслать облака. И, словно услышав, всегда равнодушный бог внял его просьбам. Небо опять затянулось, хауранец пошел ровно, двенадцатый круг квадрига Конана прошла грудь в грудь с четверкой Заны.

Судейщик снял с предпоследней полки финишной меты фиолетовую и зеленую фигурки, когда кофитка, слегка натянув правый повод, прижала свою колесницу почти вплотную к повозке Конана. Киммериец увидел ее покрытое пылью лицо, на котором безумным светом горели зеленые глаза, полные губы, сведенные сейчас страшной гримасой ненависти... Зана что-то дернула на передке своей колесницы, внизу щелкнуло и тут же раздался треск, словно ломались сотни сухих деревьев. Искоса глянув вниз, Конан заметил, как из-под днища ее повозки выскочило и ударило по спицам его колеса изогнутое зазубренное лезвие. Такие «косы» устраивали на тяжелых боевых колесницах в восточных странах. Но то, что было

уместным на поле боя, казалось диким на спортивной арене.

Конан подал квадригу в сторону, стараясь держаться подальше от опасного лезвия. Он не знал, насколько сильно повреждено левое колесо его повозки, оставалось только надеяться, что спицы не переломятся окончательно до финишной черты. Земля подсохла, облака пыли снова скрывали колесницы больше чем наполовину, так что ни зрители на трибунах, ни судейщики на дорожках ничего не заметили.

Квадрига «фиолетовых» первой вышла на последний круг и стала стремительно удаляться от королевской ложи. Зана безостановочно хлестала по спинам лошадей, заставляя их все ускорять и ускорять сумасшедший бег, оглядываясь через плечо на отстающего локтей на десять киммерийца.

И не рассчитала. Квадрига слишком стремительно подошла к повороту, влекущая ее вперед сила не позволила заложить достаточно крутой вираж. Конан оказался расчелливее: слегка придержав коней, он повернул вплотную к мете и, выйдя на финишную прямую, сравнялся с четверкой Заны.

Словно самум, вздымающий тучи песка в пустыне, летели скакуны к заветной мете — грудь в грудь, голова к голове. Они прошли уже половину последнего отрезка, когда кофитка снова прижала свою колесницу к повозке киммерийца. Еще раз, щелкнув, выскочила «коса», раздался оглушительный треск ломавшихся спиц, колесница Конана угрожающе наклонилась... И в тот же момент крайняя справа лошадь в квадриге Заны жалобно заржала и стала заваливаться на бок. Она потащила всю упряжку под копыта гнедых жеребцов, крайний споткнулся, две четверки сплелись в единый клубок, падая, ломая ноги, разрывая постромки и поводья, увлекая за собой повозки... И все скрыли в клубы пыли. Последнее, что успел заметить Конан, падая, была промчавшаяся мимо колесница «желто-голубых»...

Он очнулся на носилках: четверо служителей с натугой тащили его с арены. Потом увидел над собой сводчатый потолок, запахло чем-то сладким, дурманящим, скорее всего, маковым отваром. Конан понял, что уже давно

находится в этом помещении: левую руку крепко охватывала умело наложенная повязка, ссадины пощипывало, а более серьезных ран он не ощущал.

— Ребра скоро заживут, — услышал он голос Сантидио, — переломов нет, только трещины. Так говорит лекарь.

Конан застонал и сел. Лекарь в кожаном фартуке мыл неподалеку руки.

— Плечо тебе вправили, — заключил Сантидио.

— Что... что с Заной?

Дон Эсанди молча указал в дальний угол, где, прикрытое окровавленным полотном, на носилках лежало тело. Возле стоял бритый жрец. Он держал в руке длинную витую свечу и бормотал слова какого-то обряда.

Подойдя к носилкам, Конан понял, что это слова отходной молитвы. И еще он понял, что Зана еще жива. Киммериец присел рядом. Ее зеленые, подернутые туманной дымкой глаза остановились на нем, узнавая. В них не было прежней ненависти, только боль.

— Что ж, король, ты... победил... — проговорила женщина, едва двигая побелевшими губами. — Моя лошадь... Дон Бенидио... Но, согласишься... нам было хорошо... тогда...

Она вдруг слабо улыбнулась.

— Мы еще встретимся... любимчик Вакаты...

Легкий вздох сорвался с ее губ, глаза остановились. Конан протянул руку и опустил женщине веки.

— Почему с ней никого нет? — спросил он Сантидио.

— О ком ты? Не думаю, чтобы Зане хотелось видеть в последний момент своего мужа.

Он помолчал, потом задумчиво произнес:

— Судьба распорядилась так, чтобы в последний миг рядом с ней были два мужчины, которые... любили ее когда-то. Ведь и ты любил ее, Конан. Хотя бы по принуждению.

Киммериец ничего не ответил. Он поднялся и отошел в сторону, оставив умершую попечению жреца.

Только сейчас он обратил внимание на сильный шум, долетающий через узкие окна. Спросив дона Эсанди о его причинах, получил ответ:

— «Зеленые» и «фиолетовые» выясняют, кто виноват в том, что их колесницы разбились и впервые за многие

годы первыми к финишной мете пришли «желто-голубые». Они выясняют это на арене с помощью кулаков и оружия. Стражники не вмешиваются. Дон Бенидио прямо в королевской ложе провел экстренное заседание Сената. Принято решение распустить партию «зеленых» и... партию «фиолетовых». Когда гора трупов на беговых дорожках станет достаточно внушительной, Сенат объявит о введении прямого королевского правления. Кто станет настоящим хозяином страны, можно не объяснять.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил варвар.

— У меня есть друзья среди сенаторов. И это еще не все. Готовится указ о запрещении «Белой розы» и аресте ее руководителей.

Конан вдруг расхохотался.

— Выходит, мы оба опять вне закона?

— Выходит.

— И куда направимся? Как в прежние времена — в Преисподнюю?

Сантидио внимательно посмотрел на своего друга.

— Я помню, что в записке фаллийца говорилось о том, что ты должен ждать знака, который подаст Джаббал Саг.

— Точно.

— Так вот. Вчера прилетел филин. Он принес записку от жрицы этого бога — моей сестры Дестандази. Я считал, что она погибла двадцать лет назад, и ты похоронил ее.

— Я не успел рассказать тебе... — начал было Конан, но Сантидио прервал его нетерпеливым жестом.

— Потом! Не станем дожидаться, пока Бенидио начнет действовать. Мы отправляемся в Пустопи Пиктов.

НОЖ ДИВИАТРИКСА

Скажи, незнакомец, откуда пришел?

Ответил он так:

— Нетрудно сказать: через столпы времени,
через руку жены вяза,
через потоки Деона,
через железо плывущее,
через камень бесплотный,
через земли солнца,
через жилище луны,
через пуповину юноши.

Скажи, незнакомец, куда ты идешь?

Ответил он так:

— Нетрудно сказать: иду в долину времени,
на гору юности,
в погоню за годами,
в обитель праха,
между свечой и пламенем,
между битвой и ее ужасом,
к обители конца и начала,
к потокам мудрости.

Вопрошение фелидов

Глава 20. ПОЛЯНА ВЯЗА

В том месте, где граница Зингары пересекала излучину реки Черной, находился торговый пост. Место, впрочем, было довольно условным, сторожевые форты располагались гораздо южнее, но зингарские топографы, расчерчивая пергаментные карты, искренне полагали, что владения короля Элибио простираются именно до этой невидимой черты, и ни пядью меньше. Пикты же считали по-иному, что нередко служило причиной их набегов и ответных карательных экспедиций зинграцев. Впрочем, за последние двадцать лет многое изменилось: новые власти Кордавы предпочитали вести с дикарями торговлю и улаживать спорные вопросы путем переговоров. Пикты-торговцы появились в укреп-

городках западнее Черной, а однажды какой-то вождь, украшенный перьями и многочисленными ожерельями из сушеных рыбьих голов, в сопровождении доброй половины своего племени посетил Кордаву. Народ сбегался смотреть на это невиданное зрелище, как на бродячий цирк. Вождя принял регент Бенидио, подарил делегации два мешка стеклянных шариков для бус и заключил с пиктами договор о вечном мире и дружбе. Впрочем, пиктская сторона не долго придерживалась соглашений: на обратном пути племя напало на зингарский форт и было полностью уничтожено его гарнизоном. Больше пиктов в столицу не пускали, хотя обмен товарами продолжался к взаимной выгоде: среди кордавских модниц очень ценились сумочки из кожи болотного зверя курлу, а северные соседи охотно принимали все, что блестело и могло нанизываться на волосяные шнурки или вставляться в нос и уши. Это не мешало пиктам время от времени по старому обычаю выходить на тропу войны, убивать зингарских торговцев и жечь форты. Только торговый пост в излучине Черной пикты не трогали.

Кто и когда выбрал это место, не знали даже ученые мужи Кордавы. По обеим берегам реки тянулись здесь непроходимые дикие заросли, так что причаливший путешественник не смог бы удалиться от воды и на десяток шагов. Ветви деревьев, перевитые лианами, почти смыкались над рекой, образуя купол с узкой полоской неба посередине. Русло в этом месте несколько сужалось, очевидно, это и стало причиной, побудившей прежних властителей провести здесь границу. Реку перегораживала опущенная в воду заржавленная цепь, прикрепленная к двум каменным идолам, темнеющим на берегах. Один изображал седоусого мужчину с солнечным знаком на груди и смотрел почти стертými дождями и ветром глазами в сторону Пустоши Пиктов, второй, с женским ликом, обращен был в сторону Зингары. Цепь никогда не поднималась.

На правом берегу реки стоял поднятый на свай дом. Он был сложен из кривых коряг, подогнанных так искусно, что самый придирчивый взгляд не обнаружил бы ни одной щели. Дерево густо поросло мохом и рос-

сыпями бледных грибов, окна были затянуты мутными бычьими пузырями.

Торговый пост держали два полукровки — отец и сын. Глава семьи, которого звали Инзио, был маленький, до глаз заросший человек, мрачный и нелюдимый. Наследник по имени Бизо, напротив, вымахал на шесть с лишним локтей, и лицом походил скорее на зингарца, чем на пикта.

Легко орудуя тяжелым каменным топором, Инзио колот дрова в ограде за домом, когда появился Бизо и сообщил, что снизу идет лодка с двумя людьми. Ворча и не выпуская из рук топор, старший направился к берегу. «Возьми лук и ступай на крышу», — бросил он сыну, который поспешил выполнить распоряжение.

Инзио притаился за каменным истуканом, наблюдая за лодкой, которая подходила к берегу. В ней сидели двое: зингарец в костюме почтового чиновника — на носу и смуглый здоровяк, голый по пояс — на веслах. Когда посудина уткнулась в песок, они выбрались на берег и, настороженно осматриваясь, двинулись к дому.

Инзио возник перед ними, словно демон, соткавшийся из воздуха. Прибывшие невольно подались назад, схватившись за оружие. Однако хозяин торгового поста не поднял топор. «Явились», — пробурчал он и косолапо побежал к дому на сваях, сделав пригласительный жест подняться в его жилище.

Когда гости взобрались по крутой лестнице и вошли в единственную комнату необычного дома, их встретил Бизо. Он молча указал на широкую лавку и, усевшись напротив, принялся строгать каменным ножом длинную ветку.

— Кажется, на берегу нас встретил старина Инзио, — сказал человек с бородкой своему спутнику, — он насколько не изменился за те двадцать с лишним лет, что мы его не видели. Послушай-ка, парень, — обратился он к долговязому, — мы...

— Сантидио и Конан, — проворчал тот, не отрываясь от своего занятия, — велено обождать.

— Какой любезный прием, — съехидничал дон Эсанди, — не удивлюсь, если сейчас нас покормят.

Бизо ничего не ответил.

— Весь в папашу, — сказал Сантидио, — столь же красноречив и услужлив. Что ж, придется коротать время натошак, пока Дестандази не пришлет мохнатого проводника. Мы не могли разговаривать на реке, где ты опасался привлечь пиктов, может быть, сейчас расскажешь, как моей сестре удалось спастись? Готов снова взойти на Танцевальный Помост, если не видел ее мертвой в покоях Мордерми.

Дон Эсанди происходил из древнего и знатного рода, долгое время занимавшего высокое положение при зингарских королях. Взбалмошный Риманендо обвинил его отца в укрытии большей части налога, который тот собирал в своей вотчине, хотя Сантидио уверял, что отец просто отказался увеличить и так непомерные суммы поборов. Как бы то ни было, старший Эсанди назвал короля жадным развратником, лишился головы, а его домашние погибли при весьма загадочных обстоятельствах. Но рождение трех близнецов, брата и двух сестер, — редкий случай для Зингары, где это число издревле почиталось священным, — не позволило избавиться от них так же легко, как от остальных членов семьи Эсанди. Благодаря этому обстоятельству и симпатии народа к отцу, его дети остались живы, лишившись, правда, состояния и всех титулов. Брату и его сестрам-близнецам Сандокадзи и Дестандази пришлось самим искать свое место в жизни. Сантидио и Сандокадзи примкнули к заговорщикам, а Дестандази избрала другой путь: удалившись за Черную реку, она стала жрицей древнего культа Джаббал Сага и жила уединенно, почти не общаясь с внешним миром.

Лишь однажды сестра Сантидио покинула свою поляну и Священный Вяз, внутри которого обитала, подобно дриаде. Тогда ее знания помогли Конану одолеть колдуна-некроманта, чуть было не погубившего Зингару. Незадолго до того чародею удалось оживить труп Сандокадзи, погибшей от руки коварного Мордерми, поначалу влюбившего в себя девушку. Зомби, в которого превратилась несчастная, пытался проникнуть в святая святых Джаббал Сага и расправиться с Конаном, Сантидио и жрицей, но был остановлен чарами последней. Тело Сандокадзи погребли по всем правилам, а сама Дестан-

дази погибла, как до сих пор считал ее брат, во время штурма резиденции Мордерми.

— Когда я покинул дворец, предоставив тебе право распоряжаться короной Зингары, я отвез Дестандази на ее поляну, как обещал, — начал Конан. — Клянусь Кромом, я тоже считал ее мертвой. Правда, на ее теле не было ни единой царапины, но она не дышала и сердце не билось. Дверь в халупе Инзио оказалась крепко запертой, но во дворе сидел волк, тот самый, что провожал нас к вязу в прошлый раз. Я пошел за ним, желая похоронить твою сестру возле дерева. Куда там — зверюга не дал мне и шагу сделать внутрь невидимого круга. Помнишь, мертвая Сандокадзи тоже не могла за него проникнуть? Но я-то был живехонек! И все же волк вынудил меня положить тело за невидимую черту, а дальше не пустил. Я сделал вид, что уйду, а сам затаился в кустах.

— И что же ты увидел? — нетерпеливо спросил Сантидио.

— Да ничего особенного. Дестандази просто встала и пошла к своему вязу, даже не оглянувшись.

— Ты сказал «ничего особенного»? Словно каждый день видишь воскресение из мертвых!

— Не каждый день, но нечто подобное наблюдать приходилось. Иногда даже люди впадают в сон, подобный смерти, когда почти останавливается сердце, а все члены холодеют, словно лед. А потом просыпаются, как ни в чем не бывало. Как сказал бы Пресветлый Обиус, на все воля Митры. Стоит ли удивляться заботе более древнего бога о своей жрице? Что, кстати, было в ее записке, которую принес филин?

— Всего несколько слов: «В горне пылает огонь». И ее подпись.

— Что бы это могло... — начал варвар, но тут с улицы вихрем влетел косматый Инзио.

— Быстро уходите! — крикнул он, придерживая дверь полуоткрытой.

— Благодарим за любезный прием! — отвечал Сантидио, и гости покинули комнату, не слишком, впрочем, поспешная. Дверь за их спинами с треском захлопнулась.

Они уже знали, кого увидят во дворе. Матерый волк спокойно сидел возле дома, глядя на людей желтыми глазами. Мощную шею охватывал ремень из кожи буйвола с прикрепленным к нему круглым деревянным футляром. Сантидио подошел к зверю, достал из коробочки небольшой пергаментный свиток и прочел записку.

— Нас ждут, — сказал он Конану.

Они двинулись вслед за волком, который неторопливо затрусил к густым зарослям позади хозяйственного двора. Подойдя к сплошной стене перевитых плющом и лианами кустов, он на миг приостановился, и тут же люди увидели тропу, ведущую в глубь леса. То ли заросли раздвинулись, то ли проход можно было заметить только подойдя к нему вплотную...

Когда недавние гости скрылись в чащобе, Инзио открыл дверь и опасно выглянул наружу. Потом помахивая сыну и приказал:

— Ступай на крышу, следи за рекой.

Бизо досадливо поморщился: его лицо обладало большей подвижностью, чем грубая физиономия папаша.

— Я хотел закончить свои стрелы, — пробурчал он. — Следующую лодку жди через неделю. Да и чего их высматривать? Сюда приплывают только торговцы...

— Хочешь, чтобы я вышиб замашки твоей зингарской родительницы поленом?! — рявкнул Инзио. — Ты наполовину пикт, и должен беспрекословно слушаться старших!

— Я пикт на четверть, — огрызнулся Бизо и тут же пригнулся, едва увернувшись от пущенного ему в голову глиняного горшка.

В который раз давая себе слово сбежать из дома при первом же удобном случае, Бизо полез на крышу, где была устроена наблюдательная площадка. Отсюда при желании можно было держать под обстрелом всю излучину, однако надобности такой давно не возникало: благодаря своему происхождению от пикта и зингарки, а также в силу некоторых иных обстоятельств, Инзио умел ладить и с купцами, приплывавшими с юга, и с дикими обитателями лесов.

Парнишка уже присел в углу площадки, намереваясь продолжить обстреливать древко будущей стрелы, когда

увидел лодку, идущую против течения. Он уже хотел бежать вниз и сообщить о ее появлении отцу, как вдруг застыл, пораженный. За первой лодкой показалась вторая, затем третья, четвертая...

Бизо кубарем скатился вниз. Инзио сидел за грубым столом, на котором лежал каменный топор.

— Там, там... — сын едва сумел перевести дух. — Там много лодок, а в них люди с оружием! Много людей в желто-красной одежде, они прикрыли борта щитами, так что ни одна стрела не причинит им вреда!

— Иди на берег и встреть их с возможным почтением, — сказал Инзио. Когда сын убежал, коротышка подошел к большому ларю, открыл крышку и достал меха с вином, большой железный нож и нехитрую снедь: жареные каштаны, сушеное мясо и вяленую рыбу. Положил все это на стол, убрал топор и стал ждать.

Первым внутрь вошел сутулый мужчина в простой черной одежде. На его широком кожаном поясе висело штук двадцать мешочков из тонкой голубой материи. Следом протиснулся толстяк в солдатской кирасе, грозно сопевающий в длинные седые усы. Потом появились еще трое людей в красно-желтой форме кордавских стражников.

— Меня зовут Родагр, — представился человек в черном, — а ты, как я понимаю, Инзио, таможенник?

— Можно и так сказать, — отвечал косматый коротышка, поднимаясь из-за стола. — Пикты мне свой товар привозят, ваши кунцы — свой. Все довольны. Не хотите пожевать чего с дороги?

И он указал на снедь на столе.

— Я сержант королевской стражи дон Паралито, — грозно сказал усатый, — мы преследуем двух беглецов, объявленных в Зингаре вне закона. Это их лодка стоит напротив твоего дома. Отвечай, поганец, где они?

— Спокойней, сержант, — прервал его Родагр, — думаю, у господина таможенника нет никаких оснований скрывать что бы то ни было от представителей власти. Так куда направились Конан и Сантидио, милейший?

Коротышка исподлобья смотрел на незваных гостей. Впервые за многие годы он предложил кому-то подкрепиться в собственном доме, а в ответ его называли поган-

цем! Он был наполовину зингарец, горячая кровь матери требовала немедленно ответить на оскорбление. Но отец Инзио был пиктом, а пикты умели выжидать, чтобы нанести врагу удар в самый неожиданный момент.

— Я даже не знаю их имен, — проворчал хозяин заставы, — эти двое дали мне вино и свой нож в обмен на мою лодку и поплыли вверх по Черной.

— Как же ты, пикт, принял железное оружие? — спросил Родагр, не повышая голоса.

— Моя пиктская половина против металла, — согласился Инзио, — но зингарская его любит. У этого ножа железное лезвие и рукоятка из какого-то поделочного камня.

— Он лжет! — топнул ногой Паралито. — Зачем бы беглецы стали менять лодку?

— Затем, — объяснил Инзио, — что пиктские однодеревки лучше приспособлены к плаванию по протокам. А господа, видно, решили поохотиться на зверя курлу, который иногда забредает в плавни.

В это время дверь открылась, и в комнате появился еще один стражник.

— Господин сержант, — отрапортовал он, — мы нашли следы сапог возле кустов. Одни поменьше, а вторые такие здоровые, что поначалу...

— Ага! — взревел Паралито, и усы его встали дыбом. — Я знал, что эта мохнатая обезьяна лжет! Теперь мы нагоним паршивцев.

— Никак нет, — робко вставил стражник, — наши ребята сунулись было в заросли, но только оцарапали лица и порвали мундиры. Там не пройти. Хотя следы исчезают в кустах.

— Колдовство? — сержант обернулся к человеку в черном. — Это по вашей части!

— Думаю, мы не сможем решить задачу без помощи нашего хозяина, — задумчиво произнес лекарь, — добровольно он нам ничего не скажет, но если мы слегка поджарим пятки его сыну...

Нож, пущенный волосатой рукой коротышки, просвистел у него над ухом и вонзился в грудь стоявшего рядом стражника. Капрал выхватил шпагу, но, вместо того чтобы атаковать, предусмотрительно отступил к двери вслед за

Родагром. Он поступил весьма умно: двое его подчиненных, кинувшихся было на полукровку, погибли под ударами каменного топора.

Вытолкнув Паралито наружу, лекарь сорвал с пояса один из мешочков и бросил под ноги Инзио. Взметнулось облако серой пыли. Родагр высочил из комнаты и захлопнул за собой дверь. Сержант зычными воплями сзывал стражников, которые, обнажив шпаги и приготовив арбалеты, собирались атаковать халупу «таможенника».

— Отставить! — бросил Родагр. — Коротышка неплохо обращается с топором, но он больше не опасен. Лучше привяжите его сына вон к тому столбу и соберите хворост.

Он распахнул дверь и спокойно вошел в дом. За ним, держа арбалет наготове, последовал Паралито. Инзио лежал на спине, раскинув короткие волосатые руки, из его груди вырывался мощный храп. В воздухе стоял сладковатый запах.

— Отличная смесь, — пояснил лекарь тупо уставившемуся на это зрелище сержанту, — маковые и конопляные зерна, немного порошка Черного Лотоса, ну и еще кое-какие ингредиенты. Может заставить уснуть не только человека, но и зверя, и даже растение. Пусть солдаты вынесут пикта наружу и покрепче свяжут — он скоро очнется.

Стражники уже примотали долговязого парня к одной из свай дома и обложили со всех сторон ветками. Отца привязали напротив, к высокой жерди, наверху которой трепыхалась выцветшая тряпка, бывшая когда-то зингарским флагом. Сержант встал рядом с Бизо, держа в руке принесенный из лодки и подожженный огнем факел. Грубое лицо Инзио не изменилось, когда, очнувшись, он увидел эту картину.

— Так ты покажешь нам, где начинается тропа? — спросил его Родагр.

— Пусть вас сожрет Дарамулун, — буркнул коротышка и отвернулся.

— Хочешь, чтобы твой сын сгорел вместе с халупой? Инзио только сплюнул.

— Принесите ведро воды и поставьте рядом, — распорядился Родагр. — Потом подожгите хворост. Мы зальем его, если папаша надумает пожалеть сына.

Один из стражников сбежал за водой, и Паралито ткнул факелом в охапку веток. Огонь затрещал, повалил белый пар — дрова никак не хотели заниматься.

— Что за бесовщина, — злился бравый вояка, тыкая факелом то спереди, то сзади от ног привязанного, — сырые, что ли?

Он поднял факел над головой и попытался снизу поджечь бревенчатый настил, служивший полом дома. Бревна даже не почернели.

— Ах вот почему ты так спокоен, — пробормотал Родагр и приказал стражнику принести из лодки свою сумку.

Он достал из нее фляжку и, вытащив из-под ног Бизо одну ветку, побрызгал на нее резко пахнущей жидкостью. Потом поднес к факелу — ветка вспыхнула и занялась ярким пламенем.

— Нет! — раздался отчаянный вопль Инзио. — Оставьте моего сына в покое!

— С удовольствием, — криво улыбнулся лекарь, — если ты укажешь проход в лес.

— Не могу, — в голосе полукровка звучало искреннее отчаяние, — ее слуги не знают пощады к предателям... Придут и усядутся вокруг дома, и будут смотреть страшными желтыми глазами... Клыки, когти и древний ужас...

— Поджигай, — скомандовал Родагр сержанту, плеснув на дрова из фляжки.

Паралито уже собирался поднести факел к хворосту, когда с заднего двора прибежал стражник.

— Мы нашли тропу, господин сержант, — доложил он. — Вернее, волк на нее вывел...

— Волк?! — вздрогнув, переспросил лекарь.

— Здоровый волчище! Смотрим, из кустов появился. Я за арбалет, а он пасть обратно, только его и видели. Мы с Паблито за ним, а его след простыл. Только глядим — тропа сквозь кусты идет и следы по ней, одни поменьше, другие здоровущие. Паблито там остался, а я к вам, значит.

— Молодец! — похвалил сержант солдата. — Десятником сделаю. Что скажете, дон Родагр?

Лекарь задумчиво потер виски, что-то обдумывая. Приняв решение, он распорядился собрать стражников и построить их попарно.

— Если там прошли эти двое, пройдем и мы, — сказал он сержанту. — Будем держаться их следов. А полукровку и его сынка оставьте связанными в доме. На обратном пути захватим их с собой в Кордаву. Пусть суд решает, как поступить с укрывателями государственных преступников.

— Как-как, — осклабился Паралито, — известно как! Танцевальный Помост уже отстраивают, его величество никому спуску не дадут, не то что эти болтуны из парламента. Правильно их разогнали.

Отряд во главе с сержантом подошел к зарослям, где томился оставленный стеречь тропу Паблито. Стражник был совсем молоденький, великоватый шлем все время съезжал ему на глаза. Он с нескрываемым страхом смотрел в узкий проход между зелеными стенами плотных ветвей. Тропа была влажной, на ней четко отпечатали свои следы две пары сапог. Из глубин леса тянуло сыростью, гнилью и еще чем-то непонятным.

— Что, сынок, жутко? — спросил сержант, отечески похлопывая Паблито по плечу. — Ничего, это бывает. Иди-ка ты первым.

Отряд углубился в душную утробу зарослей, осторожно ступая по скользкой глине. Неясное беспокойство охватило даже бывалых солдат. Сержант сошел и крутил головой на короткой шее, высматривая среди ветвей возможного врага. Но все было тихо: ни пения птиц, ни треска веток, ни шуршания зверя. Две пары следов цепочкой убегали вперед.

Вдруг идущий впереди Паблито вскрикнул и упал. Сержант вытащил из ножен шпагу и, выставив ее перед собой, приблизился к солдату. Тот испуганно поднял облепленное грязью лицо.

— Споткнулся я, господин сержант, — виновато произнес он, — корни тут...

— Споткнулся, так вставай! — рявкнул его начальник. — Понабирали сосунков...

Он вдруг осекся, пораженный увиденным. Корень, который попался под ноги стражника, ожил и потянулся к юноше. Тот в ужасе закричал, но крик тут же перешел в предсмертный хрип, когда корень сдавил ему горло. Глаза парнишки вылезли из орбит, вывалились изо рта посинев-

ший язык, тело дернулось в тщетной попытке освободиться и тут же обмякло.

Никто не успел ничего понять, как заросли ожили: ветви кустов опустились, закрывая дорогу, гибкие лианы потянулись к людям, обвивая их тела, сковывая руки и ноги, подбираясь к шеем...

— Руби! — отчаянно завопил сержант, пробуя орудовать шпагой.

Все было бесполезно. Зингарские шпаги предназначались для колющего удара и не могли нанести живым зарослям никакого вреда. Солдаты пробовали стрелять из арбалетов, но стрелы исчезали в гуще ветвей, которые продолжали хлестать по ногам и лицам, выпуская гибкие зеленые щупальца лиан. Один за другим с посиневшими лицами стражники падали на землю, извиваясь не хуже ползучих растений, судорожно царапая пальцами мокрую грязь, навсегда застывая в самых нелепых позах... Последним погиб Паралито: он отчаянно сопротивлялся, пока хлестнувшая неожиданно по лицу ветвь не отбросила его на острый сук, пронзивший жирную шею сержанта.

Как только заросли ожили, Родагр, шедший последним, бросился назад по тропинке, но, пробежав шагов двадцать, остановился, поняв тщетность своей попытки. Ветви кустов плотно сплелись перед ним, отрезав путь к отступлению, а обернувшись, лекарь обнаружил точно такую же живую стену: теперь он не мог двигаться ни вперед, ни назад. Из-за кустов слышались отчаянные крики погибающих, зеленые змеи лиан потянулись к нему...

Родагр не стал медлить: вытащив из-за обшлага пропитанный специальным раствором платок, он обмотал нижнюю половину лица, прикрыв рот и нос, потом сорвал с пояса синий мешочек и, усиленно размахнувшись, бросил себе под ноги. Тонкая ткань лопнула, серое облако пыли окутало лекаря.

Пыль опускалась на ветви и стебли, и там, куда она попадала, живые заросли теряли свою гибкость и чахли на глазах, словно в эти южные края неожиданно пришла осень. Листья желтели и опадали, голые прутья беспомощно поднимались вверх и застывали, обнажив свои красноватые колючки. Зеленые змеи превращались в бурые неподвижные стебли, падающие в грязь.

Но облако быстро развеялось, а в десяти шагах впереди заросли продолжали жить и угрожающе шевелиться. Чтобы пройти вперед, Родагру пришлось бросить под ноги еще один мешочек. Все повторилось, листья завяли и опали, обнажив ветви, лианы высохли и перестали тянуть к лекарю свои зеленые щупальца. Он смог одолеть следующие десять шагов. Так, бросая свои мешочки, Родагр медленно продвигался вперед по тропе, миновал трупы стражников и через сотню шагов оставил за спиной смертельные заросли. Когда тропа вывела его под сень широко стоявших исполинских деревьев, на поясе лекаря остался всего один мешочек.

Земля стала суше, тропу почти скрыл мох, но все же она виднелась и убегала вдаль, петляя между огромными стволами, столь же древними, как и попадавшиеся во множестве огромные седые валуны. Покоем веяло из глубин первобытного леса; по-прежнему молчали птицы, но тишина уже не была зловещей; никто не таился за могучими стволами, никто не поджидал незваного гостя. Понимая, что миновал опасное место, лекарь быстро пошел по тропинке к светлевшей вдали прогалине.

Вскоре он оказался на краю небольшой поляны. Вместе с окружающим лесом она изгибалась вниз, словно вогнутый щит, и падала, поглощенная лесистым яром. Посредине поляны журчал источник, рядом темнели уголья потухшего костра. В полете стрелы от опушки стоял огромный вяз с таким толстым стволом, что его не смогли бы обхватить и десять мужчин. У самых корней темнело огромное дупло.

Шагнув вперед, человек в черном натолкнулся на невидимую преграду. Он был готов к этому и только усмехнулся. Сняв круглую войлочную шляпу, отпорол подкладку, достал длинный красноватый кристалл, похожий на большую иглу, и прикоснулся острием к прозрачной стене, бормоча заклинания. Красные сполохи побежали вокруг кристалла, образуя подобие арки. Родагр прошел сквозь нее и вступил на поляну вяза.

Вокруг царила все та же тишина. Кривя губы в презрительной усмешке, человек в черном направился к дереву и скрылся в темном отверстии у его основания.

Дестандази встретила их на опушке, как и двадцать с лишним лет назад. Всю дорогу киммериец пытался представить, как может теперь выглядеть сестра Сантидио. Он ожидал увидеть пожилую женщину с седыми волосами, подурневшим лицом и потемневшей кожей, быть может, согнутую временем, опирающуюся на палку.

Но женщина, встретившая их на поляне вяза, вовсе не походила на созданный им образ. Она была все той же: крепкая, загорелая, с огромными темными глазами на смуглом лице. Ни единой седой пряди не было в блестящих черных волосах, волнами падающих на прямые сильные плечи, на маленькую грудь, струящиеся по узким бедрам — до самых икр ее стройных босых ног. Все та же жесткая улыбка и гордая осанка, да и одежда на ней была прежней: темно-зеленая накидка до колен, стянутая на поясе алым шнуром и скрепленная на плечах плетеными завязками. Снова, как и много лет назад, она показалась Конану прекрасной дриадой, явившейся из своего дерева, чтобы изумить путников.

— Приветствую тебя, брат, — произнесла она бесстрастно, словно они расстались только вчера, — и ты здравствуй, Конан-варвар.

— Мир и благополучие твоему дому, сестра, — отвечал Сантидио, — я рад, что вижу тебя живой.

Дестандази подала мужчинам руку, и Конан, как и в первую их встречу, отметил силу ее тонких пальцев.

— Я приготовила вам поесть, — все так же ровно сказала жрица, — правда, Конану мое угощение вряд ли придется по вкусу, я заметила это в прошлый раз.

— Свежий воздух твоего леса заставил меня так проголодаться, что я готов принести в жертву свою любовь к мясу и насытиться лепешками, фруктами и овощным супом, — любезно поклонившись, отвечал варвар.

Дестандази слегка улыбнулась.

— Ты сильно изменился за то время, что мы не виделись, — сказала она.

— Да ведь прошло двадцать с лишним лет, сестра, — не удержался Сантидио, — только ты не меняешься...

— Здесь ничего не меняется, — ответила жрица и повела гостей к вязу.

Пригнув головы, они шагнули в дупло и оказались в обители дриады. Она была права: ее жилище, гораздо более обширное, чем казалось снаружи, осталось прежним. Резные сундучки с утварью, круглый стол на витой ножке, небольшой ткацкий станок, сделанные руками хозяйки, белели свежим деревом, словно только что появились на свет. Солнечные лучи падали сквозь круглые отверстия на месте выпавших старых веток, озаряя мягким светом вышитые платы на древесных стенах, полки с книгами и свитками, сплетенную из лиан постель, подвешенную в углублении над головами гостей. Тихо потрескивал огонь в маленьком очаге, дым уходил сквозь выгнившее отверстие в стволе вяза. Покойно и хорошо было в этом убежище, над которым, казалось, не властвовало само время.

И только одно было внове: посреди дупла, прямо из земляного пола росло небольшое, в пол человеческого роста деревце с тоненькими ветвями и нежными зелеными листочками.

Заметив удивленный взгляд гостей, жрица пригласила их сесть на маленькие табуретки и, указав на деревце, сказала:

— Мой вяз слишком стар, он не проживет долго. Когда новому ростку станет тесно в его дупле, дерево придется свалить. Тогда я умру.

Она произнесла это спокойно, как нечто само собой разумеющееся, и, заметив, как помрачнело лицо Сантдио, добавила, улынувшись:

— Не печалься, брат, поляна вяза не останется без присмотра. У меня есть дочь.

Жрица мелодично свистнула, и в неровном проеме показалась тоненькая девушка, почти девочка, в короткой зеленой накидке. Она поклонилась мужчинам и робко присела на скамейку рядом с матерью.

— Я назвала ее Сандокадзи в честь погибшей сестры, — сказала хозяйка, — она уже многое умеет.

— Зачем Джаббал Сагу твоя смерть? — грустно спросил Сантдио. — Один раз он уже вернул свою жрицу с Серых Равнин, зачем отправлять ее туда снова?..

— Не говори о вещах, которых не понимаешь, — строго прервала его Дестандази, — никто из людей не живет

вечно. Боги плетут нити нашей судьбы, и только им ведомо, что и в какой последовательности должно происходить. Твой друг мог в этом убедиться. Я не знаю точно, что произошло, но руны сказали мне: Конан хотел изменить ход событий, отказаться от взятых обязательств... И не преуспел. Что скажешь, киммериец?

— Скажу, что во многом ты права, — ответил варвар, — хотя, думаю, боги лишь намечают нашу судьбу, а остальное зависит от человека. Но бывают моменты, когда небожители пристально глядят на людей из своих запредельных чертогов. Это случается, когда они возлагают на кого-либо особую миссию. Я мог в этом убедиться, когда искал божественной Силы и вступил во взаимоотношения с самим Митрой. Я не захотел играть по его правилам и был наказан.

— А сейчас повторяешь ошибку, — едва слышно произнесла жрица.

— Поверь, если бы знал, что дело серьезно, не стал бы искать обходных путей. Но я счел, что меня обманули, и просто разозлился. На мою долю выпали унижения, которые для меня хуже смерти, и, думаю, неспроста. Теперь я готов выполнить возложенную задачу и отправиться на север, чтобы найти заброшенное капище. Ты поможешь мне в этом?

Дестандази протестующе подняла руку.

— Я не знаю и не хочу знать, в чем состоит твоя миссия, это удел богов! Хотя дело, действительно, очень серьезно. Руны сказали мне, что от твоего успеха или провала зависит судьба Великого Равновесия. Я раскладывала таблички трижды, не в силах поверить своим глазам, и всякий раз выпадало одно и то же. В твоих руках судьба мира, Конан-варвар!

Холодный пот выступил на лбу киммерийца. Он смахнул его, чувствуя, как дрожат пальцы. Он никого и ничего не боялся — ни людей, ни колдунов, ни демонов — но в словах этой женщины, которой он безоговорочно поверил, звучал горький упрек и... страх. Жрица древнего божества вселила в него неуверенность и чувство раскаяния. Он вдруг ужаснулся, подумав, что радужное зелье слишком надолго приковало его к постели Заны, и он теперь может просто не успеть добраться до северного побережья пиктов.

к началу обряда Посвящения. «Многие будут стараться задержать тебя...» — вспомнил он слова из записки Да Дерга.

— Послушай, — сказал Конан охрипшим вдруг голосом, — что такое «ведьмин глаз»?

— «Ведьмин глаз»? — удивленно переспросила Дестандази. — Есть такое болотное растение с желтыми цветами...

— А когда они распускаются?

— Ранней весной.

— Не то! Я должен попасть в нужное в ночь Открытия Ведьминого Глаза. А весной я только отплыл из Гандерланда.

— Ах вот что, — лицо жрицы прояснилось, — я поняла! «Открытием Ведьминого Глаза» называют затмение ночного светила. Время от времени Луну поглощает тьма, оставляя лишь яркий ободок или серп. Это и есть Ведьмин Глаз.

— Ничего себе подсказка! — в сердцах воскликнул варвар. — Брегон снова загадал загадку, которая, сдастся мне, не имеет ответа. Кому же ведомо, когда случится затмение!

— Мы не знаем природы этого явления, — спокойно ответила Дестандази, — но древние мудрецы умели предсказывать его с большой точностью. У меня есть ахеронский манускрипт, а в нем — предсказание лунных затмений на тысячелетия вперед.

— Ну, это сказки! — воскликнул Сантидио. — Готов поверить, что ахеронцы могли жечь воду и посылать снаряды, способные уничтожить целые города за тысячи лиг от их баллисты, как об этом говорится в некоторых старых рукописях. Но предсказывать затмения на столько лет вперед... Сказки!

Сестра ничего не ответила на его пылкую речь. Она подошла к полке и сняла объемистый круглый футляр. Внутри оказался свиток материи, накрученный на ось из слоновой кости. Дестандази разложила его на столе и углубилась в изучение непонятных знаков.

— Так, — сказала она через некоторое время, — по их летоисчислению сейчас идет Год Синего Кита третьего

цикла Железной Эпохи. Ближайшее затмение должно произойти в Сезон Малых Дождей, накануне праздника Женских Волос.

Она что-то прикинула, делая вычисления на вощенной дощечке.

— По-нашему это означает двадцать восьмую ночь второго летнего месяца. У тебя осталось всего сорок дней, Конан!

Варвар облегченно вздохнул. Срок не слишком велик, но успеть можно. Если, конечно, корабль не попадет в бурю и ветер будет попутным.

— Что ж, — сказал он, вставая, — спасибо за подсказку, теперь я, по крайней мере, знаю, когда должен случиться обряд в заброшенном капище. Прощай, Дестандази! Оставаясь подольше такой же молодой. Ты идешь со мной, Сантидио, или побудешь здесь?

— Погоди! — дон Эсанди придержал варвара за руку. — Сестра, в твоей записке что-то говорилось об огне и горне...

— Конан, как всегда, нетерпелив, — улыбнулась жрица. — Идемте.

Она велела дочери остаться и повела их вниз, к краю поляны, противоположному тому, откуда пришли зингарец и киммериец. Пройдя по тропинке между густо росшими здесь ясенями, они оказались на узкой прогалине, покрытой высокой травой. У противоположной кромки леса темнело длинное приземистое строение, сложенное из огромных замшелых валунов. Из жестяной трубы над крышей валили клубы черного дыма и вылетали снопы искр. Возле окованных железом круглых дверей сидел желтоглазый волк.

Потрепав зверя по голове, Дестандази толкнула тяжелые створки, знаком приглашая остальных следовать за собой.

— Опять явилась? — раздался вдруг из жаркого полумрака густой мужской голос. — И чего ходишь? Чего попусту ходить-то?

Жрица вдруг рассмеялась и шагнула внутрь. Конан, Сантидио и юная Сандокадзи последовали за ней.

Глава 21. В ГОРНЕ ПЫЛАЕТ ОГОНЬ

Наверное, так могло выглядеть жилище самого Нергала: жара, багровые отсветы пламени на закопченных сводах, летающие, словно огненные мотыльки, искры, запахи древесного угля и железа... И огромная тень, ворочающаяся, словно исполинский спрут в океанских глубинах, куда не проникает солнечный свет.

Дон Эсанди судорожно вцепился в руку Конана, положив ладонь на эфес своей шпаги. Киммериец усмехнулся, представив, как Сантидио орудует здесь своей дворянской игрушкой. Впрочем, его короткий гиперборейский клинок неважнецкойковки тоже оказался бы бесполезен против здепнего хозяина.

То, что они попали в кузню, варвар понял сразу. Его отец был ковалем, запах железной руды, угля, графита, остывающей крицы, знакомые с детства, словно перенесли его под холодное небо родной Киммерии. Только кузня отца была простым навесом на четырех столбах, а руду он плавил в «волчей яме», обложенной камнями, здесь же все было огромным: сложенная из обмазанных глиной валунов домница, наковальня, на которой уместилось бы трое взрослых мужчин, молот в два человеческих роста, стоявший рядом, щипцы и другие инструменты ему под стать... Глаза варвара быстро освоились с полумраком, и он разглядел, что огромная косматая тень имеет очертания человеческой фигуры с горящими, словно уголья, пристальными глазами.

— Я не одна, Гевул, — сказала жрица, обращаясь к этому существу, — у нас долгожданные гости.

Хозяин кузни шагнул вперед и встал, опершись на наковальню. Конан заметил, что Гевул хром на обе ноги. Одно плечо у него было выше другого, темное лицо сведено странной гримасой, черные волосы падали на могучие плечи слипшимися прядями. Хозяин кузни оказался не столь огромен, как показалось сразу — просто пламя горна у него за спиной отбрасывало тень, создававшую ложное впечатление. Ниже Конана на полголовы, шириной плеч Гевул превосходил киммерийца, бедра имел узкие, а кривоватые ноги были слишком коротки для его фигуры. Удивительными были и руки: коваль словно позаимствовал их у неведомого гиганта — мощ-

ные, перевитые буграми мускулов, с ладонями, в которых легко уместился бы любой из камней, слагавших стену его домницы. На теле коваля почти не было волос, а вот руки его поросли черной шерстью, густой, как медвежья шкура.

Гевул внимательно оглядел гостей и прогудел, словно ветер в печной трубе:

— Не верил я твоим рунам, дриада, а парнишка-то дотащился до наших мест, видать, ты у меня не только со зверюшками умеешь разговаривать. Но есть ли у молодца то, что нам нужно?

Конан не сразу понял, о чем идет речь, и кого этот неказистый мужичонка называет «парнишкой».

— Не обижайся, — шепнула Дестандази, — Гевул гораздо старше, чем кажется, и со всеми запанибрата. Он большой шутник. Как-то прибил сапоги Мардука железными гвоздями... В общем, боги изгнали его на землю, хотя до сих пор пользуются его услугами. Отдай ему свой меч.

Несколько ошарашенный, киммериец протянул необычному кузнецу свой гиперборейский клинок. Тот положил его на наковальню, заковывал к большому ящику у стены и принялся греметь там железом.

— Значит он... небожитель? — спросил Конан жрицу.

— Был когда-то, но умудрился восстановить против себя всех, даже Иштар Всемилоливую. Держать бы ему сейчас земную твердь, как некоторым, да ремесло выучает: такого мастера, как Гевул, не сыскать на всем Мировом Древе.

Тем временем коваль вернулся и, словно охапку дров, бросил рядом с гиперборейским клинком с десятков разномастных мечей, по сравнению с которыми оружие киммерийца можно было считать новехоньким.

— Хламу-то, — проворчал бывший небожитель, — ящик хоть освобожу.

Он принялся раскладывать клинки, меняя их местами и что-то высматривая возле рукоятей. Наконец удовлетворенно крикнул: семь зазубренных, тронутых местами ржавчиной мечей лежали в ряд, клинок Конана — последним.

— Тютелька в тютельку, — прогудел Гевул, обращаясь к Дестандази, — все, как ты говорила, дриадка, только этого гиперборейского лома и не доставало.

— Может быть, пора что-нибудь и мне узнать? — не выдержал Конан.

Жрица подвела его к наковальне и указала на первый клинок.

— Смотри, у самой рукояти вытравлена маленькая руна. На следующем — другая, и так далее. Последняя, до сих пор недостающая, — на твоём мече. Я знала, что руны должны составить заветное слово и замучила Гевула просьбами осматривать все клинки, которые он покупает через Инзио для переплавки. Шесть рун не сразу, но подобрались, а седьмая... Я только недавно поняла, что она должна оказаться на твоём оружии.

— Но я выменял этот паршивый меч случайно, только в силу нужды... — растерянно начал Конан.

— Нет ничего случайного, когда боги останавливают на тебе свой взгляд, — прервала его жрица, — ты сам толковал об этом недавно.

— А что значат эти руны? — спросил киммериец.

— Они слагаются в слово «Самосек». Так зовется меч, не знающий поражений.

— И где же он?

— А тебе что, семерых мало? — прогудел Гевул. — Давай, паря, бери их в охапку и айда драконов мочить или кого там еще...

Конан сжал кулаки и шагнул к ковалю. Небожитель тот был или нет, а смеяться над собой киммериец не позволил бы самому Нергалу. Правда, он сильно сомневался, что тот умеет смеяться.

— Он пошутил! — Дестандази придержала варвара за локоть своими сильными пальцами.

— Шутки бывают удачные и неудачные, — проворчал Конан, едва сдерживая гнев. — Эта неудачная.

— Да будет тебе, — махнул коваль ладонью, похожей на лопату, — не обижайся. На меня все обижаются, видать, судьба такая. Счас мы тебе клиночек сварганем — залобуешься! Мехи-то раздувать умеешь?

— Умею, — коротко ответил киммериец, решив, что пора кончать болтовню и переходить к делу.

Однако возле домницы, куда подвел его Гевул, никаких мехов не обнаружилось.

— Она у меня сыродувная, — пояснил кузнец, — дырка, значит, назад, в нее ветер дует, жар раззадоривает.

— У нас на севере тоже поначалу такие печи строили, — сказал киммериец, — поменьше только. Но ветер не всегда поймать можно, так что все давно мехами пользуются.

— Там овраг у меня, за кузней, — отвечал Гевул, — дуй-ветерок завсегда по нему гуляет куда надо. Тут у нас ведь как: что вчера, то и сегодня, да и завтра тож.

Конан вспомнил, что находится в месте не совсем обычном, и не стал больше спорить. Хромой кузнец треснул кулачищем в стенку домницы — по глиняной скрепке побежали трещины. Гевул вытащил два здоровых валуна и положил их на пол. Уголь в горне уже прогорел, крица — железо с примесью шлака — остывала, покрываясь темной корочкой. Гевул ухватил отливку щипцами и отнял ее к наковальне.

— Держи-ка, — передал он щипцы Конану, берясь за свой огромный молот.

— А править кто будет? — спросил киммериец, знавший, сколь важно искусство настоящего мастера при ковке клинка.

— Вижу, бывал ты в кузне, — удовлетворенно хмыкнул Гевул, — только погоду, мы до дела-то не дошли еще...

Он ухнул и опустил молот на заготовку. Стены кузни содрогнулись, пол заходил ходуном, словно началось землетрясение. Конан едва удержал в руках щипцы. А кузнец бил и бил молотом, превращая крицу в длинную узкую полосу — куски шлака отваливались, оставляя красноватое, с темными прожилками железо.

Наконец Гевул отложил молот, перехватил у киммерийца щипцы и поднес остывающую полосу к глазам.

— Что ж, — сказал, — добрый меч будет. Пять медяков в базарный день за такой дадут, если из ножен не вынимать.

Конан решил не спрашивать, зачем же коваль махал молотом, но тот сам, указав на темные прожилки, объяснил:

— Шлаковые нити — беда всякого железа. Конечно, его можно снова расплавить, потом еще и еще... Но ничего путного все равно не получится, разве что лемех или подкова. А доброму мечу нужны хорошие друзья.

Он подошел к открытому горну с большими мехами и тиглем из какого-то блестящего полупрозрачного материала. Тигель имел форму клинка, только несколько шире и длиннее, чем нужно. Гевул уложил в него еще не остывшую заготовку, потом забрал сложенные рядом с наковальней семь мечей, с необыкновенной легкостью отломил им рукояти и уложил один на другой поверх выкованной только что железной полосы, скрепив все тремя тонкими проволочками. Потом зажег в горне огонь, и велел Конану встать к мехам.

Вскоре клинки раскалились докрасна, потом побелели. Гевул посыпал сверху немного измельченного графита. Поверхность плавящегося металла покрылась окалиной и темной корочкой шлака. Довольно долго киммериец раздувал меха, а Сантидио по приказанию хозяина кузни несколько раз окатывал его водой. Наконец Гевул распорядился затушить огонь в горне и вытащил щипцами покрытую темной коркой заготовку из тигля. Он сбил нагар маленьким молоточком, потом осторожно опустил заготовку в чан с оливковым маслом.

— Некоторые рассуждают так, — сказал он при этом, — чем быстрее железку остудишь, тем лучше. Отчасти верно, так получают вороненую сталь. Лишь немногие ведают, что есть способ получше: остужать медленно, в масле, с толком-расстановкой, тогда такая крепость будет, что меч и точить не надо.

А потом началась настоящаяковка. Конан на этот раз орудовал большим молотом, а Гевул правил заготовку маленьким молотком, придавая ей нужную форму. Затем он выгнал всех на улицу, и из кузни долго раздавалось его ворчание, перезвон инструментов, шипение масла и какое-то жужжание: мастер наносил последние штрихи на свое произведение.

Солнце уже клонилось на закат, когда кузнец появился в дверях, держа в руке огромный, слегка синеватый клинок. Довольно кривя левую половину рта (правая, сведенная страшной судорогой, была неподвижна), он протянул

этот меч, еще лишенный рукояти, киммерийцу. Клинок был слегка теплый, тяжелый, с острыми, как бритва, гранями.

И все же что-то в нем было не так: чуть тяжелее, чем надо, был этот меч-самосек, чуть длиннее... Куда там — чуть! Вонзив клинок в землю, Конан встал рядом и обнаружил, что даже без рукояти тот на целый локоть выступает у него над головой.

— Послушай, — сказал он Гевулу, — я уже понял, что ты большой шутник. Но чтобы таскать эту штуку, мне придется нанять двух оруженосцев, а это повлечет лишние расходы и подозрения со стороны не отличающихся хорошими манерами бандитов, с которыми я собираюсь отправиться выполнять великую миссию.

Бывший небожитель захохотал так, что рыжие белки шарахнулись по стволам деревьев, думая, что началась гроза.

— Ты тоже умеешь посмеяться, парень! — хлопая себя по кривым ляжкам, выговорил наконец хозяин кузни. — Ладно, это тоже болванка, хотя кому другому можно и за готовое изделие втюхать: волос на лету режет, а крепость — почти ничего эту сталь не возьмет!

— Что ж ты не сделал меч поменьше?

— Потому что у меня нет нужды тебя обманывать. Подшутить люблю, а надуть гостя моей дриадки — ни-ни! Айда обратно в кузню.

Когда они снова оказались внутри, Гевул уселся на скамейку, поставив между ног огромный деревянный чан. Достал из-за пазухи блестящий напильник и показал его Конану.

— Я сказал, что эту сталь почти ничего не берет. Кроме алмаза. Гляди.

Он провел напильником по лезвию — в чан посыпалась металлическая стружка. Орудую напильником и уничтожая свое творение, кузнец говорил:

— Секретов тут немало, хотя в Дамасте, как знаю, такую сталь делать научились. Ну, может быть, не совсем такую. Тамашние мастера ведают, сколько графита и алмазной крошки добавить, как кричное железо под окалиной выдерживать, чтобы оно от разных примесей освободилось. Охлаждать умеют, как надо, медленно, в масле

или прямо в тигле. И ковали там отменные. Правда, им потруднее приходится: если бы руны не указали, какие клинки для переплавки подобрать, мы бы дня два возились. Ну, это заслуга моей дриады, а у меня и свои секреты имеются.

Лезвие меча, тем временем, превратилось в металлические опилки, наполнившие чан больше чем наполовину. Гевул проковывал в угол кузни, развязал холщовый мешок, зачерпнул деревянным ковшиком белый порошок и смешал его с опилками.

— Это твой секрет? — спросил Конан.

— Ничего особенного, — хохотнул кузнец, — обыкновенная мука.

Гевул повел своих гостей на двор, за кузню, где были птичник. Высыпал содержимое чана на расстеленную по траве холстину и открыл дверцы клеток. С полсотни хохлушек с жадностью накинулись на необычный корм.

— Три дня голодные, — довольно сообщил бывший небожитель, — теперь быстро все склюют. А мы пока на солнышке погреемся.

Он улегся под деревом и принялся жевать травинку.

Сантидио и Дестандази сидели поодаль, тихо о чем-то беседуя, Конан наблюдал за птицами. Хохлушки довольно быстро склевали корм и, отяжелев, принялись вяло бродить по холстине в поисках оставшихся крошек.

— Ты их на траву-то не выпускай, — крикнул из-под дерева коваль, — сейчас гадить станут, так нам помет их нужен.

Вооружившись хворостиной, киммериец превратился в пастуха птичьего стада. Впрочем, его подопечные вовсе не стремились разбежаться: очевидно, железные крошки, наполнившие их желудки, не располагали к излишней резвости. Вскоре холстина сплошь покрылась птичьим пометом. Приковылявший Гевул загнал птиц в клетки и тщательно собрал помет деревянным скребком все в тот же чан, заполнив его до половины.

И снова кузня наполнилась тяжелым дыханием мехов, ревом пламени в горне и тяжелыми ударами молота. Гевул наполнил пометом длинный сверкающий тигель, переплавил железные опилки и дал покрытой окалиной заготовке выстояться под темной коркой нагара. Потом

оббил его молоточком и остудил стальную полосу в масле. Снова Конан орудовал огромным молотом, а хозяин кузни правил клинок.

Потом киммериец, Сантидио и Дестандази сидели на большом валуне, наблюдая, как исчезает за вершинами деревьев солнце. Небожитель колдовал над клинком гораздо дольше, чем в первый раз, а когда появился, в его руках был двуручный меч с крестовиной червлёного золота и головкой, украшенной драгоценными камнями. Держа его в огромных мозолистых ладонях, Гевул с поклоном протянул оружие Конану и сказал изменившимся, торжественным голосом:

— Прими сей меч-самосек, о лоннансклех, меч, на котором лежит благословение Джаббал Сага, ибо, если бы не милость Его, все мое искусство оказалось бы тщетным. И да свершится воля богов!

Конан примерил оружие к руке: клинок был не слишком длинен, но и не короток, не очень тяжел, но и не особо легок, им можно было сражаться и одной рукой, и двумя, носить у пояса или за спиной, словом, доведись киммерийцу выбирать оружие, с которым он хотел бы родиться, лучшего не сыскалось бы. Больше всего этот меч напоминал ему те, которыми он учился владеть на склоне далекой горы за морем Вилайет. На лезвии возле рукояти виднелись семь рун, означавшие, очевидно, имя клинка.

Дестандази протянула Сантидио круглый медальон на кожаном шнурке.

— А ты, брат, возьми этот оберег и носи его постоянно. Видишь, на нем изображены солнце и луна, главные божества пиктов, он позволит вам избежать столкновений с Народом Детей...

— Народом Детей?! — воскликнул Сантидио. — Я удивлен, сестра. Пикты жестоки, как...

— ...Как неразумные дети, — печально закончила жрица. — Или как звери, вынужденные добывать себе пропитание. Но пройдет время, и они вспомнят...

Конан и Сантидио ждали продолжения, но жрица умолкла.

— Теперь, когда с церемониями покончено, отправимся к вязу, устроим испытание и предадимся необуздан-

ному питию... — раздался прежний, чуть насмешливый голос коваля, и киммериец заметил, с каким осуждением посмотрела на Гевула Дестандази.

— ...Необузданному питию яблочного сока, конечно, — тоже поймав взгляд дриады, поспешно закончил тот.

Возражений не было: все вернулись на поляну, перечеркнутую длинной тенью огромного дерева. Гевул подошел к маленькому озерцу в каменной ограде, питаемому подземным ключом. Он взял у Конана меч, вырвал из своей руки клок шерсти пяди в три и бросил в источник. Он спокойно погрузил в озерцо самосек, и лезвие рассекло волосы так же легко, как оно рассекало саму воду.

— Ай да я! — воскликнул коваль, взмахнув клинком над головой. — Мое творение — выше всяких похвал...

— Отлично, а теперь отдай его мне, — раздался сзади скрипучий голос.

Все обернулись. Возле корней вяза, прижимая к себе перепуганную Сандокадзи, приставив к виску девушки острие красного кристалла, стоял человек в черном.

* * *

— Это Родагр, — сказал Конан, — чернокнижник из Кордавы.

— У него в руках кристалл, называемый Жалом Сета! — воскликнула Дестандази.

— Придется отдать ему самосек, — прогудел Гевул, — иначе он убьет Сандокадзи.

— Погодите, — запротестовал дон Эсанди, — неужели все так плохо? Сестра, ты ведь жрица самого Джаббал Сага, неужели он не поможет?!

Дестандази вышла вперед.

— Отпусти девочку, — властно приказала она лекарю, — даже если ты убьешь всех нас, тебе не уйти с поляны.

— Ты так думаешь? — проскрипел Родагр и направил кристалл в сторону опушки.

Тонкий красный луч соскользнул с острия и с шипением ударил в невидимую стену. В воздухе образовалось похожее на лужу крови пятно, которое, светлея, растеклось в стороны, образуя нечто вроде арки, потом поблекло и угасло.

— Он может уйти, когда пожелает, — горестно пробормотал кузнец, — отдай ему меч, Конан.

Киммериец принял из рук бывшего небожителя самосек, прикидывая, как бы половчее всадить его в горло Родагра. Но девушка в руках чернокнижника служила тому лучшей защитой.

Жрица медленно подняла руки, ее тонкие пальцы чертили в воздухе замысловатые фигуры, которые начали светиться бледным зеленоватым светом. Сияние все разгоралось, превращаясь в яркие сполохи... и вдруг угасло.

— Не понимаю... — растерянно проговорила Дестандази, поднеся ладони к глазам, — сила оставила меня...

— Не удивляйся женщина, — прокаркал Родагр, — я завладел источником твоей силы!

Он сунул кристалл за пояс и, не отпуская Сандокадзи, пошарил у себя за спиной. Потом высоко поднял что-то над головой. Это было тоненькое деревце, вырванное из земли с корнями.

— Твой вяз слишком стар, чтобы помочь тебе, жрица, — продолжал Родагр, — а этот саженец хорошо приживется в моем саду. Я стану за ним ухаживать. Так, как мне нужно, конечно. Этот росток еще не обладает мудростью тысячелетий, подобно породившему его дереву, которое теперь умирает. Я выращу его согласно древним стигийским традициям. Его корни проникнут глубоко, очень глубоко, они станут связующими нитями между нашим идущим к гибели миром и силами, способными создать новый порядок...

— Короче, костоправ, — преврал его варвар, — ты решил вызвать демонов Нижнего Мира? Многие пытались, да сами попали им на зуб.

— У тебя ничего не получится, — сказала Дестандази, — боги тьмы хорошо знают светлую силу земных растений и страшатся ее.

— Как ты наивна, милочка! — воскликнул Родагр с нескрываемой насмешкой. — Сила — это просто сила, и только от того, кто ею владеет, зависит, темная она или, как ты выражаешься, светлая. Мое оружие — лучшее тому доказательство. Ты слишком доверяешь так называемым откровениям, а не думала ли когда-нибудь, что тебя просто используют? Да-да, сидишь много лет на этой

поляне, бережешь свой вяз, считая себя в полной безопасности, и вдруг является некто, усыпляет твои живые заросли, проникает за невидимую ограду и крадет твою силу. Не правда ли, похоже на заговор?

— Он просто болтун, — проворчал киммериец.

— Чего ты хочешь, черно книжник? — спросила Дестандази.

— Я забираю у вас росток, меч и трех заложников: девочку, варвара и заговорщика. Девочку отпущу, когда сяду в лодку, остальным придется провожать меня до Кордавы. Киммерийца будут судить за убийство сиятельной Заны дель Донго, твоего брата — за измену короне.

— Дай нам подумать, — попросила жрица.

Лекарь снова достал из-за пояса кристалл и приставил его к виску Сандокадзи.

— Я буду считать до пяти, потом отрежу малышке уши. Раз!

Четверо сгрудились возле источника, решая, что же следует предпринять.

— Он говорит, что усыпил живые кусты, — понизив голос, сказал Гевул, — зря ты велела волку заманить в них отряд. Но почему черно книжник просто не сжег заросли своим оружием?

— Потому что Жало Сета обладает силой только в святилищах Змея Вечной Ночи, — ответила жрица, — или черпает ее в Зачарованных Местах, подобных нашему. Черно книжник прав, говоря, что мой вяз слишком стар. Дерево спит, а связующий канал по-прежнему открыт...

— Два! — крикнул Родагр.

— И ты ничего не можешь поделать? — спросил Сантидио.

— Пока он стоит в центре поляны — не могу.

— Так надо выманить его оттуда, — предложил Конан.

— Три! — раздалось от вяза.

— Ты прав, — сказал кузнец, — сделаем вид, что принимаем его условия, а когда окажетесь в лесу, ты сможешь с ним расправиться.

— Черно книжник не так глуп, чтобы этого не понимать...

— Четыре!

— ...но иного выхода я не вижу, — закончила Дестандази.

— Кристалл сразу потеряет силу, когда лекарь уйдет с поляны? — спросил Конан.

— Нет...

— Пять!

— Мы согласны! — отчаянно крикнула Дестандази.

В этот момент серый клубок метнулся из высокой травы на человека в черном. Падая, Родагр выпустил девушку, но успел воспользоваться кристаллом: блеснула красная вспышка, и огромный волк, атаковавший черно книжника, превратился в кучку черного пепла. И все же преданный зверь погиб не напрасно: Сандокадзи со всех ног бросилась к матери и укрылась за ее спиной. Вспышка отбросила лекаря назад, он упал навзничь, выронив свое оружие.

Конан и Сантидио одновременно бросились вперед. Родагр безуспешно цтарил в траве, пытаясь найти кристалл. Потом вскочил, сорвал с пояса синий мешочек, замахнулся...

— Осторожно! — закричал Сантидио. — Это сонный порошок, прикрой лицо!

Серое облако взорвалось у них под ногами, мелкая пыль легко проникла сквозь пальцы, предостережение донна Эсанди оказалось тщетным. Первым, выронив шпагу, рухнул Сантидио. Конан, который умел надолго задерживать дыхание, ныряя под воду, еще брел вперед, но ноги его подкашивались, руки, сжимавшие меч-самосек, слабели. Он боролся со сном, но вязкая пелена окутывала сознание, делая призрачным все окружающее, маня сладостью непрошенного покоя... Варвар зашатался и упал на колени. Так он и застыл, опустив голову на грудь и все еще сжимая обеими руками двуручный меч.

Черно книжник подобрал кристалл, подошел к Сантидио и поставил ногу ему на грудь.

— И что ты выиграла? — обратился он к жрице, глумливо улыбаясь. — Теперь вместо сестры я получил брата. Ты проиграла, женщина, смирись с этим.

— Я уже сказала, что... — начала было Дестандази, но тут вперед выступил Гевул.

— Погодь-ка, — прогудел он, — тебе ведь самосек нужен? Так я подам.

— А это что за урод? — надменно спросил черно книжник.

— Да живу я здесь, — отвечал кузнец, враскачку ковыляя к застывшему на коленях варвару, — согласные мы, на все согласные, и меч забирай, и дерево, и гостевых этих, а то, понимаешь, столько из-за них шуму...

Родагр недоуменно следил за странным человеком, держа под прицелом своего кристалла грудь дона Эсанди. Он сам бы забрал меч, но до него было шагов десять, а черно книжник опасался отойти от заложника.

— Только без глупостей, — предупредил он, — лишнее движение, и от заговорщика останется кучка пепла. От тебя тоже.

— Да что мы, не понимаем, что ли, — бубнил хромоногий, — мечка какого-то, что ли, жалко, мало у нас добра этого... Еще откуем, ежели надо...

Он взял из рук варвара самосек и заковывал к черно книжнику.

— Стой! — приказал тот. — Возьми меч на лезвие и подай мне рукояткой. Медленно, очень медленно...

Гевул безропотно подчинился, ухватив клинок огромной ладонью и подавая самосек так, как велел Родагр. Тот протянул руку, но прежде, чем его пальцы коснулись украшенной драгоценностями головки, коваль резко выбросил меч вперед и ударил рукояткой черно книжника в грудь. Вскрикнув от боли, тот отпрянул на несколько шагов, взмахнул рукой, желая удержать равновесие... Красный луч ушел в закатное небо.

Кузнец уже загородил собою Сантидио. Стоя на широко расставленных кривых ногах, он держал самосек обеими руками — рукоять полностью скрылась в его огромных лапах. Острие меча, направленное в сторону Родагра, медленно описывало в воздухе замысловатые фигуры.

Ярость исказила серое лицо лекаря. Он медленно поднял Жало Сета, целясь Гевулу в грудь.

— Ты глуп, — прокричал черно книжник, — ты умрешь.

— Счас глянем, кто тут умрет, — отвечал коваль, внимательно следя за острием страшного кристалла.

Красный луч с шипением понесся к его груди. Казалось, ничто не в силах спасти опрометчивого кузнеца. Однако тот сделал быстрое движение, луч ударил в лезвие меча и, отразившись, словно солнечный зайчик от зеркала, ушел в сторону, воспламенив дерево на опушке.

— Ой, страшно мне, — сказал коваль, жалобно скривив левую половину лица, — ой, пощади, дяденька!

Родагр зарычал и снова выстрелил. На этот раз отраженный луч чуть было не задел его самого. Лекарь еще несколько раз пытался поразить своего противника, но тот всякий раз отбивался, все ближе подступая к черно книжнику.

Поняв, что его дела плохи, Родагр вдруг повернулся и со всех ног бросился к вязу. Гевул устремился следом, но не смог утнаться на хромых ногах за резвым лекарем. Тот обогнул ствол и бросился к источнику, возле которого застыли две женские фигурки. Коваль слишком поздно разгадал его маневр: пока он обегал дерево, черно книжник оказался в десяти шагах от женщин и поднял кристалл...

Но он отдалился от центра поляны, где его оружие полностью вбирало невидимый поток силы. Теперь Дестандази могла пустить в ход свои чары: зеленое сияние разгорелось вокруг жрицы и ее дочери, накрыв обеих полупрозрачным пологом. Напрасно Родагр пытался поразить укрытие своим оружием — коснувшись зеленого сияния, луч растворился в нем без малейшего следа.

Застонав от бессильной ярости, черно книжник бросился обратно к дереву... и нос к носу столкнулся с кузнецом. Тот размахнулся и пустил в грудь лекаря сверкнувшее синим отблеском лезвие. Самосек пронзил черно книжника насквозь; Родагр зашатался, слепо поводя перед собой Жалом Сета, из которого со змеиным шипением беспрерывно вырывался все слабеющий красный луч... Он успел полоснуть по груди Гевула, который упал, зажимая рану, потом перескочил на ствол вяза, перерезав его у основания, словно огненной пилой... И угас. Родагр повалился на бок, извиваясь, как раздавленный сапогом червяк, пытаясь вырвать из груди клинок, но он был всего лишь черно книжником, а не магом, и смерть закрыла его глаза.

раньше, чем он успел приготовиться к последнему путешествию на Серые Равнины.

Первое, что увидел Конан, когда мутная пелена окончательно спала с его глаз, и он смог подняться — огромный ствол поверженного дерева. Там, где еще недавно было жилище Дестандази, виднелся чудом уцелевший ткацкий станок и перевернутый стол с витой ножкой. Киммериец огляделся: возле источника он заметил стоявшего на коленях Гевула и Сандокадзи с деревцем в руках. Когда он подошел к ним, увидел лежащую на земле жрицу Джаббал Сага.

Лицо Дестандази было все так же спокойно, губы чуть улыбались, казалось, она спала. Но Конан вспомнил ее слова о том, что произойдет, когда умрет старый вяз, и понял, что сон этот вечный.

— Рано ты ушла, дриадка, — услышал он негромкий голос Гевула, — грустно мне без тебя будет...

— Умерла? — тихо спросил подошедший Сантидио.

— На этот раз, кажется, да, — ответил киммериец.

— Надо было отсечь ему голову, — говорил коваль, — знаю же, что этой публике башку сносить надо...

— И то не всегда помогает, — заметил варвар.

— Единственное, что меня утешает, — сказал Гевул, — она видела, как я дрался. А как я дрался, парень!

Он только сейчас взглянул на Конана.

— Я тоже видел, — сказал тот, — но думал, что это сон. Неплохой меч ты сделал, кузнец.

— Он еще и не то может, — заверил Гевул, — обращаться только с умом надо. Ладно, люди, вы ступайте, мы тут с дочерью сами управимся...

— С дочерью? — не поверил своим ушам варвар. — Так Сандокадзи — твоя дочь?

— А ты думал — духа небесного?

— Я ее брат, — сказал дон Эсанди, — и хотел бы присутствовать при погребении.

— А кто говорит о погребении? — вскинулся коваль. — Вот если бы вяз умер, а ее в Зачарованном Месте не оказалось бы — тогда да, тогда копай яму. А так мы деревце-то посадим и положим нашу красавицу в укромное место. Там она лежать будет целехонька, вы ж знаете,

у нас тут мало что меняется. А когда дерево в силу войдет, может, смилюстивятся боги, вернут мне дриадку мою... Может быть...

По его уродливому лицу вдруг потекли слезы. Коваль смахнул их огромной ручищей и решительно поднялся.

— Ладно, хватит сопли распускать, отваливайте, парни. И падаль эту заберите, — он кивнул на тело чернокнижника, — в зарослях бросите, живые кусты сами о нем позаботятся. Санди, малышка, сбегай к вязу, принеси ножны, что мать делала, ларец, я видел, цел остался.

Дон Эсанди вдруг шагнул к кузнецу и крепко его обнял.

— Ну-ну, — проворчал тот, — двигай в свою Кордаву, родственничек...

Уже взошла луна, когда Конан и Сантидио вышли на берег Черной. Они обнаружили хозяев торгового поста связанными и освободили, получив в благодарность невнятное ворчание. Решив не задерживаться, друзья оттолкнули свою лодку от берега, и темная вода понесла их на юг.

Глава 22. ГЛАЗ ТАЙФУНА

Темные облака громоздились в небе, бросая на воду серую тень. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь прорехи туч, светящимися столбами стояли вдали, и там, где они касались волн, море искрилось мириадами золотых искр. Легко разрезая крутым носом нарастающие валы, длинное судно скользило навстречу сизой стене дождя, надвигающейся с севера.

— Приближается шторм, — сказал Сантидио, плотнее закутываясь в шерстяной плащ под крепчающими порывами ветра.

— До сих пор Бор нам благоприятствовал, — откликнулся Конан, — весла под палубой, а наши молодчики маются от безделья, дуясь в кости и «мельницу».

Диера уверенно скользила вперед под желто-черными парусами. Ветер все крепчал, верхушки волн под его порывами взлетали вверх пенистыми султанами, но устойчивое судно упрямо держало курс на северо-восток, по ветру.

— Странно, что облака движутся нам навстречу, — заметил Сантидио, — хотя, судя по направлению ветра, мы должны были бы их нагонять.

— Я уже видел такое, — мрачно проговорил киммиец, — иногда воздушные потоки сталкиваются над морем, словно два великана, решившие померяться силой. Надеюсь, наши труды не пропали даром, и корабль способен выдержать любой ураган. Да помогут нам боги пучин: все же твой Паш-мурта подсунил нам гниловатый товарец...

Работорговец был посредником в покупке этого судна. А деньги раздобыл дон Эсанди.

После того как Конан и Сантидио, пользуясь всеобщей сумятицей, вызванной побоищем между «фиолетовыми» и «зелеными» (которые еще не знали, что их партии уже распущены Сенатом), выбрались с ипподрома, они задворками добрались до «Приюта толстосума» и увидели на месте гостиницы кучу обутленных головешек. Сарай на заднем дворе тоже были сожжены. К счастью, стражники не заметили под рухнувшими бревнами вход в тайное убежище дон Эсанди, да и не искали его, так как считалось, что Преисподняя давным давно засыпана по распоряжению властей. Паралито просто сорвал злобу на несчастном хозяине постоянного двора, отправив того в тюрьму за укрывательство опасных преступников и приравдав его собственности огню, дабы хоть как-то оправдаться перед начальством за свою нерасторопность в поимке беглецов.

Спустившись вниз, дон Эсанди распорядился завалить проход. Предусмотрительность Сантидио, оставившего немало тайных лазов в подземные убежища, спасла жизнь многим братьям «Белой розы»: узнав о грозящей опасности, они, как и много лет назад, поспешили укрыться в Преисподней. Правда, от подземного города осталось совсем немного: несколько зданий, соединенных узкими ходами. Но здесь были запасы провианта и воды, которые позволяли отсиживаться в тайных убежищах достаточно долго.

Теперь предстояло достать корабль. Дон Эсанди не стал посвящать соратников в подробности, сказав только, что в его руки попал древний манускрипт с указанием мес-

тоположения таинственного острова в Западном море, куда он и намерен отправиться, ибо тамошние обитатели, если верить тексту, обладают секретом тайного оружия, которое может пригодиться «Белой розе» в ее борьбе с новой тиранией. Деньги были собраны, а Паш-мурта вызвался быть посредником и отправиться на Барахские острова: покупка судна в Кордаве непременно вызвала бы подозрение дон Бенидио, распорядившегося следить за портом сразу же после того, как Сенат объявил о введении прямого королевского правления в Зингаре.

Сантидио, переодетый в восточное платье, встретился с работорговцем в укромной таверне и заключил договор, по которому Паш-мурта получал десятую часть добычи, захваченной в предстоящей экспедиции. Убежденный, что попавший в опалу дворянин собирается стать корсаром, работорговец не слишком верил в успех его предприятия, но, так как вкладывать собственные деньги от него не требовалось, охотно заключил сделку, памятуя о своем обыкновении «класть яйца в разные корзины». Он отбыл на Барахские острова с попутным судном, получив инструкции купить у Красных Братьев самую надежную и быстходную галеру, провиант и оружие для отряда.

Собрать команду вызвался желтозубый Бандерос. Узнав, кем на самом деле был тот, кого он считал бритунцем, бандит сначала прослезился, а потом поклялся самой страшной клятвой быть преданным Конану до гробовой доски и умереть за него при первом удобном случае. Пока же случая не представилось, Бандерос отправился в трудыбы сколачивать ватагу закоренелых негодяев, готовых отправиться хоть в пасть к Нергалу, лишь бы подальше от опостылевшей Кордавы.

Конан устроил смотр отряду в одном из полуразрушенных зданий Преисподней. Семь десятков крепко сбитых молодцев являли собой зрелище довольно живописное: некоторые щеголяли в лохмотьях (не столько по бедности, сколько из принципа), другие носили золотые цепочки и перстни с крупными драгоценными камнями, были среди них и безработные моряки в шароварах и выцветших куртках с позументами, с тяжелыми серьгами в ушах, и респектабельного вида карманники, промышлявшие в базарной толпе и в силу своей профессии

вынужденные ничем не отличаться от добропорядочных горожан, затесался среди прочих даже один сутенер с напояженными волосами... Старшему из этих людей было за пятьдесят, младший еще не брил усов. Все они ненавидели «кураторов», которым вынуждены были платить мзду за возможность заниматься своим незаконным ремеслом, и отлично понимали, что теперь, когда дон Бенидио стал единовластным правителем Зингары, ничего хорошего ждать не приходится. Среди свирепых, хитрых и жадных рож выделялось печальное лицо немедийца — Эвраст напросился в поход, опасаясь, видимо, остаться один в чужой стране, и Конан не стал возражать: вольному воля...

Киммериец обратился к своей команде с краткой речью, сказав, что поход будет опасным, но добыча возможна богатая. Он потребовал беспрекословно выполнять все приказы и не задавать лишних вопросов.

— Кто забыл, что значит повиновение вожаку, пусть лучше отправляется обратно в свою лачугу и копит денежки на отмазку подонкам в сенаторских мантиях, — сказал он, уперев в бока огромные кулачища, — те же, кто любит вольный ветер и доверяют своему клинку, могут последовать за мной.

— Виват капитан! — восторженно проревели бандиты. — Да здравствует наш Бастан!

Для них он был Бастаном, авантюристом без роду и племени — Конан строго-настрого приказал Бандеросу держать язык за зубами. Впрочем, он не возбранил желтозубому поведать головорезам, что их новый предводитель прошел огонь и воду, бороздил волны всех морей и отправил на Серые Равнины людей больше, чем все они вместе взятые. Так что здравница бандитов в его честь была вполне искренней.

Людям Конана предстояло порознь добраться до Бархских островов и найти в Бухте Черепа галеру Пашмурты. Кто-то из них отплыл на баркасах под видом рыбаков, другие нанялись матросами на попутные суда, третьи, знакомые с ремеслом контрабандистов, отправились ночью на краденых лодках, имея в запасе мешочек с монетами на случай встречи с фазелами береговой охраны. Со своим капитаном они должны были встре-

титься в условленном месте, о котором знал только Бандерос и куда он должен был привести галеру.

Покончив с делами, Конан и Сантидио отправились к северной границе в форт Эльпас. Дон Эсанди воспользовался своими связями, вступил в тайные сношения с сенатором Фроско, симпатизировавшим «Белой розе», и тот устроил так, чтобы королевскую почту в Эльпас сопровождали чиновник с щегольской клиновидной бородкой и здоровяк-форейтор с покрытым шрамами лицом. Они благополучно добрались до форта, сдали почту и... исчезли, украв лодку и отправившись вверх по течению Черной реки.

Беглецы не знали, что дон Фроско был схвачен людьми дона Бенидио и под пытками признался во всем. В погоню отрядили стражников под началом Паралито, который поклялся не возвращаться живым без пленных. К чести сержанта, свою клятву он исполнил. Родагр, уже давно получивший тайный приказ жрецов Сета пробраться на поляну вяза и похитить чудесный росток, вызвался в провожатые, ссылаясь на то, что ему якобы известно местоположение убежища «Белой розы» в пиктских землях. Он дорого заплатил за свою самонадеянность, став подкормкой для живых кустов, окружавших Зачарованное Место.

Распрощавшись с кузнецом Гевулом, Конан и Сантидио поплыли вниз по Черной, однако в пяти лигах от Эльпаса, где их наверняка схватили бы, свернули в неширокое русло, убежавшее сквозь девственные чащи на запад. Этой речки не было ни на одной зингарской карте, она вытекала из Черной в укромном месте, скрытом густыми зарослями водяного папоротника. Сантидио узнал о ее существовании от сестры, когда они беседовали, ожидая, пока коваль кончит трудиться над своим чудесным мечом. Река текла под уклон и где-то впереди впадала в Западное море.

Они плыли в полной тишине, опасаясь привлечь внимание пиктов, доверившись течению и лишь изредка отталкиваясь веслами от берегов или плавающих коряг. И все же на второй день угодили в сеть, перегородившую русло. Тут же невесть откуда появились пиктские однопородки и окружили их лодку: низкорослые воины с

раскрашенными лицами молча сжимали в руках дротики, короткие луки и каменные топоры.

Конан потянулся было к оружию, но дон Эсанди быстро сорвал с шеи медальон Дестандази и показал его пиктам. К ним приблизилась однодеревка, в которой сидел полуголый человек в головном уборе из птичьих перьев — вождь племени. Он внимательно осмотрел изображения солнца и луны на обереге, потом прижал к сердцу заскорузлую ладонь и сделал знак своим воинам. Все так же молча пикты убрали сеть и исчезли под нависавшими над водой ветвями.

На следующий день Конан и Сантидио достигли побережья. Пройдя вдоль моря пару лиг на север, они оказались в условленном месте. Здесь, возле небольшой бухты, когда-то стоял одинокий форт зингарского вельможи, скрывавшегося в этих диких краях от мести стигийского колдуна Тот-Амона. Зингарец погиб, дом его сгорел — и сейчас еще возле леса виднелись развалины стен и почерневшие, полузанесенные песком рухнувшие бревна частокола. Где-то неподалеку скрывалась в зарослях скала с пещерой, в которой Конан шесть лет назад обрел драгоценности Кровавого Траникоса — величайшего из барахских пиратов прошлого. Эти сокровища помогли ему овладеть аквилонским тронem, когда мятежный пуантенский граф Троцери, взбунтовавшийся против короля Нумедидеса, разыскал киммерийца на этом пустынном берегу и предложил ему возглавить восстание...¹

Горелая Бухта, как ее теперь называли, пользовалась дурной славой, капитаны торговых и военных кораблей обходили ее далеко стороной, что было на руку морским разбойникам, которые укрывались в ней от преследователей или заходили сюда, чтобы подлатать свои посудины — на берегу валялись доски, обрывки снастей, ржавые котлы и другой хлам. Бандерос, плававший когда-то на каперском судне, хорошо знал это место и заверил Конана, что приведет корабль к сгоревшему форту без всяческих проволочек.

Однако киммерийцу и его спутнику пришлось ждать три дня, прежде чем к берегу подошла длинная диера с

гологрудой женщиной-рыбой на носу. Чуть ниже фигуры, словно грозный рог, торчал таран: прочная балка с тремя острыми выступами, обшитыми бронзой. Две мачты несли четыре паруса: два нижних, черно-желтых, из полос кожи и крепчайшего шелка, и верхние, красные, сверкающие, точно языки пламени. Полукруглая корма спокойно возносилась над лазоревой гладью залива, на противоположном конце возвышалась, протянувшись вперед, носовая часть с капитанской каютой. От кормы до носа судно имело более пятидесяти шагов, в ширину — около семи. Борта диеры были выкрашены свежей желтой краской, чуть ниже верхнего ряда весельных отверстий шла красная полоса. Нижние отверстия были законопачены, что позволяло выходить на судне в любую погоду. Называлась эта щеголиха «Дочь морей».

Войдя в бухту, на диере убрали паруса. Железные якоря, укрепленные на кабестанах по правому и левому борту, с плеском упали в воду. К берегу полетела шляпка.

Бандерос по своему обыкновению сначала обнял Конанан за талию, потом пустился в объяснения своей задержки, вызванной, по словам желтозубого, исключительно его добросовестностью.

— Какая оснастка! — восклицал он, приплясывая у кромки волн и указывая грязным пальцем на «Дочь морей». — Мы сменили весь такелаж и рангоут, будешь доволен, капитан! Я заставил своих лентьев пройти на веслах. Многие поначалу завязывали весла, но, получив пару раз их ручками по зубам, освоились с делом, так что теперь штиль нам не страшен. Среди команды десяток настоящих мореходов, способных управляться со шкотами — сможем идти любым галсом...

— Ладно, — проворчал Конан, — сам посмотрю, так ли хороша эта посуда и так ли умелы твои люди. А чья это рыжая шевелюра на юте? Похож на ванира...

— Отгар, наш рулевой, — сказал Бандерос довольно, — я взял его на Барахских островах...

— Что-о? — взревел Конан. — Это ты клялся мне в верности? Я же приказал не брать пиратов!

— Послушай, капитан, — бандит отступил на пару шагов и на всякий случай положил ладонь на рукоять кинжала, — всему есть свой резон. Этот Отгар, хоть и

¹ Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. «Драгоценности Траникоса».

проплавал с барахцами полных три года, за своего Красные Братья его так и не признали. Я пил с ним пиво, он ел мою соль. Этот ван отличный парень. Кроме того, он единственный может управляться с рулевыми веслами: их на диере два, они скреплены весьма хитрым приспособлением. Да и пиктское побережье он неплохо знает, не раз ходил на север. Я не люблю ванов не меньше твоего, но Отгар уже давно покинул землю отцов и плевать хотел на их обычаи... Он ненавидит изгнавших его сородичей почище нашего.

— Надо совершить что-то очень дурное, чтобы стать изгоем среди ваниров, — проворчал Конан. — Ладно, что сделано — то сделано. Глаз с него не спускай.

Когда шлюпка доставила их на корабль, киммериец первым делом осмотрел судно изнутри. И тут выяснилось, что чрево «Дочери морей» вовсе не блистает свежестью и новизной, как ее борта и верхняя палуба. Спустившись в нижнюю часть, где сохранились лавки, на которых когда-то сидели гребцы второго ряда, заваленную сейчас оружием и провиантом, Конан обнаружил, что шпангоуты, хоть еще и достаточно крепкие, изъедены в некоторых местах жучком, а доски наскоро залитых варом переборок местами подгнили. Обшивку судна изнутри повсюду носила следы ремонта, хотя барахские корабли явно больше заботились о внешнем виде «Дочери морей», чем о прочности ее корпуса.

— Паш-мурта хорошо уразумел, что значит красиво упаковать товар, — сердито сказал киммериец сопровождавшему его Бандеросу, — как будто не рабами торгует, а женскими цацками.

— Это лучшее судно, которое удалось найти, — стараюсь придать как можно больше убедительности своему голосу, отвечал желтозубый, — не стали бы пираты продавать нам свои боевые галеры!

— Ладно, — сказал Конан, чтобы не терять время, — мачты действительно крепкие и паруса новые. Шпангоуты мы укрепим распорками, а переборки заменим.

— Дались тебе эти переборки, — заворчал зингарец, — что толку, все равно в них двери.

— Двери забить, переборки законопатить, — оборвал его Конан, — если вода поступит в один отсек, остальные

будут держать нас на плаву. Оружие и припасы поднять на вторую палубу.

Остаток дня и весь следующий команда рубила на берегу деревья, строгала доски и варила в котлах смолу. Многие, непривычные к такому труду, роптали, но, получив несколько пинков и затрепанных от Бандероса и капитана, смирились и довольно быстро справились с делом. Больше всех старался рыжий Отгар, который, как оказалось, неплохо владел плотницким ремеслом.

В носовой каюте Конана ждала еще одна неожиданность: перетряхивая постельное белье, там хлопотала Ваная.

— Я решил взять ее с собой, — несколько смущенно пояснил Сантидио, — извини уж меня, аристократа, но мне нужна служанка. Да и кто знает, не пригодятся ли нам ее необычные способности...

Оказывается, он отправил девушку с Паш-муртой, который на Барахских островах сделал вид, что продал свою рабыню Бандеросу, хотя многие пираты давали за нее приличную цену. Торговец «черным углем» был не глуп и понимал, что гораздо разумнее держать слово в расчете на обещанную десятину добычи, чем получить немедленную выгоду и навлечь на себя гнев Сантидио. Дон Эсанди ожидал возражений и даже гнева киммерийца, но после плавания на «Тигрице» Конан не разделял бытовавшего среди многих моряков убеждения, что женщина на корабле — к несчастью, поэтому он только хмыкнул, вызвав краску на щеках своего друга, и удалился наблюдать за работами.

Наконец все было закончено, и, покинув Горелую Бухту, «Дочь морей» стремительно полетела по волнам, словно желтая птица. Дул устойчивый юго-западный ветер, наполняя паруса, вздымая барашки волн, неся с собой жаркое дыхание неведомых мест, где, как утверждали некоторые, находился непреодолимый для мореходов Огненный Пояс. Ветер держался более десяти дней, так что Отгар укрепил рулевые весла, в которых пока не было надобности, и, оставив присматривать за ними самого молодого из команды, присоединился к игрокам в «мельницу».

Конан отметил, что ванир быстро пришелся по душе большинству головорезов: особо не задираясь, спуску он никому не давал и заслужил всеобщее одобрение, накопив по шее бывшему сутенеру, который отпустил в его адрес какую-то неосторожную шутку. Отгар довольно чисто говорил по-зингарски и за словом в карман не лез, веселя своих новых товарищей грубыми прибаутками. Дон Сантидио почти не показывался из каюты, ссылаясь на жару, но киммериец подозревал, что причина совсем в другом, и предпочитал спать на мостике, подстелив свернутый брезент и бросив под голову плащ. Большинство команды тоже спало на палубе: внизу стояла духота и запах смолы, которой тщательно обмазали переборки. Только немедиец и еще несколько человек, страдавших морской болезнью, сидели на второй палубе на скамьях для гребцов, время от времени высывая головы в отверстия для весел и опорожняя желудки. Однако и они вскоре оправились и поднялись наверх — все, за исключением Эвраста, который никогда прежде не видел моря и пугался его необъятности.

Все было спокойно на борту «Дочери морей»: бывалые моряки исправно несли вахту, Отгар ночью не отходил от рулевых весел, предпочитая отсыпаться днем и отлучаясь с юта не иначе, как поставив у рулей дежурного. В корзине на верхушке передней мачты всегда сидел кто-нибудь из команды, высматривая чужие корабли, остров или скалу, не нанесенные на карты. Но морская гладь оставалась пустынной, ветер все так же наполнял паруса, диера скользила вперед под негромкий плеск воды за кормой.

Помимо драки ванира с сутенером за все время случилась только еще одна стычка. Спор вышел о дельфинах, стайками плывших рядом с кораблем. Один из моряков утверждал, что бог пучин Даон превратил в этих рыб пиратов, дерзнувших напасть на его дворец, стоящий, как всем известно, на стеклянном острове посреди океана. Безусый юнец, промышлявший на рынках Кордавы изъятием кошельков у зазевавшихся граждан, возразил, что дельфины не могут происходить от пиратов, ибо это существа добрые, благоволящие к людям, и что знаменитый поэт Арионис, чьи стихи он знает наизусть, раз,

не желая попасть в руки морских разбойников, прыгнул в воду и был спасен дельфинами.

— Не стали бы они помогать человеку, которого хотели вздернуть на рее, если бы сами когда-то были пиратами, — заключил воришка. — Я точно знаю, что эти рыбы когда-то были благочестивыми рыбаками.

— Много ты понимаешь, грамотей, — ощерился моряк. — Да если хочешь знать, я сам старый корсар. А ну-ка, кину тебя за борт и посмотрю, станут ли спасать тебя мои родичи!

Он ухватил воришку за шиворот, и тот сразу же впился в дубленные щеки пирата острыми ногтями. Моряк взвыл и сдавил противнику шею. Дело могло кончиться плохо, если бы не подоспел прогуливающийся рядом Сантидио. Он оттащил юнца и на всякий случай показал забияке-матросу свой изящный кинжал.

— Оба вы неправы, — сказал дон Эсанди миролюбиво, — во-первых, дельфины не рыбы, они вскармливают детенышей молоком, как многие животные на суше. Во-вторых, свою родословную эти существа ведут от слуг и служанок богини Иштар. Однажды Наипрекраснейшая повздорила с грозным Мардуком, и тот поразил ее летучий корабль своей молнией. Корабль упал в море и стал тонуть. Боги, как известно, бессмертны, так что Иштар ничего не грозило, но ее слуги происходили от любовных утех небожителей с земными женщинами, поэтому, чтобы они не захлебнулись в пучине, Иштар обратила их в дельфинов. С тех пор они живут в море, но, вспоминая о прошлом, любят сопровождать корабли и часто спасают тонущих. Что же касается пиратов, напавших на дворец Даона, от них произошли спруты и каракатицы. Как видите, вам не о чем спорить.

Дон Эсанди со смехом рассказал об этом случае Конану, который во время стычки проверял трюм. Киммериец построил на палубе всю команду и пообещал, что всякий, кто осмелится затеять потасовку, будет иметь дело с ним лично, а вернее — с его кулаками. То ли угроза подействовала, то ли жара не располагала сорвиголов к силовым забавам, но все предпочли потягивать пиво,

метать кости и травить байки... До поры до времени, как отлично понимал киммериец.

Он плывал на многих кораблях с разными людьми и хорошо знал, что вынужденное безделье команды — первый враг капитана. Конан жалел, что не догадался распорядиться купить вместе с боевым оружием учебное, устраивать же тренировочные поединки на настоящих мечах было небезопасно: зная горячий нрав зингарцев, капитан предвидел чреватые мстостью ссоры из-за неизбежных в таких случаях ран — все же его люди были вольными бандитами, а не привыкшими подчиняться воинами. Киммериец уже готов был просить морских богов уговорить ветер, чтобы посадить бездельников на весла. Но вместо штиля с севера надвинулись тучи — предвестники урагана.

Стоя сверху носовой каюты на огороженном резными перилами мостике, Конан тревожно вглядывался в приближающуюся пелену дождя. Ветер все еще дул ему в спину, но стал теперь порывистым, в нем образовались холодные струи, зябко пробегавшие по телу.

— Может быть, ты все-таки ошибаешься, — проговорил стоявший рядом Сантидио, — мы получили благословение...

Ветер вдруг круто изменил направление. Теперь он дул слева, гоня перед собой длинные валы зыби. Захлопали паруса, диера качнулась на правый борт, матросы, не дожидаясь команды, бросились к шкотам.

— Пойдем левым галсом, — сказал дон Эсанди, сжимая побелевшими пальцами медальон Дестандази.

— Нет! — рявкнул Конан. — Ветер будет все время меняться. Это тайфун!

И, наклонившись к палубе, прокричал:

— Убрать паруса! Опустить мачты!

Матросы освободили фалы — реи поползли вниз. За ними по канату скользнул дозорный. Ванты обрубил и, придерживая задние, осторожно опустил обе мачты вперед, укрепив их в деревянных гнездах. Паруса свернули и убрали в брезентовые чехлы.

Бандерос носился по палубе, подгоняя не занятых такелажем и оснасткой людей.

— К веслам, каналы! — вопил он, щедро раздавая пинки и зуботычины. — Вниз, воровское отродье, чтобы вам жить на королевскую пенсию!

Отгар уже стоял у рулей, выправляя диеру носом к ветру. Порывы его становились все сильнее, волны стали круче, они с шумом разбивались о левый борт, лицо кормчего покрылось испариной.

— Весла на воду! — проорал Конан в жестяной раструб, соединенный со второй палубой, где сидели гребцы. — Правый борт гребь, левый табань!

Бандерос внизу повторил его команду, весла опустились: два с половиной десятка по левому борту, столько же — по правому. Гребцы неумело пытались развернуть судно. Несколько весел сломались. Огромная волна ударила слева, «Дочь морей» накренилась так, что Конан и Сантидио едва устояли на ногах — вода перекатилась через палубу, не достигнув, правда, мостика. Ванир на юте изо всех сил напрягал мускулы, но без помощи гребцов не мог повернуть тяжелое судно, потерявшее ход.

— Эй, на палубе! — рявкнул Конан, перекрывая рев ветра. — Давай на помощь к рулевому!

Двое матросов кинулись на корму, остальные продолжали крепить к доскам убранные паруса, опасаясь, что их могут смыть волны.

Внизу, спотыкаясь о тюки и ящики, Бандерос носился по проходу между скамьями, награждая своих людей затрепинами.

— Гребет только правый борт! — орал он. — Давай, ребята, а не то пойдем на корм акулам!

Диера наконец встала носом к ветру, то и дело погружая таран в накатывающиеся валы. Хлынул дождь. Конан и Сантидио накинули капюшоны плащей, пристально вглядываясь в серую завесу, скрывающую море и небо.

— Мы достаточно далеко от берега, — прокричал дон Эсанди, — здесь не должно быть скал!

Конан не успел ответить — ветер снова сменился, став северным и ударив в правый борт. Огромная волна перекатилась через палубу, смыв двух матросов. На этот раз она накрыла мостик. Сантидио упал, и только перила спасли его от падения за борт. Киммериец устоял на

ногах, выкрикивая в раструб команду поворачивать судно. На этот раз гребцы справились быстрее: «Дочь морей» снова вонзила таран в стену кипящей воды и тут же взлетела на гребень вала. На какой-то миг за пеленой дождя открылась череда водяных гор, увенчанных белыми коронами пены, и судно скользнуло вниз по склону волны.

— Привяжись! — Конан бросил Сантидио моток веревки. Они привязали себя к перилам, рискуя кануть в пучину вместе с судном, если то не выдержит шторма.

Из люка на палубе показалась голова Бандероса. Он что-то кричал, но ветер относил его слова к корме. Поняв, что его не слышат на мостике, зингарец выбрался из люка и враскачку побежал на нос, уверенно ступая по вздымающейся палубе — моряк он был опытный. Поднявшись по деревянной лесенке, он уцепился за перила и сообщил, что в трюме обнаружили течь.

— Хвост Нергала в задницу толстому жулику! — зарычал Конан. — Он-таки нас подставил! Гони свободных людей откачивать воду. Держат ли переборки?

Бандерос заверил, что переборка удерживает воду в носовом отсеке, где обнаружилась трещина, аккуратно в месте крепления тарана. Ее уже заделывают, а потом завалят мешками с мукой.

— Кром! Течь в носовой части, куда бьют волны! Я иду вниз. А ты, — обратился киммериец к Сантидио, — помолись Джаббал Сагу или кому там еще. Где же благословение богов, о котором ты болтал?!

Вслед за Бандеросом он спустился на нижнюю палубу. Вода в носовом отсеке доходила до пояса. Трое парней заделывали щель жестяными полосами, прибывая их гвоздями и замазывая смолой, и все же вода продолжала прибывать. Балка тарана угрожающе скрипела, расшатывая крепления.

— Мы законопатили течь, но этот брус так раскачивает, что появляются новые щели, — сказал один из парней.

Конан пошарил под водой в том месте, где таран крепился к килю.

— Ее и будет качать, — рявкнул он, — скобы едва держат! Кишки вырву тому ублюдку, кто их забивал! Давай инструмент!

Один из зингарцев полез было наверх, но в этот момент в нос судна ударила очередная волна, раздался треск, и сквозь широкую трещину внутрь хлынул кипящий поток. Он снес переборку, сбил людей с ног и увлек их назад, заполняя пенящимся водоворотом второй отсек. «Дочь морей» зарылась носом в воду, грозя пойти ко дну. Вторая переборка, однако, выдержала, корабль остался на плаву, хотя и потерял ход. Понимая, что внизу оставаться опасно, Конан выбрался на вторую палубу, где царила паника: побросав весла, кордавские головорезы, отталкивая друг друга, карабкались вверх по сходням, страшась остаться внутри корабля, который, казалось, вот-вот канет в морскую пучину вместе со всей командой. Раздался новый удар, треск, вопли... и вдруг все стихло. Судно перестало подбрасывать, стих вой ветра за бортом, и перед глазами выбравшихся на верхнюю палубу людей открылась удивительная картина.

Опустив нос так, что женщина-рыба касалась воды деревянными грудями, «Дочь морей» едва покачивалась на длинных невысоких валах мертвой зыби. С чистого неба светило солнце, не ощущалось ни единого дуновения ветерка, а на бортах диеры спокойно сидели чайки.

Ликующие крики людей, посчитавших себя спасенными, огласили палубу. Конан взбежал на мостик и увидел Сантидио, все еще привязанного к перилам. Рядом, прижимаясь к своему господину, стояла Ваная. Лицо дона Эсанди было смертельно бледным.

— Все позади, друг, — хлопнул киммериец по плечу зингарца, — мы вырвались!

— Это — смерть, — прошептал тот побелевшими губами, — оглянись.

Варвар посмотрел назад и увидел за кормой, всего лишь в двух полетах стрелы темную стену, пронизанную отблесками молний. Там крутились вихри черного тумана и шли друг за другом огромные горы воды, увлекаемые чудовищным ураганом. Люди на палубе тоже оглянулись — на этот раз из множества глоток вырвался вопль ужаса.

— Ветер несется по кругу, со всех сторон эта черная стена, — сказал Сантидио. — Спасения нет.

— Но здесь-то штиль? — Конан все еще не разделял его отчаяния.

— Самое страшное место, называемое «глаз тайфуна». Круги будут сужаться, потом... конец.

— Ты откуда знаешь?

— Рассказывал один путешественник, видевший это своими глазами.

— Значит, он сумел как-то спастись...

— Он был магом. А мы — простые смертные.

Конан помолчал, обдумывая положение. Он не собирался сдаваться.

— И когда этот «глаз»... закроется?

— Не знаю. Через час, через день, а может быть и завтрашнему утру. Но закроется обязательно.

— Кром! — Киммериец почувствовал, как холодная игла шевельнулась под сердцем. — Сдается мне — это не просто буря...

— Там земля, — негромко сказала Ваная.

— Что?!

— Впереди земля, суша.

Сантидио даже не повернул головы, а Конан с жадностью уставился туда, куда показывала девушка. Далеко впереди что-то блестело, словно покатая сланцевая скала вздымалась над гладью изумрудного моря.

На палубе тоже ее заметили.

— Остров! — закричал кто-то. — Мы спасены!

— Это плохая земля, — сказала девушка, — не надо к ней ходить.

— Плохая земля лучше хорошего шторма, — отрезал киммериец, — эй, бездельники, живо вниз, к веслам!

На этот раз Бандеросу не пришлось никого подгонять: зингарцы ринулись к люкам и исчезли в них так быстро, словно их ветром сдуло. Весла опустились и дружно поднялись: клюя носом, «Дочь морей» медленно двинулась вперед.

Когда они почти достигли цели, Конан понял, что перед ними не скала и не остров.

Это был огромный железный корабль с очень низким носом и покатой кормой.

Какие существа могут управляться с такими штуками?

Бандерос осторожно дотронулся до огромного, словно колонна, металлического весла, опущенного в воду. В пронизанной солнцем глубине виднелась лопасть величиной с их шлюпку.

Пройдя вдоль серебристо-белого борта гиганта, они насчитали пятьдесят весел, неподвижных, как и сам корабль. Конан неторопливо греб, настороженно поглядывая вверх, где на высоте тридцати локотей поблескивал ряд круглых окон. Кроме него в шлюпке сидели дон Эсанди, Ваная и желтозубый зингарец. Остальная команда напрочь отказалась и близко приближаться к неведомому монстру — «Дочь морей» стояла на якоре далеко в стороне.

Было тихо, только негромкий плеск воды и крики чаек нарушали тишину. Никто не показывался в круглых, забранных толстыми стеклами окнах. На покатых бортах не было ни трапов, ни веревочных лестниц, даже якорной цепи они не обнаружили.

— Я могу взобраться по веслу и пролезть, проскользнуть в отверстие, — сказала Ваная, — если это нужно. Там, внутри, плохо.

— Сиди, — буркнул Конан, — мы что-нибудь придумаем.

Шлюпка приблизилась к корме гиганта. Корпус судна плавно понижался, оканчиваясь раздвоенным, похожим на хвост кита выступом. Конан подогнал лодку поближе, ухватился за его край, подтянулся и оказался сверху. Даже сквозь подошвы сапог он почувствовал, как сильно нагрелось железо под ногами. Киммериец снял с пояса припасенную веревку и кинул ее своим спутникам. Бандерос, Ваная и Сантидио один за другим поднялись к нему. Из «хвоста» торчали загнутые крючья, Конан привязал веревку к одному из них — второй конец Бандерос еще раньше прикрепил к носу шлюпки.

Они двинулись по верхней палубе, словно взбираясь на железный холм. Металлические плиты гулко отражали их шаги. Первым с тяжелым арбалетом наперевес шел Бандерос, следом — Конан. За плечами киммерийца висел самосек в ножнах из акульей кожи. Замыкали шествие

дон Эсанди, чье лицо цветом походило на белоснежное полотно его кружевной рубашки, и Ваная в синей накидке с красными завязками. Девушка держала своего господина за пояс, бестрепетно ступая босыми ногами по раскаленному металлу.

— Ни мачт, ни надстроек — ничего, — обернувшись, растерянно сказал желтозубый, — больше всего похоже на огромную железную рыбину.

— Железный кит, — откликнулся киммериец, — посмотрим, что у него в брюхе.

В самой верхней части палубы обнаружили два круглых люка с откинутыми крышками. Глянув вниз, Конан удивленно присвистнул.

— Ну и «шкура» у этой хреновины! С таким корпусом никакой тайфун не страшен.

Он довольно хмыкнул.

— А ведь мы можем отсидеться внутри, как думаешь, Сантидио?

Дон Эсанди ничего не ответил, он смотрел на черную стену, встающую кругом от горизонта.

— Отсидеться-то можно, — проворчал Бандерос, — только позволяют ли хозяева?

— А мы их хорошенько попросим, — осклабился варвар и полез внутрь.

Вниз вели железные скобы, укрепленные в круглой стене металлического колодца. Спускаясь, Конан отметил, что расстояние между скобами слишком велико, а в некоторых местах ступени были покрыты розовой слизью.

— Спускайтесь осторожно, — крикнул он своим спутникам, — скользко!

Металлическая шахта привела их в круглый коридор с высокими сводами, освещенный матовыми плафонами на стенах. Этот проход тянулся, видимо, вдоль всего корпуса, представляя как бы «позвоночник» железного кита. Справа и слева виднелись овальные двери, снабженные вместо ручек небольшими металлическими колесами. Конан с натугой повернул одно из них и открыл тяжелую створку.

За дверью оказалось обширное помещение с круглыми окнами. Из коридора сюда вели еще несколько задранных

люков. Посреди каюты стояли металлические возвышения, на каждом лежали какие-то продолговатые предметы, накрытые синеватой тканью. Конан уже шагнул вперед, намереваясь сорвать ткань и посмотреть, что же это такой, когда услышал зади севший голос Бандероса:

— А вот и хозяева... О боги!

Киммериец резко обернулся, одновременно выхватывая меч, готовый отразить любое нападение. Но никого не увидел, кроме своих спутников. Сантидио дрожащим пальцем указывал на стену, отделявшую каюту от коридора.

Вдоль нее тянулся ряд металлических шкафов без дверок. В этих шкафах стояли, как показалось Конану, зеленоватые полупрозрачные монолиты, сквозь толщу которых смутно темнели какие-то фигуры. Приблизившись, киммериец разглядел застывших внутри похожего на стекло вещества отвратительных монстров. Более всего они походили на чудовищных обезьян, ростом превосходящих человека, с клыкастыми мордами, красными глазками и свисавшими до пола руками. На загривках виднелся ряд острых шипов, кисти рук и предплечья покрывали костяные наросты, остальное тело густо заросло рыжей шерстью.

— Это не хозяева, — заговорил дон Эсанди. — Это существа, обитавшие в доисторическую эпоху в снежных пустынях к северу от будущих Киммерии, Асгарда, Ванайма и Гипербореи. Я видел изображение такой бесхвостой обезьяны в книге отважного землепроходца Палатио, обнаружившего хорошо сохранившуюся особь в ледяной глыбе у самого побережья Северного моря.

— Так мы что, попали в плавающую лавку древностей? — спросил Конан, все еще сжимавший в руке меч.

— Не знаю. Мне они не кажутся такими уж древними.

— Они смотрят на нас, — прошептала Ваная.

— Смотреть не заказано, — хмыкнул варвар, — око видит, да на зуб не попробовать. А если захотят — им сначала придется проглотить наши клинки и стрелы. Но где же, Нергал их задержит, те, кто засунул под стекло рыжих уродин? Может быть, они отдыхают на этих столах?

С этими словами киммериец шагнул к ближайшему металлическому возвышению и кончиком меча отбросил голубоватую ткань.

На своем веку Конан повидал немало трупов. И все же он невольно содрогнулся, увидев на столе мертвую женщину: без глаз, с отрезанными губами, языком и сосками маленьких грудей, с распоротым животом без внутренностей... Там, где когда-то было сердце, зияла глубокая рана. И ни капли крови — ни на теле, ни на отброшенном покрывале, словно чудовищный паук не один час трудился над своей жертвой.

Ваная закричала. Дон Эсанди, шатаясь, прислонился к стене и его вырвало. Даже зингарский бандит отвел глаза от страшного зрелища и в сердцах сплюнул на чистый металлический пол.

— Был когда-то в Кордаве убийца, — сказал он с отвращением, — звали его Синто-потрошитель. Творил с женщинами нечто подобное. Потом его колесовали, а голову выставили на рыночной площади.

Конан приподнял покрывало на следующем столе и тут же его опустил.

— Люди иногда совершают такое, — сказал он, — в ослеплении мести или не остыв от битвы, когда берут вражеский город. Но этих несчастных умертвили хладнокровно, по какой-то неведомой надобности. Они покинули этот мир в страшных мучениях...

Он кивнул на ремни, которыми пристегнуты были ноги и руки жертвы.

— Уйдем отсюда, — прошептала Ваная, пряча лицо на груди Сантидио.

Дон Эсанди обнял девушку за плечи и вывел в коридор. Конан и Бандерос последовали за ними. Киммериец велел желтозубому идти первым, сам же, держа в руках обнаженный меч и настороженно оглядываясь по сторонам, пошел сзади. Овальные люки виднелись справа и слева через каждые двадцать шагов: все они были плотно задраены, и Конан решил пока их не открывать.

Внезапно мигнул и погас свет. Стало темно, только где-то далеко впереди неясно маячило светлое пятно, на фоне которого вырисовывалась приземистая фигура Бандероса.

— Там выход! — крикнул он. — О дерьмо!

Его крик оборвался, фигура исчезла, словно зингарец растворился в воздухе.

— Стойте на месте! — приказал Конан Сантидио и девушке.

Он чиркнул огнем и поджег припасенный трут, пропитанный маслом. Пройдя вперед, киммериец обнаружил в полу круглое отверстие, куда, видимо, провалился желтозубый. Склонившись над люком, он заглянул вниз. На глубине полусотни локтей тускло отсвечивала металлом нижняя палуба, на которой чернела маленькая скорчившаяся фигурка.

— Да примет Митра его душу, — печально молвил подошедший Сантидио.

Фигурка вдруг зашевелилась, видно было, как Бандерос поднялся на ноги, ощупал себя со всех сторон, потом глянул вверх.

— Ты цел? — крикнул варвар.

— Разрази меня гром, если я заработал хоть пару синяков, — голос желтозубого усилило железное эхо, — хотя должен был разбиться в лепешку! Мне еще показалось, что слишком медленно падаю...

— А что там внизу? — поинтересовался Сантидио.

— Сейчас гляну. Света тут маловато.

Бандерос двинулся куда-то в сторону и исчез с глаз. Потом чрево железного кита огласил его вопль, полный ужаса.

— Проклятия! Лопни мои глаза, я не могу этого видеть... О боги, верните их в Нижний Мир!

Он показался снова, отчаянно размахивая руками, и, задрав побелевшее лицо, проорал:

— Во имя всех небожителей, демонов и шлюх, которых я имел — вытаскивайте меня отсюда!

— Как? — крикнул Конан. — У нас нет веревки.

— Я не хочу здесь оставаться!

— Тебе что-то угрожает?

— Нет, но здесь ужас, ужас!

Киммериец терялся в догадках, пытаясь представить, что же заставило отпетого бандита потерять голову. Впрочем, тот быстро взял себя в руки.

— Здесь валяются какие-то тросы, — крикнул он, — а со мной арбалет...

Конан сразу же понял замысел зингарца и велел всем отойти от люка. Вскоре из него вылетела тяжелая стрела с привязанной к оперению серебристой нитью и упала на пол коридора. Киммериец привязал тонкий трос к середине древка и положил стрелу поперек отверстия. Крепкое дерево выдержало тяжесть Бандероса, и вскоре из люка показалась его голова. Сняв с плеча арбалет и положив его на колени, желтозубый уселся на пол, чтобы немного перевести дух.

— Я думал, ты никого не боишься, — проворчал киммериец, рассматривая тонкую металлическую нить, благодаря которой Бандерос выбрался из трюма. — Кром, ничего подобного прежде не видел...

— Людей — не боюсь, — заявил бандит гордо, — многие могли бы это подтвердить, если были бы живы.

— Так кто же заставил тебя потерять голову?

— Гребцы. Они сидят там на огромных лавках, неподвижные, словно истуканы, и держат ручки весел...

— И что же?

— А то, что такое может привидеться только в горячем бреду после многодневной попойки, да и то если разбавлять несвежее вино мочой. Ростом эти демоны локтей по двадцать, плоть свисает с них клочьями, так что видны кости и жилы, у каждого по четыре руки, а голов нет.

— Ты хочешь сказать, что кто-то отрубил им головы? — не понял Сантидио.

— Говорю то, что сказал: нет у них голов и никогда не было! Только пасти между плеч, и в каждую мы с тобой вдвоем пролезем, да еще вот девчонка на закуску.

— Они мертвы? — спросил Конан.

— А кто их разберет! Сидят — не шевелятся, только сдается мне, ждут они чего-то...

— Хотелось бы мне поболтать с хозяевами этих монстров, — сказал киммериец, — о бренности всего сущего, как выражается мудрейший Обиус. Двигаемся дальше.

Светлое пятно в конце коридора оказалось открытым люком. Шагнув через высокий порог, они оказались в полукруглом помещении с широким окном во всю перед-

нюю стену. За толстым стеклом виднелась залитая солнцем морская гладь, а впереди, чуть слева — стоящая на якоре «Дочь морей».

— Носовая рубка, — тихо сказал дон Эсанди, — мы...

Он осекся. Перед окном стояли два одноногих кресла, в которых, спиной к вошедшим, кто-то сидел. Бандерос поднял арбалет, готовый стрелять по первому знаку капитана.

— Эй, — позвал Конан, — может, поговорим?

Затылки над спинками сидений не шевельнулись.

— Не очень-то вы рады гостям, — сказал киммериец.

Он сделал знак Бандеросу обойти кресла справа, а сам мягкой кошачьей походкой, держа в руке меч, двинулся вдоль левой стены. Люди возле окна оставались безмолвными и неподвижными.

Однако, обогнув сидения, Конан понял, что перед ним вовсе не люди. Их тела, одетые в облегающие серебристые костюмы без застежек, походили на человеческие только до пояса, ниже виднелся отросток, больше похожий на толстое щупальце, чем на единственную ногу, хотя и обутый в некое подобие башмака с тупым тяжелым носком. Длинные пальцы с семью суставами безвольно свисали с подлокотников кресел. На лысых черепах виднелись бугристые наросты, а лица существ, как бы в насмешку над общим уродством, обладали тонкими правильными чертами. Их можно было бы назвать даже красивыми, если бы не единственный глаз, располагавшийся чуть выше переносицы, большой, почти круглый, подернутый мутной пленкой у обоих странных созданий. И хотя они не принадлежали к человеческой расе, киммериец сразу понял, что оба мертвы.

— Демоны! — услышал он рядом испуганный голос Бандероса. — Послушай, Конан, на этом корабле неладно. Здесь все передохло или окаменело, значит, их что-то погубило. Не думаешь, что мы тоже можем накрыться? Я чувствую какую-то слабость...

Киммериец и сам ощущал холодное покалывание в груди и легкий озноб по всему телу, но относил это на счет проклятого яда, снова дающего о себе знать. Однако, глянув на бледного Сантидио и дрожащую рабыню, он решил, что слова желтозубого не лишены оснований. Кто

знает, какие силы скрываются в чреве железного корабля и как они действуют на людей.

— Посмотрим, что за той дверью, и будем убирать-ся, — распорядился он и направился к небольшому люку в правой части рубки. Сантидио остался возле мертвецов, заинтересовавшись металлическими колесами и рычагами на покатой панели перед их креслами. Ваная ни на шаг не отходила от своего господина, Бандерос последовал за Конаном.

В тесной комнатке они обнаружили металлическую стойку, в которой были укреплены несколько странного вида жезлов: длиной в два локтя, они имели резные рукояти и оканчивались тремя когтями, похожими на птичьи, сжимавшими желтый кристалл размером с кулак. Рядом стоял железный ящик. Подняв крышку, Конан обнаружил, что тот доверху заполнен желтыми кристаллами.

— Никогда не видел таких камешков, — сказал Бандерос, — может, они и ценные. Прихватим на всякий случай.

Он сунул горсть камней в сумку, притороченную к широкому поясу.

— Палки эти тоже заберем, — решил киммериец, — не возвращаться же без добычи.

Он сунул жезлы под мышку и уже хотел вернуться в рубку, когда оттуда раздался отчаянный крик Ваная. Мужчины ринулись вперед и увидели рыжую обезьяну: в одной руке монстр держал отчаянно извивающуюся невольницу, другой, как от назойливой мухи, отмахивался от шпаги Сантидио. Бандерос, не раздумывая, вскинул арбалет — стрела впилась в грудь чудовища. Монстр бросил свою добычу и с рычанием закружил по рубке, пытаясь вырвать стрелу. Дон Эсанди вонзил ему в спину шпагу, но клинок тут же переломился. Кордавский бандит, поминая богов и портовых шлюх, крутил рычаг арбалета, натягивая тетиву.

— Бежим! — крикнул Сантидио. — Его не возьмет наше оружие!

— Только не самосек! — рявкнул киммериец, обрушивая на голову чудовища удар меча. Клинок рассек монстра надвое, потоки крови залили пол рубки.

— Откуда он взялся?

Ответа не понадобилось: из люка слева от кресел показалась еще одна обезьяна.

— Надо уносить ноги, — прохрипел Бандерос, — монстры ожили!

Они отступили в коридор, захлопнув за собой люк, и припустили к ведущей наверх шахте. Однако не успели беглецы преодолеть и половину расстояния, как люк, ведущий из рубки, стал медленно открываться. На пороге возник монстр и застыл, вглядываясь красными глазками в полумрак коридора.

— Уходите, — бросил варвар своим спутникам, — я его задержу.

Он передал жезлы Бандеросу и обернулся к чудовищу, выставив перед собой меч. Обезьяна медлила, словно что-то соображая.

— Иди сюда! — крикнул киммериец. — Закусишь собственными кишками!

В руке чудовища появился матово блеснувший шар — обезьяна метнула его в Конана с ловкостью заправского игрока в мяч. Шар летел стремительно, со свистом рассекая воздух, и все же киммериец сумел отбить его мечом. Необычный снаряд взорвался, полыхнув жарким пламенем, множество мелких осколков впились в лицо и грудь варвара. А монстр уже снова размахнулся... Удар клинка, взрыв... Понимая, что, промахнувшись он на пядь, и следующий снаряд просто снесет ему голову, Конан быстро оглянулся через плечо — коридор был пуст, Ваная, Сантидио и Бандерос уже исчезли в спасительной шахте. Третий снаряд пролетел поверху — варвар успел броситься на пол. С каждым броском обезьяна приближалась, увеличивая опасность: чем больше сокращалось расстояние, тем стремительнее летели шары.

Перебросив меч в левую руку, Конан правой крутанул колесо на ближайшей двери и, распахнув створку, ввалился внутрь какой-то каюты. Он захлопнул дверь и задрал ее с помощью такого же колеса, имевшегося с внутренней стороны, слабо надеясь, что обезьяна не обучена открывать люки.

Немного отдышавшись, он осмотрелся. В каюте царил разгром, словно здесь произошло настоящее сражение. Пол покрывали осколки стекла и лужи зеленоватой жидкости, многочисленные столы и стулья были опрокинуты, сорванные с петель полки криво висели в простенках между круглыми окнами. Повсюду — на полу, на опрокинутой мебели, в одноногих креслах и на кожаных диванах — лежали и сидели, скорчившись в самых нелепых позах, мертвецы: на этот раз не монстры и не демоны, а обыкновенные люди. Все они были одеты в одинаковые голубые хитоны, такого же цвета штаны и легкие сандалии, у многих на головах еще держались круглые голубые шапочки. Ужас застыл на посиневших лицах, словно перед смертью обитатели каюты метались в поисках спасения. Один из них лежал у самой двери, вытянув вперед руку со скрюченными пальцами — видно, из последних сил полз к выходу. На телах не было ран, и гибель этих людей представлялась киммерийцу неразрешимой загадкой.

Впрочем, у него не было времени, чтобы придаваться размышлениям: колесо на двери за его спиной стало медленнее поворачиваться... Конан ухватился за железный обруч, изо всех сил стараясь сдержать его вращение. Он понимал, что если, открыв дверь, обезьяна успеет метнуть свой шар прежде, чем он поразит ее мечом, удар с близкого расстояния будет так силен, что не поможет никакой самосек. Для того чтобы рассечь чудовище, ему надо успеть выскочить в коридор и хорошенько размахнуться (колющий удар, как он убедился, не причинял монстру особого вреда), а времени для этого просто не будет. Поэтому Конан напрягал свои стальные мышцы, силясь удержать колесо, но даже он ничего не мог поделать. Он уже собирался отступить в сторону и попытаться напасть на входящего монстра сбоку, как вдруг за дверью раздалось громкое щелканье, словно кто-то бил по железному полу гигантским бичом, потом — яростный рев чудовища, глухой стук падающего тела... И все смолкло.

Держа наготове меч, Конан осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Обезьяна лежала на спине, оскалив огромные клыки — в ее груди зияла рана с опаленными краями. Рыжая шерсть все еще дымилась.

— Капитан! — Бандерос стоял рядом, протягивая ему жезл с желтым кристаллом. — Ну и пугу ты откопал, бьет, что твоя молния. Смотри!

Он направил кристалл на стену и сжал рукоятку. Яркая искра вылетела из вспыхнувшего желтым сиянием камня и оставила на переборке черное пятно.

— Случайно понял, как она работает, — довольно захохотал желтозубый, — чуть гранда нашего не подпал...

Конан успел сбить зингарца с ног за миг до того, как над их головами просвистел металлический шар. В дверях рубка показалась еще одна обезьяна.

— А, гадина! — Бандерос вскочил на ноги, держа жезл в вытянутой руке. — Давай, капитан, покажем ей врата преисподней!

Две цепочки желтых искр ударили в грудь монстра. Тот взвыл и повалился вперед. А из люка уже лезла новая обезьяна, как две капли воды похожая на предыдущую. Она тоже упала, пропуская третье чудовище...

— Отходим! — крикнул варвар.

Жезл Бандероса выплюнул последнюю искру, камень на его конце угас и больше не загорался. Конан успел свалить еще двух монстров, прежде чем мужчины достигли шахты и принялись карабкаться вверх по металлическим скобам. Только оказавшись на верхней палубе железного корабля и захлопнув люк, они позволили себе немного отдышаться.

— Не понимаю, — сказал Бандерос, — что случилось с этой палкой?

Он щелкнул ногтем по желтому камню, и тот с тихим звоном рассыпался в пыль.

— Видно, сила его ограничена, — заключил Конан, — хорошо, что ты прихватил с десятков про запас.

На корме их ожидали Сантидио и Ваная. Девушка ойкнула, увидев изрезанное осколками, обожженное лицо варвара. Она потянулась было к нему своими ладошками, приговаривая: «Я могу, я умею, не хочу, чтобы тебе было больно...», но Конан нетерпеливо отмахнулся, приказав всем немедленно спускаться в шлюпку.

— Эти твари могут вылезти наверх, — сказал он, налегая на весла, — тогда наша лодка станет отличной корзиной для игры в мяч.

— Корабль ожил, — откликнулась Ваная, — я чувствую, как там пробудилась злая сила.

Однако никто так и не появился на спине железного «кита», они беспрепятственно скользнули вдоль неподвижных весел и понеслись к «Дочери морей». Конану, сидевшему лицом к удаляющемуся железному кораблю, почудилось, что серебристо-белый корпус судна сияет ярче, чем прежде, но он счел это простой игрой света.

Поднявшись на борт диеры, Конан в сопровождении Бандероса, Сантидио и Ванай взойшел на капитанский мостик. Команда толпилась на палубе, стараясь прочесть в глазах капитана свой приговор.

— Я не стану вас обманывать, — сказал киммериец, — мы не сможем укрыться под защитой железных стен этого корабля: уж лучше познакомиться с морским царем, чем с его обитателями. Тайфун загнал нас в ловушку, он может обрушиться на «Дочь морей» в любой момент, а посему — молитесь своим богам, и пусть каждый позаботится о своем спасении.

Горестные вопли и проклятия были ему ответом.

— Это ты заманил нас сюда, паршивый пес! — выкрикнул матрос, считавший дельфинов потомками пиратов. — Принесем его в жертву морским богам, братья, может быть, они смилостивятся над нами!

Размахивая ятаганом, он бросился к мостику, с десятков сорвиголов последовали за ним. Бандерос разрядил арбалет, моряк рухнул под ноги бегущих, которые отхлынули назад, сбивая друг друга.

— Чем попусту махать саблями, отправляйтесь лучше в трюм, — посоветовал Конан приунывшим бандитам, — сундук с казной и наиболее ценный груз обвязан пробковым деревом. Пусть каждый возьмет по куску, и тогда, может быть, встреча с морским царем не будет столь уж неизбежной.

Шумя и толкаясь, головорезы кинулись к люкам, словно утопающие за соломинку хватаясь за призрачную надежду.

— Все равно всем не хватит, — проворчал Бандерос, — да и кого спасала какая-то пробка? Лучше б молились...

— Смотрите! — воскликнула вдруг Ваная, указывая за спины мужчин.

Конан, Сантидио и Бандерос разом обернулись. Весла железного корабля взлетели вверх и снова опустились, вспенив воду. Серебристо-белый корпус задрожал, и судно двинулось вперед, стремительно набирая ход.

— Идет прямо на нас! — воскликнул Сантидио.

— К веслам, собаки! — заорал Бандерос в жестяной раструб. Он перепрыгнул через перила носовой каюты и принялся судорожно крутить рукоять кабестана, выбирая якорь. Его команды никто не слышал: люди отчаянно дрались в трюме за куски пробкового дерева. Только рыжая шевелюра Отгара мелькнула на юте, да катался по палубе, воя от страха, бывший кордавский сутенер...

— Все равно не успеть, — помертвевшим голосом сказал Сантидио, — смотрите, что творится за кормой.

Конан увидел стремительно приближающуюся черную стену тайфуна: словно дождавшись, когда оживет железный корабль, смертельный вихрь надвигался теперь с той же скоростью, что и сверкающее металлическим корпусом судно, блеск которого становился все ярче и вскоре превратился в серебристое сияние, пронизанное кипением желтых искр. И все же киммерийцу показалось, что сквозь эти сполохи, сквозь толстое стекло лобового окна он разглядел лица мертвых хозяев несущегося на них исполина...

Сантидио рыдал у него на плече.

— Прости, — с трудом выговорил он сквозь душившие его слезы, — это я виноват... Проклятое любопытство: я повернул какие-то ручки там, в рубке, и оживил демонов преисподней...

— Нет, — отвечал Конан, одной рукой обнимая его за плечи, другой прижимая к себе Ваную, — они живут на земле, в железном замке возле острова Фалль, куда, подзреваю, мы так и не доберемся... Это фоморы...

Серебристое сияние, бегущее впереди огромного корабля и черная стена урагана сошлись над «Дочерью морей». Раздался оглушительный треск и наступила тьма.

Сначала тьма была вездесущей, потом что-то родилось в ней, и он узрел гигантское кольцо, объемлющее Мир, и кольцо это пульсировало, то сжимаясь, то разжимаясь. Он понял, что оно живое: это был исполинский змей, проглотивший собственный хвост. Внутри кольца вспыхивали и гасли мириады искр, к которым он несясь с умопомрачительной скоростью.

С полным равнодушием он помыслил, что его вот-вот поглотит бездна, но под ним вдруг оказалась необъятная равнина, испещренная впадинами и холмами. Он пронесся над ней, и чем дольше длился полет, тем более отчетливо он понимал, что летит над огромным ликом: то, что он принимал за горы, были уста, равнины — щеки, огромный утес оказался носом гиганта, а чистые голубые моря — очами. И понял летящий, что сам он — лишь дыхание неведомого светлого бога...

Потом лик стал удаляться и превратился в яркую звезду, сияющую на вершине огромного древа, чьи ветви пронзали мрак мироздания, корни терялись в его глубинах, а ствол был обвит гигантским змеем. Летящий оказался на одной из верхних ветвей, столь обширной, что на ней с легкостью уместились бы все земли, в которых ему довелось побывать. Посреди, словно побег этой огромной ветви, рос куст, пылавший ярким огнем. Дух летящего вошел в этот куст и слился с его горячей холодной пламенем кроной.

А вокруг выступали фигуры, столь странные, что любой смертный, находясь в брэнном теле, умер бы от поразивших его — ужаса? тоски? восторга? — кто знает! Ибо нет в человеческом языке слов, чтобы описать Их, и нет среди человеческих чувств такого, что позволило бы вынести Их присутствие. И каждый из Них, не имея очертаний, виделся неким существом, и, будучи бесплотным, непрестанно облекался в телесную оболочку...

«Не может быть противоречий между нами, — провозгласил седоволосый старик в длинном черном одеянии. — Листья Мирового Древа опали и возродились вновь, с тех пор как на Землю приходил прежний Избранник. Мы должны договориться...»

«Он — Созидатель Хаоса!» — прорывало существо, столь немислимое человеческому разумению, что описание его земными жрецами и поэтами отражало лишь бледную тень того древнего ужаса, средоточием коего оно являлось.

«Он — Несущий Гармонию!» — мелодичным голосом пропела величественная дева, прекрасная, как взмах крыла бабочки, величественная, как заоблачная вершина на расвете.

«Воитель! Триумфатор!» — рывкнул витязь в тяжелой броне, измятой, обожженной огнем неведомых битв.

«Не ссорьтесь, почтеннейшие, — проворковал некто щуплый, облаченный в полосатый туранский халат, с мутной стекляшкой в единственном глазе, — отдайте его мне...»

И новые голоса, — грозящие, воркующие, шипящие, утробные, величественные и гнусавящие, убеждающие и требующие, — послышались со всех сторон. Сполохи невиданного сияния поглотили фигуры богов, слив их в бешено вращающийся хоровод. Они слились в единую субстанцию, Они извергли дух Избранника из его убежища в пылающей кроне, Они приняли Его...

И тогда тот, кто непрошенным явился сюда сквозь бездны мрака, узрел Его и отдалился от Него, покинув Крону и возвращаясь туда, где, волею Судьбы, ему суждено было вновь обрести свободу.

...Он услышал плеск волн, скрип обшивки, ощутил запах смолы и прикосновение к своему плечу.

— Конан!

Кого зовут этим странным именем? И может ли быть имя у того, кто духом способен возноситься к высшим сферам Мироздания?

— Конан!

Он открыл глаза и увидел бледный свет, отраженный в луже под его ногами. Трюм. Он сидит на чем-то жестком, руки его несвободны. Корабль называется «Дочь морей». Корабль, который должен был разлететься в щепки.

Человека, трясущего его за плечо, звали Сантидио. Его запястья были скованы железной цепью, лицо смутно белело в полумраке. Кажется, он был зингарским дворя-

нином. Они вместе стояли на мостике, когда все поглотила тьма. Но куда, о боги, плыл их корабль?!

— Хвала Митре, ты жив, — радостно воскликнул Сантидио, — мы уже думали, что ты навсегда лишился разума.

— Немудрено, — проворчал кто-то, сидевший справа, — хрипел, метался, чуть с лавки не свалился, богов поминал — Нергала, Изиду, Мардука, Бела-озорника и еще этого... Ормузда. Я о таком и не слыхивал.

— Я их видел, — чуть слышно выговорил очнувшийся.

— Что ты там бормочешь, не разберу, — в голосе человека, которого звали Бандеросом, слышалась тревога. — Да узнаешь ли ты нас, Конан-киммериец? Что-то глаза мне твои не нравятся...

— Ты метался в бреду, боги тебе приснились, — сказал Сантидио.

— Я был в их обители, — негромко откликнулся варвар, — и видел... да, я видел Арэля, там, в пылающих ветвях...

— Кто такой этот Арэль, и за что с ним так жестоко обошлись? — спросил Бандерос.

— Ты видел пикта? — Сантидио придвинулся, усы и борода казались нарисованными дегтем на его бледном лице. — Но... что это значит?

— Откуда мне знать! — память окончательно вернулась к варвару. — Быть может, Дивиа трикс уже совершил обряд. Неужели ведьма открыла свой глаз... Долго ли я был в беспамятстве? И кто, Нергал его задери, сунул нас в трюм?!

Киммериец поднес к глазам руки, скованные кандалами. Такие же браслеты были на ногах. Трое пленников сидели на лавках нижней палубы, спиной к обшивке, прикованные цепями к железным кольцам, вбитым в шпангоуты судового корпуса. Цепи, скреплявшие ножные кандалы Конана и Бандероса, были пропущены под сиденьями.

— Может быть, это видение послано тебе из будущего, — задумчиво произнес дон Эсанди, — там, где ты побывал, время течет совсем по-другому.

— О чем, ради всех потаскух, вы болтаете?! — не выдержал Бандерос. — Мало того, что проклятый ван

лишил меня свежего воздуха, я должен еще и терпеть компанию двух сумасшедших!

Варвар рванулся к бандиту, но цепь, державшая его, оказалась слишком короткой.

— Поттише, капитан, — ощерился желтозубый. — Отгар знал, какого пса следует держать на коротком поводке! И не думай, что я тебя подставил, оковы на моих руках — лучшее тому доказательство. Ты был прав, этот ван оказался ублюдком. Когда освободимся, можешь набить мне морду.

— Как все произошло? — спросил Конан, подавив гнев. Он не слишком винил Бандероса: своим усердием рыжий ванир сумел усыпить подозрения самого капитана.

— Когда железный корабль двинулся на нас, — принялся рассказывать Бандерос, — я бросился к якорю. Все были внизу, только Отгар побежал к рулям. Но он успел заскочить в кормовую каюту, прежде чем эта штука в нас врзалась...

— Ты хочешь сказать, что железный корабль протаранил «Дочь морей»? Как же диера осталась цела после такого удара?

— Не знаю. Впереди корабля бежало какое-то сияние, и как только оно нас накрыло, я свалился замертво. Видел какие-то странные спирали и мерзкие рожи, потом пришел в себя. Вокруг был туман, на палубе полно людей, а на мостике хозяйничали Отгар и еще пяток головорезов. Думаю, они сговорились с ваном заранее и только ждали удобного случая, чтобы захватить «Дочь морей». Притащили вас с Сантидио, сковали цепями и уложили рядком возле борта. И меня туда же: очнуться-то я очнулся, только ни рукой, ни ногой двинуть не мог...

— Мы трое были сверху, и только мы потеряли сознание, — вставил дон Эсанди, — остальные, как я понял, слышали удар, а когда выбрались на палубу, судно уже оказалось в этом странном тумане. И никакого шторма.

— Так вот, — продолжил Бандерос, — Отгар сказал команде, что мы трое специально заманили всех в ловушку, намереваясь поживиться добычей на корабле демонов, и показал людям жезлы. Потом скромно так добавил, что он, якобы, спас «Дочь морей» при помощи своей ванирской магии. По мне, так он похож на мага

не больше, чем последняя портовая шляха на девственницу. Но — кто победил, тот и прав. Увидев своего капитана в оковах и без признаков жизни, головорезы все как один прокричали здравницу Отгару и признали его вожаком.

— Подонки, — рыкнул варвар.

— Сам же просил собрать самых отпетых негодяев, — осклабился бандит, — только я и остался тебе верен, да и то потому, что поклялся своими яйцами, а это единственное мое достояние. Слушай дальше. Чтобы выказать преданность новому капитану, кто-то предложил спустить старого, то бишь тебя, киммериец, за борт. И нас с доном Эсанди за компанию. Но Отгар сказал, что нашел в твоей каюте какую-то карту и знает, куда идти, а на берегу заставит нас указать место, где зарыты сокровища. Поэтому велел оттащить всех троих в трюм и приковать. Дон Эсанди вскоре очухался, и вот уже второй день мы вдвоем наслаждаемся твоими стонами.

— Я опасался за твою жизнь, — сказал Сантидио, — даже повесил тебе на шею медальон Дестандази, но это не помогло.

— Так ван обнаружил чертеж Да Дерга? — нетерпеливо спросил киммериец.

— Да, и решил, что в том месте, где брегон обозначил заброшенное капище, спрятан клад, который «Дочь морей» зачем-то должна отвезти на таинственный остров, не обозначенный больше ни на одной морской карте.

— Ванир прав в одном, — проворчал Конан, — для фаллийцев Арэль, действительно, сущий клад. Если мы не опоздали.

— Значит, сокровищ на берегу нет? — разочарованно спросил Бандерос. — И зачем каким-то фаллийцам нужен какой-то пикт, если, как тебе привиделось, его сожгли или собираются сжечь?

— «Умножающий познания уменьшает желания», — говаривал один мудрец с суповой приправой на лысине, — усмехнулся варвар, — а ты, кажется, больше всего дорожишь своими мужскими достоинствами. Но сам подумай, стал бы я нанимать семь десятков головорезов только для того, чтобы отобрать сундук золота у каких-то пиктов?

Нет, преданный мой яйценосец, я хотел, чтобы эти парни поразмялись с более достойным противником.

Он не стал уточнять, что это за противник. На корабле фоморов варвар ясно понял, какая судьба уготовлена его людям, попади они на остров Фалль и сразись с обитателями Железного Замка. Что бы ни говорил Да Дерг, у зингарцев в этом случае не было ни малейшей надежды когда-нибудь еще раз увидеть родные берега.

— А что стало с твоей невольницей? — спросил он дона Эсанди.

— Она досталась победителю, как водится, — ответил тот дрогнувшим голосом и отвернулся.

— Победителю! — фыркнул Бандерос. — Сколько раз я сидел на цепи, но никогда не называл своих тюремщиков победителями. Эй, Сантидио, что ты распустил нюни, словно девственница, проданная в публичный дом, вспомни — с нами сам Конан-варвар, который когда-то спас Кордаву от каменных исполинов! Да этот Отгар — просто плевок под ногами...

— Ты низкий лстец, — прервал его Конан, — я все равно начищу твою рожу за то, что ты нарушил запрет и приволок с собой ванира. Кстати, что он сейчас делает?

— Пробоину в носовой части залатали, воду вычерпали, — сказал Сантидио, — теперь Отгар ведет «Дочь морей» к берегу. Туман все еще держится, но ватнахеймец сообразил, что стрелка прибора в капитанской каюте указывает на север и взял курс на восток.

— Он неплохо знает пиктское побережье и уверен, что сможет определиться, как только покажутся скалы, — добавил Бандерос, — потом пойдет вдоль берега туда, где, как он думает, спрятаны сокровища.

— Все-то вам известно, — удивился киммериец, — хотелось бы знать — откуда?

— Нам помогает цепь дона Эсанди, — торжественно объявил желтозубый.

— Не темни!

— Все очень просто: два раза сверху приносят баланду и ставят вон у той переборки. Я немало порассказывал в свое время о недюжинной силе капитана Бастана, поэтому тебя посадили на короткую цепь, и никто не осмеливается

подходить сюда близко. А дон Эсанди снабдили длинным поводком, чтобы он мог добраться до мисок.

— И что же?

— А то, что здесь когда-то тоже была гребная палуба, а возле переборки сидел гортагор, который повторял команды капитана, приставив ухо к жестяной трубке. Когда нижний ряд весельных отверстий законопатили, трубку снять забыли. Так что, если постараться, можно услышать многое из того, что говорится на капитанском мостике.

В это время в борт судна что-то ударило, еще и еще. Наверху раздался топот множества ног, потом — плеск весел. «Дочь морей» ускорила ход.

— Кажется, с кем-то встретились, — сказал Бандерос, прислушиваясь к ударам, — сдается мне, что борт с нашей стороны утыкан стрелами. Давай, Сантидио, воспользуйся трубкой.

Дон Эсанди поднялся и заковылял к переборке, гремя кандалами и волоча за собой длинную цепь. Приложив ухо к жестяному раструбу, некоторое время слушал.

— Не понимаю, — сказал он наконец, — Отгар приказал гребцам сушить весла. Что-то кричит по-ваннахеймски... Я не очень понимаю этот язык. Кажется, предлагает нападающим переговоры. Щит... Приказывает показать щит внутренней стороной...

— Так поступают ваниры, когда хотят, чтобы поверили в их мирные намерения, — сказал Конан. — Видимо, наш ван столкнулся с сородичами, раз заговорил на родном языке. А ну-ка глянем...

Слева от киммерийца было веселое отверстие, забитое деревянным щитком и наглухо законопаченное. Варвар сложил пальцы огромных кулаков и, словно молотом, треснул по щитку. Заглушка выскочила — пахнуло морем и гарью: очевидно, нападавшие стреляли подожженными стрелами, которые уже залили водой с верхней палубы.

Конан приник к отверстию. В плотных клубах тумана попутно диере скользила черная тень. Приглядевшись, варвар распознал ванирский дракар — низкое беспалубное судно с высоко загнутым носом, увенчанное головой с оскаленной пастью. Борта прикрывали круглые, окованные железом щиты, парус едва наполнился слабым ветром.

— Без весел подошли, — пробормотал киммериец, — наши олухи и проспали. А ваны в тумане издали любой корабль чуют. Но они, кажется, готовы к переговорам: вон тот бородач на корме показывает перевернутый щит. Они приближаются...

Суда сошлись на расстояние полета стрелы, все так же идя параллельным курсом. Кормчий дракара крикнул несколько слов по-ваннахеймски.

— Что он говорит? — спросил Бандерос, который не мог встать со своей лавки, но слышал голос снаружи.

— Спрашивает, кому принадлежит наш корабль, — сказал киммериец, понимавший язык ванов. — Но я не слышу, что ответил Отгар.

— Похоже, назвался хозяином, — сообщил Сантидио, — Эотгарстир холтингар тавидир хорна, так, кажется.

— Я, Отгар, сын Холтинга Рогатого, сделал, — перевел Конан. — Утверждает, что построил «Дочь морей», это для вана высшая похвальба. Ублюдок... Ах ты, дерьмо Нергалье!

Последнее относилось к ответному крику кормчего. Разобрав его слова, варвар яростно сжал кулаки.

— Это Фингаст! Второй раз он восстает из мертвых!

— Ты его знаешь? — не понял слов киммерийца Бандерос.

— Еще бы! Я проткнул его некогда в усадьбе Рагнаради, а потом отрезал голову в Турне...

— Э, да ты опять бредишь!

— Ты прав, — Конан сообразил, что его речь действительно может показаться странной кому угодно, — я только собираюсь отрезать ему голову. Но, похоже, Фингаст и Отгар знакомы. Подозреваю, они когда-то вместе обдeldывали свои грязные делишки. Так и есть, корабли сходятся.

На дракаре опустили весла, он стал быстро приближаться. Когда расстояние сократилось до двадцати локтей, варвар смог разглядеть изуродованное шрамом лицо Фингаста. Ванжир стоял на корме подбоченясь, голову его прикрывал рогатый шлем, грудь — кожаные латы, голени — медные поножи. Рядом маячили два воина, готовые заслонить предводителя щитами от коварного выстрела.

— Не очень-то он доверяет своему знакомцу, — сказал Конан, — собирается подняться на борт диеры, но требует заложников.

— Отгар согласен, — откликнулся Сантидио, — предлагает... «филь», пять своих помощников и... о боги!

— Ну что еще? — нетерпеливо спросил варвар.

— «Сакалиба», наложницу...

Дон Эсанди яростно рванул цепь — тщетно.

— Успокойся, ничего плохого с Ванаей не случится, — стараясь придать своим словам побольше уверенности, сказал киммериец. — Отгар хочет о чем-то договориться с Фингастом.

Сам он не был так уж уверен, что все кончится миром: о коварстве ваниров сложились поговорки на многих языках Запада. Тем временем дракар подошел вплотную к диере, прикрывавшие его борта щиты оказались на уровне законопаченных весельных отверстий нижнего ряда. Один из них закрыл дыру, сделанную Конаном, лишив киммерийца возможности наблюдать за происходящим снаружи. Слышны были только неясные голоса, топот ног по палубе, скрип трущихся бортов.

— Что на мостике? — спросил Конан.

— Ваниры обменялись приветствиями и отправились в капитанскую каюту, — ответил Сантидио, — там тоже есть раструб, но, как ты знаешь, он прикрыт специальной заслонкой. Больше мы ничего не услышим.

— И не увидим, — добавил Бандерос, — если только не выберемся наверх.

Мысль была здравой, хоть и трудноосуществимой. Однако Конан не стал долго раздумывать: он ухватился за кольцо, державшее цепь, и потянул его на себя. Кольцо крепилось к железному гвоздю с петлей на конце, глубоко вбитому в деревянный шпангоут. Киммериец подумал, что если шпангоут пробит насквозь, и конец гвоздя загнут, ему придется выломать кусок обшивки. На его удачу железный стержень медленно пополз наружу, и вскоре Конан вырвал его и отшвырнул в сторону. Теперь он мог встать и даже продвинуться до конца лавки, но пропущенная под дубовое сидение цепь ножных кандалов не пускала дальше. Варвар попытался переломить сидение

ударами кулаков, однако оно оказалось на удивление крепким.

— Послушай, если так уж хочешь размять ноги, возьми вот это, — Бандерос протянул Конану маленькую пилку, извлеченную из-за голенища сапога, — и, во имя Паблиты, которую я имел всего за час до того, как бес попутал меня оставить прекрасную Кордаву, не греми ты так — неровен час, кто-нибудь поинтересуется, чем мы тут заняты.

Он кивнул на потолок трюма, в котором были прорезаны небольшие вентиляционные отверстия. Пока Конан орудовал пилкой, прикидывая, сколько времени понадобится, чтобы освободиться от ножных оков, а желтозубый зингарец бубнил что-то насчет запертого люка, отсутствия оружия и численного превосходства противника, сверху снова послышался топот и скрип уключин. Ванирский дракар отвалил в сторону, «Дочь морей» двинулась вперед, подгоняемая ударами весел. Оставив свое занятие, варвар выглянул в отверстие — борт дракара темнел на расстоянии броска копья, постепенно отдаляясь и исчезая в тумане.

И вдруг туман исчез, словно его ножом отрезало. Лучи заходящего солнца покрыли море кровавыми бликами, высокий нос ванирского судна разрезал красные перья волн, круглые щиты на его бортах сверкали железными полосами, красно-белый парус выгнулся под крепчающим ветром. Мимо диеры проплыла скала, окруженная пеной, на ее уступах светлели тела птиц, неподвижные, как куски соли. Плеск весел смолк за правым бортом — «Дочь морей» заворачивала к югу. Вдали показались узкая белая полоса прибоя и темные обрывы над ней, увенчанные зубьями редких деревьев.

— Идем вдоль берега, — сказал Конан и снова принялся орудовать пилкой.

Оковы оказались на удивление крепкими, а зубья пилки слишком мелкими. Конан несколько раз пытался разорвать звенья цепи, но слабость после недавнего беспамьтства все еще давала о себе знать. Варвар успел упомянуть всех темных богов и посулить Бандеросу встречу с каждым из них на Серых Равнинах, на что желтозубый

философски заметил, что до смерти еще дожить надо, а инструмент хаять нечего, инструмент хороший.

— Не одну цепь им перепилил, — сказал он, — потихоньку-полегоньку, в тюрьме спешить некуда.

— Зато у нас времени, кажется, в обрез, — сердито ответил Конана.

Он справился наконец с ножными кандалами и смог встать с лавки. Выдернуть кольца, державшие цепи Бандероса и Сантидио, оказалось делом недолгим. Правда, желтозубый все равно не мог покинуть свое сидение: его ножные оковы тоже были пропущены под дубовой доской. Киммериец отдал ему пилку, взобрался по деревянным сходням и попробовал открыть верхний люк. Люк, как и предупреждал Бандерос, оказался запертым снаружи.

— Когда приносят еду? — спросил Конан.

— Утром и на закате, — ответил Сантидио.

— Надеюсь, нас не забудут сегодня покормить.

Конан снова выглянул в отверстие. Солнце уже село, исчезли огненные блики, море из лазоревого стало темно-синим, в небе загорались первые звезды. Высокий берег темнел теперь всего в полете стрелы от борта диеры, отделенный от корабля бурунами и брызгами разбивающихся о камни волн. Вдруг открылась узкая горловина залива, и киммериец увидел скользнувший туда красно-белый парус: дракар стремительно мчался в проход между скалами, взмахивая, точно крыльями, рядами длинных весел. «Дочь морей» прошла мимо горловины, плавно забирая к утесу, высившемуся справа от входа в бухту. На его вершине что-то темнело. Поначалу киммерийцу показалось, что это покосившееся дерево, но, приглядевшись, он понял, что видит огромного трехглавого идола, простирающего к небесам кривые руки с вершины скалы. Гребцы по левому борту затабанили весла, диера повернула носом к берегу, потом раздался лязг кабестанов, звонкий плеск упавших в воду якорей — судно застыло, легко покачиваясь на волнах.

— Кром! — варвар отпрянул от весельного отверстия. — Капище Треглава! Дракар вошел в залив, а Отгар, похоже, собирается высадиться за утесом и обойти пик-тские укрепления с тыла.

Топот ног по верхней палубе, лязг оружия, скрип канатов, опускавших шлюпки, подтвердили его догадку.

— Неужели ванир действительно рассчитывает найти там сокровища? — подал голос Сантидио.

— Кто его знает! Но если Арэль уже на жертвенном ложе, он снова может попасть в плен, и тогда все пойдет по второму кругу. А это значит, он не станет Амруном детей Богини Банну, в Аквилонии два Конана примутся оспаривать друг у друга трон или случится что-то еще более страшное...

— Не понимаю тебя, — растерянно сказал дон Эсанди.

— Я сам многого не понимаю. Знаю только, что мы должны выбраться отсюда и помешать ванирам проникнуть в святилище под скалой. Сделаем так: я сяду на свое место, а ты позови караульного, скажи, что капитан умирает и ему нужен глоток вина. Дальше — моя забота.

Варвар уселся на лавку, слегка воткнув гвозди с железными кольцами в их прежние гнезда, чтобы не вызвать подозрений стражника. Сантидио поднялся к верхнему люку и принялся колотить в него наручниками. Через некоторое время в отверстии на потолке трюма показалось усатое лицо и грубый голос осведомился, какого морского беса пленники подняли шум. Дон Эсанди попросил вина для умирающего и услышал пожелание сдохнуть вместе с проклятым Бастаном.

— Никак это Кассий по прозвищу Вонючка! — крикнул со своего места Бандерос. — Что ж ты не отправился со всеми за сокровищами?

— Не называй меня Вонючкой! — взвизгнул усатый. — Капитан Отгар обещал все разделить по-справедливости, когда перебьет пиктов и вернется.

— Когда он вернется и узнает, что Бастан умер, ванир отрежет тебе голову, — пообещал желтозубый, — разве ты не слышал, что только Бастану известно, где зарыт клад?

Головорез немного подумал, подкрутил ус и сказал:

— Ладно, я подам бутылку через люк, пусть ее возьмет дворянишка.

Лязгнул засов, крышка откинулась, и вниз просунулась мощная рука Кассия. Сантидио поднялся на пару ступенек, но, вместо того, чтобы взять бутылку, ухватил Во-

нючку за запястье и резко дернул — стражник свалился вниз, подмяв под себя дона Эсанди.

Они разом вскочили на ноги. Кассий был на голову выше Сантидио и вдвое шире в плечах. Он заревел и двинулся на своего щуплого противника. Конан уже вскочил с лавки, чтобы броситься на помощь другу, но дон Эсанди вдруг издал странный гортанный звук, подпрыгнул, крутнувшись в воздухе, и ударил каблуком сапога Вонючку под вздох. В животе у того что-то булькнуло, словно сапог угодил в мех с вином, Кассий зашатался и, хватая ртом воздух, повалился на мокрые доски. Он еще ворочался на полу, когда подоспевший Конан ударом кулака по затылку заставил разбойника на время позабыть о мирских заботах.

— Где так наловчился? — спросил киммериец Сантидио.

— В Кхитае, — коротко ответил тот, — давай выбираться отсюда.

— Эй, — окликнул их Бандерос, — а как же я?

Конан подобрал саблю Кассия и несколькими ударами перерубил лавку, на которой сидел желтозубый, потом попытался разбить его ножные кандалы, но сталь только высекала искры, оставляя на цепи неглубокие зазубрины.

— Паршивая сабля, — пробурчал варвар, — самосек бы мне...

Его друзья по несчастью разом вскрикнули: проскользнув через отверстие в потолке, сверху упал меч Гевула и вонзился в доски пола.

— Воистину, чудо... — прошептал ошеломленный Бандерос.

— И зовут это чудо Ванаей, — рассмеялся киммериец, увидев показавшуюся на ступеньках лестницы девушку.

Дон Эсанди крепко обнял свою рабыню, что не совсем подобало ему как господину, Конан тем временем освободил с помощью самосека всех троих от оков.

— Как тебе удалось до нас добраться? — спросил он Ванаю.

— Отгар и многие с ним поплыли на лодках к берегу, — отвечала она, — меня заперли в каюте. Я нашла твой меч, просунула в щель и подняла засов...

— Странно, что ванир не взял с собой такое отличное оружие, — заметил Сантидио.

— Ваны больше привыкли к своим топорам, — объяснил варвар. — Но разве Отгар не оставил часть людей сторожить корабль?

— Оставил, но они все попрятались...

— Почему вдруг?

— Потому что луна... она исчезает с неба...

— Ведьма открыла глаз! — отчаянно возопил Конан и вихрем помчался вверх.

Когда дон Эсанди, Ваная и Бандерос выбрались следом, они увидели в небе серебристый, на глазах убывающий серп ночного светила. В ста локтях от носа диеры над волнами темнела голова Конана, стремительно плывущего к берегу.

* * *

В склепе под скалой Кагата кружила в стремительном танце. Гремел бубен, старуха высоко подкидывала полы своей одежды, выделявая коленца, на которые не способна была бы и юная танцовщица. Магические нити тянулись к ней от пальцев друидов, образуя вокруг жрицы светящийся кокон. Круги пляски смыкались вокруг алтаря, на котором лежало безжизненное тело, то сжимаясь, то отдаляясь от возвышения.

— Имя! — выкрикнул Дивиаатрикс. — Мне нужно его Имя! Скорее!

Тело старухи свели судороги, она уронила бубен и повалилась на спину. Ноги в меховых чулках молотили воздух, скрюченные пальцы царапали каменный пол.

— Имя!

— Ка!.. — прохрипела жрица, и хоровод богов на Верхних Ветвях ринулся к горящему кусту.

— Имя!!

Они слились в единую субстанцию, Они извергли дух Избранника из его убежища в пылающей кроне, Они приняли его...

— Цхо!.. — старуха билась в страшных судорогах посреди склепа.

И в этот миг сверху, из отверстия-входа, упала веревка. По ней скользнул вниз пиктский вон и застыл в ужасе, узрев верховного друида с торчащим в груди ножом. Воин рухнул на колени, ткнувшись окровавленным лбом в пол. Подернутые пленкой глаза Дивиаатрикса приобрели осмысленное выражение.

— О мудрейший! — прохрипел воин. — Корабль! Ваниры! Они напали на нас...

— Я вижу, — глухо ответил верховный друид. — Вся наша волшба здесь, и мы не можем помочь вам...

— Они вошли в бухту, а Треглав не закрыл им вход!

— Вся наша волшба нужна здесь...

— Они поднялись по ступеням, а часть их воинов обошла святилище с суши. С ними люди из Зингары... Они повалили подгнившие бревна и ворвались внутрь...

— Но вы для того и поставлены, чтобы не допустить нападения.

— Мы сражались, не щадя живота. Но среди них есть тот, кто дерется без одежды. Он крушит наших, как взбесившийся медведь!

— Берсайк, — глухо произнес Дивитрикс. — Но я наслал на море туман, и корабль с юга должен был заблудиться в нем...

— Корабли пришли с севера, о мудрейший, — прохрипел воин и повалился на бок. — Два корабля, второй стоит напротив скалы Треглава... — Тело его мучительно изогнулось, и он испустил дух.

— Уходи, Отец, — раздался спокойный голос одного из младших друидов. — Уходи, Гулл отвернулся от нас.

— Поднимите ее, — приказал Дивитрикс, указывая на Кагату, — я должен узнать Имя! Здесь волшба сильнее нашей: корабль должен был прийти с юга, и на нем плыл всего один ванир...

Нити, окутывавшие тело жрицы, ступились, и ее тело, мучительно выгибаясь, всплыло над каменным полом. Из уст старухи вырывался лишь невнятный клекот.

Дивитрикс ухватился за рукоять магического ножа и извлек его из своей груди: на его одеждах не осталось ни крови, ни прорехи. Друид поднял нож над головой и возгласил:

— Кха-поттам! Войди! Да пребудет Имя в клинке, да будет Оно хранимо богами Солнца и Луны, да перейдет оно к Избраннику, когда того пожелает Гулл! Возгласи, жрица, возгласи оставшуюся часть!

Как только друид извлек магическое оружие из своего тела, дух Потерявшего Имя вырвался из объятий богов и ринулся из звездных пределов вниз, к оставленной плоти. Последнее, что он видел, была фигура могучего полуобнаженного воина со сверкающим кругом на груди.

Ночное и дневное светила проплывали по этому кругу, воин держал в руках огромный двуручный меч, а в его черных, как смоль, волосах играли звездные вихри и сполохи невиданного огня. Через мгновение юноша вновь обрел тело, и тело было цело, без малейших следов страшного обряда.

Кагата извивалась в двух локтях над полом склепа. Глаза старухи закатились, по подбородку текла желтая слюна.

— Имя!! — вновь возгласил верховный друид. — Во имя Корней и Кроны, закончи Имя!

— Ко!.. — вырвалось из захлебывающейся слюной глотки.

— Дальше! Говори, говори!

Но это было последнее, что успела выкрикнуть жрица. Влетевшая через верхнее отверстие стрела пробила морщинистую шею, и тело Кагаты рухнуло на пол безжизненным меховым кулем.

Нож в руках верховного друида вспыхнул голубоватым сполохом и погас. Дивитрикс отступил куда-то за алтарь и пропал с глаз лежащего на нем юноши.

Потом по брошенным из отверстия веревкам вниз скользнули тени в рогатых шлемах, и началась резня.

* * *

Конан выбрался на берег возле шлюпок, доставивших с «Дочери морей» зингарских головорезов. Двое караульных умерли быстро и беззвучно. Киммериец огромными прыжками понесся вверх по склону, огибая скалу Треглава. Впереди показалось зарево: горели деревянные вышки возле резных ворот в ограде капища. Конан уже слышал крики дерущихся и звон стали, когда у него за плечом раздался негромкий повелительный голос: «Остановись, воин!»

Киммериец резко обернулся, сжимая в руках меч. Между двух огромных валунов стоял старец в длинных одеждах, его серебристая длинная борода словно светилась в убывающем свете луны, от которой остался только узкий серп.

— Кто ты? — спросил Конан, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Дивитрикс, верховный друид северных пиктов, — отвечал старик, — ты ведь знаешь.

— Обряд... совершен? — Варвар почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Жрица погибла и не успела назвать все Имя.

— О Кром! Значит, Арэль снова попал в плен?

— Ты сказал «снова»?

— Я... оговорился.

— Если ты называешь Арэлем Избранника, то он здесь.

Старик отступил в сторону, и Конан увидел юного пикта. Друид извлек из-за пояса каменный нож с волнистым лезвием и протянул его киммерийцу.

— Опусть свой меч, воин, и прими от меня Клинок Духознания, в коем скрыта часть Подлинного Имени Избранника, — недостающую предстоит найти тебе.

Конан взял нож. Тот был тяжелым, каменное лезвие местами выщерблено.

— Признаться, представлял его другим, — сказал варвар. — Обычный тесак, таким и убить недолго...

— Ты не хуже меня знаешь, что видимость вещей не всегда отражает их сущность, — спокойно возразил Дивиа трикс, — надо только уметь извлекать ее.

— И что я должен с ним делать?

— Окунуть в воды Источника Судеб, в котором скрыты Подлинные Имена всех существ, которые обитали в нашем мире в далеком прошлом, обитают сейчас и только еще родятся через много столетий. Ты спросишь — где искать его? Отвечу: под корнями Мирового Древа, которые везде и нигде. Его нельзя найти, если ищешь нарочно, лишь те окунаются в его воды, кто доверяет своей Судьбе. Иди куда шел, и пусть Избранник последует за тобой.

— Но почему ты мне доверяешь? — удивленно спросил варвар. — Я пришел в твою капище с мечом, намереваясь отобрать Арэля силой, и вовсе не просил, чтобы кто-нибудь возлагал на меня великую миссию. Хотя не ты первый говоришь мне о том, что я призван совершить нечто особенное, я-то знаю, что просто борюсь за свою жизнь.

— Воля человека гораздо чаще совпадает с волей богов, чем мы думаем, — сказал друид, — тот, кто живет соответственно своим побуждениям, достигает большего, чем иные, испрашивающие дозволения на каждый свой шаг у высших сил. Но тот, кто забывает, что над ним есть боги, терпит поражение.

— Кром, — киммериец мотнул головой, — я не понимаю твоих слов!

— Видел тебя на ветвях Мировой Кроны, — продолжал Дивиа трикс все так же негромко, — там, в Неопалимой Куще. Ты был един с Избранником, и боги приняли вас обоих. Смысл этого видения скрыт от моего разумения, но я узнал тебя по диску на твоей груди.

Только сейчас Конан вспомнил о медальоне Дестандази, который Сантидио повесил ему на шею в трюме диеры, намереваясь вернуть дух киммерийца из высших сфер на землю.

— Ступай к своим людям и возвращайся с ними на корабль, — сказал друид.

— К своим людям?

— Баниры, проникшие в священный склеп, уже мертвы, хотя и мои помощники погибли. А зингарцы снова признают тебя капитаном, как только ты докажешь им свою силу.

Старик отступил в тень валунов и исчез — то ли там скрывался тайный проход, то ли Дивиа трикс просто растворился в воздухе. Конан махнул Арэлю рукой, подзывая, и юноша подошел к нему. Он был абсолютно наг, на теле виднелись узоры какой-то засохшей бурой грязи.

— Узнаешь меня? — спросил киммериец, тут же спохватившись, что Арэль не может его знать, так как в этом времени они встретились впервые.

— Ты Конан, король аквилонский, — сказал пикт уверенно.

— Ладно, — варвар не смог скрыть удивления, — идем наверх, раздобудем тебе какую-нибудь одежду.

Они прошли через пролом в частоколе и оказались внутри ограды капища. Двор освещали горевшие вышки, повсюду валялись изувеченные тела пиктов, ваниров и зингарцев. Возле покосившегося каменного идола со стертым ветром лицом толпились уцелевшие — в основном головорезы с «Дочери морей», но виднелись и несколько рогатых ванирских шлемов, чьи обладатели потрясали двулезвенными топорами и что-то выкрикивали на своем языке. Несколько человек держали рыжего Отгара, заломив ему за спину руки.

— Проклятый колдун! — услышал Конан выкрики. — Это ты заманил нас сюда, наболтав о сокровищах! Ты погасил луну нам на погибель!

— Проклятый ублюдок, — вопили ваниры, — ты послал наших на смерть к подземным демонам! Они обрушили своды, все погибли, наш вождь мертв!

— Смерть колдуну! — несло над капищем по-зингарски.

— Смерть! Смерть! — вторили ваны на своем языке.

— Остановитесь! — перекрывая гвалт, прокричал вдруг Отгар. — Вот виновник всех наших бед! Этот черный маг, этот слуга мрака опять подстроил нам ловушку и явился сюда, чтобы насладиться зрелищем гибели и разрушения — вот кто достоин самой жестокой казни!

Вывав руку, Отгар указал на Конана. Толпа обернулась, люди растерянно уставились на своего бывшего капитана, неведь откуда взявшегося без цепей и при оружии.

— Смерть Бастану! — выкрикнул кто-то не слишком уверенно.

— Давай, подходи, — сказал киммериец, вытаскивая меч, — давненько-ко я не пробовал свежей печени...

— Не приближайтесь к нему, — крикнул Отгар, — в него вселился демон! С ним справится только такой же одержимый. Позовите Харлада!

Толпа расступилась, открыв сидевшего на земле человека в набедренной повязке. Тело его было покрыто ранами и ссадинами, а небольшие усы слиплись от крови.

— Только не это, — простонал варвар, опуская меч, — я не могу убивать его каждый раз...

— Харлад! Харлад! — орали ваниры, потрясая топорами.

Берсайк открыл глаза и поднялся. Он повел головой, словно приносясь, и медленно двинулся к Конану.

— Послушай, — киммериец примирительно выставил вперед пустую ладонь, — я не спал с твоей матерью и не мочился в твоё вино...

— Если ты муж чести, отбрось свой меч и сразись с ним! — крикнул Отгар. — Харлад, этот человек говорит, что съел печень твоей сестры, убей его!

Берсайк ударил себя в грудь и издал боевой вопль. Поняв, что схватки не избежать, Конан в сердцах отшвырнул меч и приготовился вторично отправить безумца на Серые Равнины. Убей он берсайка с помощью оружия, эта победа стала бы его поражением: зингарцы считали, что честный поединок предполагает либо сталь с обеих

сторон, либо отсутствие таковой у обоих участников, и Отгар, видимо, хорошо это знал.

Когда их разделяло шагов десять, Харлад зарычал и ринулся вперед... И в тот же миг тяжелая стрела вошла ему в левый глаз, сокрушив череп и вишибив наружу мозг. Берсайк зашатался и рухнул навзничь, как подрубленное дерево.

Конан обернулся. Возле ограды капища стояли Сантдио, Ваная и желтозубый кордавец, все трое в мокрых одеждах. Девушка подняла с земли чей-то пдац и накинула его на плечи юного пикта.

— Вот так-то, — сказал Бандерос, опуская арбалет, — мы тоже плавать умеем. Вижу, ты тут неплохо проводишь время, а, капитан?

— Это нечестно! — отчаянно завопил Отгар. — Подлое убийство, а не поединок!

— Закрой пасть, выродок, — велел ему желтозубый, выходя вперед, так, чтобы его хорошо все видели, — кто бы говорил о чести, только не ты. И с каких это пор зингарцы должны слушать какого-то там вана? Удивляюсь я вам, ребята: цвет кордавского дна, жулики, которых на кривой не объедешь, а сами попались на удочку рыжего прохвоста. Он сулил вам сокровища, так где же они?

— Это Бастан знает, — сказал кто-то из толпы.

— Бастан-то знает, но поведет вас за добычей, только если вы снова признаете его своим вожаком. А для этого есть лишь один старый добрый способ. Хочешь быть капитаном, Отгар? Тогда сам выйди и докажи, что ты этого заслуживаешь.

Зингарцы одобрительно загудели. Кто-то вытолкнул ванира вперед.

— Убей его, Бастан, — крикнул юный воришка, рассуждавший некогда о дельфинах, — но пусть сначала вернет луну!

— Она появится, как только я снесу башку ублюдку, — пообещал киммериец, подбирая с камней самосек.

— Я верну ее вам, убив колдуна, который хочет нас всех погубить, — заявил Отгар, — но стану с ним драться, только если он оставит в покое свой заговоренный меч.

— Предпочитаешь топор? — усмехнулся киммериец, вкладывая клинок в ножны и отстегивая перевязь. — Давай.

Он поднял с земли ванирское оружие и швырнул его противнику, другой топор взял себе. Как только лезвия, высекая искры, ударились друг о друга, в небе возник яркий серп и стремительно стал увеличиваться. Ведьма закрывала свой глаз.

Глава 25. КОЛЬЦО ВРЕМЕНИ

Твоя сказка удивительна, государь, — сказал Альфред, подбрасывая в очаг смолистое полено. — В Аргосе, откуда я родом, есть люди, которые записывают свои сочинения буквами на пергаменте, а потом отдают их переписчикам, те же, сделав несколько копий, передают листы переплетчикам. Так появляются книги, описывающие всяческие истории, а авторы их называют себя «литераторами». Среди них есть весьма известные люди...

— Ты, конечно, не веришь, что все это правда, — усмехнулся король.

Дождь шумел по травяной крыше хижины, стоявшей неподалеку от берега Ширки, среди соснового леса. Хижина была старой, один угол ее обвалился, но каменный очаг с длинной трубой давал тягу огню, возле которого грелись промокшие охотники. Дом этот построил какой-то лесной житель, давно сгинувший неведомо куда, теперь здесь иногда ночевали случайные путники, идущие тропами вдоль реки, лесники, а то и разбойники. Возле очага лежали дрова: каждый, кто уходил из хижины, оставлял новый запас поленьев. Даже лихие люди соблюдали обычай, опасаясь рассердить лешаков, которые легко могли заманить ослушника в болотину.

Конан не стал рассказывать Альфреду всего, что вспомнил, когда, преследуя волка, вдруг решил подарить зверю жизнь и, резко поворачив коня, отправился на поиски отставшего оруженосца. Когда он отыскал юношу, хлынул ливень, и они долго ехали бок о бок под дождем, пока не наткнулись на заброшенную хижину.

Сначала воспоминания были смутными, словно обрывки виденного когда-то сна. Но возле потрескивающего огня Конан окончательно понял, что это память о действительных событиях, которые произошли с ним в Кольце Времени. И еще он понял, что вернулся. Тогда, чтобы окончательно в это поверить, он стал говорить и говорил

долго, как никогда прежде, хотя и опустил многие подробности.

Альфред подбросил в очаг еще одно полено, забыв, что огонь и так всю гудит свою жаркую песню, быстро глянул на короля, потом отвел глаза и покраснел.

— Я не должен спорить с тобой, государь, потому что я всего лишь оруженосец, — сказал юноша смущенно, — но сам подумай, как я могу верить в твою повесть, если она начинается моей гибелью в стычке с разбойниками... Или это другой Альфред пал от бандитского ножа? Я-то жив!

— Ход событий изменился после моего возвращения, — ответил киммериец, — ваниры Фингаста погибли в склепе Дивиаатрикса и никогда не появятся в замке герцога Гандерландского. Арэль избежал плена, он не попадет в Аквилонию, значит, и слуга темных сил Тзота-ланти не станет искать его за стенами Турна и втягивать Гийлома в заговор против меня. А если нет заговора — незачем нанимать убийц и подсылать к королю безумного карлика с отравленным кинжалом.

Альфред вздохнул.

— В этой истории слишком много печального, государь, — сказал он. — Неужели люди устроены так, что не могут обойтись без предательства и обмана? Но ты еще не закончил свой рассказ. Добрались ли вы до таинственного острова Фалль? Обрел ли Арэль Подлинное Имя и стал ли он Амруном народа Богини Банну? Что случилось с доном Эсанди и Ванаей, неужели она тоже была послана кем-то, чтобы помешать вам добраться до Источника Судеб, как ты одно время подозревал?

— Мы добрались до острова Фалль, — отвечал Конан, — что же касается всего остального... Слушай.

* * *

...Белые скалы показались на рассвете. Земля словно соткалась из воздуха, воздвигнув над темными волнами северного моря высокую стену, у подножия которой кипели огромные буруны. Стрелка прибора, оставленного Да Дергом, привела «Дочь морей» к острову, куда корабль доплыл всего за три дня, подгоняемый устойчивым попутным ветром. Люди молча стояли вдоль бортов, глядя на приближающиеся скалы, сжимая в руках оружие. По-

беда киммерийца над Отгаром и появление ночного светила, ярко засиявшего в небе сразу после того, как ванир упал с разрубленной головой, поселила в сердцах команды слепую преданность своему вожаку и веру в удачу.

Диера прошла левым галсом вдоль побережья, но скалы повсюду были одинаково высоки, а рифы возле их подножия тянулись сплошной цепью. Стрелка теперь указывала не на остров, а прямо по ходу корабля. Прошло больше часа, они плыли все тем же курсом. Вдруг Сантидио, стоявший на мостике рядом с Конаном возле накрытого стеклянным колпаком прибора, тронул киммерийца за плечо. Стрелка дрогнула и, повернувшись, указала в сторону берега.

— Очевидно, нам следует пристать здесь, — сказал дон Эсанди.

— Но я не вижу никакого прохода, — возразил киммериец, — все те же рифы...

— Не могу придумать другого объяснения, — Сантидио внимательно вглядывался в кипение бурунов, — берегон не стал бы направлять нас к своему острову только для того, чтобы утопить в броске копьё от берега.

Конан приказал спустить парус. «Дочь морей» на веслах двинулась к полосе рифов. Когда до них оставалось не более тридцати локтей, они увидели проход между двумя камнями. Диера скользнула в него и оказалась на узкой полосе воды, отделявшей рифы от галечного берега. Стрелка прибора вновь отклонилась — повинуясь ее указанию, судно двинулось вдоль обрывистых белых скал.

Вскоре они увидели лагуну, вошли в нее и пристали к берегу. Отсюда наверх, через расщелину в скалах, вела неширокая тропа, усыпанная мелким гравием. Оставив на борту несколько караульных, зингарцы во главе с капитаном покинули диеру, поднялись по тропе и оказались на круглой, шириной в сотню ярдов площадке, ограниченной валом из длинных белых камней высотой в пол человеческого роста. За первым валом виднелись другие, каждый следующий отстоял на полсотню шагов дальше предыдущего — словно гигантские круги от брошенного в воду камня расходились по каменистой равнине без единого деревца, простиравшейся насколько хватало глаз. Напротив того места, где отряд поднялся на плато, высились каменные ворота: два огромных монолита стояли вертикально, третий лежал сверху. От этих

каменной веяло древностью и неведомой силой, их иссеченную ветром поверхность покрывали полустертые рунические письмена. За воротами виднелась прямая, как стрела, вымощенная прямоугольными плитами дорога, убегавшая к горизонту. В тех местах, где дорога пересекала круги валов, были оставлены проходы.

Зингарцы неуверенно топтались на краю площадки, не решаясь двинуться вперед.

— Не слишком-то уютное местечко, — проворчал киммериец, поудобнее пристраивая на руке круглый ванирский щит, — и встречающих что-то не видно...

Он ошибся. Только что за воротами никого не было, а в следующий миг из них выехал на великолепном черном жеребце рыцарь в золотых доспехах и крылатом, украшенном огромным плюмажем из радужных перьев шлеме с опущенным забралом. Натянув поводья, он остановил коня и застыл, словно величественное изваяние.

Конан шагнул вперед.

— Приветствую тебя, страж, — сказал он, подняв руку и обратив к всаднику пустую ладонь. — Мы прибыли на ваш остров по приглашению брегона Кримтана Да Дерга, слуги королевы Матген...

Рыцарь тронул коня и подъехал к варвару.

— Как твое имя? — спросил он глухим голосом из-под забрала.

Киммериец размышлял недолго.

— Конам, король Аквилонии, — ответил он и услышал за спиной удивленный ропот своих людей.

— А я зовусь Руад Рофесса, что на вашем языке значит Красный Многомудрый, — сказал рыцарь. — Я вызываю тебя на поединок, король.

С этими словами он снял с руки железную перчатку и бросил ее под ноги Конану.

* * *

...Киммериец прервал рассказ, вспомнив свое удивление, смешанное с гневом: воистину, исчезнувший в Кордаве берегон не устал подбрасывать все новые неожиданности! Тогда он не сразу сумел достойно ответить на вызов и даже вступил с Руадом в объяснения, пытаясь доказать рыцарю, что явился на остров вовсе не затем, чтобы вступать в схватку с первым же его обитателем.

— Быть может, этот страж не знал Да Дерга? — спросил Альфред. — Что же случилось дальше, государь?

— Я принял вызов и убил рыцаря, — сказал король. — Вернее, думал, что убил. Руад Рофесса спешился, и мы бились на мечах. Он дважды ранил меня. Он хорошо дрался, и все же я сумел поразить его, ударив в грудь и пробив доспех. Рыцарь упал и лежал неподвижно. Я поднял забрало его шлема и увидел лицо: очень красивое и спокойное. И вдруг это лицо стало таять, как весенний снег в борозде, еще немного, и осталась только пустая броня. Я проклял колдовство, тем более, что раны мои были совсем нешуточными. Мы оставили доспехи Руада посреди каменного круга и прошли через ворота.

...Конан не мог бы точно описать, что произошло, только, пройдя совсем немного, вместо круглых валов и каменистой пустыни они увидели далеко внизу прекрасную долину, залитую ярким солнцем. Ее покрывали густые леса, среди которых темнели квадраты полей и сияли лазурные нити полноводных рек. Небольшие деревушки и города, обнесенные круглыми стенами, во множестве были разбросаны среди садов, а между ними вились мощенные желтым кирпичом дороги, перекинутые через реки арками легких мостов. Посреди долины что-то сияло всеми цветами радуги, словно огромная перламутровая раковина, извлеченная неким гигантом из глубин Мирового Океана.

— Мы спустились в долину и двинулись по дороге, сами не зная еще, куда попадем, — рассказывал король, и Альфред слушал его, затаив дыхание. — Самым удивительным было то, что местные жители совсем нас не боялись, хотя и видом, и оружием мы отличались от них, как грязные оборванцы отличаются от людей, собравшихся в храм на богослужение. Хозяева постоянных дворов стояли возле дверей своих обширных построек с высокими крышами и зазывали нас отдохнуть и выпить сидра — так зовется самый распространенный на острове напиток, подобный легкому шипучему вину. Владельцы лавок выбегали со своими товарами: легкими нарядными тканями, какими-то безделушками и украшениями, нужными нам, как быку конское седло. Они говорили с нами на языке, состоявшем из смеси множества известных нам слов, а узнав, что мой отряд состоит из зингарцев, почти полностью переходили на язык этой страны, так что мы без

труда понимали их цветастую речь. Это было тем более удивительно, что, по словам Да Дерга, фаллийцы никогда не покидают свой остров. Потом я узнал, что на Инис Фалль, как зовут они свою страну, живет немало хайборийцев, из тех, кто, прибыв сюда в качестве наемников, решили навсегда оставить оружие и поселиться в этом благодатном крае. Мои вооруженные до зубов орлы с удивлением таращились по сторонам, Сантидио что-то записывал на тонких дощечках, которые носил у пояса, а Ваная шла рядом с Арэлем, глядя на все восторженными глазами.

В каком-то селении я спросил, как добраться до Медового Покоя королевы Матген, и нам указали дорогу к столице, даже не поинтересовавшись, что мы там ищем. Наконец мы приблизились к Лиатдруиму и остановились, пораженные. Сей град обнесен семью круглыми стенами, возвышающимися одна над другой, так как столица располагается на холме. Каждая стена окрашена в один из цветов радуги, а сделаны они из материала, подобного стеклу, полупрозрачного и очень крепкого. Виднелись купола дворцов и башни, не уступающие красочностью стенам. Этот город мы приняли за сверканье огромной раковины, когда смотрели на долину сверху.

Возле ворот толпилось множество народу. Оказывается, мы прибыли в канун праздника Лугназад, который справляют в честь бога Луга, покровителя искусств и ремесел. Стража велела нам ждать, и мой отряд расположился неподалеку, на опушке леса. Зингарцы побросали щиты и копья и растянулись в тени кустов: им было жарко в шерстяных куртках и кожаных латах, они устали. С нами ждали еще множество каких-то людей, они безбоязненно подходили к моим головорезам, о чем-то заговаривали с ними, и странно мне было видеть тоненькую девушку в легком платье, которая бродила среди вооруженных людей, каждый из которых считался у себя на родине отъявленным злодеем. Бандерос потянул было к ней свои лапы, но девушка только тихо засмеялась, глядя ему в глаза. Зингарец отшатнулся, на лице его отразился страх, а она убежала. Когда я потом спросил, что его напугало, он отвернулся и только пробурчал: «Так, померещилось...»

Вдруг послышался звук труб и флейт, удары барабанов и рев волюнок. Показалась процессия. Впереди ехал верхом седобородный человек в латах, но без оружия. За

ним — отряд рыцарей в сверкающих доспехах, на отличных конях. Потом шли люди в белых одеждах с ветками и цветами в руках. Нам сказали, что это король народа сидов Бодб Дерг со своими подданными. До наступления вечера мимо нас прошли еще несколько процессий — на праздник съезжались властители четырех королевств острова: Лейнстера, Улада, Коннахта и Мунстера, пятая же страна зовется Миде, столица ее Лиатдруим, а властвует там королева Матген. При появлении каждой колесницы, в которой ехал очередной владыка, народ приветствовал его криками: «Да здравствует король финеев!» Я поинтересовался, что это значит, и мне объяснили, что финее — это просто свободные люди, и каждый народ на острове Фалль считает себя свободным.

Наконец, когда солнце уже скрылось за верхушками деревьев, к нам приблизился человек в странной одежде и поинтересовался, кто мы и откуда. Я назвал, и он побежал к городским воротам, громко выкрикивая на бегу: «Конан, король Аквилонии! Король Аквилонии!» Люди расступились, давая нашему отряду дорогу, они смотрели на нас доброжелательно, но без особого любопытства. Пожалуй, Эвразт своим горбом привлекал больше внимания, чем все мы вместе взятые. Мы вошли в город. Не стану его описывать, ибо я не фелид и не «литератор». Скажу только, что бывают такие предутренние сны, яркие, как самоцветы, и обманчивые своей беспечностью, когда не хочется просыпаться. А еще лесные феи умеют навевать подобные грезы охотникам, отдыхающим в полдень в тени деревьев возле прохладного ключа. Это обман, в который хочется верить. Кром, да я, кажется, набрался от фелидов их суесловия!

Конан рассмеялся и немного отодвинулся в сторону: вода протекла с крыши и капала на его плечи. Он перевесил сушившуюся безрукавку подальше от огня — от кожи уже поднимался легкий парок.

— И ты видел королеву Матген, государь? — спросил Альфред, глядя на своего повелителя сияющими глазами. — Был в Медовом Покое?

— Не только был, но и мед-пиво там пил, — отвечал киммериец, снова поймав себя на том, что говорит с несвойственной ему складностью. — Стены этого зала желтоватые, тоже похожие на стекло, но называют его Медовым Покоем не из-за цвета стен и не потому, что

там пируют и, действительно, во множестве пьют этот напиток. Там собираются фелиды, жрецы-поэты фаллийцев, и ведут свои заумные речи-разговоры, что зовется у них «Мед поэзии», потому и Медовый Покой. Он круглый, а посреди стоит цветастый шатер, скрывающий Лиа Фалль — Камень Делений. Когда жрецы того пожелают (а это случается очень редко), в ночь праздника Лугназад шатер убирают, и на Камень восходят те, кто подвергаются испытаниям.

— Значит, Арэль принял в них участие?

— Да, но не совсем так, как ты думаешь. Я ожидал, что королева Матген во всеуслышание объявит о прибытии Избранника, или Амруна, как они говорят, но этого не произошло. Сначала был пир и общее веселье, все ходили с чапками по залу и угощали друг друга, ибо у фаллийцев не принято сидеть за столами, они выпивают и закусывают на ногах, а слуги разносят большие блюда с яствами и напитками. Я увидел Да Дерга и не сразу узнал его: брегон был в скромной коричневой одежде и коротко стрижен по обычаю местной знати. Он подошел ко мне, приветствуя так, словно мы расстались только вчера наилучшими друзьями. Спросив, как мне понравился Лиатдруим и нет ли каких пожеланий относительно моих людей, которые остались развлекаться снаружи дворца (внутри допустили только нас с Арэлем, доня Эсанди и сопровождавшую его Ваную), брегон как бы между прочим осведомился, совершился ли обряд Посвящения. Я подтвердил это, ибо так сказал Дивиатрикс. Да Дерг не стал больше ни о чем спрашивать, а я не стал говорить: особой радости наша встреча у меня не вызывала.

Королева Матген, сидевшая на подиуме у стены зала, поднимала задравные чаши, и все отвечали ей приветственным шумом и хлопками в ладоши. Матген была в простом черном платье, а единственным украшением ей служила серебряная диадема с золотыми изображениями солнца и луны. Я заметил, что у фаллийцев все наоборот: простые люди у них одеваются гораздо изысканнее знати, предпочитающей строгость и неприхотливость в одежде. Рядом с королевой сидел худой мужчина с весьма неприятным лицом, как я узнал, — король фоморов Элмар. Был он о двух ногах и двух глазах и ничем не напоминал тех страшных существ, которых мы видели в железном корабле. Судя по тому, что Да Дерг рассказывал мне некогда о Матген, Элмаре и их сыне, раздробившем

Камень Делений, эта странная чета супругов-врагов должна была пребывать в весьма почтенном возрасте, однако королева выглядела юной и довольно соблазнительной.

Наконец было объявлено, что пир окончен, гости расселись вдоль стен, а хозяйка Медового Покоя произнесла следующую речь. «Вот уже пять лет, — начала она, — Камень Делений расколот на пять частей, а потому нет мира и согласия между народами Богини Банну». Для меня ее слова прозвучали удивительно, хотя я и знал обо всем по рассказам Да Дерга. Только что на моих глазах повелители четырех королевств поднимали за здравные чаши в честь друг друга и королевь страны Миде, и всякий сказал бы, что между ними любовь и вечная дружба. Но Матген продолжала так: «Мой сын Кухулин был отвергнут Камнем Делений, а другого претендента фелиды нам не назвали. Посему, согласно древнему обычаю, я объявляю, что в эту ночь праздника Лугназад всякий, кто пройдет испытание, может взойти на Лиа Фалль. Если же Камень Делений соединит свои части и вскрикнет под чьей-либо стопой, этот человек будет объявлен Верховным Правителем, будь он даже самым ничтожным из нас». Раздались хлопки, никто не выразил протеста или недоумения, видимо, все было известно заранее. Появились фелиды в широких одеждах, затылки их были выстрижены, а лица надменны. Они убрали шатер и открыли святая святых фаллийцев — черный пятиугольный монолит, прорезанный красными, как кровь, трещинами.

— А что это были за испытания, государь? — спросил оруженосец.

— Нужно было состязаться в трех вещах: уме, вдохновении и ловкости. Причем каждый из участников мог взять в свою команду кого пожелает. Все члены команды объявлялись равными, а взойти на камень дозволялось тому из них, кто получит больше поощрительных фишек, вручаемых фелидами. Попытать счастья вызвались все короли острова. Я был несколько удивлен, когда, обратившись ко мне, королева Матген спросила: «А ты, Конан Аквилонский, желаешь испытать судьбу?» Я поискал глазами Да Дерга, не зная, что следует отвечать, но брегон куда-то подевался, и я молча кивнул. Своими помощниками, конечно, назвал Сантидио, Арэля и Ванаю.

Первой была игра, называемая фидхелл, что значит «знание дерева». Уж не знаю почему, ибо суть этой игры заключается в том, чтобы, передвигая деревянные фигуры, отразить нападение неприятеля, находящегося в центре пятиугольной доски, по краям которой располагаются «войска» пяти королей. Доску вынесли фелиды, и была она столь велика, что по ней надо было ходить, чтобы передвигать фигуры. Я было решил, что мы выбываем из состязаний, еще не приступив к ним, но Сантидио шепнул, что знаком с подобной игрой, существующей в Кхитае, и бесстрашно вышел вперед.

За вражескую «армию» играл Элмар. Он выкрикивал свои ходы, не поднимаясь с резного кресла, и слуги двигали фигуры. Элмар разбил «войска» повелителей Лейнстера и Улада, но остальные не сдавались, а Сантидио даже продвинул своего деревянного «короля» в центр. Сложность заключалась еще и в том, что пять игроков одновременно сражались и друг с другом. В конце концов Сантидио выиграл и взял «крепость» Элмара, но, — о боги! — думали они над своими ходами так подолгу, что я истомился от вынужденного безделья, находя единственное утешение в чаше с вином. Дон Эсанди получил пять фишек.

Зато потом были состязания на ловкость и силу, — метание дротиков, прыжки через огонь и бег между вращающимися мельницами с отточенными железными крыльями — и я смог поразить затекшие мускулы. Впрочем, все короли успешно прошли это испытание и получили равное число фишек.

После этого в деревянный загон выпустили змей — нужно было пройти через него так, чтобы не наступить ни на одну и избежать ядовитого жала. Вот тут пригодилось умение Ванай заговаривать животных: она усыпила ползучих гадов, чем вызвала общее восхищение. Три короля не смогли повторить этот подвиг и были укушены, Впрочем, им тут же дали противоядие.

Потом объявили «Мед поэзии», и фелиды стали вести длинные заумные речи, а испытуемые отвечали им не менее темно и велеречиво. Вот тут блеснул Арэль, поразивший всех своей мудреностью, а меня тем, что он просто что-нибудь понял из обращенных к нему слов. Фелид, раздувшийся от важности, вопрошал что-то вроде следующего:

«Кто этот поэт,
поэт, на котором дырявое платье блеска,

зеленая борода юной старости,
мощный шлем трепета,
кто поет свою песнь,
подобно струям стрел, пронесшихся мимо,
ступает, подобно палице великана,
раздавившей лягушку?»

А наш Арэль, не моргнув глазом, отвечал:

«Стремление к награде,
установление мира,
назначение свиты,
горесть юноши,
ложе с королем,
прославленный путь,
жемчуг в оправе,
бриамон сметрах,
и нужен ли щит Атирне тому,
кто познал тайный смысл простых вещей?»

Ну и всякое такое, что вызывало дружные хлопки слушателей и новые вопросы фелидов. Они упражнялись в красноречии весьма долго, я же готов был под землю провалиться с тоски и налегал на вино так, что к концу словопрений вместо одного пикта видел двух. И оба взошли на Лиа Фалль — Арэль привел публику в такой восторг своими темными словесами, что ему выдали целую пригоршню фишек, их у него оказалось больше, чем у меня, Сангидио и Ванаи вместе взятых.

В других командах победили короли, все они поочередно всходили на Камень Делений, но тот безмолвствовал, и красные трещины все так же рассекали его черное тело. А вот когда на монолит поднялся Арэль, произошло нечто неожиданное. Лиа Фалль вдруг вспыхнул ослепительным светом, из трещин повалил пар, а внутри, словно кто-то подкинул в очаг углей, разгорелось настоящее пламя. И камень стал расползаться. Страшное зрелище: словно огненная пасть разверзалась под ногами пикта... Не помню, как я оказался рядом, готовый схватить Арэля и прыгнуть вместе с ним с коварного монолита. Раздался громкий звук, словно по стеклу провели острием кинжала, потом — мощный толчок, и все успокоилось. Я глянул вниз и, признать, ноги чуть не подкосились: Лиа Фалль был цел, трещины исчезли.

Не стану описывать, что тут началось — фаллийцы бросились к монолиту, подхватили нас на руки и куда-то

поволокли. Мы буквально плыли по головам вопящей толпы, и я жалел только о том, что при входе во дворец у меня отобрали меч, ибо не знал, куда нас тащат: венчать на царство или кинуть со скалы в море. Впрочем, довольно скоро нас принесли в какую-то комнату и оставили одних. Арэль был перепуган, он вздрагивал и бормотал что-то невнятное.

Я осмотрел стены: ни малейшей лазейки, куда-то подевалась даже дверь, через которую нас втащили. Мы были всецело в руках фаллийцев, и нам оставалось лишь ожидать своей участи. Правда, при мне был нож Дивиа-атрикса, так что, сложись обстоятельства не в нашу пользу, коротковолосые не досчитались бы немало своих соплеменников. Но все вышло по-другому: явились фелиды и объявили меня Амруном народов Богини Банну.

— Тебя?! — воскликнул Альфред, от изумления забыв даже прибавить «государь».

— Ну да, — усмехнулся Конан, — камень-то сросся, когда его коснулась моя стопа, а не чья-нибудь. Я попытался втолковать им, что произошла ошибка, что Избранник — это Арэль, требовал позвать брегона Да Дерга, но они ничего не хотели слушать и ответили меня в огромный покой, посреди которого стоял высокий черный трон и огромное, как поле битвы, ложе под темным балдахином. Потом началось нечто вообще несусветное: ко мне потянулись восторженные вельможи, каждый заверял Амруна, то бишь меня, в вечной преданности и норовил поцеловать носок моего весьма грязного сапога. Явились пожилые феи и натащили кучу разного хлама: шлем, покрытый вендийским пурпуром и увенчанный золотым яблоком, копье с зазубренным наконечником, огромный, в человеческий рост щит из кожи крокодила, а также многочисленные статуэтки, изображающие мышей, птиц, лягушек и даже коров. Одна фея напроорочила, что от моих чресл произойдут пятьдесят три правителя острова Фалль и будут царствовать в мире и процветании — без разбоя, без воровства, без болезни, без комаров, без слепней, без сильного ветра и сырости, но лишь с дождем и туманом. Вторая предсказала мор, глад, скупость, негостеприимство и нужду — все это врагам Амруна. Я едва дождался, пока они унесут свои тощие зады. А под утро явилась королева Матген. Она была прекрасна... Ладно, этого тебе знать не надобно.

Конан замолчал, наблюдая, как обугливаются дрова в очаге. Воспоминание о свидании с прекрасной Матген было не из приятных. Она вошла в его покой под кисейной накидкой, отнюдь не скрывавшей ее прелестей, приблизилась и сказала просто, словно приглашая прогуляться по саду: «Я хочу возлечь с тобой на этом ложе, Амрун народов Банну. Не станем медлить». По сути, Конан не имел ничего против, тем более что женщины у него давно не было, и все же прямого королевы несколько его покорила.

— Послушай, — сказал киммериец, — я не слишком разбираюсь в ваших обычаях, но нахожу их довольно странными. Ты замужем за повелителем кровных врагов твоего народа, с которыми, насколько мне известно, фаллийцы воюют испокон веку. У тебя от него сын, который чуть не стал Амруном. И ты приходишь к чужестранцу, еще даже не венчанному на царство, и предлагаешь ему...

— ...Предлагаю себя, — закончила королева, — ты не хочешь?

Конан хотел, и они возлегли. Она страстно припала своими устами к его губам в сладостной истоме предвкушения... Их подхватил вихрь, уносящий тела в бездонные глубины страсти, а души — к сияющим высотам наслаждения. Варвар ощутил себя птицей, парящей в поднебесье над лучезарными просторами моря, и уже готов был сложить крылья, чтобы камнем броситься вниз и захлебнуться в слепящих волнах любви, но тело королевы вдруг истаяло в его руках, он понял, что сжимает смятые черные покрывала ложа, и зарычал в бессильной ярости...

Тихий смех раздался у него за спиной и, обернувшись, он увидел Матген, в черном платье, с серебряной диадемой в каштановых волосах.

— А ты умеешь любить, аквилонец, — сказала женщина.

— Проклятая колдунья, — взревел варвар и потянулся к своей одежде, — ты насмехаешься надо мной?!

— Простая предосторожность, — ответила королева, расстегивая застежки своего платья, — откуда мне знать, собирался ты одарить меня наслаждением или воткнуть под сердце свой каменный нож? Не надо его трогать, на сей раз я пришла к тебе сама, без обмана...

Что-то было в ее словах, что заставило варвара позабыть обиду и самозабвенно отдаться любви — на весь остаток ночи и весь следующий день. А когда он уснул, к его изголовью приблизился некто в сером, вытащил из ножен брошенного на стул пояса каменный клинок друида и неслышно удалился.

* * *

Дождь хлестал по травяной крыше с прежней силой. Король и его оруженосец подкрепились сушеным мясом и лепешками, и Конан продолжил свой рассказ:

— Наутро я потребовал к себе Да Дерга, пригрозив, что если брегон не явится, прикажу отрубить головы половине придворных, а вторую отправить в Замок Фоморов в качестве закуски для обитавших там монстров. Кримтан явился и принес мне нож Дивиатрикса, сказав, что я обронил его, когда нас с Арэлем тащила восторженная толпа. Я осведомился о судьбе пикта — брегон просил не беспокоиться, торжественно возгласив, что познания юноши потрясли фелидов и они сделали его Скалой Олламов: это высшая степень фаллийского словоблудия, насколько я понял.

«Послушай, Кримтан, — сказал я, — ты ведь знаешь, что произошла ошибка, что настоящий Избранник — Арэль».

«Но камень соединился и вскрикнул под твоей ногой», — возразил он.

«Это случилось потому, что пикт так и не успел обрести полного Имени», — настаивал я.

«Ах вот как...» — только и вымолвил Да Дерг.

Тогда я рассказал ему все: о поляне вяза, кузнеце Гевуле и его чудесном мече, о встрече с железным кораблем фоморов и о своем полете к вершинам Мирового Древа, о сражении в капище Треглава и словах друида... Он слушал молча, а когда я закончил, сказал так:

«Судьба распорядилась тобою, и мы не в силах ничего изменить. Значение святящихся рунов не всегда ясно, видимо, фелиды не совсем верно его истолковали: цепь событий оказалась более длинной и запутанной, чем они ожидали. Но результат всех устраивает: Камень Делений соединился, принес мир на нашу землю, а народы Богини Банну обрели своего Амруна».

«Но я не хочу быть вашим Амруном, — вскричал я в сердцах, — мне не по душе Инис Фалль, где все зыбко и расплывчато, как в предутреннем сне. Я не смогу жить среди народа, девушки которого способны одним взглядом повергнуть в трепет закоренелого бандита, а женщины посылают на ложе любви своих бесплотных двойников. Вы перешли грань, отделяющую магию от обычной жизни, а это не угодно богам!»

«Кто знает, что угодно, а что не угодно небожителям, — отвечал он спокойно, — в одном ты прав: всякий видит наш остров несколько по-иному, чем остальные, здесь все пронизано волшебной, а без нее Инис Фалль просто исчезнет, растворившись среди морских волн. Согласен, тебе не место среди нас. Но ты не можешь уйти, не обрета исцеления, а для этого, как сказал друид, нужно разыскать Источник Судеб и выудить из него Подлинное Имя Арэля».

«Уверен, ты знаешь, где найти источник», — сказал я.

«Знаю, — просто отвечал Да Дерг, — он в Железном Замке, откуда живым не выходил еще ни один из смертных. Но ты, все же, лоннансклех, воин, неудержимый в сражении, и можешь попытаться...»

«Тем более, что у меня есть это», — я кивнул на шлем, щит и копье, подаренные феями.

«А, — сказал брегон равнодушно, — это всего лишь подделки, символы власти Амруна, но не сама власть. У тебя есть стреляющие жезлы, взятые на корабле фоморов, они послужат неплохим оружием на первых этажах замка... Если, конечно, ты до них доберешься. Потом тебе потребуется пройти семь уровней, поднимаясь все выше, и, достигнув верхнего, сразиться с королем фоморов...»

«С Элкмаром?» — спросил я.

«С его эмайном, двойником, хотя он и не похож на супруга Матген внешне».

Я не понял его слов и сказал: «Вырежу ему печень, на кого бы он там ни походил, будь он о двух ногах или одной, доберусь до него, даже если мне придется сразиться с целым войском...»

«Придется, — откликнулся Да Дерг, — короли уже собирают армии, чтобы сообща идти на Элкмара, который затворился в своем городе Эхнатоне на берегу пролива».

Я не стал спрашивать, что думает по этому поводу королева Матген. Надеюсь, она не слишком любила своего мужа, потому что я убил его.

— Ты одолел чудовищ под стенами Эхнатона? — прошептал юный Альфред.

— Если подразумеваешь тех, которых мы видели на железном корабле, — нет, хотя среди воинов Элкмара было немало уродов. Но никаких рыжих обезьян, безголовых демонов и летающих шаров. Хотя враги и называли себя фоморами, но были они двуноги и падали под ударами, как скошенная трава. Сталь ударялась о сталь, и сражающиеся с громким кличем разили друг друга. Как сказал бы Скала Олламов: «Была там великая битва и великое погребение, позор сходил с бок о бок с отвагой, гневом и бешенством, потоками лилась кровь по белым телам воинов...» Могу свидетельствовать, что шум, действительно, стоял страшный, фоморы, фаллийцы и многочисленные наемники вопили так, что слышно было в Нижнем Мире, треск ломаемых копий и щитов, удары костяных рукоятей, звон клинков и свист стрел заставили, думаю, самого Мардука пуститься в пляс от радости. Хорошая, словом, была драка. Из зингарцев уцелели семь человек, включая желтозубого Бандероса. Все они получили достойную награду. А фаллийские короли получили Эхнатон, который тут же принял жечь, ибо град сей был осквернен нечестивцами, вступившими в сношения с демонами из Железного Замка. Кстати, многие из нечестивцев еще недавно выпивали и закусывали в Медовом Покое королевы Матген.

За проливом, всего лишь на расстоянии двух полетов стрелы, темел Железный Замок, но до него было дальше, чем до луны. «Вода здесь не держит судно, — сказал Да Дерг, — сверху она расступается даже под щепкой, а в глубине густеет, словно кисель. Плыть можно только между этих слов, но ни одно живое существо не может пересечь пролив, ибо воды его ядовиты». Я спросил, не может ли помочь фаллийская магия, но он пустился в туманные рассуждения о том, что бывает волшебство и волшебство, что, хотя остров Фалль и остров фоморов находятся рядом, это два разных мира, исключаящих взаимопроникновение, как не могут два плода проникнуть один в другой, сколько не прижимай их боками. «Кто же те люди, которых мы положили под стенами Эхнатона? — спросил я. — Они называли себя фоморами». Брегон объяснил, что это эмайны истинных фоморов, которые не могут находиться вне стен своих железных кораблей и замка. «На том судне, где вы побывали, нарушилась защита, и

демоны погибли, — сказал он, — с ними погибли их слуги: те люди в голубых хитонах, которых Конан обнаружил в одной из кают. Рыжие обезьяны и безголовые демоны суть твари наполовину рукотворные, они могут действовать некоторое время и без защиты, но не выходя за оболочку корабля или за стены замка». В общем, я понял, что у всех фаллийцев вместе взятых кишка тонка наколдовать что-нибудь стоящее.

А яд снова дал о себе знать холодом и слабостью в членах. Я уже готов был броситься в залив и плыть к замку под водой, хотя и понимал, что никакого дыхания не хватит преодолеть такое расстояние. Выход из отчаянного положения нашел Арэль.

— Он что, снова обратился за помощью к Нергалу? — спросил Альфред.

— Нет, к Афемиду. Вернее, к его душе, а может как еще, только он предложил построить лодку, способную плыть под водой. О таком судне толковал когда-то магистр и даже делал кое-какие расчеты, но довершить начатого не успел. Короче, наш пикт с помощью Сантидио и зингарцев построил подводное судно, снабдив его гребками, которые можно было приводить в движение изнутри, вращая железные ручки.

Однако, когда мы испытали судно в обычной воде, выяснилось, что гребки подтекают — плыть через ядовитый пролив было опасно. Вот тогда меня удивил Эвраст. Он сказал, что хочет отблагодарить меня за спасение на вилле дель Донго...

— И что же сделал горбун? — удивленно спросил Альфред.

— Он перелетел на своих крыльях через пролив — спланировал с городской башни, которая стояла на берегу, держа в руках конец длинной веревки. За нее он и перетянул нашу скорлупку.

Да Дерг вызвался идти с нами. Отправились я, Арэль, Сантидио, Ваная, Бандерос и брегон. Мы удачно преодолели пролив, хотя чуть не задохнулись в этой наглухо законопаченной посудине.

В железной стене мы обнаружили квадратное отверстие и проникли в замок. Никто не охранял вход, настолько фоморы были уверены в своей неуязвимости. Да, собственно, это был не вход, а так, какой-то патрубок: ни то водослив, ни то еще что. Короче, мы оказались на первом

этаже замка и вскоре вступили в схватку с его обитателями. Не стану утомлять тебя их описанием, скажу только, что обезьяны, мечущие шары, — самые безобидные существа из всех виденных нами в железных лабиринтах. На третьем этаже появились другие, и они были воистину ужасны. Мы пустили в ход стреляющие жезлы, но если желтые искры легко поражали обезьян, то для их собратьев с верхних этажей они были все равно что укус комара облаченному в броню рыцарю. К счастью, у брегона оказалось нечто вроде светящейся карты замка, правда на пластинке появлялась только та часть лабиринтов, где мы уже побывали. Ваная пробиралась через узкие отверстия, куда не протиснулся бы и ребенок, и открывала нам запертые изнутри двери. И все же поплутать пришлось изрядно, зато в некоторых комнатах мы нашли более мощное оружие: посохи, бьющие зелеными молниями, и огненные летающие топоры. Еще там были кольчуги, способные защитить от ударов монстров, и такие штуки, надев которые на глаза, можно было видеть в темноте. Я, правда, всем колдовским ухищрениям предпочитаю добрый меч, поэтому мы действовали так: мои спутники отвлекали чудовищ, стреляя в них молниями, а я подкрадывался сзади и разил нечисть самосеком. Ты скажешь: не слишком достойное занятие для воина — поражать противника в спину, но эти рассуждения хороши, когда имеешь дело с людьми, а не с демонами. На шестом этаже стали попадаться одноногие прыгуны с лысыми головами, правда, они старались не вступать в схватку, предпочитая пускать на нас все новые порождения своих нечеловеческих рук. Здесь исчез Эвраст, и о судьбе его я ничего не знаю.

Наконец мы достигли седьмого уровня и встретились с королем фоморов. Против него оказалось бессильным все наше оружие...

— А как он выглядел? — замирая от страха, спросил Альфред.

— Никак не выглядел, вернее, все время менял очертания, и каждое следующее воплощение было отвратительней предыдущего. Даже самосек оказался не годен: клинок легко рассекал плоть чудища, но она миглом вновь срасталась, обретая новые формы. Монстр не стал тратить время на моих спутников — он выплюнул моток клейкой паутины и поймал в нее всех, кроме меня и Бандероса.

Орудя мечом, я приблизился к нему слишком близко, и он схватил меня щупальцами, холодными, как поцелуй дочерей Имира. Храбрый зингарец бросился мне на помощь, но был отброшен страшным ударом в грудь. Я раз за разом погружал клинок в тело чудовища, не нанося тому ни малейшего вреда. Кости мои трещали, готовые переломиться в страшных объятиях, я чувствовал, что кровь вот-вот хлынет горлом, и наступит конец.

И тут раздался крик брегона. «Что ты медлишь, Конан! — орал он с отчаянием, которого я никак не ожидал от всегда спокойного фаллийца. — Делай, что должен сделать!»

«Но что?» — едва выдавил я.

«Не могу сказать, это должен быть твой выбор! Неужели не догадался? Если его не берет сталь...»

«...То его возьмет камень!» — молнией пронеслось у меня в мозгу.

Отчаянным усилием я извлек нож Дивиаатрикса и вонзил его в колеблющееся тело. На миг клинок вспыхнул ослепительным светом, и тут же король фоморов рассыпался мириадами огненных искр.

— Уф, — выдохнул оруженосец с облегчением, — значит, ты победил это воплощение зла, государь?

— Не уверен, — в голосе короля не было и тени довольства победой. — Возможно, он просто сгинул куда-то в иные миры, чтобы набраться новых сил. Во всяком случае, путь был свободен, паутина растаяла с исчезновением хозяина, освободив моих спутников. Очулся и желтозубый, хотя долго еще тряс головой, словно вытряхивал из ушей воду. Мы подошли к дальней стене комнаты, в которой происходило сражение, и железные плиты раздвинулись перед нами. За ними не было ничего.

— Как это? — не понял юноша.

— Ничего: ни темноты, ни света, ни тумана, ни воды — ничего! А потом там родился темный сгусток, и появилось некое подобие тропинки, ведущей к густым зарослям орешника. Да Дерг объявил, что за ними и скрывается Источник Судеб.

«Что ж, — сказал я тогда, — пойду посмотрю, на что это похоже».

«Нет, — решительно возразил брегон, — первыми пойдут те, кто не искал Источника специально, а лишь помогал ищущим. Пусть Бандерос первым заглянет в светлые воды».

Но желтозубый напрочь отказался, заявив, что и так знает свое предназначение на этом свете. «В светлых водах я увижу шлюх, шлюх и еще раз шлюх, — сказал он, — а потом себя с ножом в спине или болтающимся на виселице. Чего попусту время тратить».

Тогда брегон отправил к Источнику Сантидио и Ванаю. Они ушли по тропинке, взявшись за руки, и долго не появлялись, а, может быть, сразу вернулись, судить не берусь. Только когда они приблизились, лица их сияли таким счастьем, что страх кольнул меня в сердце.

«Мы остаемся, — сказал Сантидио, — мы хотим остаться на Инис Фалль».

«А как же твоя страна, “Белая роза”, борьба с тиранией...» — начал было я, но он только крепче обнял Ванаю и махнул рукой.

«Я всегда искал не то, что нужно, — молвил дон Эсанди, — и только теперь это понял».

Я обнял его, и мы расстались навсегда. Тогда к Источнику отправился Арэль. А когда вернулся, юного пикта было не узнать, таким отрешенным и далеким стало его лицо. Я спросил его, узнал ли он свое Подлинное Имя.

«У меня много имен, — отвечал он, — а на этом острове я зовусь Трефуйлнэгид Трееохайр».

Брегон вдруг преклонил колено и поцеловал юношу руку.

«Встань, — сказал Арэль, — время мое еще не пришло. В гирканских землях нужны воины, подобные Конану, а на вашей — женщины-властительницы, способные удерживать людей от крайностей. Пусть же властвует королева Матген, да продлятся дни ее. А я ухожу».

«Постой, — вскричал я, хватая его за руку, правда, целовать ее не стал, — ты забыл, что должен меня исцелить!»

«Ах, это, — он легко коснулся пальцами моей груди, — ты здоров, Конан-варвар. Следуй своей дорогой». И он ушел...

— Куда? — тихо спросил Альфред.

— Туда, где будет пребывать до нового воплощения через две тысячи лет, — ответил киммериец, — в обитель Солнца и Луны, к своим богам. А я в сопровождении брегона отправился к Источнику Судеб и заглянул в него.

— И что ты там увидел, государь?

— А вот это не твоего ума дела, оруженосец. Тебе достаточно знать, что я вернулся.

Они стояли рядом над светлыми водами Источника — Конан-киммериец и Кримтан Да Дерг.

— Все-таки ты решил уйти, — сказал фаллиец.

— Я решил вернуться, — сказал варвар, — у каждого своя дорога.

— Спасибо, что помог одолеть короля фоморов здесь, в Железном Замке, — молвил брегон, — без тебя я не смог бы победить и стать его новым эмейном.

Заметив изумление на лице Конана, он слегка улыбнулся и добавил:

— Кто-то ведь должен заменить Элкмара и стать супругом королевы Матген. Послушай, останься на свадьбу, ты будешь самым почетным гостем...

— Ты ведь знаешь, что я спал с ней, — сказал киммериец растерянно.

— Ну и что? Так было нужно. А теперь она будет моей, и мы воссядем на престоле бок о бок...

— Прощай, — прервал его варвар. — Я ухожу. Мне не нравится Инис Фалль.

— Слишком рано, — сказал Да Дерг, — нужно дождаться момента, когда ты сможешь вернуться в ночь накануне Аскольда Мечника. Ты многое видел в источнике, но это не твоя Судьба, это Судьба того короля, который сидит сейчас со своими вельможами в трапезной турнского дворца. Ты рискуешь никогда не выйти на дорогу, где нет места двум Конанам...

— Хочу тебе кое-что объяснить напоследок, — прервал его киммериец. — Я многое видел в Источнике и знаю, что все могу потерять. Но я рискну. Рискну, потому что хочу спасти одного мальчишку, которого учил стрелять из арбалета, и еще одного невзрачного человечка, построившего город в Озерном Крае и отдавшего за него жизнь.

— Ты не сможешь этого сделать, — воскликнул фаллиец, — не сможешь замкнуть Кольцо Времени! Это все равно, что пытаться бревном загородить водопад... Других не спасешь и сам можешь погибнуть.

— Ну, нашел чем испугать варвара, — рассмеялся король и шагнул за кусты орешника, туда, где ждал его Вечный Змей, пожирающий собственный хвост.

Высокий вал подбросил Конана вверх, к хмурому небу, к тучам, что мчались на север словно стадо овец, подгоняемых щелканьем громового бича. Тучи были темными, и таким же темным, почти черным, казалось разбушевавшееся море; валы его тоже стремились к северу, опадали и взмывали к небесам в надежде дотянуться до туч холодными мокрыми языками. Но тучи ускользали. Им, небесным странникам, ничто не мешало плыть и плыть к бескрайним льдам и снегам полярных равнин, а волны, стремившиеся за ними, встречались с серым щитом береговых утесов.

Скалы были впереди Конана и скалы были позади, в нескольких бросках копья. Те утесы, к которым ветер и волны сейчас несли его, высились сплошной стеной, расщеченной тут и там узкими щелями шхер; вода кипела у их подножий, с грохотом обрушивая упругие кулаки на неподатливую каменную твердь. Скалы, лежавшиеся сзади, за спиной киммерийца, торчали из бурных вод остроконечными клыками, расположенными почти правильным полукругом, словно где-то на морском дне затаился огромный змей, выставив над волнами зубастую нижнюю челюсть. Эту скалистую гряду, как поведал Конану кормчий «Ильбарса» Кер Вардан, так и называли — Драконья Челюсть; и в бури, нередко громыхавшие над северными просторами моря Вилайет, эта Челюсть сокрушила и перемолола великое множество боевых галер, быстрых пиратских кораблей и пузатых купеческих барков.

«Ильбарс» не избежал их печальной участи. Сейчас борт его был пронзен одним из драконьих клыков, а волны, мотая корабль вверх и вниз, терзали и добивали его, словно стая злобных псов, настигших подраненного стрелой оленя. «Ильбарс», гордость туранского флота, двадцативесельная галера с бронзовым тараном на носу, погибал; мачты его рухнули, паруса были сорваны внезапно налетевшим ураганом, от весел остались жалкие огрызки, в огромные пробоины хлестала вода, корпус, обшитый кедром, трещал под напором волн, палуба вспучилась горбом, и остроконечные края досок торчали вровень с обломанными мачтами.

Погибал корабль, гибли и люди — подневольные гребцы, и моряки Кер Вардана, и солдаты из сотни Синих Тюрбанов, меченосцы и лучники, и туранцы, и наемные воины вроде Конана. Их оружие и храбрость могли защитить «Ильбарс» от вражеских боевых галер, от внезапной атаки пиратов, от морских змеев, гигантских черепах и прочих опасных тварей, обитателей загадочных глубин, но против ярости стихии и оружие, и храбрость были бесполезны. Бурями и ветрами повелевают боги, и людям не под силу соревноваться с ними. Боги взвихрили море и наслали ураган; по их воле «Ильбарс» понесло на север, в туманный край, где воды Вилайета бились о серые мрачные утесы, и на этих утесах корабль нашел свой конец. И лишь боги ведали, что случилось с двумя другими галерами, «Ксапуром» и «Ветром Акита», отплывшими вместе с «Ильбарсом» из туранской столицы половину луны назад.

Конан яростно загребал воду, стараясь удержаться на гребне пенистого вала. Волны несли его к берегу, и самое страшное было позади: вопли ужаса, исторгнутые сотней глоток, тяжкий удар и треск кедровой обшивки, мачты, сокрушающие в своем падении кости и черепа, кипящий черный водоворот внизу, в котором исчезли обломки весел и тела нескольких гребцов. Все остальные могли выбирать — отправиться на дно вместе с судном или, ринувшись в омут, отдаться на милость волн. А милостей было целых две! То ли размажет кровавой кашей по скалам, то ли расплющит о корабельное днище... Иной выход — прыгнуть с борта подальше и уйти в воду поглубже, чтоб не попасть в губительные объятия водоворота. Конан прыгнул, сорвав перед тем панцирь, шлем, сапоги и бросив оружие — все, кроме короткого кинжала. Прыгали и другие, да сил и умения было у них поменьше, чем у гиганта-киммерийца, а гневные боги не помогли никому — даже пресветлый Митра, Податель Жизни, чье солнечное око скрывалось сейчас за плотной пеленой туч. Конан на помощь богов не рассчитывал; нырнул поглубже, ушел в сторону от гибнущего корабля и драконьих клыков-утесов и поплыл к берегу. К другим утесам, у подножий которых тоже вихрилась и кипела вода.

Там, правда, были расселины, за которыми открывались шхеры. Если повезет, если волны не оглушат его

ударом о каменистое дно и не переломают кости, бросив на прибрежные валуны, Конан мог спастись, укрывшись от бури в одном из этих извилистых проходов. Впрочем, в этих местах он не бывал и не знал, что ждет его впереди; он плыл к берегу, подчиняясь варварским своим инстинктам и неукротимой воле к жизни. И то и другое подсказывало ему, что в разбушевавшемся море он продержится не слишком долго — примерно столько же времени, сколько надо, чтоб как следует наточить меч. Подобная перспектива его не устраивала, и киммериец греб изо всех сил, стремясь к берегу, к твердой земле и к безопасности. Сейчас иных мыслей в его голове не было.

Ему повезло: бурный поток, вливавшийся в узкую расселину, приподнял его над камнями, протаскил вперед, отхлынул на мгновение — и в этот момент Конану удалось упереться ступнями в подводный валун и запустить пальцы в густые и крепкие водоросли, поднимавшиеся со дна. Следующая волна забросила его чуть дальше, прижав к мокрому и шершавому боку гранитного утеса; вцепившись в надежный камень, Конан вырвался из влажных морских объятий и пополз вверх, цепляясь за крохотные выступы, напаривая края спасительных трещин. Море разочарованно шипело ему вслед, пыталось слизнуть темным валом, но он был быстрее медлительных валов — лишь пена оросила его ноги да холодные брызги окатили спину.

Пожалуй, никто из экипажа «Ильбарса» не сумел бы взобраться на эту скалу. Туранцы по большей части были жителями равнин и пустынь, а наемники из Бритунии и Немедии тоже не видели настоящих гор. Может, и доводилось им странствовать среди остроконечных пиков да крутых перевалов, но вряд ли в зимнее время, когда камень покрыт снегом и льдом, и от того любая дорога в горах делается стократ опасней. Но Конан был киммерийцем и не боялся ни обледеневших утесов, ни отвесных скалистых стен, ни головокружительной высоты; он полз по скользкому и мокрому откосу с ловкостью ящерицы и искусством жителя гор, которому что плоский камень, что вставший на дыбы — все едино. Камень, по крайней мере, был твердым, что представлялось Конану немалым преимуществом сравнительно с зыбкой и предательской водой.

Забравшись на самый верх, он встал на ноги, распрямил спину и огляделся. Темное небо, темное море, серые скалы... Когда-то некий дух, странное и жалкое существо, уроженец сей безотрадной пустыни, толковал ему об этих местах...¹ Тогда они представлялись Конану царством покоя и тишины, но сейчас он вряд ли согласился с таким утверждением: в небесах металась туча, у подножий скал грозно рокотало море, а Драконья Челюсть с жадностью перемалывала останки туранского корабля. Оттуда уже не доносилось ни людских воплей, ни криков — только едва слышный треск лопающихся канатов да скрежет дерева о камень. И нигде, до самого туманного горизонта, Конан не видел ни мачты, ни паруса, ни весел, вздымавшихся над бортами. Выходит, «Ксапур» и «Ветер Акита» понесло в другую сторону... а может, они укрылись у Жемчужных Островов, бывших целью этого несчастливого похода... а может, уже пошли на дно морское...

Конан выругался, помянув Нергала, Сета и всех злобных демонов, властителей вилайетских бурь, ураганов и штормов. И туранцы, и немедийцы, и бритунцы, служившие, как и он сам, владыке Аграпура пресветлому Илдизу, были ему добрыми товарищами, и за последний год он пролил рядом с ними немало крови, а еще больше выпил вина. И все они теперь пошли на Серые Равнины, в царство Нергала, погибнув не в бою и даже не в пьяной кабацкой потасовке, а захлебнувшись в мерзкой соленой воде! Плохой конец для таких славных воинов!

Потом он еще раз оглядел мятущиеся морские дали и решил, что все могло повернуться хуже. Так ли, иначе, но он остался жив; правда, без пищи, воды и огня, зато с кинжалом. Что же касается службы туранскому владыке и похода на Жемчужные Острова, где сияющие морские перлы продают по десятку за один золотой, то с этим придется повременить. Подождать несколько дней, пока он не доберется до Шандарата, самого северного из туранских портов... Там он узнает, где находятся «Ксапур»

и «Акит», если только злобные демоны не утащили их на дно вместе с остатками сотни Синих Тюрбанов...

Конан глубоко вдохнул соленый воздух, чувствуя, как силы возвращаются к нему. Отдых не занял много времени, хоть сражение с бурным морем и скользкой скалой истомило киммерийца; но после этих испытаний дорога по камням, под холодным влажным ветром, казалась ему прогулкой. Он был молод, вынослив и силен, как буйвол; но, в отличие от буйвола, он мог многие дни обходиться без пищи и не боялся холода. И он отправился в путь, скользя среди прибрежных утесов словно тень; босые ноги его ступали уверенно, ветер развеивал пряди черных волос, потемневшие синие глаза то бзирали скалы, то поднимались к темным небесам, то глядели на полуразбитый корпус «Ильбарса», пронзенный драконьим клыком. Впрочем, корабль скоро скрылся из вида, и теперь Конан мог смотреть лишь на камни, море и тучи.

Он шел к закату солнца, огибая северную оконечность моря Вилайет, а потом собирался повернуть к югу. Там, у побережья, лежали холодные степи да бесплодные пустыни, и Шандарат был первым городом, который мог встретиться ему. Конана, однако, тяготы пути не страшили, ибо в тех пустынях и степях он уже бывал и помнил, что хоть разжиться в них нечем, зато на морском берегу можно обнаружить кое-что съедобное. Ракушки да водоросли, например; сыт с них не будешь, а жив — без сомнения. Если же удастся промыслить рыбу... Конан ощущал свой кинжал, добрый туранский клинок длиной в две ладони с серебряной витой рукоятью, и принялся размышлять, сколько жареных бараньих туш, копченых окороков да кашлунов на вертеле испытали остроту этого лезвия.

Так он шел и предавался воспоминаниям, пока не стемнело. Шторм на море к вечеру утих, ветер стал не таким пронзительным и холодным, и к волнам спустились чайки. Было их превеликое множество, и вылавливали они мелкую рыбешку, оглушенную бурей, металась с хриплыми вскриками над морем, словно заблудшие души, не нашедшие покоя на Серых Равнинах. Но одна птица парила в вышине, под самыми облаками, на не-

¹ Шеймис, сумечный дух из романа Майкла Мэнсона «Конан и дар Митры» (примечание автора).

движно распростертых крыльях, и не походила на чайку. В сумерках Конан разглядеть ее не мог, как и дотянуться до нее своим кинжалом. Орел, равнодушно подумал он; морской орел, чье мясо провоняло тухлой рыбой. Даже чайка была бы более соблазнительной добычей.

Прибрежные скалы тем временем начали понижаться, и морские волны уже не бились с грохотом о каменные башни и стены, а с мягким шорохом набегали на песок. Конан спустился к самой воде, но кроме водорослей не нашел ничего. С этим можно повременить, решил он; желудок его был пуст, но голод еще не настолько терзал киммерийца, чтоб жевать неаппетитные буро-зеленые стебли. Впрочем, еду с успехом заменял сон; к тому же, во сне Конан мог запустить зубы в те самые копченые окорока да баранье жаркое, о которых он размышлял по дороге.

Выбрав место посуше, он лег на спину и закрыл глаза. Последнее, что привиделось ему — та самая птица, большой орел, что парил под облаками на широких распростертых крыльях. Конану показалось, будто орел начал снижаться, — видно, заметил подходящую рыбину или решил закогтить одну из чаек.

Может, то не орел, а ворон? — мелькнуло у Конана в голове. Ворон, птица Крома, был бы добрым знаком...

На море и пустынный берег спустились сумерки, и он уснул.

* * *

Под утро какое-то тревожное чувство пробудило его.

Еще пребывая в полусне, Конан ощутил скользнувшие по лицу световые блики и легкий ветерок, холодивший кожу. Тучи рассеялись, и взошла луна, лениво подумав он в дремотном забытии. Но свет был слишком ярок, а ветер усиливался с каждым мгновением, и это настораживало. Быть может, не Конана-человека, воина пресветлого Илдиза, а того зверя-варвара, недоверчивого и чуткого, что обретался в его душе под тонким слоем опыта и привычек, полученных в странах юга, где жизнь была не столь суровой, как в Киммерии. И, невольно повинувшись дикой своей природе, Конан спал на спине, готовый в

любой момент вскочить и ринуться в схватку, а рукоять обнаженного кинжала торчала в песке у правого его бедра.

Пальцы его сомкнулись на витом серебряном эфесе, веки дрогнули и чуть приподнялись. Свет, ударивший ему в глаза, не был ни призрачным сиянием луны, ни лучами восходящего солнца; над ним, раздуваемые ветром, метались факельные пламена, трепетал огонь, разоженный руками человека, и слышались человеческие голоса. Что-то темное, гигантское, спускалось к нему с небес, заслоняя облачную пелену, в разрывах которой просвечивали редкие предзвездные звезды.

Конан вскочил, вскинул клинок над головой, стремительной тенью метнулся к прибрежным утесам, но было поздно. Прочная сеть накрыла киммерийца, жесткий ее край ударил под колени, и он упал. Но не в песок! Сеть мгновенно стянулась, и теперь он беспомощно барахтался в воздухе, пытаясь рассечь прочные веревки кинжалом. Это почти удалось ему; каждый удар клинка расширял щель, и если б он мог нанести их еще два или три раза, то выскользнул бы из пут.

Но те, неведомые, с факелами, были опытны и предусмотрительны. Сеть поднимали быстрее, чем Конан орудовал кинжалом, огонь слепил ему глаза, и гортанные голоса в вышине становились все громче и громче. Потом что-то тяжелое, твердое и мягкое одновременно рухнуло на голову киммерийца, и он потерял сознание.

* * *

Его окатили водой. Соленая, отметил Конан; значит, он в море или около моря. Свет по-прежнему бил в глаза, но, чуть приподняв веки, он убедился, что видит не факелы и не луну — над горизонтом поднималось солнце. Было раннее утро, светлый глаз Митры стоял еще невысоко, но туч не оставалось и в помине; небо, подобное иранистанской бирюзе, голубело над Конаном от края и до края мира.

На фоне неба он увидел четыре фигуры. Два человека в непривычной чешуйчатой броне и глухих шлемах высились слева и справа от него; каждый держал длинную палку с петлей, и петли те сдавливали Конану шею. Еще

один воин, тоже в кольчуге и шлеме с глухим забралом, находился около него, совсем рядом, тоже с палкой в руках, но была она короткой, и с конца ее свисал длинный и узкий мешок, набитый, судя по всему, песком. Все трое солдат были рослыми и широкоплечими; за их поясными ремнями торчали короткие клинки, отливавшие не светлым серебром стали, а золотистой бронзой.

Однако самым любопытным показался Конану четвертый в этой компании. Был он довольно стар, однако не согбен годами; безбородое лицо и лысый череп обтягивала бледная кожа, нос торчал крючком, как у стигийцев, но глаза были не темными, как у жителей юга, а серо-водянистыми и огромными, чуть ли не в половину лица. Облачение крючконосого — длинная голубая хламида с серебряным шитьем и высокие сапоги, украшенные самоцветными камнями, — говорило, что человек он не простой, однако не воин и не военачальник. Скорей, вельможа или мудрец; последнее показалось киммерийцу самым вероятным, ибо на тунике старика были вышиты магические узоры и знаки, коими любят украшать свои одеяния колдуны. Туника была подпоясана золотистым шнуром, и с него свешивался знакомый кинжал — туранский клинок Конана с витой серебряной рукоятью.

В следующее мгновение он сообразил, что сидит на деревянном палубном настиле, лицом к высокому корабельному фальшборту, но палуба под ним не покачивается, а, наоборот, устойчива и надежна как земная твердь. Мачт у этого странного судна не было совсем, однако за спинами воинов, слева и справа, высились две башенки из прозрачного хрусталя, сверкавшие в солнечных лучах и переливавшиеся радужными отблесками. Из-за них Конан не видел ни бушприта, ни кормовой части корабля и даже не мог определить, в какую сторону он движется.

Но главное было не в этом; главное, что руки у него оказались свободны, ноги тоже не связаны, а три солдата с палками да короткими мечами Конана отнюдь не страшили. Он ухватился за ременные петли и разорвал их, словно тонкие веревки из конопли; потом дернул к себе, и два стража, левый и правый, с грохотом столкнулись, ударились шлемами и рухнули на палубу. Не успели они

подняться, как Конан стоял уже на ногах, и пальцы его крепко сжимали палку с песчаным мешком. Третий из противников оказался довольно силен, но против разъяренного киммерийца был он что лесной кот против леопарда. Мгновение, и он лишился шлема, а затем кулак Конана врезался ему в челюсть, такую же бледную и безволосую, как у старика в голубом одеянии. Солдат упал, крючконосый колдун с гортанным воплем бросился к башенке, а Конан — к борту. Судно выглядело не маленьким, и команда его, само собой, была побольше четырех человек; сколько же именно, Конан совсем не желал выяснять. Бегство представлялось ему самым лучшим выходом.

Итак, он подскочил к борту, слегка загибавшемуся внутрь и доходившему ему до груди, и вознамерился единым махом перелететь через него. Однако взгляд, брошенный на море, заставил Конана остолбенеть. Море плескалось, как и положено, внизу, но до него было две, три или все четыре тысячи локтей; между морем и кораблем плыли облака, едва не задевая огромные неподвижные крылья, торчавшие там, где у обычных судов располагалась гребная палуба. Зрелище это настолько поразило Конана, что он не сразу услышал звон металла и резкие слова команды. Потом эти воинственные звуки все же заставили его обернуться. На самом верху одной из башен стоял воин в богатых доспехах, без шлема, с властным и надменным лицом, а на палубу выбегали солдаты; все — в бронзовых чешуйчатых кольчугах, с мечами у пояса и палками в руках. Их было три десятка или более того, и Конан понял, что справиться с ними не удастся.

Если б он держал в руках меч! Не короткий бронзовый клинок, как у этих безволосых, а привычное ему оружие из доброй стали длиной в четыре локтя! И если б в другой руке была у него тяжкая секира! И были шлем, и панцирь, и поножи, и крепкие сапоги! Да, будь он вооружен, как подобает, дела могли повернуться иначе!

Но воин всегда воин, с клинком или без клинка; вид же палки с рабским ошейником для воина оскорбителен. И Конан, взревев и потрясая кулаками, ринулся на врагов.

...Когда он снова пришел в себя, ноги его были связаны, локти стянуты за спиной прочными ремнями, и стерегли его уже не трое, а шестеро. Предводитель с надменным лицом исчез, но крючконосый маг в голубой хламиде сидел перед Конаном, развалившись в низком плетеном креслице, и усмехался не без насмешки. Его огромные водянистые глаза довольно поблескивали.

Крючконосый заговорил. Кажется, слова чародея повторялись — одна и та же короткая фраза, произнесенная на многих языках, неведомых киммерийцу. Это было странным; кроме десятка хайборийских наречий, Конан мог бы объясниться с асами и ванами, светлородыми бойцами Севера, с туранцами и стигийцами, с иранистанцами и дикарями из гирканских степей, не говоря уж о заморанцах и шемитах. Мог он разобрать и речи пикта, вендийца и даже кхитайца, щебечущего словно певчий дрозд; но все, что говорил ему маг в голубой тунике, оставалось загадочным и непонятным.

Наконец Конан решил, что надо и ему молвить слово. Покосившись на каждого из шести стражей, он уставился затем на старика и медленно произнес:

— Когда у меня будет меч, я погляжу, какого цвета печень у этих ублюдков. А твою, крючконосый, я вырву голыми руками.

Он думал, что колдун ничего не поймет, но старец вдруг вздернул редкие брови над водянистыми глазами и с неуверенной ухмылкой поинтересовался:

— Атталанта? Ты — атталанта? Пришел из-за моря? С западных островов?

Речь его, к изумлению Конана, походила на киммерийскую, но слова он выговаривал с непривычным и странным акцентом, то шепелявя и присвистывая, то каркая, точно старый ворон. Конан, однако, разобрал, о чем его спрашивают.

— Не атталанта, киммериец, — буркнул он. — С севера, из-за гор, не с западных островов. Никогда не слышал о таких островах, кроме Барахов, что рядом с Зингарой.

Старик хлопнул себя по лбу и со злобой пробормотал что-то непонятное, потом вновь перешел на киммерийский.

— Пес, потомок псов, потомок проклятого рода! Варвар! Живучее семя! Сохранилось и через тысячи лет!¹
Брови Конана сошлись грозовой тучей.

— Ты, видно, не встречал киммерийцев, крючконосый! Иначе знал бы, кто пес, а кто — тигр!

Колдун в голубой тунике вновь что-то забормотал по-своему, потом, резко склонившись к Конану, стиснул ему виски ледяными пальцами.

— Тигр? Может, и тигр, только попавший ко мне в клетку! И, клянусь Чарами и Мощью Грондара², я выпью твою жизнь по капле! Я, маг Тоиланна, обещаю тебе это, дикарь! Ты в самом деле силен, я чувствую... ты продержишься долго... может быть, шесть или семь лун или целый год...

— Продержусь? — Конан дернул головой, пытаясь сбросить руку колдуна, но тот вцепился крепко. — О чем ты болтаешь, старый коршун?

Тоиланна кивнул в сторону хрустальной башни.

— О моих саргофагах, которые стоят там. Скоро ты с ними познакомишься, отродье атталанта! Скоро! И жизнь твоя отлетит на крыльях ветра! Счет, как вода в песок!

— С чего бы? Кром даровал мне жизнь, а дарованное им не сдует ветер и не смоем вода!

— Кром даровал, а я возьму, — прошипел колдун и вдруг расхохотался. — Как ты полагаешь, недоумок, что движет мой воздушный корабль? — Он потряс перед носом Конана длинным тощим пальцем. — Заклятья! Могучие заклатья, способные извлечь из таких, как ты, жизненную силу! Ну, а как распорядиться ею, решаю я... Могу обрушить стены крепостей, могу засыпать город песком пустыни, могу поднять к небесам корабль с солдатами и огненным зельем! Я решаю, я! — Он снова захохотал, а отсмеявшись, повелел воинам: — Бросьте

¹ Атланты-завоеватели появились на Гирканском материке с запада, из-за моря, еще до Великой Катастрофы, уничтожившей Атлантиду. Они покорили древние государства континента, а после Катастрофы деградировали в постоянных войнах с пиктами и, наконец, смешались с пришедшими с севера хайборийскими племенами. Киммерийцы — отдаленные потомки древних атлантов (примечание автора).

² Грондар — одна из древних держав на западе Гирканского континента, существовавшая до Великой Катастрофы, за пять или шесть тысячелетий до эпохи Конана (примечание автора).

дикаря в клетку! И передайте Сыну Зари, благородному Иолле, что этот варвар нам подойдет!

* * *

Слишком расхвастался Тоиланна, крючконосый коршун! Солнце не успело еще подняться в зенит, а Конан уже знал, кто и что решает на борту воздушного корабля, в чьих руках власть и сила, кому служат воины в бронзовых панцирях и облаченный в голубую хламиду маг.

Но вначале солдаты отвели его в трюм, который освещался оконцами, забранными чистейшим хрусталем. Тут были свалены припасы, а в дальнем конце, у кормы, находились шесть клеток — три и три, двумя рядами вдоль бортов. Конана запихнули в крайнюю и принесли еду, много еды. Большой кусок вяленого мяса, рыбу, сухари, мед, незнакомые сушеные фрукты и кисловатое питье в большом бронзовом сосуде. Вина ему не дали.

Киммериец умел терпеть голод, но умел и есть. Не успело солнце подняться на ладонь, как он расправился и с мясом, и с рыбой, и с сухарями и с прочей пищей; потом, недовольно сморщившись, приложился к кувшину. Напиток был холодным и приятно освежал, но Конану хотелось чего-нибудь покрепче. Сейчас он выпил бы даже кислого туранского вина, к которому обычно относился с презрением, предпочитая ему крепкое и ароматное ар-госское.

Но вина не было, и, покончив с едой, он принялся озиаться по сторонам. Клетка справа показалась Конану обитаемой — в ней, как и в его узилище, лежала небольшая, плетенная из тростника циновка, а у самой дверцы стоял кувшин. В третьей клетке, находившейся в его ряду, а также в двух противоположных, не было ни циновки, ни кувшинов, однако в самой последней, что располагалась прямо перед ним, Конан разглядел какую-то огромную массу. Ему показалось, что это гряда бурой шерсти, брошенной в углу, и, лишь присмотревшись, он различил что-то похожее на конечности, короткую, утонувшую в массивных плечах шею, мохнатую голову, обросшее волосами лицо с маленькими красными глазками.

— Ты кто? — спросил Конан, не надеясь, впрочем, получить ответ.

Но странное существо пошевелилось, поднялось на ноги, и пальцы его, напоминавшие человеческие, обхватили толстые прутья клетки. Челюсть у него была огромной, лоб — низким, надбровные дуги выступали вперед словно защитный козырек шлема. Больше всего эта тварь походила на обезьяну чудовищной величины, но глаза ее показались Конану разумными — во всяком случае, не разглядел он в них ни животной покорности, ни злобы хищного зверя. Глаза волосатого гиганта были как бы затуманенными, а еще — печальными, тоскующими и полными страдания.

— Арргх! — пробормотало существо, ударив себя в мощную грудь. — Арргх! Харра-ррр-гра!

— Не понимаю, приятель, — сказал Конан. — Ты знаешь хоть слово на человеческом языке?

Волосатый опять что-то прорычал, дернул прутья, будто испытывая их на прочность, и с разочарованным вздохом опустился на циновку. Конан прикоснуться к решетке не стал — и так было ясно, с бронзовыми штырями толщиной в руку не справиться без молота и зубила. Но если б даже ему удалось их разогнуть, а потом отправить на Серые Равнины всех бледнокожих воинов, то что бы это дало? Он не мог прыгнуть в море, пока корабль, волшебным образом плывущий над облаками, не опустится хоть на сотню локтей...

Итак, Конан тоже улегся на циновку и начал строить планы побега. Самым разумным казалось все же вырваться из клетки, завладеть оружием и схватиться с солдатами. Если он их прикончит, то крючконосый окажется в его власти... И будет делать то, что ему велено! Иначе можно подвесить колдуна на веревке под кораблем — до тех пор, пока тот не покорится... Вот только солдаты!.. Он уже видел, что их не меньше тридцати, но судно было большим, таким же, как пережеванный Драконьими Челюстями «Ильбарс»; значит, оно могло нести и полсотни воинов, и всю сотню. Вот если бы освободить волосатого! Хоть он и похож на обезьяну, но стал бы неплохим подспорьем в драке...

Размышления Конана прервали стражи. Шесть человек ввалились в трюм, выволокли из клетки напротив пленника, бросили ему на шею петли и потащили наверх, на палубу. Странное существо не сопротивлялось, лишь

скулило и рычало, со страхом поглядывая на солдат. Конан заметил, что у волосатого внушительные клыки, однако шел он на двух ногах, не пытаясь опереться о пол руками, как делали то гигантские обезьяны, обитавшие в джунглях Черных Королевств. Вероятно, эта тварь была все ж таки ближе к человеку, чем к дикому зверю.

Воины ушли, но вскоре вернулись вновь, доставив очень высокого и широкоплечего, но страшно истощенного человека со светлыми волосами и бородой до самых глаз. Выглядел он чуть ли не стариком, ибо лицо его было покрыто морщинами, кожа посеклась и обвисла, а кости выпирали из-под нее угловатыми буграми. Но взгляд незнакомца оказался быстрым и живым, и киммериец понял, что этому пленнику не так уж много лет — быть может, тридцать или тридцать пять.

Его клетка была рядом. Один из стражей молча отомкнул замок, другой впахнул пленника внутрь, а третий поставил перед ним поднос с мясом, сухарями и фруктами. Затем солдаты удалились, а тощий светловолосый великан набросился на еду с такой жадностью, словно голодал не меньше трех дней. Прожевав и проглотив первые куски, он бросил быстрый взгляд на соседа и буркнул:

— Хадр Ти! Севайна оу? Каросса?

— Ешь ты много, парень, и кость у тебя широкая, — сказал Конан, — но впрок еда тебе не идет. С чего бы? Или боги немилостивы к тебе, или труд твой непосилен... Клянусь Кромом, мне кажется, что ты вот-вот отправишься на Серые Равнины!

Светловолосый замер с куском у рта. Затем, отложив мясо, он запустил пятерню в бороду и принялся осматривать Конана — с ног до головы и с головы до ног. Продолжалось это ровно столько времени, сколько нужно, чтобы не торопясь выпить чашу вина. Наконец пленник заговорил — на таком же полупонятном Конану киммерийском, с присвистыванием и хрипами, как у крючконосого мага.

— Атталанта? Ты — атталанта? Где они тебя схватили, несчастный?

— Я киммериец, — Конан нахмурился, — и никогда не слышал о народе атталанта, хоть обошел все хайбо-

рийские земли от Ванахейма до Стигии! О чем ты, тощая жердь?

— Ты не слышал об атталанта, но говоришь на их языке и выглядишь как атталанта, — заявил светловолосый, вновь принимаясь за еду. — Мне ли не знать, кто такие атталанта! Они — храбрые воины, но многим из них я пустил кровь, пока не попался в лапы грондарцам!

— Моей крови ты не увидишь, приятель. Вздохнуть не успеешь, как я сломаю тебе хребет!

— Не стоит, — миролюбиво заметил пленник. — Жить мне осталось недолго, и теперь я вижу, что ты не так уж походишь на атталанта. Мои счеты с ними — дело прошлое, а сейчас оба мы в невrole, так что и тебя, и меня ждет одна судьба. Меня — раньше, тебя — позже... Смерти нам, однако, не миновать.

— Смерти никому не миновать, — сказал Конан и, помолчав некоторое время, спросил: — Как тебя зовут, тень с Серых Равнин?

— Я же сказал — Хадр Ти! Я — княжеского рода, и в прежние времена командовал полутысячей всадников, сражался и с валузийцами, и с грондарцами, и с твоими атталанта... И совершил много великого и славного!

— Еще раз говорю тебе: я — киммериец, а не атталанта! — рявкнул Конан. Потом, успокоившись, он произнес: — Но крючконосый колдун говорил, что я — потомок атталанта. Пес, живучее семя, сказал он... Ну, семя семенем, а за пса я порву ему глотку!

Хадр Ти зашелся хриплым смехом.

— Тоиланне? Это не просто, совсем не просто, киммериец! Может, ты и потомок храбрецов-атталанта, но до глотки колдуна тебе не дотянуться! Раньше он выжмет из тебя все соки своим проклятым чародейством, и станешь ты таким же, как я — мешком с костями. К тому же, кроме Тоиланны есть Сын Зари, благородный Иолла, и поймали тебя его воины. Он тут главный! Понимаешь?

— Нет, — признался Конан. — Расскажи, а я постараюсь понять.

И Хадр Ти заговорил, временами прерываясь, чтоб прожевать кусок мяса или запить водой сухарь. Речи его были странными, если не сказать больше, но Конан слушал их с вниманием и доверием, ибо в свои молодые годы повидал он всякого и знал, что в мире имеется

множество чудес, по большей части злых, так как на одного светлого мага приходится десяток черных, а боги редко благоволят людям. Во всяком случае, Кром, божеество его племени, был суров и немилостив, и киммерийцы лишь клялись именем Крома, но помощи у него не просили.

Так что рассказы Хадра Ти, бывшего князя и военачальника, бывшего воина, чью жизнь высосал грондарский маг, могли вполне оказаться правдой. Жуткой правдой!

Со слов его выходило, что воздушный корабль, коим командовал Иолла, сын грондарского властелина, появился из иных веков, из прошлого, отстоявшего на тысячи лет от нынешних времен. В ту эпоху маги обладали великим могуществом и боролись меж собой подобно свирепым волкам; и повелители стран и государств, о которых Конан не слышал никогда, тоже были магами и умели творить такое чародейство, что содрогнулись бы от ужаса даже стигийские жрецы, продавшие души злобному Сету.

Там, во мраке тысячелетий, не было ни Аквилонии с Немедией, ни Аргоса и Зингары, ни Коринфии и Офира, ни иных хайборийских королевств; земли их принадлежали древним державам, Валузии, Комории, Грондару и десятку других, чьи названия Конан не запомнил да и не старался запоминать. Все они воевали за земли, власть и магические талисманы великой мощи, то заключая друг с другом союзы, то расторгая их, обманывая и предавая, обещая и не выполняя обещаний, готовя тайне сокрушительное оружие, коим можно было бы стереть противника с лица земли. Так длилось много веков, и никто не мог добиться превосходства; в каждой стране были свои секреты, свои умелые маги и опытные воины, свирепые военачальники и безжалостные владыки, одаренные колдовской силой.

Потом с запада приплыли атталанта, а за ними — еще один народ, черноволосый и коренастый, не знакомый с металлами, дикий и многочисленный, как ядовитые муравьи. У атталанта, Сынов Ветра и Моря, была своя магия — оружие из острой стали, боевые песни и заклятья, помогавшие не отступать в сражениях. Племя черноволосых, звавшихся пиктами, тоже владело колдов-

ством; и хоть воины его бились каменными топорами и пускали стрелы с кремневыми наконечниками, немногие могли выстоять против них.

Пришельцам с запада нужны были земли, и война разгорелась с новой силой. Древним державам пришлось отступить, отдать часть земель, ибо атталанта превосходила их воинской выучкой, храбростью и оружием, а пикты — числом, свирепостью и упорством. Все сражались со всеми, и Хадр Ти, потомок княжеского рода, собравший пять сотен всадников, продавал свой меч разным государям и сражался на стороне тех, кто мог больше заплатить и лучше накормить его войнство. Из какого он был народа или племени, и где тот народ обитал, осталось для Конана неясным, ибо за тысячи лет мир изменился, сделавшись почти неузнаваемым.

Но, так или иначе, последняя битва, в которой Хадр Ти сражался против грондарцев, закончилась для него поражением. Армия его владыки была разгромлена, отряд Хадра истреблен до последнего человека, а сам он попал в плен, чтобы закончить дни свои на колу или на пыточном колесе, как полагалось врагу Грондара. Но он был сильным человеком, очень сильным — таким, какой рождается единожды в поколение. И маг Тоиланна выпросил пленника у грондарского владыки, так как корабль, построенный колдуном, держался в воздухе эманацией, извлекаемой из живых созданий. Для чародейства же Тоиланна люди подходили более всего, а сильные люди — в особенности.

Услышав это, Конан нахмурился:

— Выходит, корабль послушен твоей воле? Ты держишь его над землей, а можешь и не держать... И тогда он рухнет вниз, на камни! Кром! Почему же ты не сделал этого? Боишься умереть?

— Нет, — Хадр Ти помотал головой. — Нет, киммериец! Если б я мог, то давно разбил бы эту посудину, или утопил в море, или спалил вместе с Иоллой и Тоиланной, сбросив в кратер огненной горы! Но я не властен над движением судна. Не властен! Вскоре ты убедишься сам. Проклятый колдун положит тебя в гроб, и ты уснешь, и воля твоя не будет значить ничего. Магу нужна лишь жизненная сила, и во сне он начнет отбирать ее у тебя капля за каплей, крупица за крупицей, ровно

столько, сколько надо, чтоб корабль плыл в воздухе, куда прикажет Иолла. Ты ничего не сумеешь сделать!

— Неужели человек, да еще спящий, может поднять огромный корабль со многими людьми? — усомнился Конан. — Кром! Зачем же этой лоханке крылья?

— Чтоб издалека она походил на птицу и вид ее обманывал зорких стражей на стенах вражеских крепостей, — пояснил Хадр Ти. — Колдовской корабль — великий секрет Грондара! И ты видишь, что он может не только летать с сотней человек на борту, но и отправиться из одного времени в другое. Правда, это стоило жизни Ираму... Этот полет выжал его досуха! — Он бросил взгляд на одну из пустых клеток.

— Капля жизненной силы... — пробормотал меж тем Конан. — Одна капля... Ты шутишь, Хадр, или смеешься надо мной!

— Нет, клянусь всеми светлыми и темными богами! Тоиланна говорит, что сила жизни в людях столь велика, что знающий и умелый мог бы дробить ею горы и низводить молнии с небес! Но у каждого — свой предел; человек словно сосуд, крохотный, средний или большой, наполненный жизненной силой. Если сосуд мал, то изойдет каплями за день или за два, и тогда понадобится новый раб... их придется менять слишком часто... понимаешь, коммериец? Слишком часто! А это неудобно. Вот почему Тоиланне нужны сильные люди! Такие, как дикий Арргх, как Ирам, как мы с тобой... Мы не просто большие сосуды — огромные!

Конан оглядел соседа, его обвисшую кожу и выпирающие кости. Пожалуй, некогда этот человек был силен, но теперь, невзирая на гигантский рост, он казался выходцем с Серых Равнин. По спине киммерийца пробежал холодок ужаса, и губы его будто бы сами собой шепнули:

— Сколько же дней ты исходишь каплями жизни, Хадр?

— Дней! Кто говорит о днях, киммериец? Три с половиной луны, с глубокой ночи до рассвета, я держу этот проклятый корабль в воздухе! Утром и днем это делает Арргх, а вечером и в начале ночи делал Ирам. Ты заменишь Ирама, валузийца... На вид ты силен, как бык, и я думаю, что тоже продержишься три или четыре луны.

Тебе, потомку атталанта, придется нести на горбу их врагов!

Он хрипло расхохотался, а Конан пробурчал:

— Горб у меня скользкий, приятель, как сядешь, так и слезешь. Я не собираюсь спать и разобью эту лоханку о камни!

— Посмотрим, — сказал Хадр, — посмотрим. — Подняв глаза к окну, к солнцу, уже перевалившему зенит, он добавил: — Скоро притащат Арргха... Твое время близится, киммериец!

* * *

Вечер еще не наступил, когда воины в чешуйчатых кольчугах выволокли Конана на палубу. Он не сопротивлялся, решив, что чем биться с десятками вооруженных врагов, лучше утопить их всех разом, сбросив в холодные волны Вилайета. Он полагал, что не уснет, какие б чары крючконосый не пытался напустить на него; а раз так, то воздушный корабль будет послушен и покорен ему. Кром! За каждую каплю своей жизненной силы он возьмет целую жизнь — жизнь одного из этих ублюдков Нергала, что тащили его сейчас на ременных петлях к хрустальной башенке.

Перед ней стоял надменный Иолла, Сын Зари, а рядом с ним угодливо склонялся маг в голубых одеждах, подпоясанных золотым шнуром.

— Вот, благороднейший, тот пес, коего мы отловили прошлой ночью! — воскликнул Тоиланна, поигрывая кинжалом, свисавшим с его кушака. — Говорит, что киммериец, но по виду — атталанта или их потомок! Теперь я...

— Замолчи, крючконосая падаль! — рыкнул Конан, расправил плечи и уставился в бледное лицо предводителя грондарцев. — Неважно, кто я и откуда, — заявил он, — важно, кому я служу. Хочешь услышать об этом?

Голос Иоллы был холодней ванахеймских льдов.

— Ну, и кому же ты служишь, варвар?

— Илдизу, владыке Турана! Он — могучий и грозный повелитель! Земли его не объехать за год на быстром коне, войско его неисчислимо, и он не забывает обид, нанесенных его воинам! Есть у владыки Илдиза и муд-

рецы, что сбросят вашу посудину вниз одним заклятьем, есть и лучники, что утыкают ее стрелами, найдутся и умелые палачи! Такие, что будут сдирать с вас кожу от рассвета до заката!

Иолла и крючконосый чародей переглянулись. Конан мог побиться об заклад, что угрозы их не устроили, но описание илдинова могущества вызвало некий интерес. Какой именно, он понять не мог.

Сын Зари с прежним ледяным спокойствием сказал:

— Палачи и ваши жалкие маги мне не нужны. Воины... воины — другое дело! И много ль их у твоего повелителя? Таких же крепких и искусных, как ты?

— Если выстроить их цепочкой, так дотянется она от моря Вилайет до Карпашских гор! И все — в броне и на конях! Со стальными клинками в три локтя, а не с игрушками из бронзы!

— Не ведаю, про какое море и горы ты поминаешь, — произнес Иолла. — Клянусь Силой и Мощью Грондара, в нашу эпоху никакого моря здесь нет... Впрочем, неважно! — Он взмахнул рукой в перчатке с бронзовыми чешуями. — У твоего властелина есть воины, множество воинов в броне, на конях, со стальными клинками... Превосходно! А есть ли у него золото?

— Полные подвалы, — заверил Конан, мотая головой. Четыре воина придерживали его на петлях, и ремни впивались киммерийцу в шею.

— Но золота никогда не бывает слишком много, — в раздумье произнес вождь грондарцев. — Золото — кровь войны, и я охотно заплатил бы им за живую кровь... за кровь солдат твоего Илдиза. Не все ли равно, где ее проливать — здесь или в Грондаре, в мои времена... Наемник всегда наемник! А моему отцу, повелителю Грондара, нужно много наемников! И много сильных рабов, способных поднять к небесам воздушные корабли!

— Что же, в Грондаре не хватает рабов и воинов?

— Таких, как ты, у нас мало.

— Таких, как я, и здесь мало, — сказал Конан. — Дай мне меч, и увидишь, чего я стою!

Впервые губы Иоллы искривились в высокомерной усмешке.

— Ты дерзок, — произнес он, — дерзок и непочтитель, как всякий дикарь! Я знаю, кому давать меч, а на

кого одеть ошейник! — Сын Зари помолчал, разглядывая Конана огромными бледно-серыми зрачками, затем поинтересовался: — Где земли твоего владыки? И где его столица?

— Тут всюду его земли. А столицу поищи сам!

И киммериец двинулся к башенке, волоча за собой четырех стражей. Тоиланна, ругаясь и бормоча проклятья на десяти неведомых языках, бежал следом; подол его просторной туники развевался на ветру и хлопал по ногам.

— Не думай, атлантское отродье, что ты так уж необходим благородному, — прошипел маг в спину Конану. — Все, что нам надо, мы найдем без тебя. А ты — ты сгниешь в саргофаге!

Конан молча переступил порог и огляделся.

Башенка была двухэтажной, и в нижнем помещении располагалась охрана. Всего шесть человек; трое, в полном вооружении, стояли у спиральной лестницы, что вела наверх, и столько же, без шлемов и кольчуг, но с мечами у пояса, отдыхали, сидя на корточках у невысокого стола. Посреди него Конан узрел небольшую плоскую флягу, и еще два десятка таких же фляжек — на полке у полупрозрачной стены. В руках у солдат были кубки, однако совсем крошечные, на один глоток, что изрядно удивило киммерийца. Ослиную мочу хлебать такими чашами, промелькнуло у него в голове.

Он замер, сильно втянул носом воздух и повернулся к магу.

— Вино! Почему ты не дал мне вина, безволосая крыса?

Тоиланна злобно ощерился.

— Хватит с тебя мяса, меда и сухарей! А вино... Боюсь, наше грондарское вино будет слишком крепким для твоей башки!

— Надо попробовать, — сказал Конан и потянулся к фляге на столе. Пахло из нее недурственно.

Но солдаты, налегая на палки с ошейниками, потащили его к лестнице. Киммериец выругался; жесткие ремни резали шею и сдавливали глотку. «Вина жалеешь, бледная немочь! — с яростью подумал он про мага. — Ничего! Скоро окажешься на дне, а я тебе помогу нахлебаться соленой водицы!»

Два солдата шли впереди, волоча его по лестнице, двое придерживали сзади. Последним поднимался крючконосый колдун. Так они и забрались наверх, в округлую камеру, стены которой сияли и переливались подобно шлифованным вендийским алмазам. Конан прижмурил глаза, потом, привыкнув, раскрыл их пошире, уставившись на три полупрозрачных саргофага, окружавших массивную колонну — из того же вещества, походившего на алмаз или хрусталь. Два саргофага были пусты, а в третьем лежал волосатый Арргх, и звероподобное его лицо искажала страдальческая гримаса. В колонне пульсировал голубой огонь; вспышки его были медленными и ритмичными, и в такт им челюсть Арргха подрагивала, а могучие руки дергались, как у тряпичной куклы. Однако волосатый спал, и какие бы кошмары не грезились ему в колдовском забытии, пробудиться по своей воле он, видимо, не мог.

Тоиланна откинул крышку с одного из свободных саргофагов, солдаты подвели к нему Конана, разом сдернули петли и толкнули его внутрь. Жесткое ложе обожгло холодом нагую спину и босые ноги, ибо иной одежды, кроме коротких туранских шаровар да мягкого кушака, у киммерийца не имелось. Таким он покинул палубу гибнущего «Ильбарса» и таким лег в этот алмазный гроб. Но теперь у него не было даже кинжала.

Вспомнив про свой клинок с витой серебряной рукоятью, что висел сейчас у пояса мага, Конан встрепенулся и пробормотал:

— Ты, крючконосый! Украл мой нож, так? Отдай!

— Зачем тебе?

— Я не усну, если рядом не будет оружия.

— Уснешь! Все засыпают, и ты уснешь, поганое семя! — Глаза мага злое сверкнули.

— Отдай кинжал, — повторил Конан. — Здесь нет ни циновки, ни ковра, так я положу его под голову. Будет вместо подушки.

Но Тоиланна не собирался вступать с ним в спор и с лязгом задвинул крышку. Конан тут же впился крепкими пальцами в плечо, царапая кожу. Кинжал выпросить ему не удалось, и он не мог нанести рану посерьезней, которая не дала бы ему уснуть, но боль от царапин тоже оказалась весьма заметной. Прислушиваясь к ней, он начал раз-

мышлять о несчастливом морском походе, закончившемся для «Ильбарса» в каменных драконьих челюстях. Три туранские галеры, — «Ильбарс», «Ксапур» и «Ветер Акита» были посланы к Жемчужным Островам за данью, которую обычно переправлял в столицу властитель Шандарата, вассал туранского владыки. Но советники Илдиза полагали, что не весь драгоценный жемчуг попадает в аграпурские сокровищницы, и потому три боевые галеры с отборными солдатами были посланы на север. В этом походе можно было обогатиться, и Конан, как остальные Синие Тюрбаны, полагал, что ему привалила удача.

И чем же все кончилось? Его изловили, как куропатку, и запихнули в стеклянный гроб! А остальные — и гребцы, и моряки, и воины — уже покоятся на дне морском...

Он стал вспоминать всех поименно, начиная с Кер Вардана, шкипера, и Дайлассема Айя, командовавшего полусотней солдат, что плыли на «Ильбарсе». Прозвища своих соратников и матросов он знал, а вот с подневольными гребцами дело обстояло хуже — у них, по большей части, не было ни кличек, ни имен. Тогда Конан начал представлять их лица, и вскоре ему показалось, что он сидит на гребной палубе вместе с невольниками, что под ним жесткая и мокрая скамья, а в руках его весло. Затем киммериец услышал мерные удары барабана, задававшие темп гребли, и навалился на рукоять. Толстая, отполированная прикосновениями человеческих пальцев, она ходила в его ладонях взад-вперед, взад-вперед; он ощущал упругое сопротивление воды, но не слышал ни завывания урагана, ни хриплых вздохов гребцов, ни окриков надсмотрщика; лишь барабанный грохот бил и бил в уши, призывая поторопиться. Грести с каждым мгновением становилось все тяжелей, но он знал, что останавливаться нельзя, и со всей силой наваливался на рукоятку.

Так продолжалось долго; быть может, целую вечность. Конан просидел на скамье, не удивляясь, как он, воин, попал сюда. Голова была пустой, свободной от воспоминаний, страхов, недоумения, гнева, и знал он лишь об одном: надо грести. И греб! Греб так, словно от этого зависела его жизнь.

Что-то лязгнуло, Конан открыл глаза и увидел руки Тоиланны, сдвигающие крышку. Потом лицо грондарского чародея нависло над ним: крючковатый нос, безволосый

череп, огромные водянистые глаза, торжествующая ухмылка на губах.

— А говорил, что не уснешь! — Тоиланна глядел на него с насмешкой. — Нет, киммерийский пес, в моих саргофагах спят все! Спят, подчиняясь моей воле!

Повинуясь жесту колдуна, солдаты вытащили Конана из алмазного гроба. Он едва мог стоять на ногах; в груди его бушевали ярость, отвращение и стыд. Расцарапанное плечо горело, но этой боли он не замечал — позор жег сильнее. Чары проклятого колдуна сломили его волю!

Тем не менее он постарался успокоиться. Если план его провалился, если он не сумел подчинить своей воле воздушный корабль, надо было придумать что-то другое. Мысль же его нуждалась в начальной искре и в топливе; чем больше он узнает о грондарцах и колдовском судне, тем вероятней, что некая хитрость или уловка приведут к успеху.

Он огляделся. Рассвет окрасил розовым хрустальные стены башенки и саргофаги, в одном из коих уже лежал Хадр Ти; колонна меж тремя гробами по-прежнему пульсировала голубоватым огнем, и теперь Конан знал, что каждый всплеск магического пламени означал удар незримого весла — каплю силы, отнятую у распростертого в саргофаге человека. Так, понемногу, опустошался сосуд жизни, дарованной светлым Митрой; она вытекала капля за каплей и уходила, словно вода в песок... Прав был проклятый грондарский колдун!

Солдаты поволокли Конана к лестнице. Внизу все так же торчали шестеро стражей — возможно, других, чем прошлой ночью; их бледные лица казались Конану неразличимыми. Он миновал полку с винными флягами, задев ее боком, покосился на троицу воинов, сидевших у стола с крошечными бокалами в руках, снова удивившись тому, сколь они малы. Охранники тянули его дальше, на палубу, которая была пустынна, и к темному провалу люка, ведущего в трюм. Ковыляя мимо высокого фальшборта, Конан успел бросить взгляд вниз. Там, под неподвижно распростертыми крыльями корабля, колыхалось облачное море, серовато-белое и текучее, какой никогда не бывает поверхность воды. Сизых волн Вилайета он не рассмотрел; судно грондарцев парило на огромной высоте,

и под ним, возможно, находились уже не морские воды, а твердь земная.

Его запихнули в клетку напротив косматого Арргха, сунули поднос с едой и задвинули засовы. Учувя запах пищи, Конан понял, что голоден; поглядев на нее, решил, что голоден смертельно. Куда сильней, чем вчерашним утром! Он с жадностью впился в мясо и начал рвать его огромными кусками, почти не разжевывая и проглатывая с волчьей жадностью. Постепенно к киммерийцу начали возвращаться силы; очистив поднос и выпив воду из кувшина, он почувствовал себя достаточно бодрым, чтобы строить дальнейшие планы.

Этим он и занимался два ближайших дня, в то время, когда не спал колдовским сном в хрустальном саргофаге. Он так и не сумел превозмочь чар крючконосого Тоиланны; стоило крышке опуститься над Конаном, как он впадал в необоримую дремоту, лишаясь очередной частицы сил. Кошмары виделись ему всякие; в первый раз он греб на галере, потом рубил камень в каменоломне и вращал рукоять огромного ворота, поднимавшего из коллнца бесчисленные кувшины с водой. Каждый удар кирки и каждый кувшин, как и гребок веслом, отнимали у него каплю жизни, позволяя проклятому кораблю грондарцев парить в вышине. Пока что обильная пища и отдых восстанавливали силы, но Конан уже не сомневался, что через два или три месяца превратится в такой же мешок с костями, каким выглядел Хадр Ти.

Кроме еды, сна и размышлений над планами побега, он мог говорить с соседом — тогда, когда тот находился рядом. Он испытывал к Хадру все большую приязнь, ибо были они с одного поля ягодами; оба — могучие воины, наемники и авантюристы, искавшие славы, чести и богатств. Разве имело какое-то значение, что битвы Хадра отгремели в забытой древности, что сражался он бронзовым, а не стальным клинком, и что стены крепостей, которые он штурмовал, давно обратились в прах? Суть бесконечной войны не менялась; все те же внезапные атаки и яростные схватки, кровь и огонь, удачи и поражения, засады и бегство, добыча и раны, коими приходилось за нее платить.

Иногда Конан рассказывал собрату по несчастью о другом — о ранней своей юности, о годах, проведенных

в Арэнджуне и Шадизаре, где он обучался воровскому ремеслу. То было беспокойное время, но и счастливое; тогда он был свободен, и все доходы его и прибыли зависели только от ловкости рук, умения, смекалки и отваги. Конечно, солдатское ремесло почетнее воровства и разбоя, но вряд ли прибыльней, и Конану случалось не раз пожалеть, что он оставил прежнее занятие. Пару лет назад он служил наемником в Зингаре, а потом перебрался в Туран, но и там, и тут судьба не даровала ему богатства — только новые авантюры и новые раны. Впрочем, он был молод, и приключения влекли его больше сокровищ.

Но Хадр Ти, который был постарше лет на десять, придерживался иного мнения.

— Наемник меняет кровь на золото, женщин и вино, — сказал он, — и золото — главная из трех наград. Будет золото, будут и женщины, будет и вино.

Конан усмехнулся.

— Что-то не вижу я ни золота, ни женщин, ни вина. Только прутья клетки да твою бородатую рожу, приятель. Хадр мрачно кивнул.

— Больше нам ничего и не увидеть. Мне так точно — вряд ли я продержусь еще одну луну. А жаль! Хотел бы я поглядеть на блеск золота и сиянье женских глаз... или пригубить вина...

— Кром! Вино! — Кулак Конана опустился на бронзовый сосуд с водой. — Почему эти безволосые шакалы не дают нам вина? У солдат его вдоволь, сам видел! А у нас — только кислая ослиная моча!

— Вино творит с человеком всякие чудеса, а грондарское — в особенности, — пояснил Хадр.

— Что же в нем особенного?

— Очень крепкое. Немного выпьешь — бодрит, побольше — приводит в ярость, а налагаешься без меры, так вообще придет конец. Колдуну же надо, чтоб мы не гневались, не ярились, а были спокойны и покорны. Чтоб отбирать жизненную силу капля за каплей, чтоб хватило нас надолго, и чтоб гнев и ярость не мешали плавному полету корабля. Для того кормят нас обильно, а вина не дают.

— Ну так что? С вином ли, без него, ярость в моей душе не утихает, — проворчал Конан.

— Ха! То легкий ветер, а не буря, — скривился Хадр Ти. — Вот выпил бы ты грондарского!..

— Значит, надо выпить! Достать и выпить, а потом разнести этот летающий гроб в клочья!

Хадр внимательно посмотрел на Конана.

— И как же ты достанешь вино, киммериец? Боюсь, не удастся!

— Достану! — упрямо повторил Конан.

— Ну, попробуй. Раньше ты не собирался спать и хотел разбить корабль о камни, теперь желаешь напиться... Думаю, ни то, ни другое у тебя не выйдет. Ты...

Но тут Конан грозно нахмурился, и его сосед поспешил сменить тему.

— Не будем ссориться, — миролюбиво сказал он. — Благодарю богов, что мы хоть можем перед кончиной потолковать и позабавить друг друга всякими историями. Арргх, несчастный, и того лишен! Не способен слова молвить на человеческом языке! Бедняга!

И Хадр Ти бросил сочувственный взгляд на пустовавшую сейчас клетку в противоположном ряду. Конан кивнул. Оставаясь вдвоем с Арргхом, он не раз пытался заговорить с ним, но безуспешно. Волосатый лишь ревел, рычал да стонал; быть может, в диком его наречии и насчитывалась сотня слов, но киммериец не мог разобрать ни одного.

Сейчас он тоже поглядел на клетку их сотоварища по несчастью и спросил:

— Откуда взялся этот Арргх? Такие твари не встречались мне ни на севере, ни на юге, ни в горах, ни в лесах. Видит Кром, он похож на демона с Серых Равнин, на слугу Нергала или проклятого Сета!

— Не слышал я об этих богах, — произнес Хадр, — но скажу тебе, киммериец, что не всякое чудовище служит злу. Арргх, как и мы, пленник; и он, как и мы, смертен... — Сосед Конана замолчал, перебирая пряди густой бороды, потом усмехнулся: — А вот откуда взялся Арргх, я тебе расскажу. На севере, за горами, лежат ледяные пустыни, бесплодные и холодные, как взгляд грондарца... Нет там ни деревьев, ни трав, ни весны, ни лета, и выжить в тех краях могут лишь волки, олени да огромные обезьяны вроде нашего Арргха. Говорят, их там много, а сколько, никому не известно. Олени едят мох, волки едят

олений, а обезьяны жрут и тех, и других. Станный народ! Еще не люди, но уже и не звери.

— Это в твоих временах, — сказал Конан. — Сейчас там те же равнины да льды, олени да волки, но чудищ вроде Арргха нет. Холодные земли зовутся у нас Ванаксеймом и Асгардом, и живут там люди с рыжими и светлыми волосами, ваны и асы. Есть у меня среди них враги, а есть и друзья... — Он помолчал и добавил: — Слов у них и теперь немного, и все больше ругательства да проклятия. Может, они и были когда-то мохнатыми чудищами вроде Арргха?¹

— Может быть, — согласился Халр.

Они ели, болтали и мучились в своих хрустальных саркофагах, а воздушный корабль день за днем парил над берегами и водами северного Вилайета. Иногда Конану удавалось разглядеть море в разрывах облаков и прибрежные утесы; временами ему чудилось, что он видит хищный оскал Драконьей Челюсти и разбитый корпус «Ильбарса», протараненный скалой. Он размышлял над тем, почему Иолла, Сын Зари, не направляет судно к югу, в места населенные и благодатные, к великим туранским городам. Здесь, на севере, не было ничего, кроме холодных волн, скалистых берегов да скудной степи, тянувшейся до гиперборейских пределов. Но если двинуться вдоль западного побережья Вилайета, то вскоре можно было попасть в обитаемые края. Там, на туранской границе, стоял Шандарат, богатый торговый город, в который Конан собирался добраться пешком после крушения «Ильбарса». В море, напротив Шандарата, был архипелаг — те самые обильные жемчугом острова, мимо коих ураган пронес галеру, чтоб швырнуть ее на скалы Драконьей Челюсти. Еще южнее по берегу находился Султанапур, а дальше, в предгорьях, Амит, Самарра, туранская столица Агранур, Шангара и Хоарезм. Если Иолла собирался нанять воинов и купить рабов, то отправляться ему следовало как раз туда.

Однако он не спешил, и Конан через пару дней догадался, в чем дело. Над северным Вилайетом плыли тучи

¹ Гигантские мохнатые обезьяны, обитавшие некогда на севере Гирканского материка, действительно были предками ванов и асов (примечание автора).

да облака, а южнее небо казалось чистым, и в этой лазурной синеве воздушный корабль был бы виден издалека. Хоть он и походил на птицу, но днем всякий бы разглядел, что крылья у нее не двигаются, а шеи и головы нет вовсе. Видимо, Иолла не желал рисковать и хотел подобраться к местам населенным под прикрытием облаков, а значит, дожидался подходящей погоды. Конан больше не допрашивал и расположением илдиновой столицы не интересовался.

Сын Зари, вместе с двумя прислужниками, обитал в передней хрустальной башенке и большую часть времени проводил там, то ли в магических занятиях, то ли в размышлениях о судьбах Грондара и своей миссии, ради которой он преодолел бездну тысячелетий. На палубе он появлялся редко; впрочем, и Конан туда выводили лишь дважды в день, по пути во вторую башенку, где стояли саркофаги и воины в чешуйчатых кольчугах стерегли сон узников. Всего же солдат на корабле было около сотни, и располагались они в помещениях под палубой, ниже которых находился трюм с клетками и припасами. Человек двадцать постоянно были на страже — в башнях, у лестницы, ведущей в трюм, а также на носу и корме корабля. Конан все больше убеждался, что сбежать ему не удастся — разве что прыгнуть за борт, чтоб расшибиться в лепешку о скалы или сгнуться в морских волнах. Оставалась одна надежда: разрушить чары, завладеть кораблем и вытряхнуть из него всю грондарскую нечисть.

Быть может, он сумел бы это сделать, если б добрался до вина? До крепкого вина, которое приводит человека в ярость?

Всякий раз, проходя мимо полки с флягами, он касался их ладонью. Движение это было незаметным и столь быстрым, что стражи не заподозрили ничего; своей сноровки и умения, полученного в Шадизаре, Конан отнюдь не растерял. Он не сомневался, что один неуловимый жест — и фляга окажется у него в руках; но вот куда ее девать? На нем были лишь короткие шаровары, подпоясанные кушаком, слишком узким, чтоб спрятать добычу.

Он начал жаловаться на холод. В трюме было тепло, так как корабельную обшивку и палубу согревало солнце, но алмазный гроб леденил, словно могила, открытая в

промерзшей земле Ванахейма. Вероятно, этот неестественный холод являлся результатом магических действий Тоиланны, ибо от стен самой башенки, залитой солнечными лучами, тянуло ощутимым жаром. Арргха могла спасти от холода густая шерсть, Хадра Ти — остатки одежды, а у Конана, кроме коротких штанов, не имелось ничего.

Наконец, крючконосый маг смиловился над ним — отдал приказ солдату, и тот притащил старый шерстяной плащ, доходивший Конану до середины бедра. Собственно, плащ был не просто старым; это жалкое рубище подошло бы для последнего из шадизарских нищих, что выпрашивают милостыню у городских ворот да скитаются у базарных лавок в надежде разжиться черствой лепешкой. Но Конан был доволен. И когда стражи извлекли его из саргофага, вывели на палубу, а потом принялись заталкивать в клетку, в глазах киммерийца время от времени проскальзывали насмешливые огоньки. Фляга, засунутая под кушак и незаметная под ветхой накидкой, была для него ключом к свободе.

* * *

Оставалось еще одно дело — Хадр Ти.

Когда солдаты притащили его в трюм, Конан лежал на своей циновке, закрыв глаза и не шевелясь. Он услышал топот поднимавшихся по лестнице воинов, потом торопливое чавканье и хруст сухарей; наконец Хадр, насытившись, окликнул его.

— Не выспался, друг?

Конан открыл глаза. Сосед его выглядел неважно; сидел, привалившись к решетке, свесив руки меж колен, с хрипом вдыхая и выдыхая воздух. Зрачки Хадра блуждали, и, похоже, смотрел он сейчас на Конана, а видел тропу, что пролегла в царство мертвых, к самым Серым Равнинам.

— Вот! — вытащив из-под циновки флягу, киммериец стиснул сосуд в огромных ладонях. Сама же фляга была невелика, и содержимого ее хватило бы только на половину чаши — такой чаши, из которой привык пить Конан.

Хадр удивленно мигнул, затем ползком придвинулся к нему, подтягиваясь на руках; видно, ноги его не держали.

— Раздобыл-таки, а? Ловкий же ты парень! Выходит, не только меч умеешь держать!

— Выходит!

Пару мгновений они глядели на маленький сосуд, серебрившийся и тускло сиявший в солнечных лучах, затем Конан спросил:

— Хочешь выпить, приятель?

— Нет, — Хадр сглотнул слюну и сморщился. — Ты рослый и весишь немало... здесь хватит лишь для тебя.

— Если я разобью эту доханку Нергала... — начал киммериец и смолк.

— Да?

— Ты будешь первым, кто отправится на Серые Равнины. Ты, и этот бессловесный бедняга Арргх. Днище ударится о воду или о землю, и вы станете кровавым месивом. Умрете, быстро и сразу.

— Я и так умру, только медленно и в страданиях, — произнес Хадр. — Не беспокойся обо мне, киммериец. Если выйдет то, что ты задумал, я буду отомщен. Ха! Ха! — Дважды выдохнув, он хлопнул себя по коленям. — В отличную же могилу я лягу! Вместе с грондарским принцем, с грондарским колдуном и сотней грондарских солдат! Можно ли мечтать о большем?

— Могила — она всегда могила, — проворчал Конан. — И торопиться в нее не след, кто б там тебя не ждал, принцы или колдуны.

Хадр Ти прислонился к решетке, просунул сквозь прутья исхудалую руку, дотянулся до киммерийца и стиснул его плечо. Пожатие было совсем слабым.

— Ты хороший парень, потомок атталанта, и я желаю тебе удачи. Если ты выживешь... если сумеешь уйти... Скажи-ка, какой бог в ваши времена особенно милостив к людям?

— Само собой, Митра, Податель Жизни.

— Вот и помолись ему, киммериец. А не захочешь молиться, не надо; выпей вина в кабаке и расцелуй какую-нибудь красотку. За себя и за меня.

Угрюмо кивнув, Конан спрятал флягу под плащ.

Ближе к вечеру он осушил сосуд. Его содержимое не походило на крепкие вина Аргоса и Зингары, на кислое туранское, на перебродивший мед, который любили в Асгарде и Ванахейме, и на те сладкие напитки, что готовили в Иранистане из фиников и инжира. Сказать по правде, Конан даже не понял, что пьет вино; ему казалось, что он глотнул жидкого огня. Теперь ему стало ясно, почему грондарцы пользовались такими крохотными кубками, вмещавшими не больше двух глотков. Из фляги можно было бы наполнить полтора десятка грондарских чаш, а значит, ему досталась порция пяти, шести или семи человек. Но вначале он не почувствовал ничего, кроме сильного жжения в животе.

Однако когда солдаты вывели Конана на палубу, огненное зелье уже ударило ему в голову. Пьян он вроде бы не был; во всяком случае, шаг его оставался твердым, борт корабля и хрустальные башенки не двоились и не раскачивались перед глазами, а палуба не вставала дыбом. Но он ощущал невероятное, страшное возбуждение и такую ярость, будто Кром, грозный Владыка Могильных Курганов, вселился в него, наполнив душу и сердце своим божественным гневом. Кровь кузнечными молотами била у киммерийца в висках, ярость заставляла сжимать кулаки, стискивать зубы; он едва сдерживался, чтоб не наброситься на солдат, что волокли его к башне, к лестнице, к саргофагу.

Пожалуй, это было единственным свидетельством опьянения — тем, которое предшествует неуверенным жестам, невнятной речи и крепкому сну. Он жаждал драки! Хорошей драки, где можно было бы пустить кровь, переломать противникам кости, разорвать их в клочки, разрубить, рассечь, уничтожить! Он чувствовал, что распивавшее его бешенство должно излиться вовне, на любую живую тварь или предмет, иначе гнев разорвет его; он был сейчас словно грозовая туча, стремившаяся разродиться молнией. Десятком, сотней, тысячей молний!

Кром! Он стиснул челюсти, стараясь не выдать своего лихорадочного возбуждения, и ровным шагом направился к алмазному гробу. Тоиланна, крючконосый колдун, не смотрел на него, возился с крышкой; лица конвоиров

были не видны под глухими забралами, но, кажется, и они ничего не заподозрили. Конан лег — как всегда, на спину, — и поскорее прикрыл глаза. Он боялся, что чародей узрит в них пламя, сжигающее его; грондарское зелье уже вовсю бушевало в жилах киммерийца, и перед взором его плавал багровый туман.

Тоиланна воспринял опущенные веки как жест покорности.

— Кажется, ты научился послушанию, дикарь, — довольно пробормотал он. — Это хорошо, клянусь Силой и Мощью Грондара! Ешь и спи, спи и ешь, и закончишь дни свои в покое. Тебя хватит еще на три или четыре луны — немалый срок, чтобы подготовиться к вечности. А сейчас — спи!

Спи!

Конан вовсе не собирался засыпать. И он не желал ни грести на галере, ни рубить камни в призрачной каменоломне, ни крутить столь же призрачный ворот. Бешенство и ненависть вздымались в нем сокрушительными валами, столь же грозными, как волны Вилайета, бросившие на драконьи кычки злосчастный «Ильбарс». Он казался себе таким же драконом, огромным и всемогущим, с пальцами-когтями, с непробиваемой чешуей, с пастью, в которой торчали каменные зубы. Этот жалкий кораблик, метавшийся в воздухе, и жалкие людишки на его борту, находились в полной его власти! Только стиснуть когти, только свести челюсти и сжать их...

Над ним лязгнула крышка. Затем лязг повторился, и Конан понял, что из соседнего саргофага извлекли волосатого.

В тот же момент что-то коснулось его сознания — вкрадчиво, почти незаметно, подобно вору, подбирающему ключи к чужим дверям. Он не сопротивлялся; те капли силы, те искры, что отнимали у него, казались столь ничтожно малыми! Голубые сполохи, мерцающие в колонне рядом с его холодным ложем, поглощали искру за искрой, но костер, испускавший их, был негасимым, мощным и жарким, как солнце, око Митры. Спать Конану не хотелось, и он, сдерживая ярость, следил, как искры, уходившие от него, подпитывают голубой огонь, ибо эта магическая эманация нуждалась в непрерывном топливе — живом топливе, источником коего являлся он сам. Каждая

искра обращалась в силу, поддерживавшую корабль в воздухе на один краткий миг, но мгновения эти были такими малыми, что казалось, будто палуба судна устойчива, как земная твердь. Сейчас, бодрствуя, Конан отчетливо ощущал результаты грондарской волшбы, хоть, разумеется, тайная суть ее оставалась ему непонятной.

И более того — он в и д е л, куда летит корабль. Не обычным зрением, так как веки его были плотно сомкнуты, но каким-то внутренним чувством, позволявшим следить за манипуляциями крючконосого Тоиланны. Он видел, как судно неторопливо плывет к восходу солнца, направляемое колдуном; как скользят внизу облака; как в разрывах проглядывает скалистый берег, а затем — море, довольно спокойное, сине-серое, пустынное. Потом на синей поверхности возникли две черты с блестящими черточками, от которых слева и справа отходили другие черточки, очень многочисленные и двигавшиеся вперед-назад словно конечности многоножки. Конан понял, что под ним галеры, огромные боевые суда с таранами, идущие не под парусами, а на веслах. Что могли они разыскивать в этих неприветливых водах? Разве что останки «Ильбарса»...

Он убедился в этом, заметив, что корабли идут вдалеке друг от друга, явно пытаясь охватить розысками возможно большее пространство. Вероятно, то были «Ксапур» и «Акит», уцелевшие суда флотилии, и, вероятно, Тоиланна тоже заметил их. Воздушный корабль повернул к северу, спрятался за облаками и увеличил скорость. Туранские галеры исчезли, а впереди замаячил бесплодный берег, изрезанный шхерами, бурая скалистая стена да гребнистые валы, рассыпавшиеся у ее подножия фонтанами брызг. В пятистах локтях от земли из моря торчали остроконечные утесы, расположенные полукругом, у которых тоже вскипала вода. Они выглядели так, словно на морском дне, в ожидании добычи, спрятался огромный дракон, выставивший над волнами зубастую нижнюю челюсть. Одна жертва ему уже досталась: разбитый и полузатопленный «Ильбарс», чьи останки Конан мог ясно разглядеть с высоты.

И хотя грондарцы не были повинны в этой катастрофе, ярость с новой силой вспыхнула в нем. Он понял, что медлить нельзя; с одной стороны, место было удобным

и подходящим во всех отношениях, с другой, выпитое зелье могло наконец опьянить его и погрузить в сон, еще более беспробудный, чем тот, что вызывали чары Тоиланны.

Жестокая усмешка искривила губы киммерийца. Выходит, крючконосый сам привел корабль к скалам, к этой Драконьей Челюсти, сулящей гибель! Судьба! От нее не скроешься за валами времени, за хребтами тысячелетий... Судьба! Сами боги подвластны ей, и грондарские, и хайборийские... Что же говорить о людях, пусть и одаренных магической силой?

Он попытался чуть-чуть придержать полет корабля, и это удалось. Тоиланна вроде бы ничего не заметил, и тогда Конан принялся действовать решительней: остановил корабль в воздухе, повернул его вспять, а потом заставил резко опуститься. Клыки дракона были теперь под ними, в двух или трех тысячах локтей внизу.

Вопль чародея пробился к нему сквозь крышку хрустального саргофага, зазвенел в ушах. Прикусив губы и не раскрывая глаз, киммериец продолжал опускаться корабль; воля его превозмогала усилия колдуна, и крик Тоиланны становился все громче, все пронзительней. Очевидно, он не понимал, что происходит. Клыки дракона приближались, и внутреннее зрение позволяло Конану разглядеть зубастую челюсть во всех подробностях: мокрые остроконечные каменные пики, водовороты, бурлящие вокруг них, водопады соленых брызг, мрачные расселины меж камнями, и бездну, скрывавшуюся ниже, под бурной морской поверхностью. Шторма сейчас не было, и ветер казался слабым, но здесь, у драконьих клыков, море ярилось всегда.

Он выбрал подходящий утес, острый, точно наконечник туранского копья, и остановил корабль прямо над ним. Рядом были другие скалы, пониже, но такие же остроконечные и губительные; рухнув с высоты, корабль врежется в них носом, кормой или бортом, а остальное довершат волны. Но все же хотелось, чтоб именно этот утес-копье пронзил днище, ударил в кормовую часть трюма, смял клетки вместе с их содержимым. Пусть боги пошлют Хадру быструю смерть! Да и волосатому Арргху тоже мучиться ни к чему...

Раздался топот, потом Конан услышал возбужденные голоса: повелительный — Иоллы, Сына Зари, заискивающий и растерянный — крючконосого колдуна. Они говорили по-грондарски, но, не зная ни слова из этого языка, Конан понимал, о чем идет речь. Благородный Иолла гневался и грозил карами, маг пытался оправдаться и успокоить своего владыку. Судно тем временем не двигалось ни вперед, ни назад; висело в воздухе на тонкой невидимой нити, которую Конан мог уничтожить в любой момент. Крохотные капли силы, которые он позволял отбирать, уже не наполняли колонну прежним ярким сиянием, и сквозь прозрачную крышку саргофага ему было видно, что колдовская эманация светится чуть-чуть — даже не светится, а тлеет.

Внезапно на крышку упала тень, торопливые руки сдвинули ее, и над киммерийцем раздался голос Тоиланны:

— Во имя Чар и Мощи Грондара! Так вот в чем дело! Пес, потомок атланта, не спит! Не знаю почему, но он не заснул, владыка!

Глаза Конана открылись. Гнев бушевал в его груди.

— Не пес, а тигр, крючконосый ублюдок! — прорычал он. — Тигр — перед тобой, а внизу — дракон! Дракон, отродье Нергала!

Чародей в страхе отшатнулся. Киммериец вскочил на ноги, и тлеющий огонь в хрустальной колонне погас; внезапно она стала темной и безжизненной, как высохшее дерево, чьи корни подрубил топор.

Корабль начал падать. Источник силы иссяк, колдовские чары уже не поддерживали судно в воздухе, и слишком хрупкие крылья обломились; мертвая громада из дерева, металла и хрусталя неслась к воде и скалам. Все быстрее, все ближе...

Громкий крик Иоллы слился с воплем колдуна. Оба они показывали солдатам на лестницу и торопили их: Сын Зари — повелительно и властно, колдун — с побледневшим от ужаса лицом. Воины, громяхая мечами о кольчуги, бросились вниз.

«За Хадром, — решил Конан, — или за волосатым... Поздно!»

Он ухватился за свой саргофаг и швырнул его в хрустальную стену. Башня дрогнула; грохот и звон ударил

в уши, на пол хлынули обломки стекла, в раздавшейся трещине металась тучи и волны. Тучи — вверх, волны — вниз; все ближе и ближе. Конан поднял второй прозрачный гроб. Тоиланна что-то вопил, повиснув у него на плечах, Иолла, Сын Зари, грозил коротким бронзовым клинком. Запустив в стену второй саргофаг, Конан потянулся к поясу колдуна, сорвал свой нож с витой серебряной рукоятью и с силой отбросил крючконосого. Третий саргофаг последовал за двумя первыми; теперь в стене зияло отверстие в добрых десять локтей. Пол раскачивался и трясся, не давая Иолле приблизиться, но киммерийцу это не было помехой; одним прыжком он подскочил к дыре.

Скалы стремительно приближались, у их подножий вихрилась, кипела вода. Все, как с «Ильбарсом», мелькнула мысль; сильный выплывет, слабый пойдет ко дну. Свою силу Конан знал — и знал, что на этом летающем судне никто не может соперничать с ним. Ни крючконосый маг, ни солдаты в тяжелых кольчугах, ни Иолла, их повелитель.

Он повернулся к Сыну Зари и насмешливо произнес:

— Боюсь, тебе не удастся свести знакомство с туранскими палачами, грондарец. А жаль! Они искусные парни и ласковые — такие же, как камни, что ждут тебя внизу!

Конан оттолкнулся и прыгнул. Небо и море завертелись перед ним, но прежде, чем волны приняли киммерийца в свои холодные объятия, он увидел, как громадный корабль раскололся надвое, ударившись о скальный пик, как с жалобным звоном рухнули башни, как поникли переломанные крылья, как фигурки в блестящих панцирях посыпались из корабельного чрева словно горошины из стручка. Одних приняла твердь, и конец их стал быстрым; другие ушли под воду, и этим предстояло помучиться. Правда, не так долго, как в руках туранских палачей.

...Прошло какое-то время, и Конан, преодолев стремнины и водовороты, очутился на выпуклой спине валуна, обросшего водорослями и ракушками. Удобный камень; содержимое раковин можно было съесть, и можно было разглядывать драконий клык, похожий на острие копья, покончивший с грондарским судном. Конан и разглядывал его, а также темные воды вокруг, но, кроме немногих

обломков, не углядел ничего. Ни лысых голов, ни светловолосых, ни покрытых шерстью... Прибой уже смыл с утеса трупы и кровь, и теперь все грондарцы покоились на дне вместе с двумя своими невольниками.

Киммериец вздохнул и перенес взгляд на другую скалу и на разбитый корпус «Ильбарса». Потом он начал прикидывать, кто же первым доберется сюда, «Акит» или «Ксапур», и когда это будет, ночью или на рассвете. Скорей, на рассвете, подумал он; ни один кормчий не рискнет приблизиться к Драконьей Челюсти во мраке.

Солнце уже шло на закат, и с погасшими красками заката угасла и ярость в душе киммерийца; теперь он чувствовал лишь расслабляющую дремоту, наплывавшую на него из темноты. Камень вдруг начал плавно покачиваться под ним, и Конан сел, ибо ноги его не держали — точь-в-точь как после хорошей попойки. Голова у него слегка кружилась, веки потяжелели, рев волн превратился в усыпляющий рокот, а холодный северный ветер, налетевший с берега, не мог побороть жар, бродивший в его крови.

На небе высыпали звезды, тускло мерцая из-за облачной пелены, затем начал восходить месяц, и в этот миг грондарское зелье все же одолело Конана. Уткнувшись лицом в колени, он погрузился в сон, и был тот сон крепок, словно скала, что держала его на своей спине между морем и небом.

Но снались Конану не скалы и не воды, не пустые небеса, не скамья на галере и не весло в руках, не призрачная каменоломня, где он рубил камень, и не ворот, поднимавший из колодца бесчисленные кувшины с водой; не видел он ни надменного лица Иоллы, Сына Зари, ни злобной физиономии крючконосого колдуна, ни безликих грондарцев в глухих шлемах, ни даже Хадра Ти и волосатого Арргха. Всю ночь он летал на воздушном корабле и был счастлив, ибо тот магический корабль хоть и поглотил частицу его жизни, зато оставался послушен ему и покорен, как хорошо обученный скакун.

А когда наступило утро и он раскрыл глаза, над горизонтом уже поднимались мачты большой галеры, ветер раздувал ее паруса, и весла пенили воду.

«Акит» или «Ксапур»? — подумал Конан и встал на ноги.

Трое мужчин сидели на корточках у колодца. Закатное небо окрашивало мир охрой и багрянцем. Один из мужчин был белым, и звали его Эмерик. Двое других, в лохмотьях, жилистые, чернокожие, были ганатами. Их звали Гобир и Саиду. Скорчившиеся у ямы в земле, сейчас они больше всего напоминали стервятников.

Неподалеку тощий верблюд шумно чавкал, перемалывая жвачку, а две заморенных клячи тщетно тыкались носом в песок в поисках корма. Мужчины угрюмо жевали финики. Внимание чернокожих без остатка было поглощено едой, но белый то и дело косился на алеющее небо или вдаль на равнину, где уже сгущались тени. Он первым заметил всадника на холме. Тот натянул поводья так резко, что лошадь его невольно попятилась.

Этот незнакомец был огромного роста. Кожа его, более темная, чем у спутников Эмерика, полные губы и вывернутые ноздри говорили о преобладании негритянской крови. На нем были широкие шелковые штаны, собранные у лодыжек, прихваченные кушаком на толстом животе. На поясе красовался отточенный ятаган, столь тяжелый, что немногие смогли бы удержать его одной рукой. Ятаган этот лучше всяких слов говорил темнокожим сынам пустыни о том, кто перед ними. Это был Тилутан, краса и гордость ганатов.

Через седло у всадника был небрежно переброшен какой-то куль. Ганаты присвистнули сквозь зубы, заметив мелькнувшую в прорезях ткани бледную кожу. Пленницей Тилутана была белая девушка. Она висела вниз головой, и волосы ее ниспадали до земли блестящей черной волной.

Сверкнув в ухмылке белыми зубами, здоровяк бросил свою ношу на песок, и она упала безвольно, распластавшись на земле. Не задумываясь, Гобир с Саиду повернулись к Эмерику, и Тилутан также не сводил с него глаз: трое черных против одного белого. С появлением белой женщины что-то изменилось между ними.

Эмерик, единственный, казалось, не заметил внезапно возникшего напряжения. Он рассеянным жестом откинул

назад свои русые волосы, безучастно скользнув взглядом по неподвижному телу девушки. Если отблеск какого-то чувства и блеснул в его серых глазах, никто не заметил этого.

Тилутан соскочил с седла, презрительно бросив поводья Эмерiku.

— Займись моей лошастью, — велел он. — Джил по-бери, хоть антилопы мне не попало, зато нашел эту красотку! Брела по пустыне куда глаза глядят и свалилась, как раз когда я появился. Видать, от жажды и усталости. Эй вы, шакалы, а ну вон отсюда! Я дам ей напиться.

Чернокожий гигант уложил девушку у колодца, смочил ей лицо и запястья и брызнул водой на пересохшие губы. Она застонала и шевельнулась. Гобир с Саиду присели на корточки, упираясь ладонями в колени, с любопытством наблюдая за ней из-за могучего плеча Тилутана. Эмерик стоял поодаль и, казалось, не проявлял к происходящему интереса.

— Сейчас придет в себя, — заявил Гобир.

Саиду ничего не сказал, лишь облизал толстые губы.

Взгляд Эмерика безучастно скользил по распростертому на песке телу, не задерживаясь ни на порванных сандалиях, ни на пышной гриве черных волос. Из одежды на девушке не было ничего, кроме короткого платья, приспособленного на пояс. Руки и плечи ее были обнажены, а юбка на добрую ладонь не доходила до колен. Взгляды ганатов с жадностью ласкали обнаженную плоть, впитывая нежные очертания, по-детски пухлые, но по-женски округлые и соблазнительные.

Эмерик пожал плечами.

— Кто после Тилутана? — спросил он небрежно.

Негры повернулись к нему, налитые кровью глаза округлились. Затем они уставились друг на друга. Ненависть вспыхнула между ними разрядом молнии.

— Драться ни к чему, — остановил их Эмерик. — Бросим кости.

Он сунул руку под тунiku и швырнул на землю два кубика. Когтистая черная рука мгновенно схватила их.

— Пойдет! — кивнул Гобир. — Бросим жребий — после Тилутана, победителя!

Эмерик метнул взгляд на чернокожего гиганта, склонившегося над девушкой; мало-помалу жизнь возвраща-

лась в ее измученное тело. Наконец веки пленницы открылись, и темно-фиалковые глаза изумленно уставились на похотливую черную физиономию. Тилутан до-вольноно хохотнул. Сняв с пояса флягу, он поднес ее к губам пленницы. Она машинально глотнула вина. Эмерик старательно избегал ее блуждающего взгляда; он был здесь один белый против троих чернокожих, каждый из которых без труда мог бы совладать с ним.

Гобир с Саиду склонились над костями. Саиду сгреб их в горсть, дохнул на удачу, встряхнул и бросил. Две головы, как у стервятников, повернулись, следя за кружащимися в воздухе кубиками. И в тот же миг Эмерик обнажил сталь и нанес удар. Лезвие скользнуло по тощей шее, рассекая гортань. Гобир, голова которого повисла на одном лоскуте кожи, рухнул поверх костей, заливая песок кровью.

Саиду мгновенно, с отчаянной ловкостью жителя пустыни вскочил на ноги, выхватил меч и замахнулся. Эмерик с трудом успел вскинуть клинок, чтобы отразить атаку. Ятаган со свистом плашмя обрушился на голову белого, оглушив его так, что тот выронил меч. Оправившись от потрясения, он с голыми руками набросился на Саиду, столкнувшись с ним лицом к лицу, чтобы не дать больше воспользоваться ятаганом. Жилистое тело под лохмотьями кочевника было подобно стали, обтянутой дубленой кожей.

Тилутан, мгновенно сообразив, что происходит, отшвырнул девушку и вскочил с диким ревом. Точно ослепленный яростью бык, ринулся он на дерущихся. Эмерик похолодел. Саиду отчаянно вырывался из его стальных объятий, но движения его стеснял бесполезный ятаган, которым негр тщетно пытался достать своего противника. Ноги их путались и увязали в песке, тела точно слиплись между собой. Эмерик каблуком ударил по голой ноге врага, чувствуя, как хрустнула кость. Саиду скрючился с диким воплем. Белый приготовился атаковать вновь — но в этот миг Тилутан нанес удар. Эмерик почувствовал, как острая сталь рассекала предплечье и глубоко впилась в тело Саиду. Ганат, истошно взвизгнув, отлетел в сторону.

Изрыгая ругательства, Тилутан отшвырнул прочь умирающего, высвобождая клинок. Но не успел он нанести новый удар, как Эмерик, трясаясь от страха, сам напал на него.

Отчаяние охватило его, когда он ощутил силу чернокожего. Тилутан был умнее Саиду. Он сразу отбросил бесполезный в ближнем бою ятаган и с ревом вцепился врагу в горло. Толстые черные пальцы сомкнулись, как стальные оковы. Как ни старался Эмерик, он не мог разжать их хватку, и массивный ганат неуклонно прижимал его к земле. Как будто пес давил крысу! Голова Эмерика ударилась о песок. Сквозь алую пелену видел он перед собой лицо чернокожего, искаженное от бешенства, с оскаленными зубами.

— Ты хочешь ее, белая собака! — прорычал ганат в ярости. — Я сверну тебе шею! Разорву глотку! Я... где мой ятаган? Я отрублю тебе башку и швырну ей под ноги!

Обезумевший от гнева, Тилутан схватил противника, поднял в воздух и вновь швырнул оземь. Затем, нагнувшись, он подобрал ятаган, стальным полумесяцем сверкавший в песке. Восторженно рыча, он бросился на врага, размахивая мечом. Оглушенный, Эмерик, шатаясь, поднялся ему навстречу.

Пояс Тилутана развязался во время схватки, и длинный конец его волочился по песку. Негр наступил на него, потерял равновесие и рухнул навзничь, выбрасывая вперед руки. Ятаган отлетел в сторону.

Мигом придя в себя, Эмерик схватил клинок в обе руки и неуверенно двинулся вперед. Пески пустыни плыли у него перед глазами. В подступающем сумраке он видел, как перекошилось от страха лицо Тилутана. Огромный рот раскрылся, глаза закатились, сверкая белками. Чернокожий застыл на одном колене, опираясь на руку, словно был неспособен шевельнуться. И ятаган обрушился вниз, рассекая круглую голову от макушки до подбородка. Эмерик смутно видел, как алая полоса прочертила черное лицо, сделалась шире — а затем мгла окутала все и вся.

Что-то влажное и мягкое коснулось лица Эмерика. Он потянулся вслепую, и пальцы его ощутили упругую нежную теплую кожу. В глазах у него прояснилось, и он взглянул в очаровательное лицо, обрамленное копной пышных темных волос. Словно зачарованный, он безмолвно смотрел на нее, наслаждаясь видом полных алых губ, зовущих фиалковых глаз и белоснежной шеи. И вдруг осознал, что видение что-то говорит ему. Слова звучали странно, однако в них чудилось что-то знакомое. Маленькая белая ручка провела по его лицу влажной шелковой тряпицей, и гул в голове слегка утих. Он неуверенно сел на песок.

Ночь заткала пустыню звездчатым пологом. Верблюды все еще пережевывали жвачку, тихонько ржала лошадь; неподалеку лежало изуродованное тело, уткнувшись лицом в лужу крови и мозгов.

Эмерик перевел взгляд на девушку, продолжавшую ворковать что-то на своем непонятном языке. Когда туман в голове его рассеялся, понимание пришло к нему. Порывшись в памяти среди полузабытых наречий, которые учил в прошлом, он вспомнил одно, на котором говорило сословие мудрецов в южном Кофе.

— Кто ты? Кто ты, девушка? — спросил он неуверенно, взяв ее маленькую ручку в свои.

— Мое имя Лисса, — пролепетала она в ответ, так, словно прожурчал ручеек. — Я рада, что ты очнулся. Я боялась, жизнь оставила тебя.

— Я и сам того боялся, — проворчал он, оглядываясь на недвижимого Тилутана. Девушка содрогнулась, но не повернула головы. Рука ее затрепетала, и Эмерику показалось, он чувствует биение ее сердца.

— Какой ужас... — Голос ее дрогнул. — Точно дурной сон! Ярость — удары — кровь...

— Могло быть и хуже, — буркнул он.

Она, похоже, чувствовала малейшие изменения в его тоне и настроении. Свободная рука ее робко скользнула по его пальцам.

— Я не желала обидеть тебя. Ты проявил отвагу, рискуя жизнью ради незнакомки. Ты столь же благороден, как рыцари с севера, о которых я читала.

Он покосился на нее. В ее огромных чистых глазах не было и тени лукавства. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, спохватившись, заговорил о другом.

— Как ты оказалась в пустыне? Откуда ты?

— Из Газалья, — отозвалась она. — Я... я сбежала. Не могла больше вынести это... Но было так жарко, одиноко, и я быстро устала. Куда ни глянь — только песок кругом... и синее небо. Песок опалил мне ноги, и сандалии быстро порвались, а во фляге не осталось воды. Тогда я хотела вернуться в Газаль, но заблудилась. Везде все одинаковое, я не знала, куда идти. Я очень испугалась и побежала туда, откуда, мне казалось, я пришла. Больше я почти ничего не помню. Я бежала, пока несли ноги.

Должно быть, я долго лежала на раскаленном песке. Помню, как встала и пыталась брести вперед, а потом мне почудилось, кто-то зовет меня, и увидела чернокожего на черной лошади, который скакал мне навстречу. Я лишилась чувств. А очнувшись, увидела, что голова моя покоится у этого человека на коленях, и он поит меня вином. А потом кто-то кричал, дрался на мечях... — Она содрогнулась. — А когда все стихло, я подползла к тебе и попыталась вернуть к жизни.

— Зачем? — спросил он ее.

Было видно, что она растерялась.

— Зачем? — Вопрос смутил ее. — Но... ты же был ранен. И... любой сделал бы то же самое. И я поняла, что ты дрался с теми черными, чтобы защитить меня. В Газале говорят, что негры злые и безжалостны к тем, кто слабее.

— Это относится не только к темнокожим, — пробормотал Эмерик. — А где он, этот твой Газаль?

— Думаю, недалеко, — ответила девушка. — Я шла весь день пешком — но не знаю, как далеко увез меня этот разбойник на лошади. Но он нашел меня уже под вечер, а значит, это было где-то поблизости.

— В какой стороне?

— Не знаю. Выйдя из города, я отправилась на восток.

— Город? — Он покачал головой. — В одном дне пути отсюда? Я думал, там пустыня... пустыня, что тянется до самого края мира.

— Газаль находится в пустыне, — пояснила она. — Он стоит в оазисе.

Отстранившись от девушки, он поднялся на ноги и негромко выругался, ощупывая больное горло, все в ссадинах и синяках. Затем осмотрел все три трупа, убедившись, что чернокожие мертвы. Одного за другим он оттащил их за ближайший бархан. Вдалеке затаивались шакалы. Вернувшись к колодцу, где терпеливо дожидалась девушка, Эмерик выругался вновь. У них остался лишь верблюд и черный жеребец Тилутана. Остальные две лошади ускакали, порвав пути.

Повернувшись к девушке, Эмерик протянул ей горсть фиников. Она с жадностью накинулась на еду, а он молча смотрел на нее, чувствуя, как нетерпение огнем разливалось по жилам.

— Почему ты сбежала? — спросил он вдруг. — Ты что, рабыня?

— В Газале нет рабов, — ответила она. — Но я устала... о, так устала от этого бесконечного однообразия. Мне хотелось хоть одним глазком взглянуть на мир снаружи. Скажи, откуда ты родом?

— С запада Аквилонии, — отозвался Эмерик.

Она всплеснула руками, точно восторженное дитя.

— Я знаю, где это! Я видела на карте. Это крайняя оконечность Хайбории, а правит там Эпей-меченосец.

Эмерик дернулся.

— Какой Эпей? Эпей мертв вот уже девять веков. Наш король — Вилер!

— Да, конечно, — девушка зарделась от смущения. — Какая я глупая. Конечно, Эпей правил девятьсот лет назад, как ты сказал. Но расскажи... расскажи мне о мире!

— Ну, это не так-то просто. — Он был озадачен. — Ты разве никогда не путешествовала?

— Сегодня я впервые оказалась за стенами Газалья!

Взгляд его задержался на нежной округлости ее груди. Сейчас приключения девушки интересовали Эмерика меньше всего, и до Газалья ему не было равным счетом никакого дела, будь тот хоть в аду.

Он хотел что-то сказать, но, раздумав, сгреб ее в объятия, напрягшись в ожидании борьбы. Но не встретил сопротивления. Гибкое податливое тело девушки опустилось ему на колени, и она взглянула на него удивленно, но без тени страха или смущения. Точно ребенок, которому предложили новую игру. Что-то в ее прямом взгляде

смutilo его. Если бы она закричала, разрыдалась, принялась отбиваться или улыбнулась понимающе, он знал бы, как обойтись с ней.

— Во имя Митры, девочка, кто ты такая? — воскликнул он со злостью. — Ты не дурочка и не играешь со мной. И по разговору тебя не применишь за проступку, невежественную и невинную. И все же тебе, как будто, неведом мир с его пороками.

— Я дочь Газаль, — отозвалась она беспомощно. — Если бы ты увидел Газаль, возможно, ты бы понял меня.

Он взял ее на руки и опустил на песок. И, поднявшись, набросил на нее попону.

— Спи, Лисса. — Голос его прозвучал резко, ибо он не мог совладать со своими чувствами. — Я увижу Газаль завтра.

* * *

На рассвете они двинулись на запад. Эмерик посадил Лиссу на верблюда, показав ей, как держаться верхом на животном. Она вцепилась обеими руками в седло, и он понял, что прежде она никогда не видела верблюдов. Это также поразило молодого аквилонца. Это было невероятно для девушки, выросшей в пустыне. Так же, до вчерашнего дня, ей никогда не доводилось ездить на лошади.

Эмерик соорудил для девушки нечто вроде накидки. Она надела ее, ни о чем не спрашивая, как принимала все, что он делал для нее, — благодарно, но слепо, не доискиваясь причин. Эмерик не стал говорить ей, что шелк, который укрывал ее от солнца, носил прежде ее похититель.

Они двинулись в путь, и Лисса вновь принялась упрямивать его рассказать ей о мире, как ребенок, выманивающий на ночь сказку.

— Я знаю, что Аквилония лежит вдали от пустыни, — сказала она. — Между ними есть еще Стигия и Шем, и другие страны. Но как же ты очутился здесь, вдали от родных краев?

Какое-то время он ехал молча, ведя верблюда в поводу.

— Аргос и Стигия воюют, — произнес он наконец. — Коф тоже вмешался в это дело. Кофийцы наставляли на том, чтобы напасть на Стигию одновременно. Аргос от-

правил наемников на кораблях на юг, вдоль побережья. А армия Кофа должна была напасть с суши. Я был аргосским наемником. Мы встретили стигийский флот и разбили его, заставив их отступить в Кемии. Нам надо было сразу высадиться, разграбить город и двинуться вдоль русла Стикса, но наш адмирал оказался слишком осторожен. Нас вел зингарец, принц Запайо да Кова.

Мы поплыли на юг, пока не достигли кушитских джунглей. Там наконец причалили, корабли бросили якорь, и армия двинулась на восток, вдоль стигийской границы, разоряя и грабя все на своем пути. Затем мы собирались повернуть на север, нанести удар в самое сердце Стигии и соединиться с идущими с севера кофийцами.

Но тут дошли вести, что нас предали: Коф заключил со Стигией сепаратный мир. И стигийская армия уже шла нам навстречу, тогда как другие их войска отрезали нас от побережья.

В отчаянии принц Запайо решил совершить бросок на восток, в надежде обогнуть стигийскую границу и достичь восточной оконечности Шема. Но армия с севера перехватила нас. Мы развернулись и вступили в бой.

Мы сражались целый день и обратили стигийцев в бегство, но на другой день подошла армия с запада. Мы оказались между молотом и наковальней, без единого шанса на спасение. Мы были разбиты наголову, смяты, уничтожены! Почти никто не уцелел. С приходом ночи нам удалось вырваться из окружения. Со мной был киммериец по имени Конан, здоровяк, сильный, как бык.

Мы двинулись на юг, в пустыню, потому что больше идти было некуда. Конану доводилось бывать в этих местах и прежде, и он считал, что у нас есть шанс выбраться. К югу мы наткнулись на оазис, но стигийцы выследили нас. Нам вновь пришлось бежать, от оазиса к оазису, изнемогая от голода и жажды, покуда мы не оказались в пустынном бесплодном крае, где не было ничего, кроме палящего солнца и раскаленного песка. Лошади наши совсем ослабли, да и сами мы наполовину обезумели.

Затем как-то ночью мы заметили огни и поскакали туда, в отчаянной надежде, что те люди отнесутся к нам по-дружески. Но как только мы подъехали ближе, нас

встретил град стрел. Лошадь Конана зацепило, она встала на дыбы и сбросила всадника. Должно быть, он сломал шею, поскольку больше не шевельнулся. А мне удалось ускользнуть в темноте, хотя лошадь издохла подо мной. Я лишь краем глаза видел нападавших. Они были худощавыми, высокими, меднокожими, в странных варварских одеяниях.

Пешком я брел по пустыне, пока не наткнулся на троих стервятников, которых ты видела вчера. Настоящие шакалы — ганаты, из племени грабителей-полукровок. Наполовину негры, наполовину Митра ведает кто! Не расправились они со мной лишь потому, что у меня ничего не было, ради чего стоит убивать. Целый месяц я был с ними и грабил вместе с ними, ибо больше мне ничего не оставалось.

— Я и не знала, что такое бывает, — пробормотала девушка задумчиво. — Мне говорили, что в мире существуют войны и жестокость, но все это казалось так призрачно и далеко... А когда ты говоришь о битвах и предательстве, я словно вижу все своими глазами.

— Неужели враги никогда не нападали на Газаль? — Эмерик был удивлен.

Она покачала головой.

— Люди обходят Газаль стороной. Порой я видела черные точки на горизонте, и старики говорили, что это армии идут на войну, но они никогда не приближались к Газалю.

Эмерик ощутил смутную неловкость. Пустыня эта, внешне столь безжизненная, была обиталищем многих воинственных племен. Владения ганатов простирались на востоке, на юге селились тибу, никогда не снимавшие масок, а где-то к юго-западу лежало полумифическое царство Томбалку, где правили беспощадные дикари. Как же мог уцелеть город в этих местах, так что жители его даже не ведали, что такое война?

Когда он не смотрел на нее, тревожные мысли одолевали Эмерика. Может, девушка безумна? Или это демон в женском облике, явившийся очаровать его и навлечь погибель? Но стоило лишь взглянуть на нее, хрупкую, по-детски цепляющуюся за верблюжью шею, как мрачные подозрения вмиг рассеивались. Но затем сомнения вновь

настигали его. А может, он околдован? И она наслала на него чары?

Они уверенно двигались на запад, сделав привал лишь в полдень, чтобы поесть фиников и глотнуть воды. Чтобы укрыть ее от солнца, Эмерик соорудил подобие навеса с помощью своего меча, ножен и попоны. Неровный тряский ход верблюда так измотал девушку, что ему пришлось снять ее на руках. Он вновь ощутил сладкий призыв ее нежного тела, и страсть забурилась в его венах. На мгновение Эмерик застыл, зачарованный ее близостью, и лишь усилием воли заставил себя опустить девушку на землю.

Он ощутил прилив гнева, вновь наткнувшись на ее ясный взгляд и вспомнив покорность, с какой она подчинялась его воле. Словно и не подозревала, что кто-то способен причинить ей зло. Невинная доверчивость девушки заставила его устыдиться, и он подавил бессильную злость.

Они принялись за еду, но юноша почти не ощущал вкуса фиников. Он не мог отвести горящих глаз от Лиссы, пожирая взглядом ее гибкую фигурку. Как дитя, она словно и не замечала этого. Когда он поднял ее, чтобы вновь усадить на верблюда, девушка обняла его за шею руками, он не мог сдержать дрожи. Но все же посадил ее в седло, и они продолжили путь.

2

Незадолго до заката Лисса вдруг вытянула вперед руку и воскликнула:

— Смотри! Башни Газалья!

На краю пустыни он увидел их — шпили и минареты, нефритовой зеленью отливающие на сини небес. Не будь рядом девушки, он счел бы это за мираж. Он с любопытством покосился на Лиссу, но та не выказывала радости от того, что наконец вернулась домой. Напротив, она вздохнула, и хрупкие плечи ее опустились.

Они приблизились, и Эмерик смог разглядеть город получше. Стены его вздымались прямо из песка, и аквилонец увидел, что крепостной вал во многих местах обрушился. Башни также пребывали в запустении: провисла крыша, щерились обвалившиеся укрепления, шпили кре-

нились, как пьяные. Страх объял его. Неужто он попал в город мертвых, и упырь ведет его вперед? Он взглянул на девушку, и паника улеглась. Никакой демон не мог бы выглядеть столь божественно! Она бросила на него странный вопрошающий взгляд, нерешительно обернулась, глядя на пустыню, а затем, обреченно вздохнув, вновь двинулась в сторону города.

Миновав пролом в зеленой стене, Эмерик заметил на улицах людей. Никто не окликнул их, когда они выехали на широкий тракт, никто даже не взглянул им вслед. Вблизи, под угасающим солнцем, обветшание сделалось еще более очевидным. Улицы там и тут поросли травой, пробивавшейся сквозь разломы в мостовой, поросли травой и площади. Дороги и дворы усыпал слой хлама и песка. Там и тут, на месте рухнувших домов, были разбиты огороды.

Купола выцвели и растрескались, дверные проемы зияли пустотой. Эмерик узрел единственный уцелевший шпиль, венчавший круглую красную башню на юго-восточной оконечности города. Она сияла среди руин. Эмерик указал на нее рукой.

— Почему эта башня лучше сохранилась, чем прочие? — удивился он.

Побледневшая Лисса, вся дрожа, перехватила его руку.

— Не спрашивай об этом! — прошептала она торопливо. — Не смотри, не смей даже думать о ней!

Эмерик нахмурился. Неприкрытый страх девушки каким-то образом изменил его восприятие таинственной башни. Теперь она представлялась головой алой змеи, вздымающейся среди запустения и развалин. Рой черных точек — это были летучие мыши — вылетел из высоких черных окон.

Молодой аквилонец с опаской огляделся по сторонам. В конце концов, с чего он взял, что газальцы отнесутся к нему дружелюбно? Он смотрел, как неспешно идут по улице люди. Когда они останавливались взглянуть на него, по коже у него почему-то бежали мурашки. Лица мужчин и женщин были красивы, а взгляды ласковы, но интерес их казался таким небрежным, таким расплывчатым и безличным... Они даже не пытались подойти ближе, заговорить с ним. Точно им не в диковинку было видеть на улицах города вооруженных всадников из пустыни!

Однако Эмерик точно знал, что это не так, и от равнодушия, с которым приняли его появление газальцы, ему делалось не по себе.

Лисса обратилась к ним, взяв Эмерика за руку, точно привязчивый ребенок.

— Это Эмерик из Аквилонии, он спас меня от чернокожих бандитов и привез домой.

Вежливый приветственный шепоток донесся до него, и несколько человек приблизились, протягивая руку. Эмерiku никогда прежде не доводилось видеть таких невыразительных благожелательных лиц; глаза их были ласковыми и нежными, не знающими ни страха, ни удивления. Но глаза их были не как у тупых быков; скорее, как у людей, погруженных в видения.

Взгляды их создавали ощущение нереальности; он почти не слышал, что ему говорят. Эмерик не мог понять, что за странности творятся вокруг, что это за грезящие люди-тени скользят задумчиво в развалинах древнего города. Лотосовый рай иллюзий? Но зловещая алая башня не давала ему покоя.

Какой-то мужчина, совершенно седой, но без единой морщины, заметил:

— Аквилония? Мы слышали, на вас напали... король Брагор Немедийский, если не ошибаюсь. Чем окончилась война?

— Мы победили, — отозвался Эмерик коротко, пытаясь сдержать дрожь. Девять веков прошло с той поры, как Брагор двинул своих копейщиков на Аквилонию.

Мужчина ни о чем больше не спрашивал; люди разошлись, и Лисса потянула его за рукав. В мире грез и иллюзий она была единственным, что возвращало его к реальности. Она не была видением, тело ее было нежным и сладким, как мед и сливки.

— Пойдем, — сказала она, — нам нужно поесть и отдохнуть.

— А все эти люди? — удивился он. — Разве ты не собираешься рассказать им, что случилось с тобой?

— Они не станут слушать, — отозвалась Лисса. — Разве что мгновение. Послушают, а затем двинутся прочь. Они едва ли заметили даже, что я уходила. Пойдем!

Эмерик завел лошадь и верблюда в закрытый дворик, где росла высокая трава, а из разбитого мраморного

фонтанчика струилась вода. Там он привязал животных, а сам двинулся следом за Лиссой. Она взяла его за руку и повела через двор, в сводчатый проход. Наступила ночь. В небе гроздьями висели звезды, обрамляя щербатые бельведеры.

Лисса вела его через анфиладу темных комнат с уверенностью, говорившей о давней привычке. Эмерик охотно шел за ней, не выпуская ладошки девушки. Приключение это с каждым мгновением нравилось ему все меньше. Запах пыли и тлена витал в густой тьме. Ноги его ступали то по разбитым плиткам, то по вытертым коврам. Свободной рукой он касался дверных проемов, украшенных лепниной и резьбой. Затем сквозь полуразрушенную крышу блеснули звезды, и он увидел, что находится в просторном зале, с истлевшими гобеленами на стенах. Они чуть слышно шуршали на ветру, точно ведьмы шептались в тени, и от шепота их у него мурашки бежали по коже.

Затем они оказались в комнате, тускло освещенной струившимся в окна светом звезд, и Лисса отпустила его руку. В темноте он не мог видеть, что она делает, но вдруг в комнате стало светлее: девушка держала стеклянный шар, окруженный янтарным сиянием. Она поставила светильник на мраморный стол и жестом указала Эмерику на ложе, где ворохом были свалены шелка. Порывшись где-то в углу, она извлекла кувшин золотистого вина и блюдо с едой. Там нашлись финики, но прочие фрукты и овощи, бледные и безвкусные, были Эмерику неизвестны. Вино оказалось приятным на вкус, но пьянило не больше, чем ключевая вода.

Опустившись на мраморный табурет напротив него, Лисса рассеянно принялась за еду.

— Что за странное место? — спросил ее наконец Эмерик. — В тебе есть что-то от этих людей, но в то же время ты совсем не такая, как они.

— Они говорят, я похожа на наших предков, — отозвалась Лисса. — Давным-давно они пришли в пустыню и возвели этот город на месте оазиса с множеством источников. Камень для строительства они взяли с развалин еще более древнего поселения. И лишь Красная Башня... — она невольно понизила голос, — ...только башня сохранилась с тех времен. Она была пуста... тогда.

— Предки наши, газали, некогда обитали на юге Кофа. Они славились мудростью и ученостью. Но они стремились восстановить культ Митры, давно забытый кофийцами, и король изгнал их из страны. Они отправились на юг — жрецы, ученые и учителя, а с ними и их рабы шемиты.

Они возвели Газаль посреди пустыни, но рабы вскоре взбунтовались и бежали, смешавшись с дикими племенами кочевников. С ними здесь хорошо обращались, однако до них дошли странные вести, и, получив их, они, подобно безумцам, устремились в пустыню.

А мой народ остался. Они учились добывать пищу и питье из того, что было под рукой. Знания стали их единственным спасением, ибо, когда рабы бежали, они увели с собой всех до единого верблюдов, ослов и лошадей, и всякие сношения с внешним миром оказались прерваны. В Газале есть целые залы, полные карт, книг и летописей, но все они устарели по меньшей мере на девять веков, когда предки наши покинули Коф. И никогда с тех пор нога чужестранца не ступала на улицы Газалья. И люди словно стали таять. Они грезят и настолько погружены в себя, что утратили все человеческие страсти и устремления. Город рушится на глазах, но никто и пальцем не шевельнет, чтобы поправить хоть что-то. Ужас... — она запнулась и вздрогнула. — И когда ужас пришел, они не могли ни воспротивиться, ни обратиться в бегство.

— О чем ты говоришь? — прошептал он, чувствуя, как мороз прошел по спине. Шуршание истлевших занавесей в черных безымянных коридорах будило в душе потаенные страхи.

Девушка покачала головой. Затем поднялась, обошла мраморный столик и положила руки ему на плечи. Глаза ее были влажными, и страх застыл в них, и отчаяние, от которого у Эмерика комок застрял в гортани. Он обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

— Не отпускай меня! — взмолилась она. — Мне так страшно! О, я мечтала, чтобы пришел такой мужчина, как ты. Я непохожа на остальных! Они лишь мертвецы, вслепую бродящие по забытым улицам, но я-то жива! Кровь моя горяча, и чувства бурлят в ней. Мне ведом голод и жажда, и страсть к жизни. Мне невыносимо

безмолвие этих улиц, упадок и разрушение, и бесцветные обитатели Газалья, хотя я никогда не видела ничего иного. Поэтому я сбежала, мне так хотелось жить...

Она безутешно рыдала в его объятиях. Волосы струились по точеному лицу, и аромат их кружил ему голову. Девушка прижималась к нему всем телом, обнимая Эмерика за шею. Крепче стиснув ее в объятиях, он поцеловал ее в губы, затем принялся осыпать жгучими поцелуями ее глаза, щеки, волосы, шею, грудь, пока рыдания ее не стихли, сменившись страстными стонами. Но страсть его не была страстью насильника; чувства девушки пробудились в ответ, захлестнув ее горячей волной желаний. Сияющий янтарный шар, задетый неосторожной рукой, скатился на пол и погас. Лишь звездный свет сочился в окна.

* * *

Лисса лежала в объятиях Эмерика на устланном шелками ложе, жарким шепотом поверяя ему все свои тайны, надежды и упования — детские, трогательные, ужасные.

— Я увезу тебя отсюда, — пробормотал он. — Завтра же! Ты права, Газаль — это город мертвых. Ты должна вернуться в мир. Он может быть жестоким, грубым, отвратительным, но это лучше, чем гнить здесь заживо...

Ночь внезапно взорвалась истошным криком, полным ужаса и отчаяния. Ледяной пот выступил у Эмерика на висках. Он пытался вскочить, но Лисса вцепилась в него.

— Нет, нет, не надо! — послышался ее испуганный шепот. — Не ходи туда! Останься!

— Да ведь там кого-то убивают! — Он на ощупь пытался отыскать меч. Крики доносились, кажется, с соседнего двора. Они становились все громче и пронзительнее. И мука, заключенная в них, была невыносима. Наконец крик захлебнулся долгим хрипящим рыданием.

— Так же кричали умирающие на дыбе, я слышал, — пробормотал Эмерик, тщаь подавить дрожь. — Что за демоны орудуют тут в ночи?

Лисса трепетала в его объятиях, охваченная безудержным страхом. Он чувствовал, как колотится ее сердце.

— Это и есть тот ужас, о котором я говорила тебе! — прошептала она. — Ужас, обитающий в Красной Башне.

Он пришел давно; иные говорят, он был там и прежде, и вернулся, когда был построен Газаль. Он пожирает людей. Что он такое, никому не ведомо, ибо никто из тех, кто видел его, не уцелел, чтобы рассказать об этом. Возможно, это бог или демон. Поэтому отсюда бежали рабы; поэтому племена кочевников обходят город стороной. Многие были погублены чудовищем. Рано или поздно оно разделается со всеми нами и будет владеть опустевшим городом, как, сказывают, владело руинами, бывшими прежде на месте Газалья...

— Но почему же люди остались здесь и не бежали прочь?

— Не знаю, — прошептала Лисса. — Они грезят...

— Колдовские чары, — протянул Эмерик. — Чары и пустота. Я видел это в их глазах. Демон околдовал их. Митра, что за гнусная тайна!

Лисса уткнулась лицом ему в грудь, крепче цепляясь за юношу.

— Но что же нам делать теперь? — Эмерик поежился.

— Ничего, — отозвалась она. — Твой меч бессилен против чудовища. Может быть, оно нас не тронет. Сегодня ночью оно уже схватило одну жертву. А нам остается лишь ждать, как овцам на заклание.

— Да будь я проклят, если допущу такое! — воскликнул аквилонец. — Мы не станем дожидаться утра, поедем немедленно. Собери еды и питья. А я выведу коня и верблюда наружу, к выходу. Встретимся там!

Зная, что неведомое чудовище уже нанесло удар, Эмерик не боялся оставить девушку на несколько минут в одиночестве. Но мурашки бежали у него по коже, когда он шел наружу по изгибающимся коридорам, через черные залы, где шептались гобелены. Животных он нашел в том же дворе, где оставил их. Они нервно перебирали ногами и всхрипывали. Лошадь при виде хозяина тоненько заржала и ткнулась мордой ему в плечо, словно чуя опасность, таящуюся в ночи.

Эмерик оседлал и взнуздал животных, а затем через узкие ворота вывел их на улицу. Несколько минут спустя он оказался в залитом звездным светом дворе. И в тот же миг ужасающий вопль огласил звенящую тишину. Он доносился из той самой комнаты, где он оставил Лиссу.

Эмерик взревел и, на ходу обнажая сталь, бросился к окну. Янтарный шар горел, отбрасывая густые черные тени. Шелковые покрывала грудой лежали на полу. Мраморный табурет перевернут. Но комната была пуста.

Тошнота подкатила Эмерику к горлу. Он пошатнулся, на миг прикрыв глаза. Ярость охватила его. Красная Башня! Должно быть, чудовище уволокло свою жертву туда!

Он метнулся через двор, по улице, к башне, зловеще сияющей в ночи. Улицы изгибались и сворачивали в сторону, и он побежал наперерез, через безмолвные темные дома и дворы, заросшие травой, дрожавшей на ночном ветру.

Впереди вокруг багровой башни виднелись какие-то развалины. Следы разрушения там были даже заметнее, чем в самом городе. Там явно никто не жил. И среди грязи, камней и хлама красная башня вздымалась подобно ядовитому цветку в руинах склепа.

Чтобы попасть в башню, он должен был перебраться через развалины. Эмерик бесстрашно двинулся вперед, отыскивая дверь. Распахнув ее, он вошел, держа наизготовку меч. И тогда глазам его открылось зрелище, какое может явиться человеку лишь во сне.

Перед ним простирался длинный коридор, озаренный тусклым сиянием, на стенах висели странные, вызывающие дрожь гобелены. Далеко внизу он заметил ковыляющую фигуру — белую, обнаженную, что-то тащившую следом — и от ужаса пот выступил у него на лбу. Затем существо исчезло, а с ним погас и призрачный свет. Эмерик оказался в крошечной тьме, лишенный зрения, лишенный слуха, а перед внутренним взором его все так же стояла согбенная белая фигура, волокащая за собой бездыханное тело по бесконечному черному коридору.

Он ошупью двинулся вперед, пытаясь припомнить. Мрачная легенда, рассказанная свистящим шепотом у умирающего костра, в похожей на череп хижине чернокожего колдуна — легенда о божестве, обитающем в багровом доме, в забытом городе, о темном божестве, которому поклонялись в жарких влажных джунглях и по берегам медленных печальных рек. И вспомнилось ему заклинание, произнесенное на ухо дрожащим от страха и благоговения голосом, перед которым сама ночь затаила

дыхание, притихли львы у реки и даже листва замерла, не смея шелестом нарушить безмолвие.

Оллам-онга, шептал черный ветер в невидимом коридоре. *Оллам-онга*, шептала пыль у него под ногами. Пот леденил кожу, и клинок дрожал у него в руке. Он проник в дом бога, и страх стиснул его душу в костлявом кулаке. *Дом бога* — весь ужас этих слов вдруг дошел до него. Все страхи предков, и страхи еще более древние, дочеловеческие, изначальные, восстали в душе его, ужас всеобъемлющий и необъяснимый охватил его. Сознание своей хрупкой человечности давило на него в этом доме, который был домом бога.

Вокруг него дрожало едва различимое сияние. Кажется, он приближался уже к самой башне. Еще мгновение, и он прошел в высокую арку и принялся подниматься по непривычно широким ступеням. Все выше и выше. И чем дальше он шел, тем сильнее охватывала его слепая ярость, последняя защита человека от всяческой дьявольщины. Он позабыл страх. Сгорая от нетерпения, он пробирался сквозь густую недобрую тьму, пока не оказался в комнате, залитой золотистым светом.

В дальнейшем конце комнаты широкие ступени вели к помосту, заставленному каменными сооружениями. Изуродованные останки предыдущей жертвы еще оставались на возвышении. Рука безвольно свисала на ступенях. Мраморные ступени были все в потеках крови, подобных сталактитам, что вырастают вокруг горячего источника. Часть потеков были давними, высохшими, побуревшими; но была там и свежая кровь, еще влажная, сверкавшая во тьме.

У подножия лестницы возвышалась недвижимая нагая фигура. Эмерик застыл, язык его присох к гортани. Сперва ему показалось, что перед ним человек. Белый гигант, стоящий, скрестив мощные руки на алебастровой груди. Но огненные шары вместо глаз не могли принадлежать человеку! В глазах этих Эмерик узрел отблески адского пламени, приглушенные последней из теней.

Фигура внезапно начала терять четкость, контуры ее принялись дрожать... расплываться. С невероятным усилием аквилонцу удалось разорвать путы безмолвия и выдать ужасное загадочное заклинание. И в тот же миг, как пугающие слова пронзили тишину, белый гигант

замер. Застыл. И очертания его фигуры вновь сделались ясными и четкими на золотистом фоне.

— Ну, давай же, и будь ты проклят! — истошно возопил Эмерик. — Я замкнул тебя в человеческом обличье! Правду сказал черный колдун! Это он дал мне заклинание! Давай, Оллам-онга! Пока ты не разрушил чары, сожрав мое сердце, ты такой же человек как и я!

С ревом, подобным вою урагана, тварь бросилась вперед. Эмерик отскочил, уворачиваясь от протянувшихся к нему когтей, сила которых во много раз превосходила силу смерча. Оставленный в сторону коготь зацепил его тунику, с легкостью распарывая ткань, точно истлевшее тряпье. Но Эмерик, которому страх придал сил и подвижности, успел развернуться и вонзить меч в спину чудовища, так что клинок на локоть вышел у того из груди.

Жуткий вой, полный муки и нечеловеческой злобы, потряс башню. Тварь развернулась и бросилась на Эмерика, юноша увернулся и кинулся вверх по ступеням на возвышение. Ухватив мраморный табурет, он с силой швырнул его в чудовище, карабкающееся по лестнице. Тяжелый снаряд ударил тварь прямо в голову, увлекая ее вниз, но та встала вновь. То было жуткое зрелище. Обливаясь кровью, чудовище продолжало ползти по ступеням. В отчаянии Эмерик схватил нефритовую скамью и, застонав от непосильного напряжения, швырнул ее вниз.

Вес каменной громады пригвоздил Оллам-онга к полу, и он рухнул среди осколков, в луже дымящейся крови. В последнем иступленном усилии чудовище приподнялось на руках, глаза его остекленели. И разразилось протяжным жутким воем.

Эмерик содрогнулся от ужаса, ибо дикий вопль твари не остался без ответа. Откуда-то свысока демоническим эхом отозвались бесчисленные голоса, и изуродованная туша рухнула на залитый кровью пол. Так ушел один из богов Куша. Мысль эта внушила Эмерику безотчетный, необъяснимый ужас.

Объятый паникой, он кинулся вниз с возвышения, отпрянув от трупа чудовища. Казалось, сама ночь кричит, обвиняя его, потрясенная свершившимся святотатством. Первобытный космический страх затмил торжествующий победу разум.

У самой лестницы он застыл, пораженный. Из темноты, протягивая белые руки, к нему вышла Лисса. Глаза ее были заводами страха.

— Эмерик! — воскликнула она дрогнувшим голосом. Он сжал ее в объятиях.

— Я видела, — прошептала она, — как чудовище поволокло по коридору труп. Я вскрикнула и бросилась бежать. А когда возвращалась, услышала твой крик, и поняла, что ты отправился за мной в Красную Башню...

— И пришла разделить мою судьбу, — вымолвил он через силу.

Она попыталась заглянуть ему через плечо, но он прикрыл ей глаза и заставил отвернуться. Ни к чему ей видеть тело на багряном полу. Он поправил порванную тунику, но не решился вернуться за мечом. Эмерик повел трепещущую Лиссу прочь, но когда оглянулся, увидел, что труп поверженного божества уже не белее среди мраморных осколков. Заклинание, заключившее Оллам-онга в человеческом обличье, действовало при его жизни, но не после смерти. У Эмерика потемнело в глазах, и все же он взял себя в руки и поторопился спуститься с девушкой по лестнице и скорее убраться из зловещих развалин.

Он не замедлил шага, пока они не оказались на улице, где жались друг к другу дрожащие верблюды с лошадьей. Он второпях усадил девушку в седло и сам вскочил на жеребца, затем направился напрямик к пролому в стене. Ему не хватало воздуха, он дышал прерывисто и жадно, но ночная прохлада пустыни остудила разгоряченную кровь; здесь хотя бы не пахло затхлостью и тленом.

К луке его седла был приторочен небольшой бурдюк с водой. Еды не было, а меч его остался в Красной Башне. Без пищи и оружия им предстояло пересечь пустыню, однако любые опасности меркли перед тем, что довелось им пережить в городе, оставшемся за спиной.

Без слов они тронулись в путь. Эмерик взял курс на юг; где-то там, по его расчетам, должен был найтись колодец. Рассвет они встретили, поднявшись на гребень дюны; аквилонец обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на Газаль, омытый розовым сиянием, и застыл, как громом пораженный. Лисса вскрикнула. Из бреши в стене выезжали семеро всадников; лошади их были чернее

ночи, и сами они с головы до пят были закутаны в черные плащи. Но в Газале не было лошадей! Ужас объял Эмерика и, отвернувшись поспешно, он принялся нахлестывать своего скакуна.

Поднялось солнце, сперва алое, затем золотое, и, наконец, белое, раскаленное и не знающее пощады. Беглецы ехали, изнемогая от жары и усталости, ослепленные безжалостным сиянием. Несколько раз они позволили себе смочить губы водой. А за спиной, не сбавляя хода, скакали семеро всадников в черном.

Наступил вечер; солнце, багровое и распухшее, склонилось к кромке окова. Ледяной рукой страх стиснул сердце Эмерика. Преследователи настигали их.

Тьма наступила, и черные всадники приблизились. Эмерик взглянул на Лиссу, не в силах сдержать стога, Жеребец его оступился и рухнул на песок. Солнце опустилось; луну заслонила тень огромной летучей мыши. В кромешной тьме звезды багровели, точно тлеющие угли, и за спиной Эмерик слышал шорох, словно налетел ветер. Черная тень вырвалась из чрева ночи, сверкнули искры адского огня.

— Беги, девочка! — выкрикнул он в отчаянии. — Беги... спасайся! Им нужен только я!

Вместо ответа она соскочила с седла и крепко обняла его, прижавшись всем телом.

— Я умру вместе с тобой!

Семь черных теней выросли, затмив собой звезды, неслись на них, точно ветер. Зловещий огонь полыхал в пустых глазницах, стучали лишенные плоти челюсти.

Но что-то прервало их стремительный бег. Лошадь пронеслась мимо Эмерика, едва не задев его. Послышался глухой звук удара — это таинственный всадник врезался в гущу нападающих. Пронзительно заржал жеребец, и трубный голос разразился ругательствами на неизвестном аквилонцу языке. В ответ из темноты донеслись встревоженные голоса.

Впереди, похоже, завязалась драка; слышался топот копыт, звуки ударов, лязг стали, а громоподобный голос от души сыпал проклятиями. Вдруг из-за облаков появилась луна, высветив совершенно фантастическую сцену.

Всадник на гигантском жеребце кружился, рубил и колот пустой воздух, а навстречу, сверкая ятаганами,

летела дикая орда. Вдали, на гребне холма еще мелькнули фигуры семерых черных всадников — и растворились; лишь плащи взметнулись в последний раз, подобно крыльям летучей мыши.

Дикари, окружившие Эмерика, попрыгали на землю и взяли его в кольцо. Жилистые руки схватили их, худые смуглые лица злобно скалились. Лисса, не выдержав, закричала.

Но чья-то мощная длань раскидала нападавших, и человек на огромном жеребце пробился через толпу. Нагнувшись с седла, он в изумлении уставился на Эмерика.

— Чтоб я сдох! — зарычал он. — Эмерик-аквилонец!

— Конан! — Эмерик был потрясен. — Конан! Живой!

— Да, кажется, поживее твоего, — раздался ответ. — Клянусь Кромом, парень, вид у тебя такой, словно все демоны пустыни охотились за тобой этой ночью! Что это за твари? Я объезжал лагерь, чтоб проверить, нет ли где засады, как вдруг луна погасла, точно свечка, и я услышал странный шум. Конечно, я поскакал взглянуть, в чем дело, и не успел опомниться, как нарвался на этих демонов. Я бросился на них с мечом... Кром, глаза у них горели в темноте, как огонь! Я уверен, что зацепил одного, но когда появилась луна, они исчезли, точно их ветром сдуло. Люди то были или демоны?

— Твари из самого ада! — Эмерик не мог сдержать дрожи. — И не спрашивай меня ни о чем больше. Есть вещи, о которых лучше не говорить вслух.

Конан не стал настаивать и не выказал недоверия. Он верил не только в ночную нежить, но и в духов, леших и гномов.

— Да, я гляжу, ты и посреди пустыни себе красоту найдешь, — заметил он, меняя тему разговора, и улыбнулся Лиссе. Та еще теснее прижалась к Эмирику, со страхом поглядывая на маячивших во тьме дикарей.

— Вина! — воскликнул Конан. — Давайте сюда бурдюк!

Схватив протянутую ему кожаную флягу, он сунул ее Эмирику.

— Дай глотнуть девочке и выпей сам, — велел киммериец. — Потом возьмем вас в седло, и — в лагерь! Вам надо поесть, передохнуть и выспаться как следует. Я вижу, вы едва держитесь на ногах.

Им подвели лошадь в богатой сбруе, и услужливые руки помогли Эмерику забраться в седло. Затем он поднял Лиссу, и они двинулись к югу, окруженные тагуированными смуглокожими дикарями. У многих лицо до самых глаз было скрыто повязкой.

— Кто он такой? — тихонько спросила девушка, обнимая возлюбленного.

— Конан, киммериец, — отозвался тот. — Парень, с которым мы плутали по пустыне после разгрома войска. А с ним те самые дикари, что его подстрелили. Я был уверен, что он мертв, когда оставил его, что он пал под их копьями. А теперь вижу, что он цел и невредим и, похоже, встал во главе племени.

— Страшный человек... — прошептала она.

Он улыбнулся.

— Просто тебе раньше никогда не приходилось видеть бледнолицых варваров. Он бродяга, разбойник и убийца, но у него есть свой кодекс чести. Думаю, нам нечего бояться.

Но в душе Эмерик отнюдь не был в этом уверен; в какой-то мере он предал киммерийца, когда бросил его в пустыне на произвол судьбы. Но ведь он не знал, что Конан жив! Сомнения терзали аквилонца. Северянин всегда был предан друзьям, однако к остальному миру не питал и тени жалости; это был воин и дикарь. И Эмерик страшился и подумать, что будет, если Конан возжелает его Лиссу.

Позже, вдосталь наевшись и выпив в лагере, разбитом дикарями, Эмерик сидел у костра перед палаткой Конана; Лисса, закутавшись в шелковое покрывало, устроилась рядом, опустив голову ему на колени. Сам Конан сидел напротив, и отсветы костра играли на его суровом лице.

— Кто эти люди? — спросил его аквилонец.

— Воины Томбалку, — ответил варвар.

— Томбалку! — воскликнул Эмерик. — Так это не легенда?

— Как видишь, нет, — кивнул Конан. — Когда пала моя проклятая кобыла, я от удара лишился чувств. А когда очнулся, эти негодяи уже связали меня по рукам и ногам. Это меня разозлило, и пару веревок я порвал, но они связали их еще быстрее, так что мне даже руку высвободить не удалось. И все же моя сила их поразила...

Эмерик молча уставился на киммерийца. Тот был высок ростом и широк в плечах, как Тилутан, но у него не было ни унции жира. Доведись им с ганатом встретиться в бою, он голыми руками свернул бы чернокожему шею.

— Они решили не убивать меня на месте, а отвести в город, — продолжил тем временем Конан. — Подумали, что такой здоровяк будет долго мучиться под пыткой, чтобы доставить им удовольствие. Короче, привязали меня к лошади без седла и отправились в Томбалку.

Надо сказать, в Томбалку правят два короля. Они приволокли меня к ним. Один — тощий смуглый мерзавец по имени Зехбех, а другой — толстый негр, который в это время спал. Зехбех спросил своего жреца, Даура, что со мной делать, Даур бросил кости из овечьей лопатки и объявил, что меня надлежит засечь до смерти на алтаре Джила. Все вокруг так радовались, что разбудили черного короля.

Я плюнул этому Дауру в рожу, обругал его по-всякому, а заодно и обоих королей. И сказал, что если уж с меня собрались содрать шкуру, клянусь Кромом, так пусть сперва хоть вина дадут, и принялся их клясть последними словами, и ворами, и трусами, и сучьими детьми.

Тут вдруг черный король поднимает голову, садится на троне и на меня смотрит. А затем вскакивает и кричит: «Амра!» Вот тогда я его узнал — это оказался Сакумбе, суба с Черного Побережья, толстый бродяга, с которым мы знали, еще когда я пиратствовал у тех берегов. Он приторговывал слоновой костью, золотым песком, рабами, и собственную мать продал бы за хороший барыш. В общем, этот старый подлец меня узнал, прыгнул с трона, обнял меня и своими руками обрезал веревки. И объявил всем, что я Амра-Лев, его друг, и он не позволит меня и пальцем тронуть.

Тут начались споры. Зехбеху с Дауром не терпелось заполучить мою шкуру, и тогда Сакумбе призвал своего шамана, Аскию. Это надо видеть — сплошные перья, колокольца, змеиные шкурки... самый настоящий колдун с Черного Побережья!

Аския принялся танцевать и бормотать заклинания, а потом объявил, что Сакумбе — избранник Аджуджи, темного бога, и как он велит, так все и должны делать. Все

негры в Томбалку подняли вой, и Зехбеу пришлось уступить.

Потому что черным в Томбалку принадлежит вся реальная власть. Несколько веков назад афаки, семитская раса, двинулись на юг и основали Томбалку. Они смешались с неграми и получился смуглокожий народ с черными прямыми волосами, но от белых у них все равно больше, чем от негров. Они считаются в Томбалку правящей расой, но их куда меньше, и потому рядом с афакским королем на троне всегда сидит негритянский.

Афаки завоевали кочевые племена на юго-западе и покорили негров, обитавших южнее. К примеру, из моего отряда большинство — тибу, помесь стигийцев с неграми. А есть еще бигзармцы, минданги и борни.

Короче говоря, через Аскию Сакумбе держит в своих руках всю реальную власть в Томбалку. Афаки поклоняются Джилу, а черные — Аджудже Темному и его сородичам. Аския пришел в Томбалку вместе с Сакумбе и возродил забытый культ Аджуджи. Кроме того, у него есть и свои боги, которым он поклоняется, но что это за чудовища, никому не ведомо. Черная магия Аскии оказалась сильнее колдовства афак, и черные провозгласили его пророком, которого им прислали темные боги. Так что сейчас слава Сакумбе с Аскией растет, затмевая Зехбеа с Даурой.

А поскольку я оказался приятелем Сакумбе, и Аския поручился за меня, негры приняли меня со всеми почестями. Сакумбе велел отравить Кордофо, вождя конницы, и поставил меня на его место, к вящей радости черных и негодованию афак.

Тебе понравится в Томбалку! Местечко как раз для таких парней, как мы, для тех, не боится ввязаться в драку ради поживы. Там с полдюжины шаек только и занимаются тем, что копают друг под друга. На улицах и в кабаках — сплошные драки и поединки, убийства исподтишка, казни и похищения. И вдосталь вина, женщин и золота! Чего еще желать наемнику? А я там в чести! Клянусь Кромом, Эмерик, ты удачно выбрал время! Эй, послушай, в чем дело? Что-то я не вижу в тебе бывшего пыла.

— Не держи на меня зла, Конан, — отозвался Эмерик. — Мне очень интересно то, что ты говоришь, но усталость берет верх, я засыпаю на ходу.

Однако аквилонец думал отнюдь не о золоте, женщинах и интригах, но о девушке, дремавшей у него на коленях. Ему отнюдь не улыбалось тащить ее в такой вертеп убийств и разврата, каким представлял Томбалку из рассказов Конана. Во многом, сам того не замечая, Эмерик изменился за последние дни. И осторожно заметил:

— Ты спас нам жизнь сегодня, и я никогда тебе этого не забуду, но у меня нет права рассчитывать на твою щедрость, ведь я бросил тебя одного, на милость афак. Правда, я был уверен, что ты мертв, однако...

Запрокинув голову, Конан звучно и раскатисто расхохотался. А затем хлопнул аквилонца по плечу с такой силой, что тот едва не упал.

— Забудь об этом! Я уцелел лишь чудом, а тебя они точно проткнули бы копьем, как лягушку, вздумай ты вернуться мне на помощь. Поехали с нами в Томбалку, там мы найдем тебе дело по душе! Ты же командовал отрядом конницы у Запайо?

— Верно.

— А мне нужен помощник, чтобы как следует вымуштровать этих молодцов. Дерутся они как бешенные псы, но о дисциплине не имеют никакого понятия, каждый сам за себя. А вдвоем мы сделаем из них настоящих солдат. Эй, еще вина! — заорал он во тьму.

3

На третий день после встречи с Конаном Эмерик оказался в Томбалку. Он ехал рядом с киммерийцем во главе колонны, а Лисса следовала за ним, верхом на смирной кобыле. Позади, построившись по двое, ехал отряд конников. Просторные белые одеяния развевались на ветру, звенели уздечки, скрипели седла, заходящее солнце отражалось в наконечниках копий. Большинство всадников были из племени тибу, но попадались и войны из других, более малочисленных родов.

Все они, помимо собственного языка, говорили на упрощенном шемитском диалекте, которым владели все чернокожие племена от Куша до Зембабве, и от Стигии

до полумифических Черных Королевств на юге. Много веков назад шемитские купцы прошли бесконечное плотно пустыни стежками своих караванных дорог, и язык их прижился в этих местах наравне с товарами, которые они везли. А Эмерик достаточно владел шемитским, чтобы без труда общаться с грозными воинами этих диких земель.

Когда солнце, подобное огромной капле крови, скользнуло по небосводу за горизонт, впереди появились огоньки. Земля пошла под уклон, затем вновь выровнялась. В низине лежал большой город, застроенный невысокими домами. Все они были сложены из бурого кирпича, так что сперва Эмерику показалось, что впереди нет ничего, кроме камней и глины — лабиринт утесов, ущелий и валунов, вместо города; но вскоре он понял свою ошибку.

Окружала город приземистая глинобитная стена, из-за которой виднелись крыши домов. Огни горели на площади в центре, на площади, откуда же доносился какой-то странный шум.

— Томбалку, — объявил Конан коротко и склонил голову, прислушиваясь. — Кром! Что-то там неладно! Давайте живее!

Он прищипорил лошадь, и колонна всадников устремилась следом за вождем к городу.

Рощи пальм и заросли колючей мимозы окружали его; внизу текла речушка, отражавшая синеву ночного неба. За рекой простиралась зеленеющая саванна.

— Что это за река? — поинтересовался Эмерик.

— Джелуба, — ответил Конан. — Отсюда она течет на восток. Кто-то говорит, она течет через весь Дарфар и Кешан и впадает в Стикс; а другие — что она сворачивает на юг и сливается с Зархебой. Может, надо будет однажды пройти по течению и проверить.

Массивные деревянные ворота стояли открытыми, и колонна влетела в город, не останавливаясь. За воротами по узким кривым улочкам сновали фигуры в белых бурнусах. Всадники из отряда Конана поспешили приветствовать знакомцев, похваляясь боевыми заслугами.

Повернувшись в седле, Конан рявкнул приказ смуглому воину, который повел колонну к баракам. Киммериец, вместе с Эмериком и Лиссой, уверенно направился к центральной площади.

Томбалку пробуждался от послеполуденной дремы; всюду появлялись темнокожие люди в белых одеждах. Эмерик был поражен размерами города в пустыне и этой странной смесью культуры и варварства, сквозившей здесь повсюду. В просторных дворах святилищ раскрашенные шаманы в перьях плясали и трясли священными костями, рядом сумрачные жрецы пели легенды своих народов, а утрюмые философы спорили о природе богов и человека.

Чем ближе подъезжали всадники к центральной площади, тем больше народа становилось вокруг, и все они, казалось, торопились в том же направлении. Вскоре улицы оказались запружены людьми, и Конану пришлось криком расчищать дорогу.

На краю площади они спенились, и киммериец бросил поводья лошадей человеку, которого подозревал из толпы, а затем принялся проталкиваться вперед, к двум тронам, стоявшим на другом конце площади. Лисса уцепилась за Эмерика, и они последовали за варваром.

Вокруг площади чернокожие копеечники выстроились в каре. Костры, разведенные по четырем углам, высвечивали их большие овальные щиты, обтянутые слоновьей кожей, длинные лезвия копий, страусиные перья и львиные гривы, украшавшие их прическу; белки глаз и зубы сверкали на лоснящихся черных лицах.

В центре площади к столбу был привязан человек. Он был обнажен до набедренной повязки — крепкий, мускулистый и смуглокожий, с грубыми чертами лица. Перед ним танцевал шаман. Черная кожа едва угадывалась под разноцветной раскраской, лысая голова напоминала череп. Перья и обезьяньи шкурки мотались туда-сюда, в то время как он отплясывал перед небольшим треножником, под которым теплился огонь, и дым возносился к небу тонкой струйкой.

Позади столба стояли два трона, сложенные из кирпича, украшенные осколками цветного стекла, с поручнями из цельных слоновьих бивней. Оба трона стояли на едином помосте, к которому вели широкие ступени. На правом восседал огромный толстый негр в длинном белом бурнуса и в странном головном уборе, куда был вделан львиный череп и страусиные перья.

Другой трон был не занят, владелец его стоял рядом, худощавый, смуглокожий, с ястребиным профилем. На нем также было белое одеяние, а на голове красовался украшенный самоцветами тюрбан. Потрясая кулаками, он выкрикивал проклятия в сторону толстяка, а стражники за троном смущенно наблюдали за происходящим. Эмерик, подойдя ближе, вслед за Конаном, услышал:

— Ты лжешь! Аския сам прислал этих змей, чтобы найти повод уничтожить Дауру! Если ты не прекратишь это издевательство, клянусь, будет война! Проклятые дикари, мы перебьем вас всех до единого! — Голос его поднялся до визга. — Немедленно сделай, как я сказал! Останови Аскию, а не то, клянусь Джилом Беспощадным...

Он потянулся за ятаганом, стражники взяли копья на изготовку. Толстый негр расхохотался, глядя на разъяренного соперника.

Конан, протолкавшись через ряды копейщиков, взбежал по кирпичным ступеням и встал между двумя монархами.

— Лучше держи руки подальше от меча, Зехбех, — проворчал он и повернулся к другому. — Что тут происходит, Сакумбе?

Чернокожий король хмыкнул.

— Даура рассчитывал отделаться от меня и подослал ко мне змей. Бр-р! Гадюки в постели, аспиды в одежде, мамбы, падающие с перекрытий... Три мои жены погибли от укусов, не считая рабов и прислуги. Аския с помощью колдовства узнал, что повинен в этом Даура, а мои люди застали его с поличным. Смотри, Конан, Аския уже забил козла. Скоро появятся его демоны.

Обернувшись вслед за Конаном, Эмерик взглянул на привязанную к столбу жертву, перед которой истекал кровью козел. Аския читал последнее заклинание. Он визжал, метался из стороны в сторону, кружился на месте и тряс костями. Дым от треножника стусился и излучал призрачное сияние.

Наступила ночь. Звезды, ярко вспыхнувшие на небосводе, сделались тускло-багровыми, на лик луны словно набросили алый покров. Костры едва тлели по углам площади. Трескучий голос донесся откуда-то сверху, и язык его не был известен никому из простых смертных.

Затем раздался звук, похожий на хлопанье кожистых крыльев.

Аския застыл, выпрямившись, протянув руки и запрокинув украшенную перьями голову, а затем затянул долгое заклинание, состоявшее из вереницы имен. У Эмерика волосы встали дыбом, ибо среди прочих бессмысленных звуков он явственно различил имя «Оллам-онга», повторенное трижды.

Даура завопил так громко, что почти заглушил заклятья Аския. В мерцающем свете костров, в дыму, валившем от треножника, Эмерик почти не видел, что происходит. Кажется, кто-то нападал на Дауру, а тот отбивался и кричал.

У основания столба, к которому был привязан колдун, появилась и стала расти лужа крови. Страшные раны покрыли его тело, хотя не было видно никого, кто мог бы их нанести. Вопли его стихли до всхлипов, а затем и вовсе прекратились, но тело все так же дергалось в путах, словно с ним играла некая незримая сила. Что-то белое сверкнуло на трупке Дауры, затем еще и еще. С ужасом Эмерик осознал, что это были кости...

Луна вновь стала серебристой, звезды на небе засияли, подобно самоцветам, вспыхнули костры по углам площади. При свете стал виден скелет, привязанный к столбу, в луже собственной крови. Король Сакумбе произнес звучным мелодичным голосом:

— Вот и нет больше предателя Дауры. Так, а теперь Зехбех... Клянусь Аджуджо, куда подевался этот негодяй?

Зехбех исчез, пока все взоры были прикованы к происходящему на площади.

— Конан, — обернулся к варвару Сакумбе, — думаю, тебе лучше собрать воинов. Едва ли мой брат-король просидит эту ночь сложа руки.

Конан подтолкнул Эмерика вперед.

— Король Сакумбе, это Эмерик из Аквилонии, мой бывший соратник по оружию. Пусть он будет моим помощником. Эмерик, вам с девушкой лучше оставаться пока при короле, поскольку города вы не знаете. Убьют вас чего доброго, если влезете в драку.

— Я рад знакомству с другом доблестного Амры, — провозгласил Сакумбе. — Зачисли его на довольствие, Ко-

нан, и поднимай воинов... клянусь Деркету, этот негодяй не терял даром времени! Смотри!

Откуда-то издалека донесся странный шум. Соскочив с помоста, Конан бросился отдавать приказания чернокожим командирам. Гонцы его бросились врассыпную. Вдали послышался рокот барабанов, по которым отбивали дробь коричневые ладони.

На другом конце площади возник отряд обряженных в белое всадников. Размахивая копьями и ятаганами, они принялись теснить чернокожих. Не устояв перед их натиском, негры-копейщики дрогнули, ряды их смешались. один за другим падали они под ударами клинков. Стражи Сакумбе сплотились вокруг помоста с двумя тронами.

Вся дрожа, Лисса прижалась к Эмерику.

— Кто с кем сражается? — шепотом спросила она.

— Это афаки Зехбеха, — пояснил юноша. — Они пытаются убить черного короля, чтобы их вождь стал единственным правителем.

— Они пробьются к трону? — Она указала на людей, яростно дерущихся на площади.

Пожав плечами, Эмерик покосился на Сакумбе. Негритянский король раскачивался на троне, немало не встревоженный происходящим. Подняв к губам золотой кубок, он отхлебнул вина. Затем протянул второй кубок Эмерику.

— Должно быть, ты умираешь от жажды, белый, ведь после долгой дороги у тебя не было времени передохнуть, — сказал он. — Пей!

Эмерик поделился питьем с Лиссой. Лошадиное ржание, стук копыт, лязг оружия и крики раненых сливались в чудовищную какофонию. Повысив голос, чтобы перекричать шум, Эмерик заметил:

— Ты, владыка, должно быть, отважный человек, если можешь оставаться столь безучастным ко всему. Или же... — Эмерик осекся, не договорив.

— Или же глупец, — закончил за него король, рассмеявшись. — Нет, я просто трезво смотрю на вещи. Я слишком толст, чтобы скрыться от солдат, тем более от всадников. Так что, стоит мне обратиться в бегство, как мой народ закричит, что все пропало, и бросит меня на произвол судьбы. Но если я останусь здесь, есть шанс, что... А, вот и они!

Черные воины хлынули на площадь, и ход сражения изменился. Там и тут конники-афаки начали отступать. Раненые лошади вставали на дыбы и падали, погребая под собой всадников, других стаскивали на землю мощные черные руки или выбивали из седла копьями. Вскоре хрипло запела труба. Оставшиеся афаки развернули коней и поскакали прочь. Шум битвы стих.

Наступило безмолвие, если не считать стонов раненых. С боковых улиц вышли темнокожие женщины в поисках родни, чтобы унести уцелевших и оплакать погибших.

Сакумбе невозмутимо восседал на троне, потягивая вино, когда появился Конан с окровавленным мечом в руке, в сопровождении черных воинов.

— Зехбеху удалось бежать с большинством афаков, — объявил он. — Мне пришлось слегка остудить пыл твоих парней, чтобы они не перебили жен и детей афаков. Они могут нам понадобиться в качестве заложников.

— Хорошо, — произнес Сакумбе. — Выпей!

— Отличная мысль! — большими глотками Конан осушил чашу. Затем покосился на пустой трон рядом с Сакумбе. Черный король проследил за его взглядом и ухмыльнулся.

— Ну? — спросил Конан. — Что скажешь? Получу я его?

Сакумбе тоненько хихикнул.

— Да уж, ты всегда готов ковать железо, пока горячо. Ты не изменился, киммериец.

Затем король произнес несколько слов на языке, которого Эмерик не знал. Конан бросил что-то в ответ, кажется, они принялись спорить. В этот момент по ступеням взобрался Аския и поспешил присоединиться к спору. Он велеречиво доказывал что-то, бросая недобрые взгляды на Конана и Эмерика.

Наконец Сакумбе заткнул рот колдуну единственным хлестким словом и поднял свою массивную тушу с трона.

— Народ Томбалку! — призвал он.

Люди со всей площади повернулись к помосту. Сакумбе продолжил:

— Негодяй и предатель Зехбех бежал из города, и один из двух тронов Томбалку опустел. Вы видели Конана, он могучий воин. Достоин ли он быть вашим королем?

После нескольких мгновений молчания раздались одобрительные выкрики. Эмерику показалось, кричали в основном воины племени тибу, из отряда Конана, но вскоре к ним присоединились и другие. Сакумбе подтолкнул Конана к пустующему трону. Народ разразился ликующими воплями. На площади, откуда уже были убраны трупы и тела раненых, вспыхнули костры. И вновь застучали барабаны, на сей раз созывая людей не на битву, но на торжество.

* * *

Много позже Конан вел Эмерика с Лиссой, шатающихся от вина и усталости, к скромному жилищу, что он подыскал для них. Перед тем, как проститься, Эмерик спросил его:

— Что это за язык, на котором вы говорили с Сакумбе? И о чем вы спорили с ним?

Конан расхохотался.

— Это прибрежное наречие, которого здесь никто не знает. И мы с ним не спорили — Сакумбе говорил, что мы неплохо поладим как короли, если только я не забуду, какого цвета у меня кожа.

— Что он хотел этим сказать?

— Что мне нет смысла пытаться лишить его власти и интриговать против него, потому что черных теперь здесь подавляющее большинство, и они никогда не пойдут за белым королем.

— Почему же?

— Да потому что их слишком часто грабили, резали и продавали в рабство белые бандиты из Стигии и Шема, я думаю.

— А этот колдун, Аския? Чем он был недоволен?

— Предупреждал короля, что нам нельзя доверять. Будто бы духи сказали ему, что мы уничтожим Томбалку. Но Сакумбе велел ему заткнуться и заявил, что слишком хорошо меня знает и доверяет куда больше, чем какому-то шаману. — Конан зевнул, точно сонный лев. — Ладно, ступай уложи свою девочку в постель, пока она не заснула стоя.

— А ты?

— Я? Пойду назад. Праздник еще только начался!

Месяцем позже Эмерик, весь в поту и в пыли, натянул поводья лошади, глядя, как проносятся мимо его эскадроны. Все утро, как и многие дни до того, он раз за разом пытался вбить в них азы кавалерийской науки: «Вперед шагом!», «Вперед рысью!», «Вперед галопом!», «В атаку!», «Стой!», «Назад!», «Вперед шагом!» И так без конца.

И хотя результат был еще далек от совершенства, черные ястребы пустыни, похоже, наконец поняли, чего от них хотят. Сперва они ворчали и изо всех сил противились чужеземной науке, но Эмерику, с помощью Конана, удалось установить суровую дисциплину, и теперь войско превращалось в силу, с которой нельзя было не считаться.

— Дай сигнал построения, — велел он трубачу, дождавшемуся рядом. Заслышав горн, всадники натянули поводья и, толкаясь и переругиваясь, выстроились в колонну. Рысью конники двинулись к городу, мимо полей, где трудились полуголые черные женщины, провожавшие войско взглядами.

Вернувшись в Томбалку, Эмерик оставил лошадь на конюшне в казарме и отправился домой. Каково же было его удивление, когда на пороге он увидел колдуна Аския, о чем-то беседующего с Лиссой. Ее служанка стояла неподалеку, прислушиваясь к разговору.

— А, Аския, — не слишком дружелюбно приветствовал его Эмерик. — Что ты здесь делаешь?

— Я ведаю благополучием Томбалку. А для того мне необходимо задавать вопросы.

— Мне не нравится, когда посторонние задают вопросы моей жене в мое отсутствие.

Аския усмехнулся кривой недоброй ухмылкой.

— Судьба города выше того, что тебе нравится или нет, белый человек. Прощай, и до встречи!

Колдун двинулся по улице, покачивая перьями. Нахмурившись, Эмерик прошел вслед за Лиссой в дом.

— О чем он говорил с тобой? — спросил он.

— О жизни в Газале, и как мы познакомились с тобой.

— И что ты ему рассказала?

— Я рассказала, какой ты герой, и как ты убил бога Красной Башни.

Эмерик сдвинул брови в задумчивости.

— Лучше бы ты этого не говорила. Не знаю почему, но я уверен, что он желает нам зла. Надо побыстрее найти Конана... Что такое, Лисса, ты плачешь?

— Я... Это от счастья!

— От счастья?

— Ты сказал, что я твоя жена! — Она обняла его, шепча ласковые слова.

— Ну, будет тебе, — произнес он. — Мне следовало подумать об этом раньше.

— Тогда нужно сегодня вечером устроить свадебный пир!

— Обязательно! Но сперва я должен повидать Конана...

— Это подождет! К тому же, ты весь грязный и уставший. Вперва поешь, выпей, отдохни, а потом уже пойдешь.

Здравый смысл говорил Эмерику, что пойти надо немедленно. Но он не был уверен, о чем говорить с Конаном. Несмотря на всю его уверенность, что Аския затевает недоброе, доказательств у него не было никаких. И он поддался на уговоры Лиссы. Пока он ел, пил, принимал ванну и занимался любовью, день подошел к концу. Солнце клонилось уже к закату, когда Эмерик наконец отправился во дворец.

* * *

Дворец короля Сакумбе представлял собой просторное строение из необожженного кирпича, такого же, как все дома в Томбалку, и стоял неподалеку от главной площади. Охрана Сакумбе, знавшая Эмерика в лицо, без слов пропустила его внутрь, в покои, где тонкие листы сусального золота закрывали кирпичные стены, и алое солнце отражалось в золоте, слепя глаза. Он пересек обширный двор, где гуляли бесчисленные жены и дети короля, и вошел в личные апартаменты правителя.

Когда он появился там, оба короля Томбалку, черный и белый, возлежали, опираясь на подушки, на широком бакхарийском ковре, покрывавшем мозаичный пол. Перед каждым лежала горсть монет самых разных стран, а у локтя стояла чаша с вином. Раб держался неподалеку, готовый в любой миг вновь наполнить кубки.

Оба правителя выглядели уставшими, глаза у них налились кровью. Похоже, они пили уже не первый час. На ковре перед ними валялась пара игральные костей.

Эмерик церемонно поклонился.

— Государи...

Конан сумрачно покосился на вошедшего. На голове у него был изукрашенный драгоценностями тюрбан, подобный тому, что носил Зехбех.

— Эмерик! Садись и побросай с нами кости. Мне что-то не везет сегодня, может, хоть тебе удача улыбнется!

— Государь, я, право, не могу...

— Брось! Вот тебе ставка! — Ухватив горсть монет, Конан небрежно швырнул их приятелю. Эмерик опустился на ковер, а Конан вдруг вскинул голову, точно его осенила внезапная мысль, и пристально взглянул на Сакумбе.

— Вот что я тебе скажу, брат король, — заявил он. — Бросим каждый по разу кости. Если я выиграю, ты прикажешь армии двинуться на Куш.

— А если выиграю я? — поинтересовался Сакумбе.

— Тогда воины никуда не пойдут, как ты и хотел.

Сакумбе потряс головой и хмыкнул.

— Нет, брат король, тебе меня так просто не поймать. Когда будем готовы, тогда и выступим, но не раньше.

Конан впечатал кулак в ковер.

— Да что с тобой случилось, Сакумбе, дьявол бы тебя побрал! Ты уже не тот, что прежде. Тогда ты был готов на любые приключения, а теперь думаешь только о жратве, женщинах и выпивке. Что тебя так изменило?

Сакумбе икнул.

— В былые времена, брат король, я мечтал стать королем, чтобы у меня было много подданных и в досталь жратвы, женщин и вина. Теперь у меня все это есть. Зачем же рисковать нажитым ради безумных затей?

— Но нам нужно расширить границы до Западного океана, чтобы получить власть над торговыми путями, идущими с побережья. Ты не хуже меня знаешь, что все богатство Томбалку идет от этих караванов.

— А когда мы разобьем кушитского короля и выйдем к морю, что тогда?

— Тогда? Повернем на восток, покорим ганатские племена и положим конец их разбою.

— После чего, полагаю, ты захочешь двинуться на север или на юг, и так до бесконечности. Скажи мне; приятель, предположим, мы покорили все страны на сто дней пути вокруг Томбалку и собрали богатства больше, чем у стигийских королей. Что мы будем делать потом?

Конан зевнул и потянулся.

— Ну, наслаждаться жизнью, наверное. Рядиться в золото, охотиться и пировать весь день напролет, пить, а по ночам развлекаться с красотками. А в перерывах рассказывать друг другу байки о своих похождениях.

Сакумбе вновь рассмеялся.

— Если ты и впрямь этого хочешь, так ты уже сейчас так живешь! А если хочешь больше золота, еды, вина или женщин — только скажи мне, и получишь все, чего душа желает.

Конан нахмурился и тряхнул головой, бормоча что-то нечленораздельное с озадаченным видом. Сакумбе обернулся к Эмерику.

— А ты, наш юный друг? Ты хотел нам что-то сказать?

— Государь, я пришел просить государя Конана, чтобы он посетил мой дом и подтвердил наш брак с Лиссой. Потом, я надеялся, он согласится побыть на нашем скромном празднестве.

— На скромном празднестве? — переспросил Сакумбе. — Нет, клянусь носом Аджуджо! Мы устроим целый пир, с жареными быками, реками вина, барабаниками и танцорами! Что скажешь, брат король?

Конан звучно рыгнул и ухмыльнулся.

— Согласен, брат король. Закатим Эмерику такой свадебный пир, чтобы он потом три дня отсыпался!

— Есть еще один вопрос, — заметил Эмерик, слегка напуганный перспективой очередного праздника того же размаха, что так нравился этим королям-варварам, но не зная, как отказать. Он поведал им о том, как Аксия расспрашивал Лиссу.

Оба правителя нахмурились, выслушав рассказ. Наконец Сакумбе сказал:

— Не бойся Аскию, Эмерик. За любым колдуном нужно присматривать, но этот — мой преданный слуга. Да без его колдовства... — Сакумбе обернулся к дверям: — Чего тебе?

Вошедший в покои стражник поклонился.

— Государи, лазутчик из племени тибу просит позволения говорить с вами.

— Давай его сюда, — велел Конан.

Тощий негр в рваном белом бурнусе повалился на пол, едва войдя в комнату. Когда он пал ниц, от одежды его поднялось облачко пыли.

— Государи! — прокаркал он, задыхаясь. — Зехбех ведет на нас афаков! Я заметил их вчера у оазиса Кидесса и скакал всю ночь, чтобы доставить вам эту весть.

Конан и Сакумбе, оба враз протрезвев, вскочили на ноги. Конан обернулся к черному правителю.

— Брат король, это означает, что завтра Зехбех будет здесь. Прикажи, чтобы барабанщики играли сбор. — Сакумбе поспешил позвать стражника и отдать приказ, а Конан обернулся к Эмерику. — А ты бы смог подстеречь афаков на полпути и разбить их?

— Возможно, — осторожно отозвался Эмерик. — У них большое численное превосходство, но пара ущелий к северу вполне годятся для засады...

5

Часом позже, когда солнце уже спустилось над глинобитными стенами Томбалку, Конан и Сакумбе взошли на свои троны, что стояли на помосте на площади. Барабаны отбили призывную дробь, и чернокожие бойцы устремились к месту сбора. Загорелись сигнальные костры. Сотники, украшенные перьями, растолкали простых воинов по шеренгам и собственноручно проверили остроту копья у каждого.

Эмерик, перейдя через площадь, доложил королям, что конница готова выступить к полуночи. Мозг его был полон планов атаки и всевозможных предположений: если афаки не отступят после первого натиска, отступить ли ему, чтобы затем напасть вновь, когда они рассредоточатся для осады, или же...

Он поднялся по ступеням, минуя чернокожих сотников, принимавших королевские распоряжения, и поклонился.

— Государи... — начал он.

Внезапный вопль не дал ему договорить. Аския вскочил на помост и, тыча пальцем в Эмерика, стал кричать королям:

— Это он! Он! Человек, который убил бога! Он убил одного из моих богов!

Негры в изумлении уставились на Эмерика. Белки глаз зловеще засверкали. На лицах был написан страх и недоумение. Как мог обычный человек убить божество? Тогда он и сам должен быть богом!

— Я требую самого жестокого наказания за святотатство! — продолжал надирать Аския. — Убийца Олламонга и его девка поплатятся за то, что сотворили! Я подвергну их пыткам столь мучительным, каких еще не видело небо...

— Заткнись! — воскликнул Конан. — Эмерик правильно сделал, что расправился с газальской нечистью, мир от этого стал только почище. А теперь пошел вон! У нас и без того дел хватает.

— Но, Конан, — начал Сакумбе.

— Эти белолицые демоны всегда стоят друг за дружку! — взвизгнул Аския. — Или ты не король больше, Сакумбе? А если король, так прикажи, чтобы их схватили и повязали! Я сам расправлюсь с ними.

— Ну... — Сакумбе был в смятении.

— Послушай! — не выдержал Конан. — Раз в Газале не правит больше этот божок, значит, можно захватить город, заставить жителей работать на нас, использовать их знания. Но сперва уберу от меня этого бесноватого, пока я не испробовал на нем остроту клинка!

— Я требую... — выкрикнул Аския.

— Пошел прочь! — взревел киммериец. — Клянусь Кромом, неужто ты думаешь, я отдам старого товарища по оружию на растерзание безумцу?!

Сакумбе наконец приподнялся на троне.

— Ступай, Аския, — повелел он. — Эмерик — добрый воин, и ты его не получишь. Придумай лучше какое-нибудь колдовство, чтобы одолеть Зехбеа.

— Но я...

— Ступай, — повторил король, делая повелительный жест.

От ярости у Аския на губах выступила пена.

— Хорошо же, я уйду! — выкрикнул он пронзительно. — Но вы двое обо мне еще услышите! — И колдун ринулся прочь.

Эмерик продолжил свой доклад о состоянии конницы. Их постоянно прерывали то гонцы, сновавшие туда-сюда, то явившиеся за распоряжениями сотники, и потому прошло немало времени, прежде чем аквилонец смог изложить королю свой план. Конан сделал пару поправок и заметил:

— По-моему, неплохо, а, Сакумбе?

— Если тебе этот план по душе, брат король, значит, он и вправду хорош. Ступай, Эмерик, и собирай конницу... Ай-е-е-е-е! — Ужасающий вопль вырвался вдруг из глотки Сакумбе, глаза вылезли у него из орбит. Он встал с трона, хватаясь за горло. — Я горю! Горю! Помогите!

Нечто страшное творилось с телом Сакумбе. Хотя не было заметно и следов огня, не было ощущения жара, но чернокожий и впрямь горел, не хуже чем если бы его привязали к столбу и разожгли костер. Кожа его покрывалась волдырями, затем обуглилась и потрескалась, и вонь горящей плоти наполнила воздух.

— Лейте на него воду! — закричал Эмерик. — Или вино! Что есть под рукой!

Истошные крики рвались из глотки черного короля. Кто-то плеснул на него водой, раздалось шипение, но крики тут же возобновились.

— Кром и Иштар! — выругался Конан, в ярости озираясь по сторонам. — Надо мне было прибить этого пляшущего демона, не давать ему уйти!

Вопли понемногу прекратились. Останки короля — обуглившийся, искореженный остов, в котором не осталось ничего от Сакумбе, — лежал на помосте в луже расплавленного человеческого жира. Часть сотников в панике бежала, другие рухнули ниц, взывая к многочисленным богам.

Конан схватил Эмерика за запястье с такой силой, что едва не сломал ему руку.

— Надо уходить отсюда, скорее! — вымолвил он негромким напряженным голосом. — Пойдем!

Эмерик не сомневался, что Конан трезво оценивает опасность, которой они подвергались. Вслед за киммерийцем он спустился с помоста. На площади царило

всеобщее смятение. Украшенные перьями воины кричали и размахивали руками. То и дело вспыхивали драки.

— Умри, убийца Кордофо! — Пронзительный голос на миг заглушил гомон.

Высокий смуглокожий воин подскочил к Конану, занося для удара короткое копье. Лишь быстрота и ловкость спасла варвара. Киммериец развернулся, пригнулся, и смертоносное копье пролетело над ним, совсем рядом с головой Эмерика, и вонзилось в грудь другого воина.

Нападающий потянулся за вторым копьем, но не успел он метнуть его, как меч Конана вылетел из ножен, блеснул алым в отблесках костра, и нашел цель. Негр рухнул наземь с рассеченной грудной клеткой.

— Беги! — выкрикнул Конан.

Эмерик бросился бежать, расталкивая мятущуюся толпу на площади. Кто-то кричал им вслед, кто-то пытался задержать, кто-то бросился в погоню.

Задыхаясь, на подкашивающихся ногах, Эмерик с трудом поспевал за киммерийцем, углубившимся в лабиринт темных улочек. Позади звуки погони доносились все громче. Переулок, по которому они бежали, совсем сузился. Повернув за угол, Конан внезапно исчез.

— Сюда! Скорее! — донесся до Эмерика его голос. Оказалось, он укрылся в крохотном проеме между домами. Эмерик скользнул следом и застыл, пытаясь отдышаться, в то время как преследователи с топотом и криками пронеслись мимо.

— Родичи Кордофо, — пробормотал киммериец во тьме. — Они точили на меня зуб еще с тех пор, как Сакумбе разделался с ним.

— И что теперь? — спросил Эмерик.

Конан поднял голову, вглядываясь в узкую полосу ночного неба у них над головой.

— Думаю, мы сможем забраться на крышу, — промолвил он наконец.

— Как?

— Так же, как я взбирался по расселинам в скалах, когда был ребенком. Еще в Киммерии. А ну-ка, держи копье.

Конан протянул Эмерику оружие, и аквилонец догадался, что варвар взял его у убитого им воина. У копья был длинный узкий наконечник в локоть длиной, из

мягкой стали, зазубренный к концу. Тонкий стальной отрог под рукоятью уравнивал оружие.

Негромко крикнув, Конан уперся спиной в одну стену, ногами в другую и потихоньку стал карабкаться вверх. Вскоре сверху донесся его голос:

— Давай сюда копье и подымайся сам.

Эмерик протянул оружие и полез наверх. Крыши были сложены из деревянных брусьев, густо уложенных пальмовыми листьями, а поверх — слоем глины. Порой глина под ногами у них слегка поддавалась, и снизу слышно было, как трещат перекрытия.

Вслед за Конаном Эмерик прошел по крышам, перескакивая через проемы между ними. Наконец они приблизились к большому строению на краю площади.

— Мне нужно вернуться за Лиссой! — взмолился Эмерик в тревоге.

— Не все сразу, — проворчал Конан. — Сперва надо выяснить, что происходит.

Смятение на площади слегка улеглось, сотники вновь выстраивали солдат в шеренги. На помосте перед двумя тронами стоял Аския в полном шаманском облачении и что-то говорил. Слов Эмерик не расслышал, но был уверен, что тот вещает жителям Томбалку о том, каким он станет хорошим королем.

Шум слева привлек внимание аквилонца. Сперва это был лишь шепот, не громче гула на площади, но вскоре он перерос в оглушительный гомон. Человек, выбежавший на площадь, прокричал Аскии:

— Афаки атакуют восточную стену!

И вновь воцарился хаос. Загрохотали барабаны. Аския принялся отдавать приказы направо и налево. Отряд черных копьеносцев устремился с площади. Конан обернулся к Эмерику.

— Нам нужно выбираться из Томбалку. Какая бы сторона ни одержала победу, они все равно сдерут с нас шкуру. Прав был Сакумбе, эти люди никогда не пойдут за белым человеком. Беги к себе домой, к Лиссе, и готовьтесь бежать. Натрите руки и лицо золой из очага, чтобы белая кожа не бросалась в глаза в темноте. Бери все деньги, сколько найдешь. А я пока раздобуду лошадей. Если поторопимся, выйдем к воротам, прежде чем их закроют. Надо успеть до того, как Зехбех начнет осаждать

город. Только прежде, чем мы уйдем, мне нужно еще кое-что сделать.

Конан уставился вдаль, туда, где перед помостом на площади теснились ряды чернокожих воинов, внимавших воплям обезумевшего Аскии. И поднял копье.

— Далековато, но думаю, что смогу, — проворчал он.

Киммериец медленно отошел к дальнему концу крыши, затем побежал к краю, выходявшему на площадь. Не добежав несколько шагов, он размахнулся и мощным броском послал копье вперед. Снаряд растворился во тьме. Три удара сердца Эмерик стоял, застыв в напряженном ожидании.

Аския внезапно вскрикнул и пошатнулся, ухватившись за копье, торчавшее у него из груди, затем судорожно замолотил руками по воздуху. Когда колдун осел на землю, Конан прорычал:

— Скорее!

Эмерик бросился бежать, перепрыгивая с крыши на крышу. С востока до них донесся шум битвы, перемежаемый звоном стали, боем барабанов и отчаянными воплями воинов.

* * *

Время близилось к полуночи, когда Эмерик, Лисса и Конан остановили лошадей на вершине холма в миле к западу от Томбалку. Они оглянулись на город, озаренный заревом пожарища. Огонь пришел с востока, там, где афаки проломили городскую стену и схлестнулись в битве с чернокожими копейщиками. Хотя негры значительно превосходили врага числом, у них не было вождя, что мог бы повести их в бой, и потому весь их воинский пыл и отвага пропали втуне. Афаки теснили чернокожих, а пожар тем временем разрастался, охватывая город.

До всадников же шум битвы почти не доносился. Конан хмыкнул.

— Вот и нет больше Томбалку! Не знаю, кто из них победит, но нам придется поискать счастья в другом месте. Я лично двинусь на побережье Куша. У меня там остались друзья — правда, и враги тоже, — и сяду на корабль в Аргос. А вы?

— Пока не думал об этом, — отозвался Эмерик.

— Девочка у тебя славная. — Конан ухмыльнулся. Лунный свет блеснул на зубах, неестественно ярких на фоне измазанной сажей кожи. — Не можешь же ты таскать ее за собой по всему свету.

Эмерик ощерился, почуяв насмешку в словах Конана. Он притянул Лиссу к себе и обнял за талию, свободную руку демонстративно опуская на рукоять меча. Конан усмехнулся еще шире.

— Не бойся, — бросил он, — у меня никогда не было такой нужды в женщинах, чтобы отбивать их у друзей. Если вы вдвоем отправитесь со мной, то сможете вернуться в Аквилонию.

— Я не могу вернуться в Аквилонию, — ответил Эмерик с грустью.

— Почему нет?

— Мой отец погиб с стычке с графом Терентием, любимцем короля Вилера, и всем нашим родичам пришлось отправиться в изгнание, чтобы подручные Терентия не расправились и с нами.

— А ты разве не слышал? — удивился Конан. — Вилер умер полгода назад, и теперь королем стал Нумедидес, его племянник. Говорят, он дал отставку всем прихлебателям прежнего короля и призвал на родину изгнанников. Я это слышал от шемитского купца. На твоём месте я бы поспешил домой. Новый король наверняка найдет для тебя теплое местечко. Забирай с собой Лиссу, сделаешь ее графиней! А я опять выйду в море.

Эмерик обернулся, глядя на зарево пожара, поглотившего Томбалку.

— Конан, — спросил он, — но почему Аския убил Сакумбе, а не нас с тобой? Ведь это наша шкура была ему нужна.

Конан повел мощными плечами.

— Может, у него были обрезки ногтей и все прочее только Сакумбе, а не наши. И он вызвал те чары, какие смог. Никогда не мог понять колдунов.

— А стоило ли задерживаться в городе, чтобы его убить? Ведь его прикончили бы и без нас... Все же был очень большой риск!

Конан в недоумении воззрился на аквилонца.

— Ты что, шутишь, Эмерик? Чтобы я оставил смерть товарища неотомщенной? Сакумбе, этот толстый черный

плут, был моим другом. И пусть к старости он стал жирным и ленивым, но он был куда лучше многих белых, с кем мне приходилось иметь дело. — Киммериец шумно вздохнул и покачал головой, как лев встряхивает гривой. — Ладно! Он умер, а мы еще живы. И если хотим и дальше оставаться в живых, пора нам трогаться в путь, пока Зехбех не выслал за нами погоню. Поехали!

Трое всадников спустились по песчаному склону холма и рысью двинулись к западу.

СОДЕРЖАНИЕ

Клайв Леннард

Источник Судеб

Часть 1

КАПИЩЕ ТРЕГЛАВА

Глава 1. Зов Перакраса	7
Глава 2. Дарамулун	13
Глава 3. Склеп	23
Глава 4. Корабль с севера	31

Часть 2

СТЕНЫ ТУРНА

Глава 5. Королевская охота	40
Глава 6. Жрец и Магистр	53
Глава 7. Подземный ход	64
Глава 8. Пленных не брать!	77
Глава 9. Снова Сихаскхуа	92
Глава 10. Божий суд	104
Глава 11. Огонь с небес	122
Глава 12. Сила Нергала	141
Глава 13. Двойник	158

Часть 3

БОЛЬШИЕ БЕГА

Глава 14. Кордава	177
Глава 15. Место силы	194
Глава 16. Заклад	213
Глава 17. Рабский ошейник	232
Глава 18. Бегство	249
Глава 19. Крылья Вакаты	266

Часть 4

НОЖ ДИВИАТРИКСА

Глава 20. Поляна Вяза	288
Глава 21. В горне пылает огонь	306
Глава 22. Глаз Тайфуна	321
Глава 23. Железный корабль	337
Глава 24. Нож Дивиатрикса	350
Глава 25. Кольцо времени	370

<i>Майкл Мэнсон</i> Корабль за облаками	393
<i>Роберт Говард</i> Барабаны Томбалку	431

Клайв Леннард, Майкл Мэнсон

КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Андрей Арискин*
Технический редактор *Сергей Арефьев*
Корректор *Нина Натарова*

Издательство «Троль».
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Для писем:
197110, г. Санкт-Петербург, а/я 171.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.
Сдано в набор 22.07.96. Подписано в печать 29.07.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Тираж 36 000 экз. Заказ № 1946.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

объявляет конкурс
на лучший роман
в жанре

«ФЭНТЕЗИ»

И

«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»

С победителями будет заключен долгосрочный
контракт и выплачена премия:

ПЕРВОЕ МЕСТО — 2000 \$
ВТОРОЕ МЕСТО — 1000 \$
ТРЕТЬЕ МЕСТО — 500 \$

Минимальный объем рукописей 18 а.л.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Присылайте работы по адресу:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
или электронной почте:

sevzap @ infopro. spb. su

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

**Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии**

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

197110

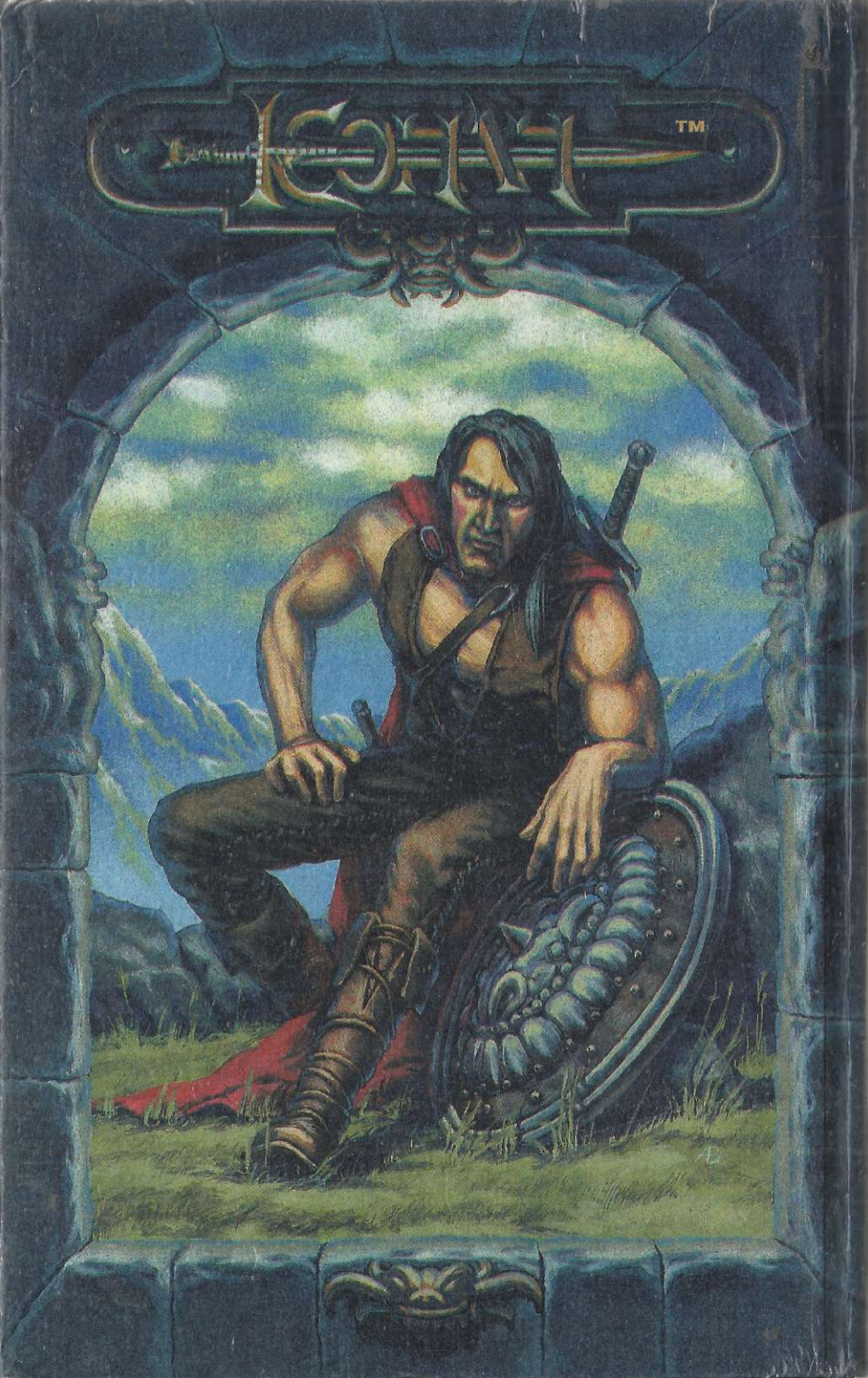
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте :

sevzap @ infopro.spb.su

Barbarian

TM